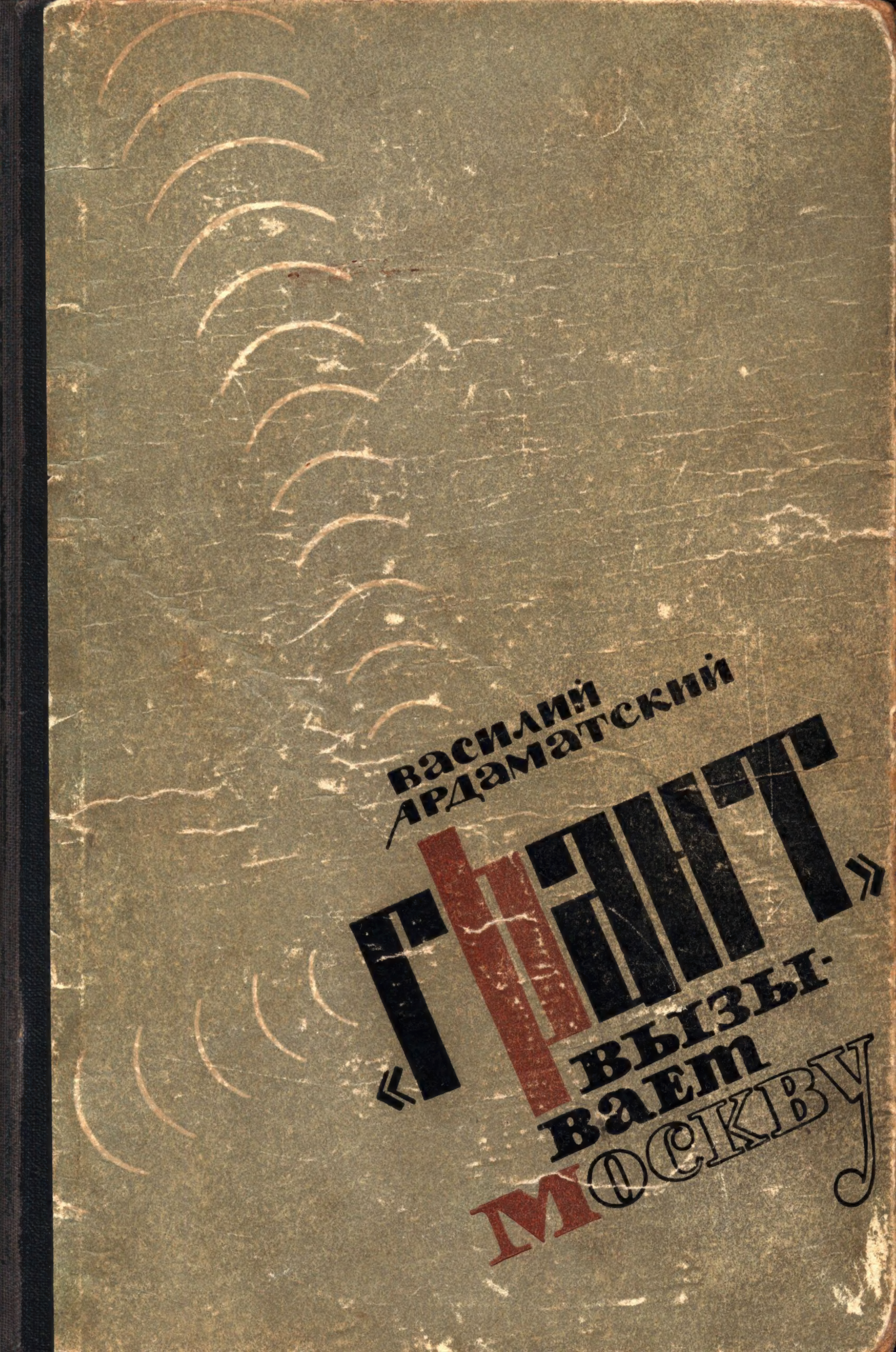

Василий Ардаматский
«Грант» вызывает Москву

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“. 1965

КИЕВСКАЯ КНИЖНАЯ ФАБРИКА

Петр Луценко, ставший одним из героев этой повести, сказал мне:

«В общем работа была как работа. Нужно было только привыкнуть, что смерть — рядом. Все время — рядом...»

НЕ ОПОЗДАТЬ!

Глава 1

Только бы не опоздать! Эта мысль гнала Игоря Шрагина на юг, к Черному морю, в город, который не сегодня-завтра мог быть захвачен гитлеровцами. Ему нужно было оказаться там хотя бы на час раньше...

О том, что он назначен руководителем разведывательно-диверсионной группы, Шрагину сказали только две недели назад. Неделя ушла на разработку легенды, по которой он должен был появиться и жить в том южном городе. Легенда получилась очень сложной, для ее подтверждения нужно было изготовить более десятка документов. И кончилось тем, что ему оставили его настоящую биографию, заменив только имя и выбросив из нее, что он коммунист и последние годы работал в органах государственной безопасности.

Уже можно было выехать, но возникло осложнение. Люди его группы отправились на место прямо из Ленинграда, где все они учились в спецшколе, и целую неделю о них не было никаких сведений. В южном направлении транспорт работал с перебоями, станции часто подвергались бомбардировкам, и можно было предполагать что угодно. Но выезжать без подтверждения, что группа добралась до места работы, было бессмысленно. В ожидании известий прошло еще четыре дня. Одно хорошо — он получил возможность побыть с женой и с месячным сынишкой и сам отправил их к родственникам на Урал. Только вчера Шрагин с ними расстался, а сегодня он тоже в пути...

Старенькая дребезжащая «эмка» показывала чудеса. Шофер говорил: «Машина-то нашенская, понимает что к чему...» Почти до самого Брянска мчались со скоростью сто километров в час. Когда до города было уже рукой подать, уставший шофер не заметил впереди развороченное бомбежкой шоссе и поздно затормозил. «Эмка» нырнула в яму, оттуда ее вышвырнуло через кювет в кусты, и там она еще долго прыгала, пока не завалилась на бок... Удивительно, конечно, но ни Шрагин, ни шофер не пострадали. А «эмка» окончательно вышла из строя.

Пришлось воспользоваться оказией. Это был небольшой санитарный автобус, в который набилось полным-полно народу. Сидели даже на полу.

Все это были военные люди, им тоже срочно нужно было попасть в Киев.

На рассвете где-то за районным городком Красная Слобода шофер резко затормозил. Дремавшие люди попадали со скамеек. Шрагин больно ударился головой о чей-то чемодан. Сон слетел мгновенно.

Путь преграждала толпа вооруженных людей в штатском. Высокий мужчина в короткой, не по росту, милицейской шинели стоял перед автобусом, растопырив руки. Шрагин вспомнил рассказы о вражеских десантниках в милицейской форме и, переложив пистолет в карман пиджака, выскочил из автобуса. Вслед за ним вышли еще несколько военных.

— Что случилось? — спросил Шрагин, вглядываясь в изможденное и давно не бритое лицо человека в милицейской шинели.

— Да вот не знаем, что с немцем делать, — возбужденно ответил он.

— Что за немец?

— Да вот... — Человек в шинели показал на лежавшего ничком у кювета немецкого солдата, на сером его кителе возле левого плеча расплылось кровавое пятно.

Оказывается, ночью здесь с самолета была сброшена группа диверсантов. Местная истребительная рота вступила с ними в бой и перебила их. Один десантник пытался спрятаться в кустах, но его нашли. Тогда он решил застрелиться, но ему помешали, и рана казалась не смертельной.

— Может, захватите его с собой? — спросил человек в шинели.

Среди пассажиров автобуса оказался военный врач, он подошел к немцу, перевернул его на спину и склонился над ним.

— Нечего беспокоиться, — сказал врач, выпрямляясь. — Он уже готов.

— Ну и ладно, — сразу успокоился человек в шинели. — Баба с возу — коню легче. Извините, что задержали вас.

— Документы убитых взяли? — спросил Шрагин.

— Мы, товарищ, потерь не имеем, — почти обиделся человек в шинели.

— Я про немцев.

— А? Недосуг было... Они ж раскиданы по всему оврагу — кто где.

Шрагин подошел к мертвому немцу и вынул из его карманов бумаги.

Автобус продолжал путь.

Шрагин просматривал документы и бумаги десантника. По солдатской книжке пленного получалось, что он, Вальтер Гейвиц, был солдатом танковой дивизии. Но почему тогда он прыгал с парашютом? «Очевидно, у них в танковых частях есть и такие подразделения», — решил Шрагин. С потрепанной фотографии улыбалась молодая женщина, державшая на руках маленькую девочку. На обороте фотографии надпись: «Вальтер, это мы без тебя и с тобой. Жду. Мара. Дортмунд, 1940 г.».

Шрагин рассматривал фотографию, но думал уже о своей Ольге и о сынишке, к которому он даже не успел привыкнуть. Старался представить себе его физиономию и не мог. Ясно помнился только его неистовый крик по ночам, переходящий в сладкое урчанье, когда Ольга давала ему грудь. «Сейчас они, как и я, в дороге, и мы уезжаем друг от друга все дальше и дальше», — тоскливо подумал он.

Спрятав фотокарточку немки в карман, он развернул письмо. Оно пахло духами. Письмо из Дортмунда и подпись уже знакомая — Мара.

«Вальтер, Вальтер, мне грустно, конечно, но долг выше всего...» Странно, но эта строчка из письма стала как бы продолжением собственных мыслей Шрагина, это его и разозлило и озадачило. «Раз война, мужчинам — мечи, а нам — ожидание, тревоги и, конечно, заботы об армии, — читал он дальше. — Но я спокойна, Вальтер, я знаю, ради чего я жду, так как я знаю, чего хочет для всех нас наш фюрер. А когда план вождя становится надеждой всех женщин страны — горе врагу. И я не боюсь России. Раз фюрер сказал, она будет поставлена на колени, а Германия возвысится над всем миром непобедимым колоссом. Верной фюреру я выращу и нашу Кити, вот увидишь, Вальтер. Сейчас она спит. Я только что подходила к ней — она во сне улыбнулась, наверное, своему счастью, что она маленькая немка вечной и великой Германии. Кончай поскорее с Россией и возвращайся к нам. Прижимаюсь к тебе, люблю навеки. Твоя Мара...»

Шрагину хотелось наотмашь обругать эту сверхидейную немку, и в то же время что-то заставляло его серьезно думать о ней, и о том, что она писала, и об ее Вальтере, который остался лежать у кювета, и о той совсем маленькой немке, которая улыбается во сне... Ведь это было первым непосредственным знакомством Шрагина с врагом.

В Киеве было решено, что дальше Шрагин поедет по

Днепру на пароходе: по мнению киевских товарищей, этот способ передвижения сейчас был самым надежным. Кроме того, для Шрагина крайне важно попасть в город обычным гражданским путем и вместе с другими случайными людьми.

Когда Шрагин прибежал на пристань, трап был уже убран, и ему пришлось прыгнуть через метровый просвет. Он прошел на мостик к капитану — коренастому старику с желтыми, прокуренными усами, фиолетовым носом и выцветшими глазами.

— Примоститься где-нибудь можно? — спросил Шрагин.

Капитан, не отвечая, посмотрел в небо и крикнул в переговорную трубку:

— Убери сопли!

Тотчас дым перестал валить из пароходной трубы.

— Ну-ка, сойдите с мостика, — сказал капитан, вглядываясь в небо, откуда чуть доносилось звенящее завывание моторов.

Послышался быстро нараставший свистящий вой, и метрах в ста от парохода реку вспучило, вскинуло кверху огромным водяным кустом. Шрагин почувствовал тупой удар в грудь, который отшвырнул его в угол капитанского мостика.

— Говорил — уходите, — ворчливо сказал капитан, продолжая смотреть в небо.

Пароход назывался «Партизан Железняк». В этом допотопном суденышке с хлюпающими по воде плицами колес, с утробно громыхающими и трясущими весь пароход машинами была какая-то спокойная домовитость и надежность.

Отыскивая, где бы притулиться на ночь, Шрагин ходил среди спящих и еще бодрствующих пассажиров, шагал через чемоданы, котомки, поражаясь тому, как быстро люди обживаются в любых условиях. В конце концов он нашел местечко на корме и сел на палубу между мешками и узлами. Рядом располагалась целая семья: отец, мать, трое детишек дошкольного возраста и сухонькая старушка, которую ребята звали бабусей. Сгрудившись у чемодана, они ужинали. Бабуся хозяйничала, как дома: аккуратно резала хлеб, поровну делила мясо, жалела, что не купила черного хлеба, одергивала ребят и успевала еще певучим голосом рассказывать про какую-то Клавдию Анисимовну, которой все как с гуся вода...

Шрагин почувствовал, что он голоден: со вчерашнего

вечера он ничего не ел, и не было даже минуты подумать о продуктах на дорогу.

— Молодой человек, у вас що, нечего поснедать? — услышал он певучий голосок бабуси.

— Ничего, спасибо, — отозвался невпопад Шрагин: ему еще никто ничего не предлагал.

— Ничего — это ничего, а ты на-ка возьми мясца домашнего.

— Снежко Павел Ильич, — как-то по-старомодному представился Шрагину глава семьи. И весь вид его тоже был старомодным. Такими показывают в кино дореволюционных рабочих. На нем был добротный синий костюм, но брюки были заправлены в сапоги. Горло высоко обхватывал застегнутый на белые пуговички ворот русской косоворотки, синей в полосочку, и, наконец, у него были пушистые усы. Он возвращался из отпуска в тот же город, куда стремился и Шрагин. Мало того, он работал на том судостроительном заводе, на который, если все сойдет, как задумано, должен устроиться Шрагин. Поистине это было счастливым началом операции.

— Черт нас попутал, — рассказывал Павел Ильич неторопливо и чуть окая. — Поехал отдохнуть к моему брату под Москву, и теперь уже сколько времени прорываемся обратно до дому. А вы чего и как?

— Да вот получил не ко времени перевод на ваш завод, — ответил Шрагин.

— Почему не ко времени?

— А вдруг немцы займут ваш город?

Снежко прожевал мясо, запил водой и совершенно спокойно сказал:

— Займут не займут — на все воля божья. Немец, конечно, супостат и зверь в образе человека, но нам-то что, мы в кумовья ему не полезем. Он сам по себе, а мы сами по себе. К рабочей чести, коль она есть, никакая грязь не пристанет.

Шрагин слушал его пораженный, но продолжал думать о том, что именно такое знакомство и может ему пригодиться.

— Ты у нас блаженненький, тебе всюду рай, — сказала до того молчавшая жена Снежко, крупная красивая женщина, она поглаживала лежавшую у нее на коленях головку уснувшего сына.

— А тебе везде один ад мерещится, — с запалом сказала ей бабуся. — Поехали к Андрею — там тебе лихо. Теперь

домой едем — и все равно ты Павла пилишь. Сам бог не ведает, где тебе хорошо.

— Не будем, мамо, на людях считаться, — тихо произнесла жена Снежко и с тяжелым вздохом добавила: — За детей мне страшно, вот что.

— А мне, думаешь, не страшно? — живо возразила бабуся, но жена Снежко промолчала, и разговор надолго прервался.

Потом Павел Ильич спросил Шрагина:

— Вы по какой специальности будете?

— Инженер по механике. После института два года работал в Ленинграде, на Балтийском. И вот получилось, что перевели к вам. С начальством я не ладил, а оно, как известно, таких не любит...

Снежко сочувственно засмеялся:

— Начальство все может. У нас мастер был, Савельев. Руки — золото, а нрав неспокойный. Чуть что, в газету строчит или на собрании речь держит. Сам директор завода по его милости выговор схлопотал. И тогда начальство расставило ему хитрую ловушку. Все недовольны были нашим отделом кадров: брал он на работу кого попало. Про это и в газете написали. Тогда начальники наши взяли и поставили на кадры Савельева — дескать, кто же лучше его, старого партийца, все, как надо, соблюдет с кадрами? Савельеву и деться некуда. Сел он на кадры, и теперь все шишки на него валятся, а ему и рта раскрыть нельзя. Хитро!..

Между тем пароход плыл уже в непроглядной летней ночи. Ничего вокруг не видно, только вверху звезды переливаются — ни дать ни взять плывет пароход прямо по этому звездному морю.

Бабуся и жена Снежко уже спали, привалившись к своим узлам. Возле них пристроились ребята. Стал устраиваться и Снежко и вскоре захрапел с легким посвистом...

На рассвете Шрагин поднялся на капитанский мостик.

— Как спали? — спросил его капитан.

— Нормально, — ответил Шрагин, глядя на тихий Днепр в нежном рассвете, на его берега, где косматые ивы полоскали в воде свои длинные ветви. — Красиво! — тихо произнес он.

— Мне приелось, — отозвался капитан. — Двадцатый год хожу тут взад-вперед без остановки.

— Трудно поверить, что кругом война.

— Трудно? — спросил капитан. Он показал на воду, там,

на водной гряде, бегущей от носа парохода, что-то качалось. Это был труп женщины в веселеньком желтом платье из ситца...

В полдень немецкий самолет на небольшой высоте пролетел над пароходом и скрылся за противоположным берегом.

— Воздух! Воздух! — закричал матрос, стоявший на носу парохода.

Когда раздались гудки и крик матроса, бабуся мелко и часто перекрестилась, прижала к себе ребятишек. Перекрестился и Павел Ильич Снежко. Он сделал это привычно, неторопливо, с сосредоточенным видом. В это время самолет снова появился над рекой. Он быстро приближался и когда был уже совсем близко, пароход резко развернулся поперек реки. Самолет с диким ревом промчался дальше. Две бомбы вскинули воду. Хлестнула воздушная волна, пароход сильно качнуло. Во время новой атаки летчик открыл огонь из пулеметов. Шрагин видел, как стремительно приближались вспоротые на воде пулями две сверкающие дорожки. Он затаил дыхание, напряг мышцы и непроизвольно закрыл глаза. Но капитан снова скомандовал крутой поворот, и только одна дорожка прошлась наискось по носу парохода. Там дико закричал раненый паренек лет шестнадцати. Пуля пробила ему руку выше локтя. Паренек с ужасом смотрел на свою рану, из которой хлестала кровь, и кричал...

Шрагин снова поднялся на мостик. Капитан как ни в чем не бывало стоял, опершись грудью на перила, и смотрел на проплывавший мимо берег. Шрагин хотел сказать этому славному старику какие-то слова благодарности, что-то сердечное, теплое, но сказал только:

— Здорово все получилось.

— Кому здорово, кому кровь, — не оборачиваясь, отозвался капитан и вдруг заговорил сиплым захлебывающимся голосом: — Что же это такое, скажите мне? Он же, сволочь, знает, видит, что посудина моя не военная, что набита она бабами, детьми, — знает, а бьет, бьет! Ведь я за последние два рейса тридцать семь покойников на берег сдал. Я их столько за всю свою жизнь не видел. А вы говорите — здорово. Как только язык у вас повернулся? Обрадовались, что сами живы остались? Нехорошо, дорогой товарищ, нехорошо!

Вечером прибыли в Днепропетровск. На затемненной пристани никого не было. Только матросы, которые приняли

причальные концы. Над городом качалось зарево большого пожара. Когда пароход прижался к причальной стенке и его машины остановились, наступила глухая тишина.

— С парохода никому не уходить! — объявил с мостика капитан.

— Это же наш конечный! — тревожно крикнул кто-то с кормы.

— Все равно без приказа не сходить, — громко повторил капитан. Вскоре он прошел мимо Шрагина к трапу — сутулый, в кургузом кителе и в мятой форменной фуражке. Потом на пароход поднялись две девушки в белых халатах. Они увели раненого паренька.

К Шрагину подошел Павел Ильич Снежко.

— Ищу вас, дело есть, — сказал он тихо и, оглянувшись по сторонам, продолжал еще тише: — Не сойти ли нам здесь? Люди говорят, что ниже по Днепру немец лютует, топит пароходы почем зря, а отсюда нам до нашего города каких-нибудь двести километров. Подхватим левачка, вместе и расплата будет легче, и как-никак в пути будет нас двое мужиков, а?

Шрагин сразу согласился.

Уже больше часа семья Снежко и с ними Шрагин сидели на узлах у ворот пристани. Павел Ильич ушел доставать машину, и теперь все с нетерпением ждали его. Больше всех нервничала жена Снежко.

— Не знаешь ты своего Пашку, не знаешь, — горестно корила ее свекровь. — Раз уж он сказал, значит сделает все как надо. Сиди и не тычь в глаза людям свое неверие...

Павел Ильич приехал на военной полуторке с солдатом-шофером и сильно подвыпившим старшиной. Все быстро разместились в кузове, и солдаты накрыли их брезентом.

— Пока я не постучу — молчите, — приказал старшина. — А как проскочим пропускной пункт на выезде из города, брезент можете снять.

Минут через двадцать машина остановилась. Шрагин услышал, как мальчишеский голос спросил:

— Что везешь?

— Спецгруз, а что именно, нам знать не дано, — ответил старшина.

Лучик фонарика скользнул по кузову грузовика.

— Кати, не загораживай!

Полуторка двинулась дальше. Спустя минут десять старшина, как обещал, постучал в окошечко из шоферской ка-

бины. Шрагин открыл брезент. Над ними распахнулось все то же черное спокойное небо, усыпанное уже по-южному крупными и яркими звездами.

Глава 2

Все получилось наилучшим образом. Снежко сам пригласил Шрагина на первое время остановиться у них. Хозяев он никак не стеснил: в добротном доме Снежко было пять комнат, не считая кухни.

Побрившись с дороги и позавтракав, Шрагин вместе с Павлом Ильичом пошел на завод. Улицы города выглядели тревожно. Много военных машин. На перекрестке в садике из траншей торчали жерла зенитных орудий. Стоявший возле них солдат, сдвинув каску на затылок, в бинокль оглядывал небо. На окнах белые кресты из бумажных лент — наивный способ уберечь стекла, когда рушатся дома. Двухэтажный каменный дом бомба разворотила на три стороны. Осталась только одна стена — вся в квадратах разноцветных обоев.

— Тут жил один адвокат, — с непонятной усмешкой сказал Снежко, показывая на развалины. — Очень плохой человек. Когда я судился за мой дом, он хотел меня по миру пустить, а, глядишь, сам все потерял. Бог, он все видит и шельму метит.

По пути на завод они встречали людей, которые знали Снежко, здоровались с ним.

— Здравствуйте, здравствуйте... — отвечал он то снисходительно, то приветливо, а то и иронически.

— Я гляжу, вас весь город знает, — сказал Шрагин.

— Ничего удивительного, — с достоинством сказал Снежко. — Я тут родился, вырос, человеком стал. А только знакомство знакомству не пара. Вот давеча низко кланялся мне старичок, сухопарый такой, в кепочке. У меня с ним свара была на заводе. Он тогда еще не вышедши был на пенсию, в активистах ходил. Сейчас он первый раз за последние два года откланялся. Я вот все думаю, с чего бы это он вдруг признал меня?

«Я-то знаю, почему он тебя признал», — подумал Шрагин, еще раз убеждаясь, как хорошо может пригодиться ему знакомство с Павлом Ильичом, который, конечно, не покинет город.

— Будем жить, как бог присудит, — сказал тот за завтраком. — А потом немца нам рисовать не надо, у нас

немецких колонистов испокон веков полный город. И скажу вам: ничего люди, а есть кое-кто и почище наших.

Шрагин знал, что в этом городе живет много немецких семей, поселившихся здесь с незапамятных времен. Квартира, в которой для него должны были подготовить комнату, принадлежала как раз такой семье.

— А как же вы... если что? — спросил Снежко. Шрагин вопросительно смотрел на него. — Ну, если немец сюда придет...

— Еще не знаю, — беспечно ответил Шрагин. — Сейчас главное для меня — проявить дисциплину: раз меня сюда перевели, я — здесь. И готов выполнить любое распоряжение.

— Могут на вас и шинельку напялить, — усмехнулся Снежко.

— Все же я специалист.

— Это да, — согласился Снежко. — А только для наших вы человек пришлый, а вокруг туча свояков да шуринов, которым броня нужна.

— Поглядим — увидим, — все с той же беспечностью отозвался Шрагин.

Снежко прошел на завод, а Шрагин направился в стоявшее рядом с проходной здание и вскоре уже сидел в кабинете заведующего кадрами завода — того самого Савельева, о котором ему рассказывал Снежко. Это был усталый и нервный человек, с первой же минуты заговоривший с ним раздраженно и грубо. Швырнув на стол бумаги Шрагина, он воскликнул:

— Болваны! Тупые болваны!

— Кто? — удивленно спросил Шрагин.

— В том числе и вы, раз вы не понимаете, что только неизлечимые болваны могли в такое время затеять переброску кадров через всю страну, а главное — куда?

— Вам не нужны инженеры?

— Знаете, кто нам сейчас нужен? — почти закричал Савельев, но остановился и снова стал смотреть бумаги. Вдруг он удивленно уставился на Шрагина. — Глядите, оказывается, перевод по вашему желанию?

— Я был вынужден подать такое заявление.

— Вынужден не вынужден, это не главное. Но, может, вы мне все-таки объясните, почему у вас вспыхнуло желание поехать в город, который не сегодня-завтра окажется в руках врага?

— Я просил бы вас свои провокационные мысли оставить при себе, — зло сказал Шрагин, глядя в красные, вос-

паленные глаза Савельева. — В документах ясно сказано, что мое заявление подано больше чем за месяц до войны, и не моя вина, что наркомат затянул решение. И наконец, зря вы берете на себя роль пророка и позволяете себе назначать сроки сдачи врагу советских городов.

— Вы, очевидно, не знаете, где сейчас немцы, — устало произнес Савельев.

— Зато я знаю, где завод, на котором я могу пригодиться хотя бы для того, чтобы, уходя, взорвать его, — сказал Шрагин.

— Может, вам лучше сначала сходить в горком партии? — с плохо скрытой злорадной надеждой спросил Савельев.

— Я понимаю, на что вы рассчитываете, — сказал Шрагин. — Однако война не отменила порядка, который установили не мы с вами. Отдайте обо мне, как положено, приказ, и я пойду в горком.

Савельев ожесточенно нажал лежавшую на столе кнопку звонка. В кабинет вошла пожилая женщина в строгом черном костюме и солдатских сапогах.

— Анна Гавриловна, напечатайте приказ о назначении данного товарища на вакантную должность инженера в отдел главного технолога. Вот его документы. — Савельев протянул ей бумаги, смотря на нее так, словно он приглашал ее подивиться вместе с ним происходящему.

— Когда вам дать приказ? — невозмутимо спросила женщина.

— Сейчас, — выдохнул Савельев.

Женщина уже давно ушла, а Савельев все еще смотрел остановившимися глазами на то место, где она только что была, и молчал. Шрагин тоже молчал. И вдруг Савельев, тяжело вздохнув, перевел взгляд на Шрагина и сказал тоскливо:

— До чего дело дошло... Кто бы мог подумать еще три месяца назад, а?

— Да, испытание выпало нам тяжелое, — в тон ему сказал Шрагин. — И сейчас очень опасно потерять власть над нервами.

— Черт возьми! — тихо воскликнул Савельев. — Но нельзя же и делать вид, будто ничего не происходит. Я же в этом городе родился, а этот завод — вся моя жизнь. Где мне занять нервов, где? Ползавода ушло на фронт, а я все ведаю кадрами. Воевать — это я понимаю... — проговорил

он так печально и без всякого наигрыша, что Шрагину стало жаль этого измученного человека.

— Ничего, ничего, войны хватит и на нас с вами, — сказал Шрагин.

Через несколько минут приказ был подписан. С 10 августа 1941 года Игорь Николаевич Шрагин, инженер-механик, обязан приступить к работе. Десятое — завтра.

Прямо с завода Шрагин пошел в областное управление НКВД. Он без труда нашел это здание, но вошел в него не сразу, минут тридцать выбирал момент, когда поблизости не будет прохожих.

Начальника управления на месте не оказалось, он еще ночью уехал в обком и когда вернется, никто не знал. Шрагина принял его заместитель подполковник Гамарин, который как раз и занимался первичной подготовкой шрагинской операции. Он был еще довольно молод, лет сорока, плотный, подтянутый, с широкими бровями на смуглом лице.

— Почему Москва с таким запозданием получила сообщение о прибытии моей группы? — спросил Шрагин.

— Пошлая накладка, — ответил подполковник. — Мы думали, что об этом сообщит сама группа, а они думали, что сделаем это мы.

Шрагину понравилось, что он не пытался ни выгораживать себя, ни обвинять других.

— Когда и где я могу увидеть своих людей? — спросил он.

— Мы соберем их, конечно, а вот когда, это сказать нелегко. Все они сейчас участвуют в чистке города, вылавливают всяческую сволочь.

— Кто разрешил использовать их для этого? — стараясь сохранить спокойствие, спросил Шрагин.

— В данной обстановке никто не мог допустить существования безработных чекистов, — раздраженно ответил подполковник.

— Но этим людям предстоит остаться здесь и действовать при немцах. Неужели вы не понимаете, что вы заранее поставили их под удар?

Гамарин спокойно улыбнулся одними уголками рта:

— Тех, кого они чистят, в городе не будет.

— Мне необходимо связаться с Москвой. — Шрагин встал и отошел к окну, давая понять Гамарину, что больше говорить с ним не намерен.

Подполковник соединился с кем-то по телефону.

— Как обстоит дело с Москвой? — спросил он все так

же спокойно. — А какие надежды?.. Спасибо... Связи с Москвой, товарищ Шрагин, мы не имеем уже вторые сутки...

Шрагин продолжал смотреть в окно на улицу, но он ничего там не видел. Он напряженно думал, как ему поступить. Если строго придерживаться стратегии и тактики порученного ему дела, он должен отказаться от использования присланных сюда людей. Но как тогда поступить самому? Немедленно уехать? Или остаться и создать группу из местных жителей?

— Телеграфная связь, надеюсь, есть? — Шрагин вернулся к столу Гамарина.

— Теоретически есть, — подполковник снова улыбнулся уголками тонкого рта, и это вызвало у Шрагина бешенство, которое ему нелегко было подавить. — Сегодня, например, мы получили из Москвы телеграмму, которая была отправлена...— Гамарин заглянул в бланк телеграммы, лежавшей перед ним, и добавил: — Пятого августа.

— А наша внутренняя связь по эфиру?

— Увы! — развел руками Гамарин. — В первую же бомбежку разбит наш приемо-передаточный центр. В исключительных случаях мы связывались через Одессу, но, например, сегодня утром Одесса не смогла дать нам связь.

— Вам было приказано Москвой подготовить для группы радиста. Это сделано? — спросил Шрагин, стараясь не смотреть на подполковника. — Или, может, он тоже участвует в облавах?

— Нет. Для этого он слишком одиозная фигура в городе. Он ждет вас на своей квартире...

Гамарин не договорил: шумно открылась дверь, и в кабинет вошел высокий тучный полковник. Швырнув планшет на диван, он снял фуражку и, выхватив из кармана большой носовой платок, начал вытирать потное лицо и бритую до блеска голову.

— Жарища! — произнес он, тяжело дыша. — Жарища во всех мыслимых смыслах.

— Это товарищ Шрагин, — сказал ему Гамарин поспешно, точно предупреждая, что в кабинете находится посторонний.

Рука полковника замерла с платком на бритой голове.

— Наконец-то прибыл! Здорово. Я — Бурмин. — Он перехватил платок левой рукой, крепко сжал руку Шрагина и, не выпуская ее, сказал: — Наверное, клянешь нас последними словами?

— Я просто не знаю, что делать.

— Понимаю, понимаю... — Полковник Бурмин сел в кресло напротив Шрагина. — Я ночью из обкома говорил по «ВЧ» с Москвой, наслушался всякого. — Он быстро повернулся к Гамарину. — Ну, как ты мог такое сморозить? Поместить этих людей в гостиницу, да еще по нашей броне, и вдобавок сунуть их в облаву!

— Я вам докладывал, — сухо произнес Гамарин.

— Застраховался? — Полковник Бурмин смотрел на Гамарина с откровенной насмешкой. — Будто ты не понимаешь, что̀ сейчас на моей шее. Тебе, тебе, Юрий Павлович, были поручены все эти дела, и ты обязан, обязан был все предусмотреть.

— Даже бог всего не мог предусмотреть, — глядя в сторону, сказал Гамарин.

— С тобой, Юрий Павлович, каши не поешь, ложка всегда у тебя, — устало сказал Бурмин и, тяжело поднявшись с кресла, кивнул Шрагину: — Идем ко мне.

В затемненном с ночи кабинете полковника кисло пахло табаком. Раздернув шторы и распахнув окно, полковник сел за стол. В кабинет врывался тревожный шум города.

— Ну, что ты на все это скажешь? — спросил полковник.

— Говорить поздно, надо решать. Группа фактически подорвана, ее нужно передать вам для ваших нужд.

— А ты сам?

— А мне надо уезжать... или остаться и создавать новую группу из коммунистов, которых здесь оставляют для подполья. Ваше мнение?

— Я доложил комиссару все как есть, — сказал полковник Бурмин. — Он обложил меня всячески и приказал немедленно исправить положение.

— Исправить? — изумленно спросил Шрагин. — Как?

— Комиссар сказал, что ты знаешь, как это сделать. Он только очень нервничал, что тебя еще нет...

Шрагин молчал. Он уже был спокоен, и его мозг работал с особенной четкостью. Так с ним бывало всегда, когда он оказывался перед лицом тяжелых обстоятельств.

— Век живи, век учись, — заговорил Бурмин. — Сам понимаешь, сколько сейчас на меня всякого свалилось. Решил, что этим делом должен заниматься человек, освобожденный от всего другого. — Полковник шумно передохнул и продолжал, будто прислушиваясь к шуму на улице: — И ведь прекрасный работник — четкий, дельный, поворотливый... Но, видно, только когда налаженное годами дело катится с горы. А в этих условиях оказался...

— Надо сейчас же отдать приказ, — перебил его Шрагин. — Моих людей снять с операции по чистке города. Сегодня же они должны быть переведены из гостиницы на частные квартиры. Это надо сделать ночью. Послезавтра утром собрать их...

Глава 3

Когда на другой день утром Шрагин вошел на территорию завода, он сразу понял, что делали небольшие группы людей — и штатских и военных — у силового цеха и немного поодаль, у стапелей, где возвышался стальной громадой недостроенный крейсер. «Минируют», — догадался Шрагин и вдруг с болью представил себе, как будут рушиться все эти сложные и так дорого стоящие сооружения и этот корабль-красавец... Ему вспомнилась первая студенческая практика на Балтийском заводе. Инженер, который знакомил студентов с заводом, повел их вдоль стапелей. На одном они увидели маленькие человеческие фигурки, копошившиеся на дне громадного котлована, — здесь будущее судно только зарождалось. На другом стапеле они уже видели контуры судна, растущие вверх, красиво выгнутые его бока, распертые стальными ребрами. На третьем стапеле уже настилали палубу, а на последнем был корабль, почти готовый к спуску. Он стоял наклонно, точно изготовившись к прыжку в море, и был удивительно красив — он весь был в сиянии голубых звезд электросварки... Да, человек, однажды видевший чудо рождения корабля, навсегда проникнется уважением к людям, которые это чудо совершают, сами того не замечая...

Главного технолога на заводе не оказалось. В зале перед его кабинетом за вздыбленными чертежными досками не было ни одного человека. Шрагин постоял в раздумье и пошел в дирекцию.

Просторная приемная директора была забита встревоженными людьми. Помощник директора — молодой парень с худым узким лицом и светлыми прямыми волосами — метался между телефонами и кричал в трубки одно и то же:

— Директор на объектах! Я ничего не знаю! Придет, тогда все выяснится!

— Вот приедет барин, барин все рассудит, — злобно сказал кто-то в толпе.

Шрагин пробился к помощнику директора и тихо спросил:

— Что здесь происходит?

— Что, что... Не прибыли грузовики на сборный пункт,

а там несколько сот человек: семьи, дети. Люди прибежали сюда. А что я могу сделать?

Зазвонил еще один телефон. Шрагин поднял трубку и услышал строгий голос:

— Кто со мной говорит?

— Инженер главного технолога Шрагин.

— Вы член партии?

Шрагин чуть не сказал «да», но, немного помедлив, ответил:

— Беспартийный.

— Ладно, все равно. Ваши машины по ошибке задержаны военной комендатурой. Ошибка исправлена. Там в комендатуре есть ваш человек, но он не знает, где сборный пункт. Немедленно звоните в комендатуру, наведите порядок. Скажите еще раз фамилию!

— Шрагин.

— Действуйте, товарищ Шрагин.

Шрагин сказал помощнику, чтобы он немедленно соединил его с военной комендатурой.

Приемная опустела, люди побежали на сборный пункт. Шрагин остался вдвоем с помощником.

— А самому мне что делать? — растерянно спросил парень. — Жена с грудным ребенком там, на сборном пункте, а я здесь.

— Беги на сборный пункт, я за тебя останусь. Как-нибудь справлюсь, — сказал Шрагин, не раздумывая.

Только парня и видели, даже спасибо не сказал.

Шрагин сел за стол. Он отвечал, как умел, на телефонные звонки, делал в книге аккуратные записи о каждом разговоре и сбоку ставил пометку: «Дежурный инженер Шрагин», — это потом может пригодиться.

Часа через два пришел директор.

— Переведи телефон на меня, — сказал он, проходя в кабинет и нисколько не удивляясь тому, как изменился его помощник. Он, наверное, просто не заметил, кто сидел за столом.

В приемной остались двое мужчин, которые пришли вместе с директором. Они тоже не обращали на Шрагина никакого внимания и, отойдя к окну, разговаривали о чем-то.

Зазвонил звонок где-то над дверью в кабинет, и Шрагин понял, что это вызывает директор. Когда он вошел, директор удивленно приподнял брови:

— Вам что?

— Вы звонили.
— Где помощник?
— Я за него. Он побежал на сборный пункт, там у него жена с грудным ребенком.
— Кто вы такой?
— Инженер из отдела главного технолога Шрагин.
— Шрагин? Что-то я вас не знаю.
— Я новенький, — улыбнулся Шрагин.
— Почему не уехали со своим отделом?
— Я только вчера оформился, ничего не знал.
— Как это вчера?
— Да так, переведен к вам с Балтийского.
— Переведен? Сейчас?!
— Да. Вот выписка из приказа.
Директор прочитал выписку, вернул ее Шрагину и вдруг рассмеялся:
— Канцелярия наша из железа — хоть потоп, а она свое дело крутит. Ну что же, действуй пока при мне. Признаться, я забыл о помощнике. Как тебя зовут?
— Игорь Николаевич.
— Так вот, Игорь Николаевич, сиди здесь на телефонах. Я опять пойду на территорию. Отовсюду буду тебе звонить, докладывай только о самом важном. Понял?
Директор ушел.
Шрагин невольно улыбнулся: здорово у него все складывается...

Когда время уже шло к вечеру, директор вернулся. С серым, мрачным лицом он подошел к Шрагину и, глядя на него отсутствующими глазами, сказал:
— Все. Смертный приговор вынесен, исполнение — по ситуации.
— Кому?
— Заводу вынесен приговор! Заводу! — закричал директор. Он был на грани истерики. — Сам все проверил! Каждый заряд. А я же все это сам строил! Сам! Понимаешь ты это?!
В кабинет вошли два офицера со знаками различия инженерных войск: капитан и лейтенант.
— Явились, убийцы, — мрачно усмехнулся директор. Казалось, он уже успокоился. — Здесь будете команду ждать?
— А где же еще?.. — отозвался капитан и сел на диван. Рядом с ним сел лейтенант.

— Я сейчас еду в горком, — сказал им директор. — Буду позванивать.

— Приказ я должен получить от полковника Стеблева, — строго уточнил капитан.

— Знаю, знаю, — раздраженно сказал директор. — Я такой приказ не смогу и выговорить.

Капитан промолчал и заговорил о чем-то с лейтенантом.

— А с тобой мы решим так... — обратился к Шрагину директор. — Помощник мне пока еще нужен, так что ты к семи утра явись сюда, если, конечно... — директор запнулся и потом быстро закончил: — ...если ночью не сработает приговор...

Шрагин шел по улицам города. Опускались медленные летние сумерки. На заводе как будто все в порядке, он зацепился там неплохо. Он шел теперь на квартиру, где ему предстояло жить.

Когда готовилась операция, этот жилищный вопрос выглядел довольно надежно. Большая квартира принадлежала немке-колонистке, которая двадцать лет проработала в этом городе учительницей немецкого языка. Муж ее давно умер, а она в прошлом году вышла на пенсию. Единственная ее дочь училась в Ленинградской консерватории, была комсомолкой. Словом, можно было надеяться хотя бы на то, что на открытую подлость хозяйка квартиры не способна. В большой ее квартире, занимавшей весь дом, только одна комната принадлежала не ей, и до первых дней войны в этой комнате жил инженер местной электростанции. Он переехал. Теперь эту комнату должен занять Шрагин, ордер у него в кармане. На нем дата — 14 июня 1941 года. Хоть это местные товарищи сделали как надо...

Дом Шрагину понравился. Каменный, одноэтажный, старомодный, он находился и в центре и в то же время на тихой улице, засаженной акацией и каштанами. Своим фасадом он не бросался в глаза, но выглядел вполне прилично, хотя было видно, что не ремонтировался он, вероятно, с царского времени.

Шрагин нажал кнопку звонка возле двери с накладными деревянными завитушками. Подождав немного, он позвонил еще раз. Никто не отзывался. Наверно, в дом есть черный ход со двора, а этот, парадный, может, и вовсе не работает. Шрагин прошел вдоль дома и через калитку в узорчатых железных воротах попал во двор, который больше был похож на сад. Обойдя дом, он постучал в низенькую дверь. Она тут же открылась, и Шрагин увидел высокую

женщину с замысловатой прической из седеющих волос, с дряблым лицом.

— Вам кого? — спросила она без всякой тревоги.

— Прошу прощения, я ваш новый сосед, — сказал Шрагин.

— Наконец-то! Заходите! — Женщина пропустила Шрагина мимо себя и заперла дверь.

Они прошли в небольшую переднюю парадного входа. Здесь стояли ломберный стол и два кресла. Пол покрывал потертый ковер.

— Вы Эмма Густавовна? — спросил Шрагин.

— Да, я Эмма Густавовна Реккерт, — с достоинством ответила женщина.

— В горжилотделе мне приказали жить с вами в мире и согласии, — улыбнулся Шрагин. — Меня зовут Игорь Николаевич.

— Вы извините меня, но раз уж я ответственный съемщик, я хотела бы видеть ордер, — немного смущаясь, сказала Эмма Густавовна.

Она внимательно прочитала бумажку и подозрительно поглядела на Шрагина.

— Вы получили его, когда прежний жилец еще жил здесь?

— Да, он почему-то тянул с переездом, а главное, я сам задержался... — небрежно сказал Шрагин, отметив про себя внимательность женщины к таким формальным мелочам.

— Ну что же, будем знакомы, — сказала Эмма Густавовна. — Ваша комната вот там, последняя дверь налево. Ключ висит на гвоздике. Там же и ключ от парадного. Должна предупредить, что мебель в комнате, какая она ни есть, принадлежит мне. Прежний жилец платил мне за нее десять рублей в месяц.

— Я последую его примеру, — улыбнулся Шрагин.

Комната оказалась довольно большая. Открыв штору затемнения, Шрагин увидел, что окно выходит во двор. Старинная деревянная кровать, стол, кресло и стул. Шкаф с зеркальной дверцей. На полу у кровати коврик с вышитыми на нем козликами. Все эти вещи уже давно несли свою службу людям, и если они выглядели еще вполне прилично, то только потому, что люди, которым они служили, были бережливы и аккуратны.

В дверь постучали.

— Хочу показать вам места общего пользования, — сказала Эмма Густавовна из коридора. Когда Шрагин вышел,

она повела его, как экскурсовод по музею. -- Вот эта дверь — в кухню, слева у парадного — ванная и туалет, — объясняла она. — Дрова для подогрева колонки и для кухонной плиты лежат в чулане, вон та дверь. Кстати, за дрова прежний жилец тоже рассчитывался со мной. Впрочем, он пользовался ими непонятно редко — я имею в виду для ванны.

— Вероятно, он предпочитал одиночеству в ванной общество в бане, — рассмеялся Шрагин.

— Вероятно, — улыбнулась Эмма Густавовна.

Приготовив постель, Шрагин прошел в ванную и долго блаженствовал там под тугим холодным душем. Возвращаясь, он погасил свет в коридоре и на ощупь пробирался в свою комнату. И вдруг он услышал молодой взволнованный женский голос:

— Мама, это же ужасно, как ты не понимаешь этого!

«Здесь ее дочь», — озадаченно констатировал Шрагин. Это было непредусмотренным осложнением. По имевшимся в Москве сведениям, студентка консерватории Лиля Реккерт, когда началась война, поступила на курсы медсестер и уезжать к матери не собиралась. В этом новом обстоятельстве следовало немедленно разобраться.

Шрагин постучал в дверь, из-под которой пробивался свет.

— Пожалуйста, — услышал он голос Эммы Густавовны и вошел в просторную комнату, которая, судя по обстановке, была гостиной. Посреди комнаты стоял рояль из красного дерева. У стены — целый строй стульев с плюшевыми сиденьями и маленький диван с резной спинкой. За круглым столом в глубоких креслах друг против друга сидели Эмма Густавовна и светловолосая девушка с заплаканным лицом.

— Простите, пожалуйста, — виновато улыбнулся Шрагин, — но оказалось, что у меня нет спичек.

— Лили, принеси, пожалуйста, возьми у меня на туалете, — сказала Эмма Густавовна. Когда девушка принесла спички, Эмма Густавовна сказала Шрагину: — Кстати и познакомьтесь, это моя дочь Лили.

— Очень рад. Игорь Николаевич.

— Лиля, — девушка подчеркнуто иначе, чем мать, назвала свое имя и, кивнув Шрагину, отошла к окну. Ей было лет двадцать, может, чуть больше. Светлые волосы гладко зачесаны и на затылке завязаны тугим узлом. На болезненно бледном ее лице резко выделялись большие серые глаза, снизу подчеркнутые синеватой тенью, а сверху — золотистыми пушистыми бровями. Внешность у нее была привлека-

тельная, но красивой ее назвать было нельзя. Чувствовалась какая-то нервная напряженность во всем ее облике.

Эмма Густавовна вздохнула и тихо сказала:

— Вот остались мы с ней вдвоем и, что с нами будет, не знаем, не ведаем. — Она подняла взгляд на Шрагина, ожидая, что он скажет, но, не дождавшись, спросила: — Но и вы как будто уезжать не собираетесь?

Шрагин заметил, как Лиля требовательно и гневно посмотрела на мать.

— Да, я пока не уезжаю, — сказал Шрагин. — У меня вообще дикое положение.

— Посидите с нами, — предложила Эмма Густавовна и показала на кресло. — Видишь, Лили, товарищ тоже не уезжает...

— Это его дело, — отозвалась Лиля, продолжая стоять у окна.

— Это верно, каждый за себя решает сам, — подхватил Шрагин. — Но мой случай действительно дикий. Представьте себе, меня только что перевели сюда на завод из Ленинграда.

— Из Ленинграда? — радостно встрепенулась Лиля и подошла к столу, не сводя глаз со Шрагина.

— Да, из Ленинграда, а что? — спросил он.

— Это мой самый любимый город на свете, — тихо сказала девушка.

— Не забывай, Лилечка, что ты на всем свете знаешь только два города, — наставительно заметила Эмма Густавовна.

— Ах, мама, ничего ты не понимаешь! — устало произнесла Лиля и села в кресло.

— Да, так вот... — продолжал Шрагин. — Вопрос о моем переводе был решен еще до войны. Но наркомат тянул бумажную волынку, и практически меня оформили на здешний завод только вчера.

— Вот уж вовремя так вовремя! — покачала головой Эмма Густавовна.

— И всем здесь, понятно, не до меня. Но тем не менее кто-то все же обязан сказать мне, как я должен поступить?

— Вы что, хотите, чтобы вам кто-нибудь напомнил, что вы советский человек и рассчитывать жить тут при фашистах не имеете права? — насмешливо спросила Лиля.

— Лили, прекрати, пожалуйста! — по-немецки сказала Эмма Густавовна.

— Во всяком случае, — тоже по-немецки заговорил Шра-

гин, — вы, Лиля, не имеете никаких оснований думать обо мне скверно, а тем более говорить.

— Тогда мне остается только предполагать, — иронически и тоже по-немецки сказала Лиля, — что вас оставляют здесь партия, правительство и лично товарищ Сталин.

То, что они перешли на немецкий, почему-то сразу обострило разговор.

Шрагин встал:

— Прошу меня извинить...

— Игорь Николаевич, пожалуйста, не уходите! — взмолилась Эмма Густавовна. — Хоть вы, может быть, поймете и пожалеете старого человека. Уже третий день мы с дочерью мучаем друг друга. Мне трудно... — Ее голос задрожал, и из глаз потекли слезы.

Лиля подбежала к ней, прижалась щекой к ее лицу.

— Мама, мамочка, но я сама не знаю, что делать! Успокойся ради бога!

Эмма Густавовна вытерла слезы кружевным платком и виновато улыбнулась Шрагину:

— Видите, какая у нас неврастеническая квартира.

— Я сам виноват, ворвался в ваш разговор...

— О! Она всегда такая! — воскликнула Эмма Густавовна, перебивая Шрагина. — Ведь она весь мир, всю жизнь видит только в двух красках — черной и белой. Она мне говорит: «Ты советский человек, ты должна отсюда бежать». И ей не понять, что я не могу бежать от могилы моего мужа, ее отца. Все, что было в моей жизни хорошего, прошло в этом городе, в этом доме. Она этого не понимает.

— Мамочка, а ты не хочешь понять меня! — страстно заговорила Лиля. — Ты человек пожилой, с тебя нет спроса. А что будет со мной? Идти работать на фашистов?! Лучше смерть! Бежать, оставив тебя одну?.. — Она подождала ответа и воскликнула с тоской: — Хоть бы кто-нибудь понял мое состояние!

— Глупенькая, пусть они сюда являются, нас это не касается. Мы будем с тобой вдвоем и останемся честными людьми. И раньше были войны, и раньше занимали города, но разве все жители этих городов автоматически становились предателями? — Эмма Густавовна улыбнулась Шрагину. — Может, останется с нами и наш новый сосед. А, Игорь Николаевич?

— Увы, Эмма Густавовна, я в своих поступках не волен — я подчиняюсь приказу, который я должен в конце концов получить. — Шрагин посмотрел на часы. — Но я отлично

понимаю всю сложность вашего положения. Понимаю и вас и Лилю. Я бы очень хотел вам помочь, но как? А теперь я должен идти, извините. Мне очень рано вставать. Спокойной ночи.

Вернувшись в свою комнату, Шрагин думал не о Лиле и ее матери, а о том, что в общем квартира, кажется, подобрана удачно...

Глава 4

Шрагин проснулся, как по будильнику, без семи минут шесть. Раздернул на окнах шторы и замер. Ему показалось, что он уже видел, и не однажды, и этот сад и это по-южному дремотное утро, когда солнце уже осторожно скользит по верхушкам деревьев, а на земле еще лежат синие пятна теней — следы, оставленные ночью. Шрагин грустно улыбнулся, это же Ольгины слова — «следы, оставленные ночью». И он уже знал, что сейчас за окном совсем не тот сад, который привиделся ему в первое мгновение. Тот сад — в Ялте, был он перед окнами дома отдыха, в котором Шрагин в прошлом году проводил свой медовый месяц с Ольгой. Они любили в такой вот ранний час сидеть на подоконнике, раскрыв в сад окно, смотреть, как рождается день, и разговаривать шепотом. Однажды Ольга показала на пятна теней под деревьями и таинственным шепотом сказала: «Смотри, это следы, которые оставила ночь. Ты же ловец шпионов, ты только так и должен все видеть...» Черт побери, какой это был радостный месяц! Наверное, за всю свою жизнь они не посмеются столько, как за тот май. Как невообразимо далеко все это!..

Шрагин осторожно открыл окно, и в комнату вместе с прохладным, пряно пахнущим воздухом ворвался отдаленный грохот, похожий на гром. Воспоминания отброшены, его мысли устремлены вперед, в начинающийся новый день, полный неизвестного. Шрагин стал быстро одеваться.

Прежде всего — на завод.

Смертный приговор, о котором говорил директор, еще не был приведен в исполнение. Возле стапелей сидели солдаты, некоторые из них, сняв рубахи, подставили солнцу спины. «Исполнители приговора», — подумал Шрагин. Тысячи людей годами, как трудолюбивые муравьи, строили завод, потом на этом заводе строили красивые, могучие корабли. И вот пришли саперы, и они, тоже люди, где-то что-то строившие, заложили взрывчатку и теперь, греясь на сол-

нышке, ждут приказа, чтобы в одно мгновенье превратить завод в груду развалин. Но иначе поступить нельзя: подарить врагу такой завод означало бы подарить ему свою силу, которая тут же станет смертью тысяч и тысяч наших людей. Невероятная логика войны.

Директор завода стоял у входа в заводоуправление с тем самым капитаном инженерных войск. Когда Шрагин подошел к ним, директор только мгновенье недоуменно смотрел на него, а затем спросил:

— Ну, что хорошего скажешь нам?

— Ничего.

— А хотелось бы... — вздохнул директор. — Ночью я задремал на диване в горкоме и вдруг вижу — входит генерал и говорит: «Все в порядке, директор, прогнали мы Гитлера, давай запускай завод...» Очнулся, а передо мной стоит он... — директор кивнул на капитана. — Стоит и спрашивает: «Где полковник Стеблев?»

Капитан согнулся, подтянул брезентовые голенища сапог и сказал, будто извиняясь:

— Служба такая.

— Зверская у тебя служба, капитан, — убежденно сказал директор, точно не понимая всей бессмысленности своих слов, и обратился к Шрагину: — В общем чуда не будет, и ты, честно говоря, больше мне не нужен. Ты без семьи? Ну и хорошо. Иди к мосту и подсаживайся к кому придется. Не думай, не думай, действуй. Сегодня попутный транспорт еще будет... — Он протянул Шрагину руку. — Действуй!

Шрагин зашел в дирекцию и позвонил в управление НКВД подполковнику Гамарину.

— У меня к вам просьба, — умышленно не здороваясь, сказал он. — Сегодня днем, как условлено, я встречаюсь со своими товарищами, но до этого мне хотелось бы с кем-нибудь из них поговорить.

— Как раз у меня сейчас Григоренко, — сказал Гамарин. — Куда ему подъехать?

— Я прошу его через двадцать минут быть на углу Советской и Херсонской.

— Ясно. Больше вам ничего не нужно? — спросил Гамарин.

— Нет. Спасибо.

Когда Шрагин подходил к условленному месту, он еще издали узнал Григоренко, хотя никогда до этого его не видел. На перекрестке стоял, поглядывая во все стороны, франтовато одетый молодой человек. На нем был новый габар-

диновый плащ стального цвета, серая шляпа и ярко-желтые туфли. Шрагин нарочно не условился о приметах и теперь, замедлив шаг, с любопытством наблюдал за парнем. Проходя мимо него, Шрагин встретился с ним глазами, не подав никакого знака. Но когда, сделав несколько шагов, оглянулся, он увидел, что парень его нагоняет.

— Нет ли у вас спички, товарищ? Извините, конечно...

— Я не курю, — ответил Шрагин. И подумал: интересно, как поведет он себя дальше?

Лицо у парня приняло лукавое выражение, и он сказал:

— А я, кажется, вас знаю. Вас случайно не зовут Игорем Николаевичем?

— Нет.

— Смотри, обознался! — сокрушенно произнес парень. — Извините...

— Вы Григоренко? — спросил Шрагин.

— Да!

— Идите за мной...

Вскоре они уже сидели вдвоем в укромном уголке, недалеко от дома, где жил Шрагин.

Шрагин молчал, бесцеремонно разглядывая парня, который вдруг засмущался и сердито швырнул наземь только что закуренную папиросу:

— Не могу к куреву привыкнуть, хоть убей...

Парню было года двадцать четыре, не больше. Лицо у него какое-то странное: вроде и красивое, а чем-то и неприятное, как будто и простецкое, а вместе с тем хитроватое. Светло-серые его глаза смотрели прямо, даже нагловато, а то вдруг начинали бегать, прятаться. Его широкая грудь распирала шелковую полосатую рубашку, повязанную ярко-желтым, как туфли, галстуком. Пока Шрагин знал о нем только одно: воспитанник спецшколы НКВД.

— Как вас зовут?

— Миша... Михаил, — поспешно ответил парень.

— Полностью, пожалуйста.

— Григоренко Михаил Филиппович, — четко ответил парень, и Шрагин заметил, что он хотел, как положено военному, встать, но не встал.

— А я Шрагин Игорь Николаевич. Вы раньше не курили?

— Не довелось. Только теперь.

— Покажите ваши папиросы.

Григоренко вынул из кармана коробку «Герцеговины флор», раскрыл и протянул Шрагину:

— Прошу.

Шрагин закрыл коробку и спросил:

— Как вы думаете, в этом городе курит кто-нибудь, кроме вас, эти папиросы?

— Да тут таких и нет вовсе, — не без гордости ответил Григоренко. — Это же нам в рацион дали, еще в Ленинграде.

— Тогда, значит, эти папиросы являются безошибочной вашей приметой. Кроме того, когда человек курит, не получая от этого удовольствия, это всем видно и при определенных обстоятельствах может стать подозрительным и тоже приметой.

— Ясно, Игорь Николаевич, — покраснел Григоренко, и это его смущение понравилось Шрагину.

— И вообще что это вы так вырядились?

— Так нас всех обмундировали еще в школе, — ответил Григоренко, и в глазах у него появились веселые искорки. — Вид, как у интуристов.

— Все так одеты?

— Как один с иголочки. На вешалке путаем плащи и шляпы, — рассмеялся Григоренко.

Шрагин заставил себя помолчать — в конце концов не Григоренко повинен в этом безобразии.

— Пока мы сюда добирались, нас два раза в милицию заметали, — продолжал Григоренко. — Смеху полные штаны.

— Как вы узнали меня на улице? — спросил Шрагин.

— По описанию подполковника Гамарина.

— Молодец, — похвалил Шрагин и спросил: — Из гостиницы выбрались?

— Выбраться-то выбрались, а вот как устроились — неизвестно. Но я лично уже давно живу на частной.

— Где?

— Подыскал себе квартирку что надо, — подмигнул Григоренко. — Я же прибыл сюда с женой. А в гостинице жен не предусмотрели. Тогда мы с ней сняли комнатку у одинокого пенсионера, чин по чину прописались. Завтра жена отбудет, так сказать, в порядке общей эвакуации членов семей местных сотрудников, а я останусь в комнате один и на полных правах. Мне туда уже и продуктов забросили, считай, год вся группа сыта будет, — добавил Григоренко. — Целую машину привезли.

— Кто привез?

— Как кто? — удивился Григоренко. — Солдаты из дивизиона НКВД.

— И соседи это видели?

— Кто глядел, тот видел, — беспечно ответил Григоренко.

— Если кто-нибудь из соседей спросит, откуда продукты, говорите, что купили налево и больше ни в какие объяснения не вступайте.

— Порядок, Игорь Николаевич.

— Как настроение? — спросил Шрагин.

— Боевое, Игорь Николаевич, скорей бы в дело. Руки чешутся.

— Было бы лучше, если бы чесались мозги, а не руки, — чуть улыбнулся Шрагин.

— Сознание тоже начеку. За всех, конечно, не скажу, но я лично страха не испытываю, дам фрицу прикурить, будьте уверены!

— А все остальные что, трусят? — спросил Шрагин, которому не понравились и бодрый легкий тон Григоренко и его слова «за всех, конечно, не скажу».

— Да ведь каждый человек, Игорь Николаевич, построен по персональному, так сказать, проекту. И что кому запроектировано, поди узнай, пока с ним соли не наглотаешься.

Шрагин молчал. То, что говорил Григоренко, было в общем правильно, но плохо было то, что он отделял себя от товарищей. И в то же время было ясно, что сам он пока поступил разумнее других.

— Игорь Николаевич, вы всегда говорите мне, как лучше действовать, — сказал Григоренко и засмеялся. — Вы ведь не знаете, я как патефон: что на пластинке записано, слова не выпадет. Меня в школе так и звали — «Миша-патефон»...

— Хорошо. Пока не забудьте, что мы собираемся сегодня в четырнадцать ноль-ноль.

Вернувшись домой, Шрагин хотел спокойно подумать о предстоящем разговоре с товарищами по группе, но услышал тихий стук в дверь.

— Да, — недовольно отозвался он.

Это была Лиля. Смотря в сторону и краснея, она быстро сказала:

— Я хочу извиниться перед вами... за вчерашнее.

— Ерунда. У всех нервы не в порядке, я тоже, знаете... — улыбнулся Шрагин. Он хотел в этот момент только одно-

го — чтобы она поскорее ушла и не мешала ему. А она переступила порог и закрыла за собой дверь.

— И все-таки я не знаю, что делать, — тихо произнесла она.

— Одно из двух: или уезжать, или оставаться, — сказал Шрагин.

— Значит, вы допускаете или — или?

— Допускаю, — ответил он, серьезно смотря ей в глаза и повторяя про себя: «Уходи, уходи, нет ни минутки. Уходи».

Казалось, Лиля услышала его, она резко повернулась и выбежала из комнаты...

Перед встречей с товарищами Шрагин с теми же предосторожностями зашел в управление. Полковник Бурмин выгребал из своего сейфа папки и запихивал их в фельдъегерские брезентовые мешки.

— Остаешься? — спросил он Шрагина вместо приветствия.

— Что на фронте? — ответил Шрагин тоже вопросом.

— Всюду плохо, а у нас так просто табак. Может, уже завтра к ночи все кончится. Наши семьи уезжают сегодня, а мы завтра утром. А ты?

— Остаюсь.

— Я думал о тебе... — говорил Бурмин, продолжая распихивать папки по мешкам. — Я все, майор, понимаю: остаешься ты здесь голый и на голом месте, и мы в этом тоже очень виноваты. Но кто мог подумать, что мы не провоюем и двух месяцев — и отдадим юг? Да еще неделю назад я и подумать не мог, что придется вот так сейфы вытряхивать. Ни пяди чужой и тем более своей — вот какая была программа. А теперь свою землю отдаем целыми областями, да еще кровью своей поливаем. Впрочем, тебе это вдруг да и поможет? Немцу небось в голову не придет, что на его пути вдруг станет какой-то майор Шрагин с горсткой людей. В общем не поминай нас лихом, и желаю удачи. Был бы я помоложе да меньше бы меня здесь знали, ей-богу, остался бы тоже...

Шрагин разволновался. В Москве в спешке с ним не смогли даже попрощаться как следует. И только здесь, от этого усталого пожилого полковника, он услышал человеческие слова, которые так были нужны ему сейчас.

— Спасибо, товарищ полковник, — тихо произнес Шрагин и подошел близко к Бурмину. — Ведь, может, и не увидимся? — так же тихо спросил он.

— Выживем, так увидимся, — буркнул полковник, который, сидя на корточках, застегивал пряжки на мешке. Он поднялся, отпихнул мешок ногой и протянул Шрагину руку. — До встречи, майор, до встречи.

— До встречи, товарищ полковник, — сказал Шрагин, крепко сжав широкую руку Бурмина...

Спустя час состоялась его встреча с участниками группы.

Готовясь к ней, Шрагин отлично понимал, что его рассказ о предстоящей работе будет чисто умозрительным, и теперь даже не пытался делать вид, будто знает что-то такое, чего не знают его товарищи. Самое ценное в этой встрече — возможность хоть немного узнать друг друга. Так вот вышло, что, может быть, завтра им идти вместе на смерть, а они сегодня только впервые увидятся...

— Прочно осесть в городе — наша первая и очень важная задача, — сказал он. — После прихода сюда немцев минимум месяц мы ничего не делаем. Забудем, кто мы. Более того, мы люди вне политики. Нам все равно: хоть сам черт у власти, лишь бы сытыми быть. Но каждый из нас может оказаться в ситуации, когда полезно стать и сочувствующим новой власти. Но тут опасно переиграть. Словом, первый месяц — на изучение каждым своей ситуации и для выработки своей позиции. Затем по моему сигналу вступит в действие известная вам схема связи номер один.

А теперь я хочу побеседовать с каждым из вас в отдельности...

Глава 5

Первым в кабинет вошел высокий парень с каким-то неуловимым выражением лица. Шрагин сначала не понял, в чем дело, — парень явно старался не показывать ему своих глаз.

— Рубакин, Анатолий Рубакин, — глухим тенорком представился парень, смотря себе под ноги.

— Садитесь, товарищ Рубакин. Мне бы хотелось услышать, что вы думаете о предстоящей нам работе.

— Ничего я не думаю, товарищ майор, — Рубакин первый раз поднял глаза на Шрагина, и с этого момента на лице его появилось выражение решительности. — Делайте со мной, что хотите, но я не считаю себя способным для этой работы.

— Боитесь?

— Да. И считаю себя не способным.

Все, что говорил этот человек, было так неожиданно, так неправдоподобно, что Шрагин молчал, не находя слов.

— Мне кажется, что вам лучше обнаружить труса сейчас, а не позже, — решительно продолжал Рубакин.

— Но о чем же вы думали, когда шли в спецшколу и собирались стать чекистом? — спросил, наконец, Шрагин.

Рубакин стал с готовностью объяснять:

— Я после семилетки был шофером, но работал мало, имел успех в самодеятельности, у меня тогда тенор прорезался. Мечтал стать артистом. И вдруг меня вызвали и сказали: вот тебе почетная путевка в спецшколу, давай оправдывай доверие и так далее. Как тут откажешься, товарищ майор?

— Почему же вы молчали, когда вас включали в группу? — спросил Шрагин.

— Опять струсил, товарищ майор.

Шрагин долго молчал, смотря в окно, на пустынную улицу.

— Идите к подполковнику Гамарину, — наконец сказал он, — пусть он включит вас в эвакуацию.

— А куда мне явиться... там?

— Куда прикажет совесть. Идите... — брезгливо и с нетерпением ответил Шрагин, смотря на Рубакина и уже не видя его...

В кабинет вошел плотный низкорослый парень с крупной головой, увенчанной копной каштановых вьющихся волос. Прикрыв за собой дверь, он вытянулся, четко, по-военному прошагал к столу, остановился и громко отрапортовал:

— Харченко Павел Петрович.

— Садитесь, товарищ Харченко. Давайте потолкуем о нашей будущей работе.

Харченко сел, провел рукой по своим пышным волосам и, вздохнув, сказал:

— Поздно вы приехали, товарищ майор. Хотя бы на недельку раньше.

— Надеюсь, вы не думаете, что я задержался умышленно?

— Та ни, — с добродушной украинской интонацией ответил Харченко. — Все мы под приказом ходим. Но как теперь успеть исправить то, что наворочено?

— Что вы имеете в виду?

— Ну вот, дали нам здесь новые паспорта, таки новеньки, аж скрипят, — Харченко обнажил крупные белые зубы, но непонятно было, улыбается он или злится. — Поставили

в них прописку и штамп о работе. Я еще в гостиницу не въезжал, пошел по своей прописке, а там — учреждение. Еще хуже со штампом о работе. У меня, например, пометка, что я работаю на кожевенном заводе. Сходил я и туда. Заводик маленький, рабочих и сотни не будет. А вдруг немцы прикажут всем явиться по месту их прежней работы? Я явлюсь, а меня там никто не знает и я никого не знаю. А кроме того, у меня нет никакой кожевенной специальности. Неужели некому было подумать об этом?

— Подождите. И у всех так?

— Кроме Григоренко, он получил паспорт без штампа о работе.

— Молодец, я вижу, этот Григоренко.

— Не без того... — согласился Харченко, но в его интонации Шрагин почувствовал иронию.

— Он и в гостиницу не полез, — сказал Шрагин.

— А мы что, хотели туда? Ему из-за жены подвезло. Нам приказали, и все.

— А сами вы разве не понимали, что это подрывает конспирацию? — спросил Шрагин.

— Поначалу не понимали, — откровенно сознался Харченко. — Думали ведь, что до сдачи города вагон времени и что мы еще успеем нырнуть в гущу.

— А ваши костюмы? А участие в облавах?

Харченко насупился и, глядя на Шрагина из-под косматых бровей, сказал:

— Лично я в облавах участвовал с полным сознанием и удовольствием. Вот так. И давайте, Игорь Николаевич, поговорим напрямоту. По оперативным дисциплинам я в спецшколе был первый отличник. Вот так. А что из этого? Разве кто думал, что так все дыбом перевернется? И спешка и ошибки — разве все это по злу или по дурости? Вот вы вроде обиделись, что я сказал про ваше опоздание сюда, сказали, что это неумышленно получилось. Так же и со всеми нашими бедами. Вот так, Игорь Николаевич. И в Москве небось не все идет, как по нотам. И давайте сейчас вместе налаживать дело, а не виноватых искать. У меня, если разрешите, есть разные мыслишки, как нам половчее к городу прижиться...

Следующим собеседником Шрагина был Федорчук, плечистый увалень с голубыми добрыми глазами, обрамленными густыми белесыми ресницами. Густые светлые волосы зачесаны назад. Руки молотобойца. Держится спокойно, непринужденно, говорит неторопливо, точно...

— Как вы расцениваете наше положение? — спросил для начала Шрагин.

— А никакого положения еще и нет. Есть только глупости, которые могут его осложнить.

— Надо же, наконец, принимать меры предосторожности.

— Я лично их уже принял. Поскольку я отвечаю за взрывчатку и оружие, сегодня ночью мы с Харченко все перепрячем. Одно недостроенное здание нашли. В подвал — надежно. И как раз там же, по соседству, я и жилье себе нашел. — Федорчук неожиданно улыбнулся. — Только вот вроде жениться придется. Как вы на это посмотрите?

— Кто она?

— Хорошая девушка, наша полностью.

— А почему остается в городе?

— Ее комсомол оставляет. Но она и нам будет полезна. Немка из колонисток. Язык знает. Бойкая. Вы, товарищ майор, в ней не сомневайтесь, я познакомился с ней не вчера.

— Позавчера?

— В самый первый день приезда, товарищ майор.

— Так что же, вы женитесь всерьез?

Федорчук ответил не сразу, щеки у него порозовели, он сморщил лоб и долго с выражением страдания смотрел куда-то в угол.

— Не знаю, поверите ли вы, товарищ майор, — сказал он.

— Да вы прямо скажите: брак у вас будет фиктивный или настоящий?

— У меня жена есть, товарищ майор. И двое сынишек, малыши. И они для меня — все... — Федорчук все больше краснел и морщил лоб, подыскивая слова. — Ну вот... А эта девушка — одна на всем свете, а жених ее в армии. И он для нее тоже — все. Так что в этом вопросе у нас с ней полная ясность. Но сегодня же, если вы не будете возражать, мы с ней чин по чину запишемся в загсе.

— Загс-то, наверно, эвакуировался...

— Штампик в паспорте поставить проще простого. Сделают здесь, в управлении. Я уже говорил...

— Вы в ней уверены?

— Как в себе, товарищ майор. Надо только с горкомом партии договориться, чтобы потом комсомольцы ее не требовали. Так что вы уж поверьте, товарищ майор, у нас с ней все только для дела.

— Про себя ей рассказывали?

— Да что вы, товарищ майор? Тут у нас с ней единственная трудность. Понимаете ли, она вербует меня в комсомольское подполье. И я, так сказать, поддаюсь помаленьку. И пока суд да дело, я с ней немецкий язык совершенствую.

— Какое у нее жилье?

— Была одна комната в маленьком домике, а теперь сосед эвакуировался, и получился совсем отдельный дом. Даже садик свой. Но главное, товарищ майор, чтобы вы поверили, что во всем этом нет ничего, кроме нашего святого дела. Ни-че-го!..

Федорчук все больше нравился Шрагину.

— Расскажите мне коротко свою биографию, — попросил он.

— Из рабочей семьи. Три года без толку томился, все работу по душе искал, — охотно начал рассказывать Федорчук. — А тут армия. Попал в саперы. Потому мне теперь и взрывчатку доверили. Вернулся домой, стал работать в милиции. А между прочим, еще в армии я увлекся тяжелой атлетикой, даже разряд получил. Дома меня сразу в спортивное общество «Динамо». Попал на динамовское соревнование в Ленинград, взял второе место, и меня назначили в спецшколу инструктором по физкультуре. А я как пригляделся, подал заявление, чтобы взяли курсантом. Вот и вся моя биография...

Шрагин попросил Федорчука охарактеризовать участников группы.

— Это занятие не для меня, я к людям очень доверчивый.

— Это опасно.

— Согласен, я еще до войны сделал для себя этот вывод. Что сказать о людях группы? Все мы одного покроя, вместе учились. Ну, а если по-человечески, больше всех мне по душе Харченко.

— Почему? — спросил Шрагин.

— Да по всему, — коротко ответил Федорчук и, видя, что Шрагин ждет более подробного ответа, добавил: — Безотказный, работу любит, любую, я еще в школе приметил. Знаете, есть такие люди: пошли их в ад печи топить, они слова не скажут, поедут в тот ад и будут те печи топить. Работа так работа... Мы и тут держимся с ним на пару, и, если можно, учтите это на будущее...

Новым собеседником Шрагина был худощавый, нервный

паренек. Он вошел моряцкой походкой вразвалочку, но тут же спохватился и пошел ровнее.

— Явился для беседы, — сказал он бойко и при этом покраснел. Было видно, что он старается держаться независимо и в то же время он чисто по-мальчишески боится произвести плохое впечатление.

— Моя фамилия Дымко... Сергей Дымко... Сергей Николаевич Дымко... Это если полностью, — говорил он быстро и сбивчиво, прямо смотря на Шрагина, будто желая знать уже сейчас, какое впечатление он произвел. Но так как Шрагин выжидательно молчал, он продолжал: — Начал я жизнь беспризорником... Сиротой остался... Ну, конечно, детдом, учеба... Первичная, так сказать. Там же вступил в комсомол. По путевке комсомола строил Московское метро. Не я один, конечно, строил. Оттуда послали в спецшколу. Учился ничего. Бывало, конечно, и срывался. Но когда зашла речь о создании нашей группы, я вызвался первым, вернее, одним из первых.

— Вы представляете себе, чем мы будем заниматься?

— Конечно, представляю, — уверенно ответил Дымко и тут же поправился: — В общих чертах, конечно.

— А к чему у вас больше лежит душа?

— Как к чему? — смешался Дымко.

— К диверсии, разведке, пропаганде?

— Что прикажете, то и буду делать, — выпалил Дымко, явно избегая разговора о предстоящей работе.

«Парень ты хороший, — думал о нем Шрагин. — Но зачем тебя решили сделать разведчиком, никто не знает, а сам ты — тем более».

— Это моя беда, я не умею сразу произвести хорошее впечатление, — огорченно сказал Дымко, будто разгадав мысли Шрагина. — И знаете, это началось еще в детдоме. Но поверьте, всегда со временем выяснялось, что я не такой уж плохой, честное слово. А может быть, это мое свойство как-нибудь пригодится? — с надеждой спросил он.

— Ничего, не боги горшки обжигают. Будем работать, — сказал Шрагин.

Глаза у Дымко радостно вспыхнули, и Шрагин подумал, что он сейчас скажет что-нибудь выспреннее, ненужное, но Дымко промолчал...

Парень, который пришел после Дымко, был неразговорчив, каждое слово приходилось вытягивать клещами.

— Ястребов Алексей Васильевич, — представился он, а потом на все вопросы отвечал только: «да», «нет», «не

знаю». У него было открытое, простоватое лицо, и только светло-серые глаза, которыми он в упор смотрел на Шрагина, таили в себе пока еще непонятную силу характера. Шрагин не терпел болтливых людей, но, сталкиваясь с людьми молчаливыми, всегда стремился разгадать, отчего у человека замкнутость. Далеко не всегда это выражает характер человека. Сейчас он осторожно выспрашивал Ястребова о его жизни, учебе в спецшколе, об отношениях с товарищами по группе и, слыша односложные его ответы, видел, что не жизнь сделала этого парня таким сдержанным. Его биография была прямой и чистой, как взгляд его светло-серых глаз. Значит, все дело в характере, а такой характер для разведчика — ценнейшее качество.

Шрагин спросил, любит ли он свою чекистскую работу.

— На эту работу, товарищ майор, без любви вряд ли так просто пойдешь, — убежденно и с хорошей злобинкой ответил Ястребов.

— А вы что же, так вот, сразу эту работу и полюбили?

Ястребов долго не отвечал.

— Батя мой — украинский большевик, — сказал он наконец. — Его на глазах у матери немцы убили... в восемнадцатом году. Мне тогда и трех лет не было...

Следующим пришел Семен Ковалев. Он был выше среднего роста, широкий в плечах, но немного сутулый и оттого казался неуклюжим. Он уже успел избавиться от казенной одежды, на нем были разномастные пиджак и брюки, заправленные в резиновые рыбацкие сапоги с отвороченными голенищами. Все это сидело на нем ладно и естественно, прямо заскочил сюда человек, идя на рыбалку...

— Вид у вас отменный, — похвалил его Шрагин.

— Натерпелся с этим. Первый раз, знаете, на рынке менялу изображал. Но вроде спецовочка получилась ничего.

Шрагин попросил его рассказать о себе.

— Из крестьян я, из потомственных плотников, — говорил он, мягко окая. — Мне бы дома строить, а не это... — он подмигнул. — Но раз уж груздем назвался, надо лезть в кошелку. Так что давайте задание — выполню все, что будет по силам. А надо, так и через силу...

— Что вам больше с руки? — спросил Шрагин.

— Что-нибудь такое, товарищ майор, чтобы немца бить издали и в разговор с ним не вступать, — спокойно и неторопливо ответил Ковалев. — Говорить с ним, наверно, не смогу. И не оттого, что языка не знаю. Просто выдержки не хватит. А вот, к примеру, сбросить под откос поезд — это

я готов. И если их там хоть с полсотни сгинет, тогда и самому умереть будет не жалко.

— Ну что же, пристраивайтесь к железной дороге. А только погибать не надо, и менять вас на полсотни фашистов не выгодно.

— Я и не спешу. Я хотел только, чтобы вы знали: перед смертью не дрогну, — просто сказал Ковалев.

— Демьянов Иван Спиридонович, — густым басом представился следующий участник группы, аккуратный, подтянутый мужчина, на котором даже нелепая казенная одежда выглядела ладно и не бросалась в глаза. Он был постарше всех, с кем уже беседовал Шрагин, и в нем сразу же обнаруживалась военная косточка. А спустя несколько минут Шрагин уже знал, что перед ним человек с опытом чекистской работы, который хорошо представлял, чем будет заниматься группа. Шрагин даже подумал, что надо будет иметь его в виду как своего преемника на случай беды. Шрагин спросил Демьянова, почему он в таком возрасте оказался выпускником спецшколы.

— Сколько раз я это объяснял людям! — сдержанно улыбнулся Демьянов. — Я уже шесть лет работал в органах и на седьмой обнаружил, что, если не подучусь, лучше мне в шоферы идти. Поверьте, пять рапортов написал, выговор получил за попытку отлынивать от работы, а все-таки прорвался. И не жалею...

Последним собеседником Шрагина был Егор Васильевич Назаров. Он родился и вырос в рабочей семье на берегу Волги, а похож был на южанина: смуглое лицо, угольно-черные волосы и глаза. А речь неторопливая, рязанская, со всякими самодельными приговорочками. И весь он был такой же неторопливый, скупой на движения.

— На заводе я проработал всего три года, — рассказывал он. — Так что я возле рабочего класса только слегка повертелся, вроде как торопливый гость на свадьбе. И сразу меня в спецшколу. Шел по грибы, а попал на охоту. Но ничего, кончил школу, получил звание. Но звание — это еще не знание, так что я стараться буду, но прошу и подсказать, когда требуется... — говорил он спокойно и даже с улыбочкой.

— Страха не испытываете? — прямо спросил Шрагин.

— Немного есть, конечно... — не успев стереть с лица улыбку, ответил Назаров. — Но умереть, товарищ майор, можно и от аппендицита, а в наш образованный век такая смерть, по-моему, страшнее. — Назаров опустил свои чер-

ные глаза, лицо его стало строгим. — Я знаю, товарищ майор, на что иду, но думаю не о смерти, а о борьбе с заклятым врагом, его смерть меня интересует, его, товарищ майор! — сказал он и опять улыбнулся, подняв глаза на Шрагина...

Пока снова все друг за другом входили в кабинет и рассаживались, Шрагин смотрел на них и думал: «Славный в общем народ подобрался. Но вряд ли вот так все соберемся... после...»

— Теперь я еще тверже уверен, дорогие товарищи, что нам по силам развернуть большую работу, — начал он и никак не мог выбросить из головы: «Вряд ли вот так все соберемся... после...» — Наше дело — разведка и диверсия. В отношении диверсии все ясно: выбираем цель покрупнее и наносим удары, чтобы врагу и не думалось о спокойной жизни. Разведка — это для всех нас ежедневная, кропотливая и предельно важная работа. Наш город и весь этот район — южный фланг немецкого фронта. Когда они пройдут дальше на восток, наш город окажется как бы изолированным от фронта и потому удобным для расположения здесь военных и административных служб. Большой судостроительный завод привлечет сюда морское начальство...

...Сейчас мы расстанемся, чтобы в дальнейшем видеться только по установленной системе встреч. Главное для всех — прочней осесть в городе. Нужно торопиться. Считайте, что на эти дела вам даны одни сутки. Григоренко я назначаю своим связным. Мои приказы, переданные через него, подлежат неукоснительному исполнению. Ко мне обращаться можно только через связного, и только я решаю, с кем из вас нужно встретиться лично. Повторяю: я уверен, что мы поработаем хорошо. А теперь идите, товарищи. Времени мало. За дело.

Прощались, как после обычного совещания. Короткое рукопожатие и привычные слова:

— До встречи.

— До свидания.

— Пока...

Был уже поздний вечер, когда Шрагин вышел на улицу. Город погрузился в кромешную темноту. Непрерывно и глухо слышался отдаленный рокот, будто где-то работал большой завод. Это была вплотную приблизившаяся к городу война, там работала ее ночная смена.

На перекрестке ждал, как условились, Григоренко. Некоторое время они шли вместе.

— Через три дня после захвата города каждый день смотрите мой сигнал о явке, — говорил Шрагин. — Схема номер один, запомните?

— Не беспокойтесь, Игорь Николаевич. Патефон...

— Больше никаких действий.

— Ясно, Игорь Николаевич.

— Все. До свидания.

Григоренко исчез в темноте...

Дома Шрагина ждали, усадили за стол ужинать. Увидев горячую, с шипящим салом яичницу, Шрагин почувствовал такой голод, что ему нелегко было соблюдать приличия и есть спокойно. Он видел, что между Эммой Густавовной и Лилей установился мир. Однако ничто не говорило о сборах в дорогу.

— Ну как, Игорь Николаевич, ваши дела? Остаетесь? — спросила Эмма Густавовна.

— По-прежнему ничего не известно, — огорченно ответил Шрагин, незаметно наблюдая за Лилей. — Заводское начальство уже драпануло, и никто слова мне не сказал. Попробую завтра выбраться один, свет не без добрых людей.

Лиля сказала, подчеркивая каждое слово:

— А мы с мамой решили положиться на милость фашистов.

— Ну что же, бог не выдаст, свинья не съест, — усмехнулся Шрагин.

Эмма Густавовна с возмущением стала рассказывать о том, как на ее глазах какие-то люди грабили промтоварный магазин.

— Вот это самое страшное, самое страшное, — говорила она огорченно. — Немцы этого никогда не поймут, никогда.

— Ну что вы, они сами беспардонные грабители, — заметил Шрагин.

— Неправда! — воскликнула Эмма Густавовна.

— Мама! — предостерегающе крикнула Лиля.

— Ну да, ну да, — поправилась Эмма Густавовна. — Немецкие фашисты — это бандиты, но они ведь и не немцы. Во всяком случае, не те немцы, которые чтят Гёте и Шиллера.

— И Гейне, — добавил Шрагин.

— Ну нет, знаете, — с запалом возразила Эмма Густавовна, — Гёте нельзя равнять с Гейне. Гёте поэт Германии, а Гейне, если хотите, ее судья, а судьи никогда не бывают так популярны, как поэты.

— Да, пожалуй... — рассеянно проговорил Шрагин, думая в это время о том, что хозяйка совсем не так проста, как показалось ему раньше. И еще о том, как велика и таинственна сила крови.

— Оставайтесь! Мама поможет вам разобраться в немцах, — насмешливо сказала Лиля. — Это же так интересно — выяснить, кто из них любит Гёте, а кто Гейне и почему.

— Ты, Лили, невыносима, — Эмма Густавовна прикоснулась пальцами к вискам и вышла из гостиной.

Лиля подняла голову. Глаза ее теперь были совершенно сухими, и она смотрела на Шрагина с мольбой.

— Оставайтесь, — шепотом сказала она. — Или возьмите меня с собой.

Шрагин смотрел ей в глаза и молчал.

— Я боюсь возненавидеть мать — единственно близкого мне человека на всей земле, — продолжала Лиля шепотом. — Это страшней всего. Понимаете вы это?

— Я все отлично понимаю. Но я же ничем не могу вам помочь, — сказал Шрагин. — Я ведь и сам в таком же положении...

Он встал, поблагодарил за ужин и ушел к себе. Ему хотелось сказать девушке что-то ласковое, успокоить ее, он видел, что она тяжело и мучительно страдает. Она не понимает, что за всю свою прошедшую и будущую жизнь держит сейчас самый ответственный экзамен на право называться человеком. По-человечески надо бы ей помочь. Но нельзя. Он не имеет права.

Шрагин уже хотел раздеться и лечь в постель, но вдруг подумал, что ни за что не заснет. Не зажигая света, он открыл окно и сел на подоконник. Мгновенно его обступили впечатления окончившегося дня, но они точно плясали вокруг него, и ни на одном из них он не мог сосредоточиться. В конце концов эта сумятица впечатлений вылилась в острое ощущение невероятности всего, что с ним происходит. Когда в Москве шла подготовка операции и потом, когда он мчался сюда, он просто не имел времени задуматься толком над тем, как он будет жить и работать в этом городе, он понимал только, что не может безмятежно полагаться на детальную ясность плана операции. И вот он здесь, и его работа уже началась. И все-таки невероятная работа! Его товарищи относятся к ней совершенно спокойно, как ко всякой другой, в глазах у них он не увидел и тени сомнения. Дезертир Рубакин не в счет. А сам он спокоен?.. Нет, он этого

сказать не может. И дело не в допущенных здесь опасных просчетах. Просто уже второй раз в своей не такой уж длинной биографии ему приходится как бы начинать жизнь сначала, не очень ясно представляя себе все завтрашнее, а это не так просто...

Первый раз это было, когда он вдруг из инженера превратился в чекиста. Тогда кончался первый год его работы на Ленинградском судостроительном заводе. Осуществлялась его давняя мечта — он строил могучий военный корабль. И он уже был человеком, который был нужен всем, нужен был кораблю.

И вдруг его вызвали в городской комитет партии и объявили, что он в порядке партийной мобилизации направляется работать в НКВД.

— Но я инженер-судостроитель, меня государство учило этому пять лет, — пытался он возражать.

Ему ответили, что именно инженер-судостроитель был и нужен.

В большом доме на Литейном Шрагин не без труда отыскал в бесконечных коридорах нужную ему дверь. Полковник Сапаров, к которому его направили, оказался человеком в летах и по всему своему облику совсем не таким, каким Шрагин представлял себе чекиста. Это был человек веселый, с живым открытым взглядом карих глаз, в которых любое его настроение отражалось раньше, чем он его высказывал.

— О субботнем пожаре на вашем объекте знаете? — сразу спросил он.

— Слышал, конечно, — ответил Шрагин. — Прокладка строительного кабельного хозяйства — традиционная беда.

Глаза у Сапарова засмеялись.

— В общем традиционное короткое замыкание. Да? — Он протянул Шрагину что-то похожее на большую отвертку с резиновой ручкой и, привстав, склонился над столом, вместе со Шрагиным рассматривая железку. А потом поднял на Шрагина внимательный взгляд. — Вот эту штуку вытащили из кабеля, с ее помощью было сделано короткое замыкание, то самое, традиционное. Видите, как от дуги оплыл и деформировался металл? А до употребления конец этой штуки был, очевидно, острым, как у шила. Ведь иначе его и не воткнуть бы. Верно?

— Верно, — отозвался Шрагин, продолжая рассматривать находку. — И ручка как здорово заизолирована — колоть безопасно. Но кто же это мог сделать?

— Кто это сделал? Вот это, товарищ Шрагин, нам с вами и надо выяснить. И как можно скорее...

Вот так, незаметно для себя, Шрагин стал чекистом. Два года он проработал в Ленинграде рядом с Сапаровым, учась у него. Потом его перевели в Москву, и там рядом с ним тоже были опытные боевые товарищи. Но никто никогда не учил его, как работать, как вести себя в родном своем советском городе, захваченном врагами. Ему еще никогда не было так трудно, как сейчас. Но он помнил, как Сапаров сказал ему однажды: чекистом должен быть человек честный, но не честолюбивый, а главное, он должен так любить свою работу, что чем она тяжелее, тем он счастливее.

Глава 6

Шрагин стоял на улице, по которой густо двигались немецкие войска. Они ехали через город весь день, было такое впечатление, что город их совершенно не интересует и они торопятся куда-то дальше. Всю первую половину дня двигались плотно — пехота на машинах, тягачи с пушками на прицепе, мотоциклисты. Пеших солдат не было. Часам к трем в потоке войск стали образовываться просветы. На главных улицах уже стояли грузовики и легковые машины, возле которых толпились солдаты и офицеры. Зеваки от греха подальше разошлись по домам. Но один рослый пожилой мужчина в хорошем светло-сером костюме и белой соломенной шляпе продолжал стоять у витрины аптеки. Шрагин уже давно смотрел на него и старался угадать, что это за человек, с таким абсолютно безразличным лицом наблюдающий движение вражеских войск.

Вдали показалась медленно двигавшаяся грузовая автомашина с откинутыми бортами. Рядом с ней шли солдаты. В машине рядом с шофером сидел офицер. У каждого перекрестка машина останавливалась, солдаты брали из машины и прикрепляли к столбам указательные знаки — стрелы с нарисованными под ними эмблемами воинских частей. Одна эмблема была в виде выгнувшегося волка со стоячей шерстью, другая — в виде лебедя с распахнутыми крыльями, третья — львиная голова. Шрагин наблюдал за работой немцев и запоминал эмблемы — его работа уже началась.

— Вот это порядок! Силища и порядок! — вдруг услышал он за спиной тихий голос.

Шрагин оглянулся. Это был пожилой мужчина в сером костюме.

— Да, порядку у них следует поучиться, — сказал ему Шрагин.

— А как они шли! — тихо воскликнул мужчина. — Где нашим? Идут без оркестра, без криков, без лозунгов, а видишь — силища прет. Вы согласны?

— Вы правы, конечно, как ни трудно это признать, — как бы задумчиво сказал Шрагин, смотря на проезжавшую мимо них вереницу легковых машин.

— Начальство прибыло, — уважительно сказал мужчина, провожая взглядом автомашины. — И где он, я вас спрашиваю, бандитский грабеж? Где убийства женщин и детей? Я с самого начала не верил в это. — Мужчина умолк, как будто вдруг испугался, внимательно посмотрел на Шрагина, а потом продолжал: — Вы не подумайте только, что я какой-нибудь... — сказал он тихо. — Я просто человек вне политики. Я всего-навсего портной. Я гляжу на события трезво и вижу: немец есть немец.

Шрагину очень хотелось сказать этому портному, что из таких, как он, вырастают предатели. Но вместо этого он вздохнул:

— Но что теперь будем делать мы — не знаю.

— А что нам думать, пусть они думают! — беспечно сказал портной. — Взяли господа город, извольте наладить в нем жизнь. А я как шил мужское платье, так и буду шить, весь вопрос — достать у немцев выкройки, какие у них в моде. — Он помолчал и спросил: — А вы чего же оставались, если не знали, что будете делать?

— Так вот вышло. Собирался с заводом, а все уехали без меня.

— Это у нас вполне возможное дело, — ядовито заметил портной. — В общем все есть, как есть, и надо идти обедать. Будьте здоровы, — он коснулся пальцами полей шляпы, поклонился и медленно пошел по улице...

В этот же час Мария Степановна Любченко, врач местной туберкулезной больницы, смотрела на ту же улицу из окна своей квартиры. Она стояла в глубине комнаты, чтобы с улицы ее не увидели. Каждый раз, когда от двигавшейся по улице техники звякали стекла в окне, она вздрагивала. Ей было страшно. Месяц назад, когда ей в горкоме партии сказали, что нужно остаться для подпольной работы, она заявила прямо:

— Я боюсь.

— Ничего страшного, Мария Степановна, — сказал ей работник горкома. — С автоматом и гранатой вам орудовать

не придется. К вашим услугам подпольщики прибегнут только в крайнем случае, если вдруг понадобится спрятать в больнице кого-нибудь.

— Но в больнице каждый знает, что я член партии, меня выдадут, — ужаснулась Любченко.

— Во-первых, вы в партии без году неделю, — быстро раздражаясь, возразил работник горкома. — Во-вторых, нам известно, что в больнице про вас судачили, будто вы пошли в партию из-за карьеры, чтобы стать главным врачом. Почему бы вам эту мысль теперь не поддержать? И как доказательство — вы остались в городе. Наконец, Мария Степановна, разве вы, вступая в партию, не писали в своем заявлении, что готовы выполнить любое ее задание?

Мария Степановна чувствовала, что с ее боязнью этот человек не посчитается, а других аргументов у нее не было. И тогда она подумала: «Пожалуй, немцы продержатся в городе недолго, так что, может, мои услуги никому и не понадобятся, а то, что я здесь останусь, потом мне зачтется». И она дала согласие.

Но теперь, наблюдая через окно движение немецких войск, Мария Степановна горько об этом жалела. Если бы даже она осталась, но просто как врач, который не смог покинуть своих больных, ей сейчас не было бы так страшно. Ее пугала мысль, что она не сумеет справиться с порученным ей тайным заданием и что об этом тайном могут узнать немцы... Страшно даже подумать, что тогда будет.

Звякнуло окно — Мария Степановна вздрогнула...

В этот же час Павел Харченко, в нелепом своем казенно-щегольском одеянии, стоял в заросшем акациями дворике и в щель забора смотрел на двигавшиеся по улице гитлеровские войска.

Он скрипел зубами от досады — все у него получилось так нелепо и глупо...

Какой-то майор, корчивший из себя осведомленного, сказал ему вчера, что немцы остановлены в тридцати километрах от города. И Харченко решил сегодня с утра спокойно искать для себя простую одежду, а затем жилье. Он отправился на рынок, но там было пусто. Возвращаясь, он шел переулками и вдруг, когда до главной улицы оставалось шагов сто, не больше, увидел немецкие военные машины. Не раздумывая, Павел вскочил в первый попавшийся двор и вот уже четвертый час стоял здесь, не зная, что предпринять. Страха

он не испытывал, но просто не знал, что делать, и казнил себя: он не имел права поверить этому майору.

Когда начало смеркаться, Харченко подошел к домику, по самую крышу оплетенному виноградником. В этот момент из домика вышел высокий сухощавый старик с взлохмаченными седыми волосами. Он стоял, подняв лицо вверх, и прислушивался. Ветерок шевелил его вздыбленные волосы. Потом он направился к калитке и выглянул на улицу.

— Митя, вернись сейчас же! — послышался из домика женский голос.

Старик прикрыл калитку, задвинул ее засовом и, шаркая ногами, пошел к дому.

— Здравствуйте! — тихо произнес Харченко, когда старик поравнялся с ним.

Старик остановился, спокойно вглядываясь в сумеречный сад. Харченко вышел на дорожку. Старик смотрел на него без всякого удивления и испуга.

— Здравствуй, коли не шутишь, — сказал старик. — Интересно, однако, что ты тут делаешь?

— Прячусь, батя.

— От кого, однако?

— От кого теперь можно прятаться советскому человеку?

Старик оглядел его с головы до ног и сказал:

— Ну что ж, заходи в дом, гостем будешь.

В доме были две комнаты, разделенные перегородкой не до потолка. На перегородке стояла коптилка, сделанная из аптекарского пузырька. Свет от нее был очень тусклый, и Харченко не сразу разглядел, что в углу за столом сидела женщина.

— Гость обнаружился, — сказал ей старик.

— Какой еще гость в такое время? — спросила она удивленно, но не сердито.

— Он, однако, прячется, Анна, этот человек, понимаешь? — Старик сел к столу и пригласил присесть Харченко.

Харченко молчал, ему хотелось, чтобы говорили старики — надо знать, чем они живут, чем дышат. Может статься, что тут и минуты нельзя находиться.

— Ты что же, отстал, что ли, от своих? — спросил старик.

— Ну отстал, если хотите...

— Я-то хочу спать, однако, спать спокойно, — строго сказал старик.

— Одним словом, попал я в беду, и все тут.

— Всем лихо, — проворчал старик.

— Тому, у кого крыша над головой, все же полегче, — сказал Харченко.

— И ты не с неба свалился, — сказал старик и спросил: — Где, однако, твоя крыша?

— Далеко, батя, отсюда, очень далеко, — печально сказал Харченко. — Я не здешний, вот как вышло-то.

Старики молча глядели друг на друга, потом женщина сказала:

— Ладно, ночуй у нас, а утром все будет виднее.

— Позади дома, в клети, койка есть, постели сена, — ворчливо добавил старик.

Харченко встал:

— Спасибо.

— Чего вскочил? — вмешалась женщина. — Поужинаешь с нами, тогда и спасибо скажешь.

Старик не унимался и за ужином, все старался заставить Харченко рассказать, кто он и откуда. Харченко как мог выкручивался, а заодно прощупывал хозяев дома. Но и они не спешили открываться.

Старик завел разговор о войне. Харченко стал рисовать картину войны совсем не такой безнадежной, какой она виделась этим людям.

— Послушать тебя, так и горевать не о чем. Однако немцы в нашем городе, а не мы с тобой в ихнем, — сказал старик.

— А что тебе, батя, от того, кто в городе? — спросил Харченко.

— Дурак ты, однако.

— Зачем же, батя, ругаться? Я про то, что виноград в саду и так и так созреет и в цене будет. А на хату твою разве кто позарится?..

— Я, однако, не в хате живу, а в государстве, — проворчал старик.

— Были б мы, а государство будет, — беспечно сказал Харченко.

— Какое, однако? — спросил старик, смотря в глаза Харченко.

Долго они так петляли вокруг да около, пока выяснили, что бояться им друг друга нечего, и Харченко решил довериться этим людям. По крайней мере сегодня.

Уже за полночь старик свел его в клеть и сам постелил ему сена на койку.

— Спи, горемыка, — с невидимой в темноте доброй улыбкой сказал старик и ушел.

Так Харченко провел свою первую ночь в занятом врагом городе, еще не зная, что этот дом станет его родным домом на долгое время.

Шрагин еще не спал в этот полуночный час. В своей комнате он вел нелегкую беседу с хозяйкой.

То, что он так и не покинул город, как будто не удивило Эмму Густавовну. Вечером, впустив его в дом, она посветила ему свечой, пока он открывал дверь в свою комнату, и пожелала спокойной ночи. Но минут через десять она постучалась и попросила разрешения зайти на минутку. И вот уже давно шел их путаный, опасный для Шрагина разговор.

Эмма Густавовна была обеспокоена состоянием дочери, которая, по ее мнению, находится на грани безумия.

— Вы не представляете, что она тут говорила, — тихо рассказывала Эмма Густавовна. — Когда забежала соседка и сообщила, что немцы уже в городе, Лиля заявила, что пойдет на главную улицу, убьет там хотя бы одного немца, а после этого хоть потоп. Потом она сказала, что будет плевать в лицо каждому встречному немцу. И все это в дикой истерике, с безумными глазами. Я ведь ее знаю, она девочка страшно импульсивная. Я боюсь за нее, Игорь Николаевич.

Шрагин не мог понять, чего хочет от него хозяйка, и на все ее страхи отзывался ничего не говорящими утешениями: «все обойдется», «со временем обвыкнется».

И вдруг Эмма Густавовна спросила деловито:

— Значит, вы остались?

— Пытался уехать, но не смог... Не успел.

— И вы будете жить у нас?

— Не знаю, Эмма Густавовна, ведь неизвестно, будете ли жить здесь и вы. В один прекрасный день сюда могут явиться новые хозяева и попросить всех нас убраться.

— Этого не произойдет, я все же немка, — почти с гордостью заявила Эмма Густавовна.

— Вы для них немка советского толка, — заметил Шрагин.

Эмма Густавовна долго молчала. Шрагин видел, как она несколько раз порывалась заговорить и не решалась.

— Разве только они придерутся к количеству комнат, —

сказала она наконец. — Но на этот случай я подумала... — Она осторожно посмотрела на Шрагина. — Что, если бы вы были... ну, как бы числились членом нашей семьи?.. Вот тут, за шкафом, есть дверь, ее можно открыть. Тогда моя спальня станет второй проходной комнатой и вопрос о вселении к нам жильцов отпадет.

— Вы, очевидно, забыли железный педантизм своих соплеменников, они верят только бумагам и печатям, — сказал Шрагин.

— Ну, почему? — почти обиделась Эмма Густавовна. — Они же люди, и, как говорится, ничто человеческое... Разве не могло быть так: вы из Ленинграда, а Лили там училась. Допустим, что у вас там был роман, и вы, так сказать, из самых серьезных намерений добились перевода сюда, но отношений оформить не успели. Вполне человеческая ситуация. Надеюсь, вы понимаете, что я напрашиваюсь вам в тещи не всерьез...

Шрагин смотрел на Эмму Густавовну и думал о том, с какой чисто немецкой педантичностью она продумала весь этот вопрос. С такой тещей не пропадешь.

— Вы оскорблены? — высокомерно спросила Эмма Густавовна.

— Нисколько! С волками жить, по-волчьи выть, — беспечно ответил Шрагин.

— Это мы с Лили... волки? — тихо спросила она.

— Да нет, — рассмеялся Шрагин. — Как вы могли подумать?

— Значит, вы согласны?

— Прошу дать мне срок подумать, женитьба, даже фиктивная, вещь серьезная.

— Но долго ждать нельзя, — деловито предупредила Эмма Густавовна. — Они могут заняться квартирами уже завтра.

— А что думает на этот счет невеста? — спросил Шрагин, стараясь продолжать разговор в несколько легком тоне и этим оставить себе путь к возможному отступлению.

— Могу сказать одно: чтобы не видеть их в своем доме, Лили пойдет на все, — торжественно заявила Эмма Густавовна.

— Я все же оставляю за собой право подумать, — сказал Шрагин.

Эмма Густавовна ушла явно обиженная. А Шрагин стал со всех сторон обдумывать эту так неожиданно возникшую ситуацию...

Глава 7

Когда солнечным августовским утром сорок первого года в открытом «мерседесе» Ганс Релинк приближался к этому южному советскому городу, он, конечно, не знал, что едет навстречу своей виселице. Спустя пять лет он скажет советскому военному трибуналу: «Мне не нужен был бог на небе, у меня был всемогущий бог на земле — наш фюрер. И только фюрер знал, что ждет впереди Германию и каждого из нас...»

В то утро Релинк был весел, его распирало сознание своей значительности. Надменная улыбка не сходила с его уже загоревшего в пути лица, утяжеленного массивным, квадратно обрезанным подбородком. Волосы тщательно убраны под фуражку. Они у него рыжеватые, и эта привычка прятать их — еще с поры военного училища, где ему дали прозвище «Рыжий подбородок». Три дня назад он случайно встретился в Тирасполе с генералом Генрихом Летцером и пригласил его поехать с ним. В тридцать пятом году они вместе учились в военной школе, но затем их пути разошлись. Летцер стал быстро делать военную карьеру, а Релинк пошел работать в СД *. Сейчас Релинк по званию и по служебному положению был значительно ниже своего друга, но генерал ему завидовал.

— Ты не можешь себе представить, как мне трудно и противно, — жаловался до приторности красивый и совсем молодой генерал. — Истый генералитет, все эти надутые типы с моноклями совершенно открыто третируют нас, молодых генералов. Какие только должности они не придумывают для нас, чтобы не подпустить к настоящей работе! Я, например, именуюсь уполномоченным ставки по группе дивизий. Чистейшая фикция. Я, даже когда нужно, не могу связаться со ставкой. При главном штабе группировки «Юг» есть настоящий представитель ставки. В Тирасполе ты встретил меня у командующего армией Шобера. В этот момент он, бедный, мучился, пытаясь придумать для меня занятие. Ты его просто выручил, когда пригласил меня поехать с тобой. А как он преобразился, увидев твой мундир!

— Чего-чего, а прав у нас побольше, — самодовольно улыбнулся Релинк.

— Но я бы не смог больше месяца просидеть в одном русском городе. Ты ведь сюда прямо из Парижа?

— Последнее время я наводил порядок в Голландии.

---

* СД — гитлеровская служба безопасности.

— Все равно. Здесь же просто негде жить. Сегодня в этом, как его... Тирасполе пришлось спать на сене без простыни. Непереносимо! Мне казалось, что я валяюсь на муравьиной куче.

— Генерал рейха не умеет устраиваться, — дружелюбно подсмеивался Релинк. — Сейчас приедем, и ты увидишь, как надо жить.

— И все же в русских городах лучше быть гостем, и притом недолго... — генералу очень хотелось обнаружить хоть какое-нибудь свое преимущество перед другом.

— Нет, мой друг, мы прибыли сюда не в гости. Теперь это все наше, и навеки. Все! — Релинк победоносно посмотрел вокруг, но по обеим сторонам шоссе была голая степь, и взгляду его бесцветных глаз не за что было зацепиться. — Мы должны всю эту гигантскую страну положить к ногам рейха — такова наша святая обязанность, наша, Генрих. Вы свою войну скоро закончите, а мы свою только начинаем, и наша потрудней, — закончил он с серьезным и торжественным лицом.

Их автомобиль оказался в гуще воинской колонны и двигался очень медленно, а вскоре и совсем остановился. Где-то впереди образовалась пробка.

— Я схожу пугну солдатиков своим генеральским чином... — Летцер вылез из машины и пошел вперед. Релинк видел, как вытягивались перед ним солдаты и офицеры, и на тонких его губах подрагивала ироническая улыбка.

Летцер вскоре вернулся.

— У танка сорвалась гусеница, он развернулся поперек дороги, и никто ничего не может сделать, — сказал он. — Если это порядок, то что тогда безобразие?

Релинк молча вылез из машины и направился к затору вместе с генералом. Перед ним никто не вытягивался, но теперь генерал видел, как застывали лица солдат, когда они видели форму его друга, как мгновенно обрывались разговоры, смех.

У танка, развернувшегося поперек шоссе, стояла толпа танкистов с других машин. Они гоготали, беззлобно издеваясь над своими товарищами из застрявшего танка.

— Отпуск домой обеспечен! Война приостановлена! Все по домам!

Релинк стал пробиваться сквозь толпу танкистов. Смех и разговоры мгновенно прекратились.

— Что можно сделать? — тихо и буднично спросил Релинк у оказавшегося рядом с ним танкиста.

— Взять его на буксир и стащить с дороги, — ответил танкист.

— Сделайте это, — так же буднично распорядился Релинк и, демонстративно посмотрев на часы, пошел назад к своей машине.

Возле застрявшего танка закипела работа, и вскоре движение по шоссе возобновилось. Вскочивший на подножку автомобиля офицер-танкист доложил Релинку, что он распорядился пропустить его машину. «Мерседес», не задерживаясь, помчался к видневшемуся вдали городу.

Немного погодя Релинк сказал:

— Знаешь, Генрих, что замечательно в нашей службе? У нас чины и звания ничего не значат. Каждый из нас совершает все, что может, во имя порядка и безопасности рейха, и это знает каждый человек рейха, а отсюда одинаковое уважение ко всем нам — от рейхсминистра до последнего чиновника. Вот я еду сюда в качестве главного следователя, а в Берлине, в имперской безопасности, мне сказали: «Вы, Релинк, отвечаете за порядок на юге России». И будьте покойны, об этой моей ответственности будут знать все. В том числе и ваши генералы с моноклями...

У городской окраины Релинка ждал мотоциклист. Он поехал впереди и вскоре привел «мерседес» к воротам, которые тут же раскрылись. Машина въехала в густой сад, в глубине которого располагался красивый особняк. Стоявшие на его крыльце гестаповцы приветствовали прибывших поднятием рук. Генерала Летцера они, казалось, не замечали. Но когда Релинк представил им его как своего друга юности, последовал новый взмах рук.

После бритья и ванны друзья отобедали в компании еще двух гестаповских офицеров в большой столовой с высокими окнами, за столом, покрытым крахмальной скатертью и сервированным, как в первоклассном ресторане. Обед прошел быстро и деловито, без речей и тостов, но Летцер был поражен и сервировкой, и едой, и тем, как великолепно работали обслуживавшие обед солдаты.

Релинк с улыбкой поглядывал на друга — знай наших, мы не спим на муравьиных кучах!

После обеда Летцер отправился отдохнуть в отведенную ему комнату, а гестаповцы прошли в кабинет Релинка.

Расстегнув китель, Релинк устало опустился в глубокое кресло и попросил своих коллег рассказать, что происходит в городе.

Ничего тревожного он не услышал. Город затаился, это

естественно. Никаких контрдействий пока не зарегистрировано. Полиция СД готовит необходимые приказы. Биржа труда открывается завтра. Все трудоспособные будут взяты на учет. Военная комендатура уже вывесила строжайший приказ о немедленной сдаче оружия. Создается гражданская полиция из местных жителей. Евреям будет приказано провести регистрацию в своей общине и сдать списки в комендатуру. Начато выявление коммунистов и прочих красных активистов. Издан приказ о комендантском часе. Подысканы помещения для СД... Словом, хорошо выверенная машина оккупации работала точно и быстро.

Релинк поблагодарил коллег за информацию и особо за проявленную заботу о нем лично.

— Сами того не зная, вы доставили мне дополнительное удовольствие щелкнуть по носу моего друга генерала Летцера, — довольно говорил он. — Генерал слезно жаловался мне, что в Тирасполе ему пришлось спать на сене без простыни.

Оба гестаповца от души смеялись над страданиями генерала. Релинк смеялся вместе с ними и думал: «Славные парни, с ними можно горы свернуть...» Он знал обоих еще по Франции и затем по Голландии. Про Иохима Варзера, высокого, костлявого верзилу, говорили, что он не знает только двух вещей — что такое усталость и где у него нервы. Бертольд Ленц, коренастый, бритоголовый, по прозвищу «Бульдог», конечно, не так умен, как Иохим, но зато, когда нужно, чтобы заговорили даже камни, лучше Бульдога это никто не сделает... «Славные парни», — еще раз подумал Релинк и сказал вставая:

— Пусть мой генерал, как положено ему по чину, спит, а мы поедем смотреть наши служебные помещения...

Два отведенных им дома — одноэтажный и двухэтажный — стояли рядом на уютной тенистой улице, их соединял глухой каменный забор. Перед большим домом тополя так разрослись, что его фасада не было видно. Зато уныло-неприглядный длинный одноэтажный дом весь был открыт взгляду. Релинку он не понравился, в таких домах на окраинах Парижа помещались сиротские приюты.

— Что здесь было? — спросил он.

— Лечебница. Будем тут лечить и мы... — сострил Варзер.

Видя, что Релинку этот дом не нравится, Варзер предложил посмотреть дом со двора. Они прошли через ворота и оказались в узком, как коридор, дворе, который отделял

дом, выходивший на улицу, от другого, такого же одноэтажного, только без окон.

— Перед вами, господа, удивительно гармоническая картина, — сдержанно шутил Варзер, изображая музейного гида. — Слева здание большевистского ренессанса, здесь будет происходить будничная оперативно-следственная работа. А справа удивительное по своей архитектурной красоте здание, которое впредь мы будем именовать следственной тюрьмой СД. Поговорим там с господином большевиком — и через дворик его сюда.

Релинк больше не морщился.

— А теперь пройдем в здание, где будем работать мы с вами, господа, — продолжал фиглярничать Варзер...

Но вот Релинк остался один в отведенном ему кабинете. Вся мебель была расставлена именно так, как он любил. Был даже маленький столик с креслами. Осмотрев его, Релинк рассмеялся. Брамберг, очевидно, не нашел в этом городе низкого столика и, недолго думая, подпилил ножки у какого-то старинного стола красного дерева.

Релинк достал из сейфа толстую тетрадь в кожаном переплете, на котором золотом было тиснено «Дневник», и сел к столу. С первых дней войны с Польшей он почти ежедневно делал записи в дневнике. Все его друзья знали об этом, иногда в тесном кругу Релинк вслух читал свои записи.

В этот день он записал:

«Итак, начинается новый этап моей жизни. Я прибыл в этот русский город. Впрочем, он почему-то считается украинским. Город совсем не так мал и не так плохо благоустроен, как мне казалось. Но все это неважно. Главное — гордое сознание своего участия в великой истории рейха. Подумать только: еще недавно я был на французском побережье Ла-Манша, потом в Амстердаме, а сейчас я на русском берегу Черного моря. Волшебный гений и волшебная сила фюрера не знают расстояний и преград!

Когда думаешь об этом, хочется одного: быть достойным истории. И вот моя клятва: моя рука ни разу не дрогнет и здесь. Придет час, и я доложу рейхсминистру, что советский юг в полном распоряжении Германии и фюрера. Так будет!

Я закончу писать этот дневник в тот день, когда война будет завершена, и передам его в музей, прославляющий гений фюрера...»

Этот дневник находится сейчас в архиве военного трибунала среди вещественных доказательств по делу повешенного Релинка.

Глава 8

Несколько дней на заводе немецкие саперы тушили пожары и искали невзорвавшиеся мины. Наконец они покинули завод, а настоящих новых его хозяев все еще не было...

Каждое утро сюда вместе со Шрагиным приходили сотни две рабочих и десятка полтора служащих заводоуправления. Рабочие растекались по территории, а потом весь день слонялись без дела. Служащие просиживали в пустующем кабинете директора. Шрагин тоже являлся в этот кабинет. В первый день он рассказал им, как попал на завод, но, видимо, рассказ его не вызвал доверия. А бывший управделами заводоуправления, полный, краснощекий здоровяк, которого все звали Фомич, выслушав рассказ Шрагина, подошел к нему и посоветовал «тикать на все четыре стороны».

— Вы же еще не учтенный, так сказать, в случае чего вам полное оправдание, — сказал он, непонятно усмехаясь.

Шрагин внимательно наблюдал этого человека, стараясь разгадать, почему он остался и к чему готовится. Сейчас среди оставшихся служащих он вел себя наиболее развязно и верховодил ими.

В это утро Шрагин у заводских ворот встретил Павла Ильича Снежко. Он был в аккуратно выглаженной темно-синей паре, при галстуке, в начищенных до блеска сапогах.

— Чего это вы так принарядились? — спросил Шрагин, поздоровавшись.

— Товар лицом показываем, — подмигнул Снежко. — Пусть не думают, что мы какие-нибудь бескультурные азиаты.

Шрагин смотрел на него с удивлением и любопытством: а к чему готовится, на что способен этот?

— Что будем делать, Павел Ильич? — спросил Шрагин.

— Я человек дисциплинированный, — ответил Снежко. — Смену отболтаюсь — и домой с чистой совестью.

Они остановились перед зданием заводоуправления.

— Знаете, о чем я все время думаю?.. — заговорил Снежко. — Вот нам говорили: советская власть, советская власть, все, дескать, на ней держится. Погибни она, погибнем и мы. А вот советской власти нет, пришла другая власть, и ничего не погибло, и мы с вами живем под тем же солнышком.

— А завода вам не жалко? — спросил Шрагин. — Вы же столько лет отдали ему.

Снежко пожал плечами.

— Так, наверное же, немцы завод наладят, — невозму-

тимо ответил он. — А не все ли равно, где нашему брату вкалывать? Я тут на пальцах разговаривал с одним немчиком-сапером, он из города Гамбурга, как я понял. Так он говорил, рабочие у них получают жалованье пребольшое и живут не бедствуя.

— Все же надо будет привыкнуть к новой жизни, — неопределенно сказал Шрагин.

— Да к чему привыкать-то? — удивился Снежко. — Что такое жизнь? Утром встал, позавтракал, пошел на работу, вернулся, пообедал, прилег отдохнуть. Потом с ребятишками поиграл и — спать. Что же, по-вашему, немцы помешают нам так жить?

— Черт их знает! — вздохнул Шрагин. — Пойду-ка я в заводоуправление, может, какие новости есть...

В кабинете директора была все та же картина: служащие в ожидании новых хозяев изображали непринужденный разговор.

Все сидели вокруг просторного стола, будто собрались на совещание у директора. На председательском месте возвышалась, как всегда, крупная фигура Фомича. Войдя в кабинет, Шрагин громко поздоровался, но ответил ему один Фомич.

— Здравствуйте, товарищ неучтенный, — сказал он ухмыляясь. — Или, может, теперь надо говорить господин неучтенный?

Несколько человек засмеялись. Шрагин улыбнулся и молча сел на диван.

— Нет, как видно, дисциплины у немецких директоров. Так мы и размагнититься можем, не дай бог, — ерничал Фомич.

Он поднял глаза вверх и вдруг закричал:

— Братцы, глядите! — Он показывал на портрет Сталина, висевший над директорским столом. — Не было бы нам от этого беды, а? Ну-ка, Капликов, ты самый длинный, лезь на стол, сними от греха подальше. И как это мы до сих пор не заметили!

Долговязый мужчина встал.

— Не надо этого делать, — громко сказал Шрагин.

Долговязый остановился и, даже не посмотрев на Шрагина, поспешно вернулся на свое место.

— Слушай-ка, не опоздали ли вы тут командовать? — спросил Фомич.

— Нечего нам лишнюю активность показывать, — спокойно сказал Шрагин.

— А если они взбесятся, когда увидят? — спросил Фомич.

— Прикажут — снимем, — ответил Шрагин.

— Ну глядите! — угрожающе сказал Фомич. — В случае чего мы на себя этот грех не возьмем.

— Выдадите? — спросил Шрагин.

— Зачем? — усмехнулся Фомич. — Дадим объективную информацию.

И снова за столом засмеялись.

Вдруг дверь распахнулась, и в кабинет вошли два солдата с автоматами. Они остановились по бокам двери, и тотчас в кабинет быстрой походкой вошел пожилой сутулый человек, непонятно, военный или штатский, и за ним еще трое в штатском.

Пожилой снял военную фуражку с высокой тульей и протянул ее назад, через плечо. Фуражку подхватил молодой человек в светлом плаще.

Сидевшие за столом вскочили и стояли по-солдатски, вытянув руки, не сводя глаз с вошедших.

Пожилой расстегнул темно-серый плащ и, поглаживая ладонью седой ежик волос, оглядывал кабинет. Его взгляд остановился на портрете Сталина.

— О! — воскликнул он и повернулся к своим спутникам. — Спросите, почему это здесь?

Один из его спутников вышел вперед и на довольно приличном русском языке — очевидно, это был переводчик — обратился к служащим:

— Господин шеф-директор адмирал Бодеккер интересуется, почему это здесь, — он показал на портрет.

— Мы хотели снять... Но вот данный... господин не разрешил, — быстро ответил Фомич, показывая на Шрагина.

Выслушав перевод, шеф-директор обратился к Шрагину:

— Почему вы не разрешили?

Прежде чем переводчик успел открыть рот, Шрагин сам ответил по-немецки:

— Я подумал, может быть, вам будет приятно сделать это самому.

— О! — адмирал внимательно посмотрел на Шрагина, и вдруг лицо его растянулось в улыбке. — Прекрасно! Это будет мой сувенир. Снимите кто-нибудь...

Это сделал тот же долговязый Капликов. Адмирал приказал своему адъютанту спрятать портрет и обратился к Шрагину:

— Вы кто здесь?

— Инженер.
— А эти? — адмирал кивнул на остальных.
— Служащие заводоуправления, — ответил Шрагин.
— Прекрасно...

Шеф-директор прошел к директорскому столу, провел по нему пальцем, посмотрел на палец, покачал головой и, вынув из кармана платок, вытер палец. Он подозвал к себе переводчика.

— Переведите им мое распоряжение... — он прокашлялся и громко сказал: — Господа! Первое, что мне бросилось в глаза, — это страшная грязь и беспорядок на заводском дворе и в помещении дирекции. Мы, немцы, не любим это больше всего. Приказываю прежде всего привести в порядок здание дирекции. Вынести мусор, вымыть полы и окна, проветрить все помещения. Завтра утром я проверю. Кто из вас будет отвечать за эту работу?

Фомич вышел вперед.

— Запишите его фамилию, — распорядился шеф-директор и сказал: — Можете идти работать.

Шрагин вместе со всеми направился к дверям, но его остановил переводчик:

— Шеф-директор просит вас остаться.

— Не топи, служивый, — тихо буркнул Фомич, проходя мимо Шрагина.

— Значит, вы инженер? — спросил адмирал, внимательно смотря на Шрагина чуть прищуренными светло-карими глазами.

— Да, инженер-механик.
— А кто эти люди?
— Не знаю.
— Как это так?

Шрагин кратко рассказал историю своего недавнего появления на заводе.

Адмирал Бодеккер выслушал его очень внимательно и даже, как показалось Шрагину, подозрительно, но, когда Шрагин замолчал, он сказал:

— Ну что же, может быть, для вас это и лучше. Ведь мы здесь все начинаем заново, так что у вас такое же положение, как у нас. Ваша фамилия?

— Шрагин.

— Шра-гин? Прекрасно. Ну, что же вы скажете мне о заводе, господин Шрагин?

— Пустить его будет нелегко, — ответил Шрагин.

— Да, да, я видел, — вздохнул адмирал. — Какое изу-

верство! Разрушить завод, закупорить гавань потопленными судами.

— По-моему, это сделали военные, — сказал Шрагин.

— Это не война, а стратегическая истерика! — воскликнул адмирал. — И к тому же полное незнание наших возможностей. Попомните мое слово, еще в этом году мы отпразднуем здесь закладку кораблей. Но почему на территории завода так мало рабочих?

— Большинство эвакуировалось, их организованно вывезли на восток.

— А! — поморщился адмирал. — Все та же стратегическая истерика! Кроме вас, инженеры есть?

— Я не знаю, — ответил Шрагин.

— Приказываю вам, господин Шрагин, в течение суток выяснить, сколько осталось на заводе инженеров. Доложите мне завтра в двенадцать ноль-ноль.

— Слушаюсь, — склонил голову Шрагин...

Шрагин решил посоветоваться с Фомичом, где и как искать инженеров. Он увидел его на площадке главной лестницы. Шрагин стал рядом с ним и сказал:

— Мне приказано разыскать всех оставшихся инженеров.

Фомич присвистнул:

— Ищи ветра в поле! А немцы что, неужели завод пускать собираются?

— Адмирал сказал, что еще в этом году заложат корабли.

— Сказать все можно.

— Немцы могут.

Фомич удивленно посмотрел на Шрагина и вдруг громко закричал кому-то вниз:

— Эй, не суй мусор под лестницу, вынеси на улицу! — и снова повернулся к Шрагину: — Люблю руководящую работу, какую хошь, абы руководящую.

— Вы можете выдвинуться на доносах, у вас это получается, — тихо, с вызовом сказал Шрагин.

Фомич чуть помедлил и потом как ни в чем не бывало продолжал:

— Насчет инженеров хорошо бы возле завода вывесить вежливое приглашение: мол, приходите на завод работать. Но чтобы без всякого обещания расстрела, вежливо, одним словом. Я знаю, кое-кто остался.

— Может, вы знаете кого лично? — спросил Шрагин.

— Двоих знаю, вроде даже соседи.

— Зайдите к ним сегодня, пожалуйста... — попросил Шрагин. — Скажите, чтобы явились на завод.

— За это можно и по харе получить. Скажут: на кого, гад, работать зовешь? Как отвечать?

— Надо сказать, что на таком заводе два инженера — это капля в море и что им не придется изображать море.

Фомич чуть улыбнулся и, глядя на Шрагина хитрющими глазами, сказал:

— Ладно, с такой формулировкой можно попробовать.

Кто-то снизу крикнул:

— Фомич, в водопроводе воды нет, чем полы мыть?

— У моря сидишь и воды просишь? — крикнул в ответ Фомич и побежал вниз по лестнице. Шрагин смотрел ему в спину и снова думал: что же это за человек?

Да, отныне этот вопрос он будет задавать себе при каждой встрече с новым человеком. И что самое нелегкое и опасное — что на вопрос этот ему необходимо будет самому давать ответ, от которого будет зависеть многое, очень многое, возможно, даже его собственная жизнь.

Глава 9

Шрагин шел с завода домой. Светило доброе южное солнце, ветерок с моря играл листвой деревьев. За белеными заборами сонно дремали отягощенные плодами фруктовые деревья. Ничто как будто не говорило о войне, город выглядел так же, как в мирное время. И улицы не были безлюдны. Приказы оккупационных властей уже выгоняли людей из домов, заставляли их, пересилив страх, идти по делам своей новой жизни. Но что-то в облике улицы было странным... Не сразу Шрагин обнаружил, что люди двигались в одиночку и как-то каждый сам по себе. За весь путь он только раз встретил двух, которые шли вместе. Это были старик и старуха. Он заботливо вел ее под руку, но и они не разговаривали и, точно стыдясь чего-то, смотрели себе под ноги. Куда их гнал приказ, зачем?.. Люди словно не видели и не хотели видеть ничего, кроме клочка земли под ногами. Встречаясь друг с другом, они, как те старики, не поднимая взгляда, ускоряли шаг. А яркая и добрая красота юга еще сильнее подчеркивала эту неприкаянность людей.

Свернув на свою улицу, Шрагин невольно замедлил шаг: перед его домом стоял громоздкий легковой автомобиль — такими в немецкой армии пользовались только высшие начальники. Что могло это означать? Если автомобиль прие-

хал за ним, то зачем было гестаповцам оставлять на улице, как визитную карточку, эту роскошную машину? Возможно, что это сделали нарочно, чтобы посмотреть, как он, увидев ее, поведет себя? Но тогда сейчас вся улица должна быть под наблюдением, а ничего подозрительного вокруг Шрагин не видел. Да нет, не такие уж они гении и чудотворцы, чтобы раскрыть его так быстро: скорей всего вот что — оправдались опасения Эммы Густавовны, и на ее жилплощадь уже покушается какое-то немецкое начальство.

Шрагин отпер своим ключом парадное и спокойно, неторопливо вошел в дом. В прихожей висела генеральская шинель, а на столике лежали фуражка и желтые замшевые перчатки. Из гостиной доносился воркующий смех Эммы Густавовны и басовитый голос мужчины. Шрагин тихо прошел в свою комнату и, прикрыв дверь, лег на постель.

Вскоре Шрагин услышал, что гость или квартирант ушел. Подождав немного, он с чайником в руках отправился на кухню. И тотчас туда пожаловала Эмма Густавовна. Она была возбуждена, дряблые ее щеки пылали румянцем.

— Случилось невероятное, Игорь Николаевич! — воскликнула она, прижимая руки к груди. — У меня объявился родственник в Германии. И не кто-нибудь, а земельный аристократ. Невероятно, правда? Сейчас у меня был генерал Штромм. И представьте, тоже родственник: он женат на племяннице моего аристократа. Он привез мне письмо — не хотите прочесть? Бросьте свой чайник, идите к нам, генерал привез волшебный кофе и совершенно изумительный ликер «Бенедиктин». Я сварю вам кофе. Идите, идите.

В гостиной пахло тонкими духами. Вышедшая из своей комнаты Лиля сухо поздоровалась со Шрагиным и села на диван. Эмма Густавовна звякала посудой на кухне.

— Как вам понравился родственник? — спросил Шрагин.

Лиля подняла брови и сморщила лоб.

— Прочитайте письмо, оно лежит на столе, — сказала она.

На голубой шершавой бумаге было написано старомодной готической вязью, и Шрагину не так-то легко было прочитать письмо. Он попросил Лилю помочь ему, она подошла и стала рядом с ним.

— Я сама без помощи мамы прочитать не могла. И вообще все это как бред, — сказала она, беря письмо. — Ну, это, очевидно, его фамильный герб и девиз: «Терпение и верность». Давайте я все же попробую...

Вот что услышал Шрагин:

«Здравствуйте, Эмма! Вас должны звать именно так, ибо ваш отец пятьдесят лет назад известил моего отца о рождении у него дочери, которую назвали Эмма Розалия, а наши отцы были двоюродные братья.

Поскольку я не уверен, что вы живы, это письмо будет кратким. Оно не больше как запрос в неизвестность. Но как только я узнаю, что вы еще есть на этом свете, вам придется испытать на себе утомительное многословие стариковских писем, тем более что мне и писать-то больше некому.

Как только в наших военных сводках появился ваш город, меня осенила мысль. Ведь именно этот город упоминался в письмах вашего отца. Память меня не обманула, хотя свой семейный архив я последний раз ворошил лет десять назад. И так как я совершенно одинок, это открытие стало моим идефиксом. Когда я узнал, что генерал Штромм (он женат на моей племяннице) отправляется именно в ваш город, я написал это письмо. Теперь я с трепетом буду ждать известий. Если вы есть на этом свете и прочтете мое письмо, то примите генерала Штромма по-родственному. Однако не могу удержаться — между родственниками все должно быть начистоту — и предупреждаю вас, что он весьма легкомысленный господин, особенно в отношении женщин. Он знает, что я пишу вам об этом, и смеется. А вообще-то он отец уже взрослого сына и, говорят, способный администратор в новом духе. В отличие от меня, зарывшегося в землю, как крот, он живет в ногу с веком, и уже сам этот век позаботился, чтобы он был на виду. Теперь он призван его фюрером наводить порядок на завоеванных землях. От меня он имеет приказ позаботиться о вас, как положено добропорядочному немецкому родственнику. Весь в ожидании Вильгельм фон Аммельштейн».

Лиля бросила письмо на стол.

— Ну, что вы скажете? — спросила она. — Я же вам сразу скажу, что в письме меня устраивает только одно выражение — «призван его фюрером», — она подчеркнула местоимение «его».

Шрагин тоже отметил про себя это выражение, и сейчас ему понравилось, что Лиля тоже обратила на него внимание.

В гостиную с кофейником в руках вернулась Эмма Густавовна.

— Вы прочитали письмо?

— Лиля прочитала его вслух, — ответил ей Шрагин.

— Боже, какая идиллия! Мои дети вместе читают письмо своего далекого родственника, — она громко рассмеялась и стала разливать кофе.

— Я должна предупредить вас, — вдруг резко сказала Лиля, обращаясь к Шрагину. — Мама заявила генералу, будто вы... мой муж.

— Да, да, я позволила себе это, — нисколько не смутилась Эмма Густавовна. — И я уверена, Игорь Николаевич меня поймет. Представьте, этот генерал вдруг спрашивает: «Вы тут живете вдвоем?» Я поняла, что он напрашивается в жильцы. Потом он так смотрел на Лили. И я вспомнила характеристику, которую дал ему Вильгельм. Решив сразу пресечь все это, я сказала ему: у Лили есть муж, он живет вместе с нами. И ничего страшного не случилось, а он по крайней мере не заговаривал больше о жилье. Игорь Николаевич, не смотрите на меня так иронически. Мы же с вами говорили об этом.

— Конечно, лучше без новых квартирантов, — сказал Шрагин.

— Ну, видишь, Лили? Игорь Николаевич относится к этому трезво и спокойно. И тебе тоже надо учиться приспосабливаться к обстановке.

Лиля смотрела на мать холодно и презрительно.

— Я сойду с ума, честное слово, — тихо сказала она.

Шрагин как только мог естественно рассмеялся.

— Остается только предположить, что вы втайне рассчитываете выскочить замуж за какого-нибудь немецкого генерала и поэтому хотите оставаться свободной даже от фиктивных обязательств.

— Вам не идет говорить глупости, — спокойно парировала Лиля.

— Тогда, Лиля, скажите прямо, что вы предлагаете или как собираетесь поступить? — уже серьезно спросил Шрагин.

— С момента, когда я проявила позорное малодушие, согласилась с мамой и осталась здесь, я уже не имею права рассчитывать на что-нибудь хорошее, — отчеканивая каждое слово, ответила Лиля.

— В городе остались не одна вы. Если вы думаете, что все остались, проявив малодушие или с подлыми замыслами, вы опасно заблуждаетесь, — сказал Шрагин, смотря в яростные и холодные глаза девушки.

— Вот, вот! — обрадовалась Эмма Густавовна. — Я говорю ей то же самое!

Лиля молчала, но Шрагин читал в ее взгляде безмолвный вопрос: «А почему вы остались?» И он подумал, что однажды на этот ее вопрос он ответит правду. Однажды, но не сейчас. И не всю правду. А теперь ее надо успокоить, дать ей хотя бы маленькую надежду.

— Я, как вы знаете, хожу на завод, — сказал Шрагин. — Но завод парализован, и это надолго. Зная это, я спокоен. И если вы внутренне будете уверены, что ни в какую подлую сделку с совестью не вступите, вы тоже будете спокойны. Это качество в наших условиях — оружие. А истерика — не что иное, как начало поражения. Подумайте над этим, Лиля, и вы увидите, что я не так уж неправ.

Шрагин вежливо пожелал женщинам спокойной ночи и ушел в свою комнату.

Глава 10

Первая встреча Шрагина с Григоренко состоялась в воскресенье на бульварчике возле пристани. Согласно вступившей в действие схеме связи их встречу охранял Федорчук. Он занимал наблюдательный пост со стороны города, и Шрагин все время видел его.

Шрагин и Григоренко сидели на скамейке, положив между собой на газетном листе хлеб и помидоры, — просто устроились два приятеля перекусить и отдохнуть в тени.

— Крепче всех чувствует себя Федорчук, — говорил Григоренко тихим, глухим голосом. — По-моему, очень у него удачно с бабой получилось...

— Избегайте давать свои оценки. Только факты, и как можно короче, — прервал его Шрагин.

Григоренко обиделся, замолчал. Потом продолжал говорить отрывистыми фразами. Из его рассказа Шрагин выяснил, что все товарищи — один похуже, другой получше — закрепились. Однако оставалось тревожным положение с работой. Товарищи спрашивали, следует ли просить работу через биржу труда. У Дымко откуда-то были сведения, будто всех, кто помоложе, биржа заносит в особый список для отправки в Германию.

— Откуда он это знает? — спросил Шрагин.

Григоренко улыбнулся:

— Опять же деваха одна есть, на бирже работает. Дымко с ней познакомился у Федорчука.

— Федорчук эту девушку тоже знает? — спросил Шрагин.

— Лучше ее знает Федорчукова... ну, как ее... ну, невеста, что ли, не знаю.

— Какое у Федорчука впечатление о ней?

— Я не спросил.

— Напрасно.

— Мне же о ней не Федорчук сказал, а Дымко.

— Что он сказал?

— Да он вроде пошутил, спросил: не стоит ли ему, как Федорчуку, боевую подругу завести?.. И сказал про эту самую... ну, девушку.

— Что он говорил о ней?

— Сказал, что лицом она хорошая,— чуть улыбаясь, ответил Григоренко. — Сказал, веселая, на все чихает.

— Вы ему никаких вопросов не задавали?

— Нет.

— Передайте Дымко мой приказ: он должен сблизиться с ней, все о ней выяснить — из какой семьи, почему осталась, что думает. В среду вечером мы опять встретимся по расписанию. Кстати, как у вас с работой? — спросил Шрагин.

— Думаю пока обойтись. Семья, в которой я живу, обеспеченная — кустари, одним словом. Хозяин ходил в городской магистрат, зарегистрировал там свою семью и меня тоже, сказал, что я его работник, и никаких вопросов по этому поводу не было.

— Осторожней, Григоренко, заметите малейшее осложнение — срочно устраивайтесь.

— Я все время начеку, Игорь Николаевич.

— Надеюсь на это. Ну, пора прощаться. До свидания.

Шрагин смотрел ему вслед, и на душе было неспокойно. Он думал о том, что его боевые товарищи уменье и опыт будут приобретать только теперь, когда борьба уже началась. А наука эта не простая: самая малая ошибка может стоить жизни. Вот тот же Григоренко. Сейчас он вроде не трусит, но он и не понимает, что в их положении осторожность — это совсем не трусость. Его придется учить еще и деловитости и даже умению говорить кратко и точно выражать свои мысли — для связного это очень важно... «Ну что ж, будем учиться все вместе», — подумал Шрагин, встал со скамейки и кружным путем направился домой. Некоторое время Федорчук в отдалении сопровождал его, проверяя, нет ли слежки.

Шрагин шел по пустынным улицам, уже затопленным сумеречной синевой, и думал, как удивительно устроен человек. И трех лет нет, как он по приказу партии оставил работу инженера-судостроителя и стал чекистом. Разве мог он тогда подумать, что однажды окажется в этом занятом врагом городе и будет возглавлять здесь целую группу и вести тайное сражение? Но это случилось, и он уже работает. И работа, какой бы опасной она ни была, как всякая работа — к ней, оказывается, можно привыкнуть, и в ней есть свои рабочие будни...

Подходя к дому, Шрагин опять увидел генеральскую машину. Шофер спал, нахлобучив на нос пилотку.

Шрагин нарочно хлопнул дверью, когда входил, и тотчас из гостиной вышла Эмма Густавовна.

— А вот и наш Игорь Николаевич! — громко воскликнула она. — Заходите к нам хоть на минутку. У нас генерал Штромм.

Шрагин вошел в гостиную и увидел сидевшего в кресле генерала, сегодня он был в штатском. Ему было лет сорок пять, может быть, чуть больше. Крупное прямоугольное лицо, массивная фигура. Очевидно, близорук. Он разглядывал Шрагина, сощурив глаза.

— Добрый вечер, господин генерал, — с умеренной почтительностью сказал по-немецки Шрагин, остановившись посреди комнаты.

— Добрый вечер, добрый вечер, счастливый избранник, — с притворным недовольством басовито отозвался генерал, тяжело поднялся с кресла, подошел к Шрагину и протянул ему руку. — Штромм, Август, — четко выговорил он.

— Шрагин, Игорь.

— Шрагин? О! Мы оба на «с»? Простите, а как вы сказали имя?

— Игорь.

— И-гор?

— Да.

— Таинственные русские имена, — покачал головой генерал. — Посидите с нами. Мне ведь придется докладывать моему родственнику и о вас. И вы тоже наш родственник, И-гор. — Генерал басовито рассмеялся.

Эмма Густавовна поставила перед Шрагиным кофе.

— Что же вы не спрашиваете, где ваша Лили? — с противной интонацией спросила она.

— Я ошеломлен знакомством с живым немецким генералом, — улыбнулся Шрагин.

— Вы предпочли бы знакомиться со мной — мертвым? — громыхнул генерал своим басовитым смехом.

— Лили валяется в постели, — сказала Эмма Густавовна. — У нее страшная мигрень. Позовите ее, может быть, все-таки она выпьет кофе?

Шрагин встал и, извинившись перед генералом, прошел в комнату Лили. Она ничком лежала на диване.

— Лиля, что с вами? — тихо спросил Шрагин.

Она вскочила, села и удивленно уставилась на Шрагина.

— Ах, это вы, — с облегчением сказала она. — Страшный сон видела, б-р-р! Он все еще там?

— Мама хочет, чтобы вы показались, — сказал Шрагин.

— Он вызывает у меня тошноту. Я не пойду. Скажите, мигрень, и она не хочет портить всем настроение.

— Мигрень так мигрень, — сказал Шрагин и ушел в гостиную.

— Какая прелесть, какая прелесть! — гудел генерал. — Послушайте, И-гор, я только сейчас узнал, что ваша жена пианистка. Это же прелесть! Она просто обязана угостить нас Бетховеном.

— У нее, господин генерал, страшная головная боль, и с этим нельзя не считаться, — мягко сказал Шрагин.

— Немецкий генерал не должен ни с чем считаться, — заявил Штромм почти серьезно.

— Но вы же еще и человек и к тому же родственник, — улыбнулся Шрагин.

— Поймал, черт побери! Капитулирую перед мигренью. Хо-хо-хо! Садитесь, И-гор, и примите сердечный привет от Вильгельма фон Аммельштейна, вашего... гм... кто же он вам приходится? — не соображу, хо-хо-хо, но в общем это достойнейший и... — генерал поднял палец, — богатейший человек. Я ему звонил по телефону, рассказал о моем визите в ваш дом. Он так разволновался, что стал заикаться. Говорит, что сегодня у него первая за многие годы настоящая радость — он узнал, что не один на земле. Надеюсь, вы понимаете, чем это пахнет?

— Не совсем... — ответил Шрагин.

— Боже, что с вами со всем сделали коммунисты? Он не понимает, что для него означает, если богатейший фон Аммельштейн признает в нем родственника!

— Расскажите нам, что нового, — вмешалась Эмма Густавовна.

— Нового? — Генерал поднял брови. — Ни-че-го. Меня лично интересует только одна новость — падение Москвы. И это случится, можете быть уверены. — Он обратился к Шрагину: — Мне сказали, что вы работаете на верфи. Как там у вас дела?

— Пока еще никак, — ответил Шрагин.

— Что же это дремлет наш дорогой адмирал Бодеккер? Он же прославленный администратор верфей рейха.

— Завод разрушен, работа предстоит гигантская. Рабочих нет, инженеров нет, — вздохнул Шрагин. — А между тем как хочется работать...

— Вот это прекрасно! — воскликнул генерал. — Ваш ответ я сегодня же включу в сводку. Я не устаю всем твердить, что для русских главное счастье — работа и, если мы обеспечим их работой и приличным жалованьем, они станут могучей опорой рейха. Верно?

— Да, мы любим работать.

— Слушайте, И-гор, значит, вы поддерживаете мою мысль?

— Сделать это, однако, не так просто. Для этого нужно немедленно начать восстанавливать все, что разрушено, — с достоинством и сдержанно отвечал Шрагин, решив раз и навсегда принять этот тон для бесед с генералом.

— Согласен, — кивнул Штромм. — Но огромное количество ваших людей мы вывезем в Германию, в Польшу, во Францию. Люди, которые хотят работать, нам нужны везде. Уверяю вас, никто без работы не останется. Ведь вы инженер? С Бодеккером вы познакомились? Я вас отрекомендую.

— Спасибо, мы уже знакомы. К тому же не в моих правилах пользоваться протекцией.

— Мне бы хотелось узнать, И-гор: вы остались сознательно? — продолжал генерал.

— Как вам сказать? Бессознательно поступают только животные.

— Хо-хо! Замечательный ответ!

— Это безобразие, — врезалась в разговор Эмма Густавовна. — Как только сойдутся двое мужчин, они сразу начинают говорить о деле и никого больше не хотят замечать. Я прошу вас, генерал, рассказать, как там у вас сейчас в Германии.

— Как? Изумительно, милейшая фрау Реккерт, и-зу-мительно! Нам, живущим в эту эпоху, будут завидовать все

будущие поколения. И все это фюрер, фюрер и еще раз фюрер. Он, фрау Реккерт, подумал и о вас. Мой рейхсминистр, когда я уезжал сюда, сказал мне: «Фюрер озабочен судьбой осевших там немцев». Слышите, фрау Реккерт? Фюрер озабочен вашей судьбой!..

Шрагин наблюдал генерала с огромным любопытством, и одновременно его мозг фиксировал все, что могло пригодиться для дела.

— Да, господа, — разглагольствовал генерал. — Новая Германия уже родилась и идет к великому будущему. Конечно, еще не околело поколение чистоплюев, еще барахтаются где-то бывшее чиновничество и бывшие плутократы. Но мы всю эту мразь уничтожим, смею вас уверить! Вот, рассчитаемся с русскими, с англосаксами и потом одним ударом окончательно очистим воздух Германии от испражнений прошлого! Пардон, фрау Реккерт! — Он даже извинение выкрикнул, как команду на плацу. Затем медленно обернулся к Шрагину и сказал напыщенно: — И я хочу вас, молодой человек, предупредить: любите вы работу или не любите — это все-таки не главное. Ваша судьба зависит от того, поймете ли вы величие фюрера и новой Германии. Если нет, вас растопчет сама история, запомните это.

— Я уже сейчас все это прекрасно понимаю, — твердо и убежденно ответил Шрагин.

— Тогда хайль Гитлер! — неожиданно гаркнул генерал и выбросил вперед руку.

Шрагин, чуть помедлив, тоже поднял руку и негромко произнес:

— Хайль... Гитлер!

— Браво, И-гор! Вы первый русский, который передо мной приветствовал гений фюрера...

Эмма Густавовна снова попыталась увести разговор от политики, которая ее всегда пугала. Она попросила описать, как выглядит ее родственник фон Амельштейн. И вдруг генерал Штромм снова закричал:

— Кстати, вот и ваш родственник, фрау Реккерт, тоже непозволительно долго воротил нос в сторону. Когда я женился на его племяннице, я, естественно, вошел в его дом. Бывало, придем с женой в гости. Я — хайль Гитлер! А он — здравствуй, дорогой мой друг. Я все понимал и с опаской для себя терпеливо смотрел, что будет дальше. И только когда мы прибрали к рукам Австрию, Чехию, Польшу, Францию и я однажды пришел в его дом и сказал: «Хайль Гитлер!»,

он, наконец, ответил тоже: «Хайль Гитлер!» И тогда я обнял его и сказал: «Слава богу, теперь мы действительно родственники». Но разве я могу забыть, что он признал фюрера только после того, как фюрер подарил ему Европу? Вот он,— генерал кивнул на Шрагина, — даже он понял все гораздо раньше...

Вскоре генерал уехал. Прощаясь, он сказал Эмме Густавовне, чтобы она не опасалась никаких притеснений со стороны оккупационных властей.

— Все, кто нужно, мною предупреждены, — сказал он. — Однако я и мои друзья оставляем за собой право ходить к вам в гости. И вы уж поймите, пожалуйста, нас, попавших на чужбину. Для нас ваш дом как остров в черном океане.

— Прошу вас, не стесняйтесь, — лепетала Эмма Густавовна.

Генерал поцеловал ей руку.

— Ради бога, не провожайте меня, — сказал он. — Я уже чувствую себя здесь как дома.

Хлопнула наружная дверь, взревел мотор автомобиля, и все стихло.

Эмма Густавовна смущенно смотрела на Шрагина.

— Все-таки это ужасно! — проговорила она устало. — Мне иногда кажется, что я вижу все это во сне.

Глава 11

Зина — так звали девушку, работавшую на бирже, — воспитывалась в детдоме. После окончания детдомовской семилетки она приехала в этот город, стала работать уборщицей в больнице и сразу же поступила в школу медсестер. Кончить школу помешала война.

Зина пошла в военкомат, пыталась попасть в армию, но вместо этого ее отправили на рытье оборонных сооружений. Так она осталась в городе.

На бирже, куда устроилась Зина, было два начальника: один — немецкий, недосягаемый для Зины, хмурый немец с искусственным стеклянным глазом — господин Харникен; другой — русский, в недавнем прошлом заведующий городской баней, Прохор Васильевич, который принял Зину на работу и звал ее теперь не иначе, как дочка. А Зина за глаза называла его Легавым — за то, что он самым непонятным образом чуял, когда приближался господин Харникен. Тогда у него сразу поднималось ухо, он весь преображался, вскакивал из-за стола, втягивал живот и преданно

смотрел на дверь. Именно в этот момент и появлялся немецкий директор.

— Встать! — кричал Легавый и уже тихо и почтительно произносил: — Здравствуйте, господин Харникен.

Немец кивал головой и торжественно проходил в свой кабинет.

В первые дни Зина не очень-то задумывалась над тем, что произошло. Но все же скоро она поняла, что и с ней и со всем городом случилось огромное несчастье. Работая на бирже, она раньше других узнала, что немцы готовят отправку работоспособных горожан в Германию. «Их там, как рабов, будут продавать», — сказала Зине Вера Ивановна, пожилая женщина, в прошлом учительница, а теперь такая же, как Зина, учетчица.

Каждый вечер на бирже появлялись гестаповцы. Зину пугала их черная тараканья форма с черепами на рукавах. Легавый вываливал перед ними на стол учетные карточки, и гестаповцы долго рылись в них. Какие-то карточки они забирали с собой, и после этого Легавый брал к себе регистрационную книгу и вычеркивал из нее несколько фамилий. «Этих уже можно считать покойниками», — говорила тогда Вера Ивановна.

Однажды утром Легавый подозвал к себе Зину:

— Когда видишь, что пришел еврей, а пишет в карточке, что он русский, подай мне сигнал. Подойди ко мне вроде за справкой и скажи, — приказал он.

Вера Ивановна, узнав о приказе Легавого, сказала Зине:

— Если ты это сделаешь, станешь убийцей.

Но Зина и не собиралась выполнять этот приказ.

После работы она забегала домой, надевала свое единственное выходное платьице — синее в белую полоску — и шла, как она говорила, на люди. Она просто болталась по городу и смотрела во все глаза, что делается вокруг.

И вот однажды в воскресенье, когда она стояла на углу возле рынка, кто-то тихо позвал ее:

— Зина, это ты?

Она обернулась и увидела девушку, вместе с которой работала в больнице.

— Юлька! Здравствуй! — обрадовалась Зина. Они обнялись, будто были подругами. А на самом деле тогда в больнице они мало знали друг друга.

— Познакомься, это мой муж, — сказала Юля и за руку подтащила стоявшего поодаль плечистого парня с добродушным улыбчивым лицом.

— Саша, — сказал он и так сжал руку Зины, что она вскрикнула.

— Ты что тут делаешь? — спросила Юля.

— Я? Ничего. Гуляю, — беспечно ответила Зина.

— Работаешь? Учетчица на бирже?

Зина махнула рукой:

— Лишь бы зарплата да карточки. А ты где?

— О! У меня должность самая ответственная, я жена своего мужа, — весело сказала Юля.

— Она замечательная жена, — засмеялся Саша и, обняв Юлю, прижал к своей огромной груди. И шепнул: — Позови ее в гости...

— Сашка, люди кругом, — сказала Юля, высвобождаясь из объятий мужа.

Зина смотрела на них с завистью.

— Чего смотришь так? Завидуешь? В одночасье устроим, — рассмеялась Юля и серьезно спросила: — Ты что собираешься делать?

— Ничего.

— Идем к нам, попьем чаю, поговорим.

Чай был необыкновенно вкусный, с вареньем, с мягкими домашними коржиками. За столом разговаривали о чем угодно. О том, как варить кисель из давленого винограда. Как смешно немцы, не зная русского языка, пытаются говорить с нашими. Что на рынке появился какой-то свихнувшийся старик, который, как увидит немца, становится руки по швам и во все горло поет «Боже, царя храни»...

Стало темнеть. Юля занавесила окна и зажгла керосиновую лампу под зеленым стеклянным абажуром. За столом стало еще уютнее. Зина с тоской подумала, что ей надо уходить, — приближался комендантский час, и она окажется в своей комнатушке, где даже света нет никакого.

В окно дважды отрывисто стукнули по раме.

— Серега, беспризорник наш! — воскликнул Саша и пошел открывать дверь.

Гостя усадили рядом с Зиной. Уголком глаза она видела его худое и, как ей показалось, усталое лицо.

— Думаю, дай хоть на минутку загляну до комендантского часа, — говорил гость сипловатым тенорком. — А главный расчет — хоть немного подзаправиться на сон грядущий.

— Ты у нас всегда на учете, — смеялась Юля, ставя перед Сергеем тарелку с вареной картошкой, политой подсолнечным маслом. Он съел эту картошку в одну минуту

и принялся за чай. Делал он все стремительно, успевая, впрочем, участвовать в разговоре.

И вдруг он будто только сейчас обнаружил, что рядом с ним сидит незнакомая девушка, хотя Федорчук еще в передней шепнул ему, какая у них полезная гостья и что надо завязать с ней знакомство.

— А я же вас и не знаю. Как вас зовут? — спросил он Зину.

— Ну и люди мы! — спохватилась Юля. — Забыли познакомить. Это Зина.

— Стало быть, Зина? — спросил Сергей. — А я Сережа.

— Знаю, — сказала Зина и засмеялась.

Скоро пришлось уходить. Саша шутливо приказал Сергею проводить Зину до дому:

— Головой отвечаешь мне за нее...

Они быстро, почти бегом шли по улице — приближался комендантский час. Сергей вел Зину под руку, и это ее смущало и сковывало. Она вообще не любила и не умела ходить под ручку. Разговор у них не получался.

— А чего это Саша зовет вас беспризорником? — спросила Зина.

— Согласно анкете, я из детдома.

— И я тоже, — удивилась и обрадовалась Зина.

— Сестричка, значит? — Сергей сжал ее локоть. — Мне другой раз кажется, что каждый второй прошел через это.

— А я ни одного нашего еще не встречала, — сказала Зина. — Разве только одну подружку, еще до войны.

Они подошли к дому Зины, попрощались церемонно за руку, и Зина прошмыгнула в калитку.

После этого они стали встречаться каждый день. Сергей приходил к бирже к концу рабочего дня, встречал Зину, и они шли гулять. Они вспоминали каждый про свой детдом, и все у обоих было похоже. Но Зина начала бояться Сергея. Ее настораживала его порывистость. Однажды, когда они прощались возле ее дома, он схватил ее неловко за шею и пытался поцеловать. Она уперлась ему в грудь локтем и нечаянно, очень больно ударила его головой в подбородок. Он сразу отпустил ее и, потрогав подбородок, сказал мрачно:

— Зубы, кажется, целы, и то хорошо. Спокойной ночи. — И ушел.

Зина боялась, что их знакомство на том и оборвется.

Но как раз в это время Дымко получил приказ Шрагина сблизиться с Зиной. Да и без этого он не оборвал бы с ней

знакомства — сам понимал, как может это пригодиться для дела. И наконец, девушка ему попросту все больше нравилась. Словом, на другой день Сергей как ни в чем не бывало ждал ее у биржи. В этот раз он был молчалив и задумчив. «Обижается», — решила Зина. Но он вдруг сказал:

— У меня, сестренка, компотное положение с работой, — сказал он, решив, не откладывая, выяснить, способна ли Зина оказать помощь.

— На учете у нас стоишь? — спросила она.

— Нельзя, сестрица, могут упечь в Германию за здорово живешь. Уж больно возраст у меня для них нужный.

Зина молчала, она знала, что опасения Сергея основательны. Последнее время Легавый завел специальную регистрацию безработных мужчин, которым меньше тридцати лет. Сказал при этом, скалясь желтыми зубами: «Экскурсанты — поедут Европу глядеть...»

— А нельзя там у вас сварганить какую-нибудь справку? — осторожно спросил Сергей. — Ну, что предъявитель сего работает там-то и там-то и чтобы печать с подписью?

— Нельзя, — ответила Зина. — Нас каждый день стращают, и начальство за каждым бланком в три глаза смотрит.

— Мельчает, я вижу, наше детдомовское племя, — вздохнул Сергей. — Да если бы меня кто из своих детдомовских попросил на стену влезть, я бы в один миг...

— Нельзя, — строго повторила Зина и уже мягче добавила: — Не могу, Сережа.

— На нет и суда нет, — весело сказал Сергей. — Спасибо этому дому, пойдем к другому.

— Никто тебе этого не сделает, — будто испугавшись, сказала Зина.

— И даже директор биржи? — спросил Сергей.

— Легавый-то? И не думай даже. Он тебя в два счета в тюрьму отправит.

— Тогда табак мое дело, — вздохнул Сергей и сжал ее локоть.

Они снова шли под ручку, Зина к этому уже начинала привыкать.

На другой день Зина все время думала о справке для Сергея. Но стоило ей поднять взгляд, как она натыкалась на водянистые глаза Легавого, и у нее сразу начинали дрожать руки, будто она уже подделала эту страшную справку и Легавый знает об этом.

Вера Ивановна спросила ее:

— Зина, у тебя что-нибудь случилось?

Зина вздрогнула и, взяв себя в руки, спокойно сказала:

— Что может со мной случиться, разве что влюблюсь?

— Ну, это не беда, — улыбнулась Вера Ивановна. — Хотя вроде и не время.

— Почему это не время? — задорно спросила Зина, чтобы отвлечься от своего страха. — «Любовь нечаянно нагрянет, когда ее совсем не ждешь», — тихонько пропела она.

— Эй, дочка́! Может, ты лясы будешь дома точить, а тут надо работать! — крикнул из своего угла Легавый...

В этот день, когда Зина вышла из здания биржи, Сергея на обычном месте не оказалось. Она встревожилась. Часа два бродила по городу, думая о том, что могло с ним случиться, и, не выдержав характера, пошла к Юле.

Юля сразу увидела, что Зина встревожена. Обняла ее за плечи, ввела в дом, посадила за стол, поставила перед ней стакан чаю и сама села напротив нее.

— Что с тобой? Ты лучше скажи, легче будет.

Зина молчала и не притрагивалась к чаю.

— Что-нибудь с Сергеем?

— Ты не знаешь, где он? — не выдержала Зина.

— Они с Сашей пошли куда-то насчет работы, ведь Сергея твоего могут запросто угнать в Германию.

— Почему это моего? — фыркнула Зина.

— Ну, нашего, все равно, — тихо произнесла Юля и, вздохнув, добавила: — Чудесный он парень. Поженились бы, стало бы вам обоим легче в этом аду. Знаешь, как хорошо, когда рядом верный человек!..

Зина вспыхнула, уже готова была защититься грубой шуткой, но не сделала этого, промолчала и тут же ушла.

Назавтра Сергей был на месте, и Зина так обрадовалась, увидев его, что, сама того не заметив, побежала к нему, но, не добежав немного, вдруг испугалась своего порыва, остановилась и стояла как вкопанная, пока Сергей сам не сделал к ней несколько шагов.

Они пошли уже привычным им маршрутом, по тихим маленьким улочкам, минуя центр города.

— Я знаю твой вчерашний разговор с Юлей, — сказал Сергей.

— Какой еще разговор? — спросила Зина, холодея.

— Какой, какой... Ну, что скажешь?

— Ей и скажу при случае, — тихо ответила Зина.

Они некоторое время шли молча, и вдруг Сергей сказал:

— Правда, Зина, давай жить вместе. Ей-богу, веселей будет.

— Как это жить? — спросила Зина.

— Как все живут, семейно.

— А любовь? — спросила Зина, сама не очень-то понимая, что это такое.

— Стихи не пишу, — усмехнулся Сергей.

Зине казалась, что все это он говорил несерьезно, а главное, совсем не теми словами, о которых ей иногда мечталось, но одновременно она видела его беспокойное лицо, его тревожный, ожидающий взгляд и вдруг почувствовала, что он не шутит.

— Ну так как, Зина? — нетерпеливо спросил Сергей и остановился.

— Как же ты про это думаешь? Без всякой записи? — помолчав, спросила Зина.

— Почему? — возразил Сергей. — Какая у них тут будет запись, кто знает... К тому ж их запись для меня ничто. А друзья мои уже сделали разведку насчет попа и всего такого прочего. Там в церкви и запись ведут по-старинному. Правда, поп цену заломил — упадешь.

— В церкви? — удивилась и обрадовалась Зина. Она видела в каком-то фильме церковное венчание, и оно ей очень понравилось. Там все было так торжественно, красиво, с пением.

— Больше же негде, — сказал Сергей и снова спросил: — Ну, что ты решаешь?

— А ты меня не бросишь? — Зина смотрела ему в глаза, и он видел в них веселые искорки.

— Только б ты меня не бросила, — тихо сказал он и осторожно, совсем не так, как в первый раз, ласково притянул ее к себе и стал искать ее губы...

В воскресенье утром по главной улице, направляясь к церкви, степенно двигался свадебный кортеж на двух извозчиках. Моросил дождь, и верх над пролетками был поднят. Верх этот был из желтой, грязной кожи и весь в дырках. Да и сами пролетки имели такой вид, будто их вырыли из земли. В самом деле, где они были, пока по этим улицам бегали такси и трамваи?

Прохожие, увидев кортеж, останавливались и удивленно смотрели ему вслед: кому это сейчас пришло в голову же-

ниться да еще свадьбу играть? А немцам это зрелище нравилось. Они смеялись, кричали что-то вслед процессии.

В первой пролетке сидела молодая и старший боярин Харченко. У него через плечо был повязан вышитый рушник. Во второй пролетке жених сидел между стариком и старухой — это были Михаил Степанович Быков и его жена Ольга Матвеевна— хозяева дома, в котором провел первую тайную ночь и теперь жил Харченко. Жених — Сергей Дымко — украдкой любовно посматривал на своих посаженых батько и мамашу и диву давался, с каким истинным достоинством играли старики свои свадебные роли. Он знал, что они без особого раздумья оставили у себя Харченко. Мало того, они сумели через церковь получить фальшивую метрику, свидетельствующую, что Харченко усыновлен ими еще в 1930 году. Когда Харченко попросил их участвовать в свадьбе, старики сразу согласились. Харченко рассказывал, что их беспокоило только одно — не произойдет ли на свадьбе какая-нибудь стрельба и что в таком случае не надо брать с собой Ольгу Матвеевну, потому что она не переносит выстрелов...

В церкви было темно, как в погребе. Поп выглядел довольно странно — наголо бритый и даже без усов. Он встретил приехавших на паперти, торопливо провел в церковь и, взяв Харченко за руку, отошел с ним в сторону. Они долго о чем-то шептались.

— Ладно, дадим тебе еще две пачки чаю, и шабаш, — громко сказал Харченко и вернулся к молодым.

— Осьмушки или четвертушки? — поинтересовался поп.

— Ты сказал бы еще, по кило каждая, — разозлился Харченко. — Как тебе не стыдно из церкви ларек делать? Осьмушки, осьмушки...

— Ладно, идите к церковным вратам, — сказал поп и куда-то скрылся.

Вскоре он снова появился, уже в рясе, довольно потрепанной. Рядом с попом семенила сгорбленная крохотная старушонка в таком длинном черном платье, что оно волочилось за ней, как хвост.

— Молодые, станьте сюда, — распорядился поп, показывая на низкую кафедру, на которой лежала большая книга с крестом на переплете. Зина и Сергей стали рядом. Позади них — Харченко со своими стариками.

— Зовут как? — строго спросил поп.

— Зинаида и Сергей, — ответила за двоих Зина. Она

очень волновалась и боялась чего-то, ей хотелось, чтобы все поскорее кончилось.

Поп посмотрел на нее насмешливо и, задрав голову вверх, громко проголосил:

— Венчаются раба божья Зинаида и раб божий Сергей. И да пусть... — больше из того, что он бормотал, резко снизив тон, ни одного слова разобрать было нельзя. Харченко знал, что поп до прихода немцев был бухгалтером строительного треста и, конечно, ничего не понимал в церковной службе, но наблюдать за этим самодельным попом было смешно. А молодые, казалось, не замечали комизма положения и были полны серьеза и трепета.

Побормотав минуты две, поп вдруг умолк и строго спросил Сергея:

— Будешь верен своей жене?

— Буду.

— Гляди! — пригрозил ему пальцем поп и обратился к Зине: — А ты?

— Буду, буду, — быстро проговорила она.

— Гляди! — пригрозил поп и ей, после чего он сошел со своего пьедестала и, задрав до груди рясу, вытащил из кармана бумажку. — Сейчас, я только фамилии ваши проставлю и в книгу занесу...

Харченко взял у него справку, проверил, что в ней написано, проверил запись в книге и после этого отдал попу две осьмушки чаю, сказав при этом:

— Живодер ты, а не поп.

— Каждый живет, как может, — ответил поп, поглаживая свою бритую голову.

Из церкви все уже пешком отправились к Федорчукам, где их ждал свадебный стол...

Глава 12

Штурмбаннфюрер Вальтер Цах рассказывал Релинку о подготовленной им акции «Шесть лучей». Именно рассказывал, а не докладывал. Начальник полиции безопасности вообще не был обязан отчитываться перед старшим следователем СД. И если он пришел к нему, то только потому, что знал, какой большой опыт у Релинка в проведении подобных акций и что в СД города он фигура наиболее значительная. И все же разговор их вроде неофициальный. Вот и встретились они не на службе, а в воскресный вечер в особняке, где жил Релинк. Они сидели на тесном балконе, выходившем в сад.

Плетеные кресла еле поместились на балконе, и собеседники все время чувствовали колени друг друга. Но зато можно говорить совсем тихо, тем более что обоим известен параграф 17 инструкции Гейдриха, в котором особо подчеркивается секретность именно этих акций.

— По-моему, шифр операции подобран неудачно, — сказал Релинк. — Каждому дураку ясно, что речь идет о шести лучах еврейского клейма.

Цах, не моргнув глазом, проглотил «дурака» и спросил:

— А что, если ее назвать просто акция номер один?

— Во всяком случае, лучше, — ответил Релинк. — На сколько человек вы рассчитываете акцию?

— Я думаю, что по первому приказу о явке придут около двух тысяч человек и через неделю столько же по второму приказу.

— Возможность побега из города, надеюсь, предусмотрена?

— Да, все сделано. У нас единственная трудность — довольно большое расстояние от места сбора до места акции.

— Это очень плохо, Цах, — с мягкой укоризной сказал Релинк. — Каждый лишний десяток метров пути — это лишний шанс расшифровки акции.

— Но мы их доставим туда ночью.

— Как вы их доставите? У вас будет для этого необходимый транспорт?

— Я провел хронометраж. Ночью гнал по маршруту полицейских. Получилось девятнадцать минут. Учитывая, что в колонне будут и старые люди, планирую тридцать минут.

— А вы помните случай в Польше, когда пять тысяч человек просто отказались идти и сели на дорогу! Что будет, если предчувствие не обманет и ваших?

— Что вы предлагаете?

— Я предлагать не могу вообще.

— Я все-таки проведу их за тридцать минут! Не то чтобы сесть на дорогу, подумать об этом не успеют, — энергично сказал Цах.

Они разговаривали вполголоса, совершенно спокойно, как могут говорить о своих делах любые люди. И они будто не знали, что каждое их слово — это автоматная очередь, предсмертные крики женщин и детей, шевелящаяся земля над могилами тысяч людей, виноватых только в том, что они родились евреями.

Нет, они знали! И именно поэтому они заменили предло-

женный Цахом не слишком хитрый шифр операции. Они знали, и именно поэтому Релинк избрал местом разговора этот тесный балкон. Они знали, и поэтому их так заботило скрытие акции от посторонних глаз.

Релинк и Цах закончили свой разговор на балконе и некоторое время молчали. После недавнего дождя в саду позванивала капель, в небе сверкали, будто вымытые, крупные звезды. Какая-то бессонная чайка метнулась над садом, и от ее пронзительного тоскливого крика вздрогнули те, на балконе.

— Завтра в это время мы начнем, — сказал Цах, вставая.

— Позвоните по окончании. Желаю успеха.

— Я в нем уверен. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Релинк проводил Цаха до ворот и потом долго гулял по саду. Он завидовал Цаху — у того уже началась настоящая работа, а ему приходится заниматься пока очень нужным, но, увы, не самым интересным делом.

Весь день он провел на конспиративной квартире, куда к нему по строгому графику водили людей, завербованных в секретные агенты СД. Удивительно, как похожи друг на друга все эти люди — и во Франции, и в Голландии, и в Польше, и здесь. После двух-трех бесед Релинку казалось, что вместе с каждым кандидатом в агенты в комнату почти зримо входили либо страх, либо алчность, либо ненависть. После каждого разговора он записывал в свою крохотную записную книжечку кличку агента и в скобках ставил одно из тех слов: «страх», «алчность», «ненависть». Это чтобы потом всегда помнить главную душевную пружину агента. Помнить это очень важно, ибо, что по силам ненависти, не может осилить алчность и тем более страх... Подготовительную, самую первичную работу с агентами Релинк не любил, потому что люди эти ему были не интересны и заранее во всем понятны.

Релинк вернулся домой поздно.

Он заснул быстро и крепко, как засыпают люди, у которых здоровье и нервы в полном порядке и которые от завтрашнего дня не ждут никаких неожиданностей, так как считают, что свое завтра они делают сами...

Но в половине третьего ночи его поднял с постели телефонный звонок из СД.

— Позволю себе звонить на правах коменданта, — услышал он, как всегда, веселый и, как всегда, надтреснутый

голос Брамберга. — К нам тут явился очень интересный тип.

— Сам явился?

— Да.

— Что ему надо?

— Требует, чтобы с ним говорило начальство повыше меня.

— Так арестуйте его, и завтра разберемся.

— Но мы же договорились на первых порах добровольцев не брать. Притом нюх меня обманывает редко. Вам стоит приехать. От этого типа идет крепкий запах.

— Ладно, высылайте машину...

Релинк сидел за столом, еще не совсем проснувшись, когда к нему ввели того, кого Брамберг называл интересным типом. Да, этого не могли сюда привести ни страх, ни алчность. В облике вошедшего были лишь независимость и уверенность. Перед Релинком стоял крепкий, осанистый мужчина лет пятидесяти, с крупным волевым лицом. Его массивная голова была на такой короткой шее, что казалось, будто она приросла прямо к плечам.

Не дожидаясь приглашения, он сел на стул и, внимательно смотря на Релинка, спросил:

— С кем имею честь разговаривать?

— Здесь обычно первый спрашиваю я, — улыбнулся Релинк, уже предвкушая интересный и сложный кроссворд.

— Моя фамилия Савченко, Илья Ильич Савченко. Но это ровным счетом ничего вам не говорит.

— Начальник СД доктор Шпан, — назвал Релинк не свою фамилию.

— Почему же вы принимаете меня не в своем кабинете? — спокойно спросил Савченко.

— Разве суть разговора может зависеть от мебели? — в свою очередь, спросил Релинк.

— Ну, а все же?

— Вы пришли в учреждение, где я могу позволить себе фантазию принимать людей в любом из кабинетов. И вам не кажется, что мы начали разговор не самым деловым образом?

— Кажется, — согласился Савченко и неторопливо достал из кармана коробку папирос и спички.

— Я не курю, — сухо заметил Релинк, и это была его первая проба собеседника на характер.

Поискав глазами пепельницу и не найдя ее, Савченко положил погашенную спичку в коробку с папиросами.

— Я пришел к вам... по указанию украинской националистической организации, — многозначительно сказал он, шумно раскуривая отсыревшую папиросу.

— Что за организация? — вяло поинтересовался Релинк.

Савченко, не глядя на него, удивленно поднял брови:

— Вам известна такая фамилия — Бандера?

— Да.

— То, что вы находитесь на территории Украины, тоже, надеюсь, вам известно?

— Безусловно.

— Это автоматически освобождает меня от объяснения, какую организацию я представляю.

— Но в вашей организации, я знаю, есть какие-то разветвления, оттенки, нюансы. И вот в этом, признаюсь, я еще не успел разобраться, — ответил Релинк.

— Видите ли, это не совсем верно, — огорченно сказал Савченко. — Разветвления, или, как вы говорите, нюансы, существуют, к сожалению, только в нашем заграничном руководстве, где, кроме подлинного вождя Украины Бандеры, бьются за власть и за место возле украинского пирога различные деятели рангом пониже и умом победнее. А здесь, на месте, мы абсолютно едины в нашей любви к Украине и в нашей ненависти к коммунистам. До первых дней войны я находился во Львове, а затем согласно приказу Бандеры прибыл сюда, чтобы возглавить местную организацию и установить с вами деловой контакт. Моя область — весь юг Украины. Мы не торопимся и не хотим торопить вас. Мы понимаем, что первая ваша задача — расчистить город. Но сегодня мы решили, что уже сейчас можем быть вам полезны. С тем я и пришел. Должен извиниться, что пришел в поздний час, но нужна осторожность.

— Понимаю, понимаю, — рассеянно проговорил Релинк, вспоминая в это время все, что говорили ему в Берлине по поводу использования украинской националистической организации. А говорили ему, что публика эта может быть и полезна и опасна. Их ненависть к Советам, ко всему, что идет от Москвы, следует использовать, но нужно всегда помнить, что они хотят с помощью немецкой армии стать во главе самостийной Украины, а это, кроме как им самим, никому не нужно. Так что контакт с ними следует поддерживать и извлекать из этого максимум пользы, но подпускать их к власти нельзя. Им даже не надо давать на этот счет никаких конкретных обещаний. Максимум — участие в органах местного управления.

— Могу ли я знать численность вашей организации? — спросил Релинк.

— Все украинское население города. Но точнее об этом позже и вообще все организационные вопросы — позже. Сегодня я явился к вам с одним совершенно конкретным делом.

— Слушаю вас.

— Вы знаете о том, что местный горком партии оставил в городе хорошо вооруженное подполье?

— Во всяком случае, думал об этом, — равнодушно ответил Релинк.

— По нашему мнению, вы должны уже не думать, а действовать. Мои люди обнаружили в городе больше десятка оставленных здесь коммунистов, сменивших не только место работы, но и все свое обличье... — Савченко выжидательно замолчал.

— Дальше, — попросил Релинк.

— Я ждал, что вы спросите фамилии и адреса этих коммунистов, — улыбнулся Савченко.

— Это мы узнаем сами, — небрежно обронил Релинк.

— Не сомневаюсь. — Савченко затянулся дымом папиросы и добавил: — Но если у вас возникнут трудности, мы поможем, только скажите.

Релинк выругался про себя. Черт его дернул самому отрезать возможность сейчас же спросить фамилии оставшихся в городе коммунистов.

А Савченко в это время думал о том, что его собеседник, пожалуй, не так уж хитер и легко впадает в фанаберию. Он собирался уже сегодня парочку фамилий обменять на кое-какие привилегии для членов своей организации, а дело явно затягивалось.

— Что у вас ко мне еще? — спросил Релинк.

— Мне хотелось бы еще только высказать пожелание, чтобы вы и другие оккупационные власти при подборе работников для различных целей делали некоторое предпочтение нашим людям. Только и всего.

— Лично я это обещаю, — заявил Релинк. — Что же касается других оккупационных институтов, вам, вероятно, придется установить контакт и с ними.

— Мне этого не хотелось бы делать. На этот счет желательна ваша авторитетная рекомендация. Вы могли бы, например, сообщить мой адрес кому надо, тогда я знал бы, что назревающий контакт вами одобрен. Словом, пока мне хотелось бы иметь дело только с вами.

— Я подумаю об этом, — ответил Релинк. — Прошу ваш адрес, а заодно и документы, подтверждающие ваши полномочия.

Савченко неторопливо вынул из кармана аккуратно сложенную бумагу и протянул ее Релинку.

Это оказался вполне официальный документ, подписанный самим Бандерой и на его личном бланке. В нем было даже обращение к немецким оккупационным властям «оказывать Савченко И. И. всяческое содействие в выполнении им высокого национального долга».

Релинк вернул документ.

Савченко сказал:

— Мой адрес: Первомайская улица, двадцать девять, спросить Евдокию Ивановну.

Релинк записал адрес и поблагодарил Савченко за полезный визит.

— Я хотел бы, перед тем как попрощаться, внести в наши отношения дополнительную ясность и для этого говорю: до свидания, господин Релинк, — с любезной улыбкой сказал Савченко.

Релинку ничего не оставалось, как тоже улыбнуться и сказать:

— До свидания, господин Савченко.

В кабинет заглянул Брамберг, он без слов спрашивал, как поступить с посетителем.

— Выпусти его и сейчас же вернись ко мне, — распорядился Релинк.

Вернувшийся Брамберг уже понимал, что в чем-то провинился, и преданно смотрел в глаза Релинку.

— Откуда он узнал мою фамилию? — холодно спросил Релинк.

— Когда я сказал ему, что вы сейчас приедете, он спросил, как к вам обращаться. И я сказал ему: «господин Релинк», вот и все.

— Осел! — тихо произнес Релинк. — Запомни этот случай на все время, что я еще буду тебя терпеть.

— Запомню, — четко произнес Брамберг. — Я могу идти?

— Машину к подъезду, — приказал Релинк.

— Уже стоит.

— Тогда иди к черту!

— Слушаюсь, пошел. — Брамберг круто развернулся и, печатая шаг, направился к дверям.

Глава 13

Оккупанты цепко брали в свои руки все, в том числе и тех, кто остался на заводе. Немецкие специалисты за редким исключением хорошо знали дело и зорко следили за работой русских. Все заводские инженеры, а их в конце концов набралось около десятка, работали бок о бок с немецкими. В этих условиях саботаж почти исключался, он был бы немедленно обнаружен, тем более что новые хозяева завода ждали саботажа и были настороже. Для Шрагина же видимость его добросовестной работы была единственной возможностью прочно закрепиться и легально жить в городе.

Адмирал Бодеккер запомнил его с первой встречи и затем убедился, что он знающий инженер и умный человек. Однажды после совещания специалистов адмирал попросил его остаться.

— У меня для вас интересное предложение, — сказал Бодеккер, поглаживая ладонью седой ежик волос. — Мне нужно, чтобы у меня под рукой всегда был русский инженер, который являлся бы унформером, преобразующим немецкую инициативу и энергию в русскую и наоборот, причем в масштабе всего подчиненного мне Черноморского бассейна. Идеально, чтобы унформер хорошо знал, как вы, немецкий и русский языки. Что вы скажете?

Шрагин не торопился отвечать, да и не знал, как ответить. Он полагал, что не имел права так круто связать себя с делами адмирала, но отказаться без убедительной для Бодеккера мотивировки тоже было нельзя. Наконец сам адмирал очень интересовал Шрагина — это был, судя по всему, крупный специалист-судостроитель с очень высоко идущими связями и, кроме того, немец с самостоятельными и далеко не стандартными взглядами. Чего стоит одно его выступление на первом же совещании инженеров, когда он попросил при обращении к нему не упоминать его адмиральского звания. Он сказал, что это только удлиняет разговор и, кроме того, каждый раз заставляет от гнева переворачиваться в гробу знаменитого Нельсона, которого он глубоко уважает... Шрагин видел, как при этом переглянулись немецкие инженеры. Шутка сказать, немецкий адмирал открыто заявляет о своем уважении к английскому адмиралу...

— Ну, так что вы скажете? — снова, уже нетерпеливо спросил Бодеккер.

— Я прошу дать мне возможность подумать, — ответил Шрагин.

— Вы, очевидно, разгадали мою слабость... — добро-

душно сказал адмирал, его светло-карие глаза смеялись. — Я люблю, когда мои люди думают.

Они помолчали.

— Подумайте, кстати, еще и о том, — уже серьезно добавил он, — что нам все-таки делать с плавучим краном. Вы его не осматривали?

— Такого приказа не было, господин адмирал.

— Если русские воспримут немецкую привычку все делать только по приказу, не будет у нас толка, — поморщился Бодеккер. — Прошу вас, осмотрите кран. А ответ на мое предложение я хочу услышать сегодня, в восемнадцать ноль-ноль...

Шрагин шел к причалу, где стоял кран. Все, что он видел по пути, не могло его не радовать. Обещанная Берлином немецкая ремонтная и всякая другая техника до сих пор не прибыла. На стапелях чернела обгорелая громада недостроенного военного корабля. При отступлении наши саперы пытались его взорвать, но только покалечили немного. Чтобы разрушить такую громадину, наверно, нужен был вагон взрывчатки. Сейчас возле корабля не было видно ни одного рабочего. А Бодеккер грозился весной спустить его на воду. Плавучий док, надобность в котором была очень велика, по-прежнему стоял полузатопленный у того берега залива, и румынские солдаты, купаясь, прыгали с него в воду. На том берегу была территория, отданная румынам. По-прежнему не хватало рабочих. Словом, хваленая немецкая организованность здесь явно давала осечку.

Шрагин остановился возле плавучего крана. На внешнем его борту, свесив в море ноги, рядком сидели человек десять рабочих. Прислонившись грудью к перилам, бездумно смотрел вдаль знакомый Шрагину Павел Ильич Снежко. Он теперь возглавлял ремонтную бригаду.

— Павел Ильич! — позвал его Шрагин.

Снежко вытянулся и закричал во все горло:

— Лодыри, кончай кемарить!

Рабочие не спеша поднялись и, недобро посматривая на своего бригадира и на Шрагина, пошли к ручному насосу, установленному на палубе крана.

По настланным с причала упругим доскам Шрагин перебрался на кран.

— Ну, что у вас тут делается? — громко спросил он у Снежко.

Насос перестал скрипеть. Послышался чей-то насмешливый голос:

— Качаем воду из моря в море.

— Отставить разговоры! — гаркнул Снежко.

Помпа снова заскрипела, и из выброшенного за борт брезентового рукава полилась в море ржавая вода.

— Вот откачиваем согласно приказу немецкого инженера, — огорченно сказал Снежко. — А только течь дает больше, чем мы выкачиваем. Надо бы достать мотопомпу.

— Спустимся в трюм, — предложил Шрагин.

Первый момент в темноте ничего нельзя было разглядеть, только тускло блестела вода, заполнявшая весь трюм.

— Вон там дыра почти что аршин в диаметре, хорошо еще, что со стороны причала, — пояснил Снежко.

— Что же тут хорошего? — спросил Шрагин. — Кран опасно накренен на ту сторону и может перевернуться.

— А что можно сделать?

— Надо подумать, рассчитать, — вслух, про себя размышлял Шрагин. — Конечно, расчетная плавучесть у него огромная. И все же крен опасный. Ведь все рассчитано на строго горизонтальное положение крана, тогда он берет на себя великие тяжести. Но крен все это перечеркивает. Переборки внутри отсеков целы?

— Вроде целы, — неуверенно ответил Снежко. — Видите, почти вся вода с одной стороны.

Шрагин в это время разглядывал сдвинутые узлы крепления переборок и размышлял о том, что затопить эту махину совсем не трудно...

Снежко задумался:

— Если вы говорите, что в ровном положении плавучесть у него большая, может, открыть кингстон с левой стороны и пуском воды выровнять крен?

Вот! Именно это! Даже если чуть приоткрыть кингстон, его уже никто не удержит, тяжесть крана обеспечит такой напор воды, что она сорвет кингстон, и тогда кран в течение часа пойдет на дно.

Над их головой по железной палубе загремели чьи-то шаги. Шрагин и Снежко вылезли из трюма и увидели немецкого инженера Штуцера — молодого и, как всегда, франтоватого паренька, который в отличие от Бодеккера всегда требовал, чтобы его величали инженер-капитаном. Шрагин уже имел возможность выяснить, что за душой у этого инженер-капитана, кроме звания и наглой самоуверенности, нет ничего, и прежде всего нет опыта.

— Здравствуйте, господин инженер-капитан, — почтительно приветствовал его Шрагин.

— Что вы там выяснили? — начальственно спросил Штуцер.

— Положение сложное, — огорченно сказал Шрагин. — Необходимо какое-то смелое решение, иначе кран может перевернуться. Дело в том, что вода заполняет только одну полость трюма. У бригадира есть предложение приоткрыть кингстон с левой стороны и впуском воды выровнять крен, но я на это не могу решиться, да и не имею права.

— Но ведь сейчас крен — главная опасность! — сказал Штуцер, сам идя в западню.

— Безусловно... — подтвердил Шрагин. — И если он перевернется, тогда беда. А если бы, выровняв крен, вы со своим авторитетом добились на сутки хотя бы одной мотопомпы, все было бы в полном порядке.

— Так и сделаем, — быстро сказал Штуцер. — Приказываю выровнять крен, а завтра будет помпа. — Он посмотрел на часы и ушел с крана легкой балетной походкой.

Шрагин разговаривал со Штуцером по-немецки, и все это время Снежко, ничего не понимая, вытянувшись, стоял рядом. Когда Штуцер ушел, Шрагин сказал бригадиру:

— Инженер-капитан Штуцер одобрил ваше предложение насчет кингстона, приказал действовать, а завтра утром будет помпа.

— Может, подождать, пока получим помпу?

— Есть приказ инженер-капитана, — сухо сказал Шрагин. — И на вашем месте я не брал бы на себя ответственность изменять его распоряжения...

Пройдя полпути к заводоуправлению, Шрагин оглянулся — Снежко все еще стоял на том же месте, возле лестницы в трюм крана.

Адмирал Бодеккер не принял Шрагина, он торопился на какое-то совещание. Только спросил на ходу:

— Что решили с краном?

— Какое-то решение принял инженер-капитан Штуцер, — небрежно ответил Шрагин.

На мгновение Бодеккер задержал шаг, и в глазах у него появилось недовольство, но, к счастью, только на мгновение.

— Я ухожу, — сказал он, — на мой вопрос ответите завтра утром. До свидания.

Шрагин потолкался немного в дирекции и тоже ушел. За воротами завода его ждала вторая его нелегальная жизнь...

Хотя Харченко и Федорчук говорили Шрагину, что Сергей

Дымко с Зиной живут дружно, хорошо, он поначалу тревожился. Он помнил Дымко по первому разговору, помнил его неуверенность в себе, его чисто юношескую порывистость, так подкупившую его, и думал, что Сергей легко может попасть под влияние жены, а тогда все будет зависеть от того, какой она человек, эта Зина. Но тревога Шрагина оказалась напрасной. Встретившись с Дымко, он с удивлением наблюдал, как изменился парень: посерьезнел, весь как-то подобрался, даже говорить стал иначе — скупо и точными словами. Шрагин поздравил его с женитьбой и пожелал ему счастья. Дымко даже не улыбнулся, сказал тихо:

— Спасибо. Все теперь стало и сложней и радостней.

Шрагин понял, о чем он думает, но решил вызвать его на более подробный разговор — спросил:

— А почему сложней?

— Я теперь отвечаю и за себя и за нее. И она — тоже.

— А она понимает это?

Дымко посмотрел прямо в глаза Шрагину.

— Не тревожьтесь, Игорь Николаевич, прошу вас. Зина — человек надежный.

— Она знает о вас все?

— Да, — твердо ответил Дымко и спросил: — А как же ей не знать, если она для всех нас справки на своей бирже добывает?.. Рискуя жизнью, между прочим...

Да, Зина как-то сразу вошла в дела группы. Она оказалась действительно неунывающей девушкой. Но совсем не легкомысленной. У нее появились смысл и цель жизни, и ей не понадобилось объяснять, что она получила неспокойное счастье. Она сама сказала Дымко: «Ты меня не оберегай, цветочки я буду разводить потом...»

Вскоре она принесла с биржи пачку чистых бланков для справок, оттиск печати и образчик подписи Легавого и немецкого директора биржи. Подпольщики изготовили из куска резины печать и так научились подделывать подписи биржевого начальства, что оно само не обнаружило бы подделки.

Все участники группы получили, наконец, довольно надежные документы. Дымко и Харченко, подчиняясь справке, которую они сами изготовили, пошли работать на открытую немцами и работавшую для армии макаронную фабрику...

Так неожиданно решилась очень трудная задача, и Шрагин с благодарностью думал о Зине.

А вот у Федорчука с его Юлей возник настолько опасный конфликт, что Шрагин нашел нужным вмешаться. Энергич-

ная, смелая, с волевым характером, Юля рвалась в бой с фашистами и обвиняла Федорчука в бездеятельности и трусости, а тот пока не имел разрешения сказать ей, кто он. Поначалу Шрагин не придавал значения этой истории и не торопился с разрешением Федорчуку открыться перед Юлей. Тогда Юля начала действовать сама. Прекрасно говоря понемецки, она начала напропалую знакомиться с немцами, ходила с ними в кино, на вечеринки и на днях сказала Федорчуку, что скоро с помощью какой-то своей знакомой, работавшей в аптеке, достанет цианистый калий. «Буду травить фашистов, как крыс», — сказала она. А когда Федорчук назвал это дурацкой затеей, она чуть не выгнала его из дому и обозвала дезертиром.

Сейчас Шрагин шел в дом Федорчука...

Григоренко уже стоял в условленном месте. Шрагин медленно прошел мимо него, но вскоре связной обогнал его и пошел шагах в пятидесяти впереди. Он должен подвести его к дому Федорчука, а потом дежурить на улице.

Федорчук встретил Шрагина во дворе своего дома. Они прошли в глубь двора и сели на скамейку.

— Дурацкое положение создалось, Игорь Николаевич, — тихо сказал Федорчук, вспахивая пятерней своей густые светлые волосы.

— Что вы сказали ей обо мне?

— Один мой давний и хороший знакомый, толковый, мол, человек и так далее.

— Вы за нее ручаетесь? — строго спросил Шрагин.

— Как за себя. Она же от ненависти к немцам прямо худеет на глазах.

— Позовите ее.

Юля вышла из дому и твердым мужским шагом приближалась к Шрагину, чуть сузив устремленные на него глаза. Небольшого роста, но широкая в плечах, черные пушистые волосы спадали на плечи. Большие и тоже черные глаза смотрели смело из-под прямых, как стрелы, бровей.

— Здравствуйте, не знаю, как вас звать-величать, — сказала она низким, грудным голосом и села на краешек скамейки.

— Игорь Николаевич, — ответил Шрагин, продолжая ее рассматривать.

— Вы что, свататься пришли? — усмехнулась Юля. — Саша сказал, что вы хотите поговорить о каком-то деле.

— У нас у всех одно дело, — сухо сказал Шрагин. — А если уж зашла речь о Федорчуке, то должен сразу преду-

предить: он отвечает передо мной за каждый свой шаг и без моего разрешения ничего делать не имеет права.

Юля посмотрела на него удивленно и сказала:

— Но меня-то ваша власть не касается. Да и кто вам дал власть над Сашей?

— А это уже не ваше дело, — нарочито резко ответил Шрагин.

Они помолчали.

— Я слышал, вы хотите травить гитлеровцев?

— Для начала хоть это.

— А продолжения может и не быть. Они поймают вас на первом, в лучшем случае — на втором. Не так-то уж трудно им будет установить отравителя. Вы уже достали яд?

— Обещали принести завтра.

— Кто?

— Одна женщина, я ее с до войны знаю. В аптеке работает.

— Вы ее хорошо знаете?

— Мы с ней раньше у одной парикмахерши голову делали.

— Явно не доделали, — резко сказал Шрагин. — Она знает, зачем яд?

— Если б не знала, не дала бы.

— Завтра вы пойдете к ней и скажете, что яд вы искали для себя, придумайте какую угодно причину: разочарование, ревность и тому подобное. И заявите, что вы передумали. Извинитесь, переведите все в шутку. Я не могу допустить, чтобы Федорчук погиб оттого, что какая-то аптекарша, с которой вы вместе ходили к парикмахеру, сболтнет кому-нибудь о ваших детских замыслах.

Юля смотрела на Шрагина широко открытыми глазами. Казалось, она начала что-то понимать. Вдруг она сгорбилась, уронила голову и голосом, полным боли, сказала:

— Поймите, я немка, я не могу. Знакомые соседи пальцами на меня показывают — вот, мол, что значит немка: пришли в город немцы, так она первым делом любовника завела. — Юля подняла голову и, смотря на Шрагина воспаленными, блестящими глазами, сказала: — Я им покажу, какая я немка, покажу!

— Показывать это надо не соседям, которые сами еще неизвестно, как себя поведут, — тихо сказал Шрагин.

— А кому же?

— Вашему другу Федорчуку, — улыбнулся Шрагин. — Это для начала, а затем и мне, если я, конечно, увижу, что

вы не истеричка, а настоящий боец и хотите наносить врагу серьезные удары.

— Кто вы? — спросила Юля.

— Я уже сказал: я отвечаю за все, что будет делать здесь ваш друг Федорчук.

— И за его безделье тоже? — усмехнулась Юля.

— И за безделье тоже.

— С детства не люблю дешевые тайны, — язвительно сказала Юля.

— А дорогие? — спросил Шрагин.

Юля промолчала.

— Расскажите-ка лучше о себе, хотя бы в двух словах.

— Автобиография требуется?

— Да, пока краткая.

— Поинтересуйтесь у товарища Федорчука, он в курсе.

— А он говорил, между прочим, что вы человек серьезный.

— Боже мой, ну никто я, никто! Училась в школе, из-за болезни стариков не кончила, пошла работать. Была санитаркой в больнице. Старики перед войной умерли. Отец был рабочий. Вот и вся анкета.

— В комсомоле состояли?

— Что значит — состояла? Мне же еще нет двадцати семи. По июнь включительно взносы уплачены.

— Кто те немцы, с которыми вы познакомились? — спросил Шрагин.

— Сволочи.

— Офицер? Рядовые?

— Я о рядовых руки марать не собиралась.

— Они не предлагали устроить вас куда-нибудь?

— Предлагал один, — удивилась Юля. — Переводчицей в ресторан для летчиков. Тут, в городе.

— Что вы сказали?

— Сказала: будем посмотреть.

— Надо устраиваться.

— Зачем?

— Нужно, Юля. Очень важно знать, что думают летчики Гитлера, о чем между собой говорят, куда собираются лететь. А переводчик все это может узнать.

— Так что же, прямо вот так идти в этот их ресторан? — спросила она.

— Прямо вот так и идти... И сделать это, Юля, надо быстро. Дня через три-четыре постарайтесь сообщить, чем все кончилось. Скажете Саше, а он передаст мне. Если не

выйдет, подумаем о чем-нибудь другом. Договорились? — Юля кивнула. — Ну что ж, по рукам! А теперь пошлите сюда Сашу. До свиданья.

Федорчук сел рядом со Шрагиным и выжидательно молчал.

— Кто я, ей по-прежнему неизвестно, — сказал Шрагин. — Знает она только, что мы с вами связаны каким-то общим делом. А теперь покажите мне, где спрятана взрывчатка.

Федорчук подвел Шрагина к забору.

— Глядите в щель. Видите недостроенное здание? Сюда, ближе, к самому забору, угол здания. Под ним и зарыто.

Шрагин внимательно осмотрел местность и предложил Федорчуку подумать, как без риска брать из тайника взрывчатку.

— А я уже продумал...

Федорчук провел Шрагина в маленький сарайчик, снизу доверху забитый дровами.

— Вот отсюда я сегодня ночью начну рыть подземный лаз прямо к тайнику.

— Куда будете девать землю?

— А вот туда, на грядки. У меня одна просьба: все, что связано с добычей взрывчатки и ее дальнейшим использованием, я хотел бы делать вместе с Харченко.

— Не возражаю, — отозвался Шрагин. — Как у вас с работой?

— Дымко сработал для меня надежную справочку на случай, если спросят. А с настоящей работой, пожалуй, нужно повременить, пока выяснится, куда мне полезно идти, прихватив взрывчатку.

Все продумал этот спокойный и сильный человек. Шрагин поблагодарил его за это и ушел. Теперь Григоренко сопровождал его, идя позади.

Глава 14

Дверь Шрагину открыла Лиля.

— Как хорошо, что вы пришли! — шепнула она. — У нас ваш начальник адмирал Бодеккер. Его привел генерал Штромм, он сказал, что хочет лично рекомендовать вас адмиралу. А вас нет. Приведите себя в порядок и выходите.

— Хорошо.

Шрагин наскоро побрился, надел белую рубашку с галстуком и вскоре вошел в гостиную.

— Вот и господин И-гор! — крикнул генерал Штромм. — Узнаете его, адмирал?

— Как же, как же... — отозвался Бодеккер. — Мы знакомы.

— Добрый вечер, господа, — Шрагин сделал общий поклон и, подойдя к Эмме Густавовне, низко склонился к ее руке.

— Садитесь на диванчик к Лили, — томно сказала она.

Коньячная бутылка была уже пуста, генерал Штромм разливал в бокалы принесенное им немецкое вино.

— Как можно, господин И-гор, не торопиться домой к такой прелестной жене? — спросил генерал.

Шрагин любезно улыбнулся генералу и обратился к Бодеккеру:

— Я искал одного инженера нашего завода. Мне сказали, что он остался в городе, но где он живет — выяснить не удалось.

— Зачем вам заниматься этим? — загремел генерал Штромм. — Пусть адмирал позвонит коменданту города, и завтра же вашего инженера доставят на завод. И вообще — к черту дела! И этот бокал золотого, как солнце, немецкого вина я хочу выпить за воздух нашего города, за воздух, который в эти дни стал чище.

Генерал выпил вино и, поставив на стол бокал, обнаружил, что больше никто из сидевших за столом свое вино даже не пригубил.

— Господа, в чем дело? Мой тост вам не по душе? Может, у вас в родне есть еврейские хвосты, хо-хо-хо!

Все молчали. И тогда Эмма Густавовна, не столько понимая, сколько чувствуя возникшую за столом напряженность, на правах хозяйки решила исправить положение.

— Ну зачем такие непонятные тосты? — пропела она своим воркующим голосом. — И вообще к чему за столом политика и всякое такое?..

— Непонятные тосты? — удивился генерал Штромм, оглядывая сидевших за столом.

— Я бы сказал — не совсем понятные, — заметил Бодеккер.

— И вам, адмирал? — еще больше удивился Штромм. — Из чистой вежливости в присутствии милых дам я не хотел вдаваться в подробности, но теперь я просто вынужден это сделать. В городе проводится ликвидация евреев, вот и все.

Глаза у Эммы Густавовны округлились.

— Что значит... ликвидация?

— Гнедиге фрау, ради бога... — генерал Штромм прижал руки к груди. — Не требуйте от меня дальнейших подробностей.

— Вы имеете в виду их выселение? — спросил Бодеккер.

Шрагину показалось, что на самом деле адмирал прекрасно знал, о чем говорит генерал, но провоцировал его сказать все до конца.

Штромм всплеснул руками:

— Боже, куда я попал! В общество наивных слепцов! Может, вы меня разыгрываете? — Он посмотрел на Бодеккера и, начиная сердиться, сказал: — Да, адмирал, выселение, или, точнее, переселение к праотцам. — Он повернулся к Эмме Густавовне. — Извините, мадам.

За столом воцарилось еще более напряженное молчание. Шрагина очень тревожила Лиля, она смотрела на генерала с откровенным отвращением. Шрагин незаметно для других под столом крепко сжал руку Лили и сказал спокойно:

— По-моему, все настолько ясно, что можно перейти к другой теме.

— Браво, господин И-гор! — гаркнул генерал и налил себе вина. — Черт бы побрал моего шофера, говорил же я ему взять вина побольше.

— Я могу предложить наше крымское, — поспешно сказала Эмма Густавовна.

Шрагин чувствовал, как дрожала в его руке холодная рука Лили.

— Вы плохо себя чувствуете? — тихо спросил он.

Лиля кивнула.

— Тогда зачем вы здесь сидите? Идите и ложитесь в постель, на вас никто не обидится. Верно, господа?

— Право огорчиться мы все же за собой оставим, — прогудел генерал, окидывая взглядом тонкую фигуру Лили.

— Правда, меня что-то знобит, — сказала она.

Шрагин помог ей встать и повел в спальню. Когда они вошли туда, Лиля вырвала у Шрагина свою руку.

— Вы слышали, что он сказал?

— Он говорил правду.

— Они их убивают?

— Да.

— И вы спокойны?

— Я вынужден быть спокойным, и я очень боялся, что сорветесь вы.

— Они же убийцы! — сдавленно крикнула Лиля.

Шрагин схватил ее за плечо и, прижав к себе, прикрыл ей рот рукой.

— Вы что, хотите, чтобы они уничтожили всех нас?

Шрагин подвел ее к постели, и они сели рядом. Лиля тупо смотрела прямо перед собой.

Из гостиной доносился раскатистый генеральский хохот.

— Игорь Николаевич, давайте ночью убежим отсюда,— прошептала Лиля, вплотную приблизив свое лицо к лицу Шрагина. — Я не могу, не могу...

— Нельзя, Лиля. Мы обязаны оставаться здесь, хотя бы для того, чтобы знать обо всех их преступлениях и о том, кто их совершал.

— Смотреть и бездействовать — это тоже преступление, — сказала Лиля. — Боже мой, у меня есть школьная подруга... Рая... Неужели и ее?.. Третьего дня я видела ее.

— Бездействовать мы не будем.

— Вы просто утешаете меня, думаете, я последняя дура.

Шрагин взял Лилю за плечи.

— Нет, Лиля, я плохой утешитель. Меня самого трясет от ярости. Но не надо торопить события, это опасно, очень опасно. И если вы будете меня слушаться и верить мне, вы скоро убедитесь, что я вас не обманываю.

— Я сойду с ума, я могу выдать себя, — тихо произнесла Лиля. — Что же мне делать, что?

— Для начала внимательно слушать и запоминать все, что они говорят. Один сегодняшний разговор многого стоит. Придет час, и мы напомним генералу Штромму этот вечер.

— Если бы вы знали, как мне хочется поверить вам! — тихо воскликнула Лиля. — Ведь это единственное, что дало бы мне право жить.

— Прошу вас, поверьте мне. И от вас пока требуется не так уж много: не сорваться по-глупому и, наконец... слушаться меня и верить мне, — сказал Шрагин, взяв ее руки в свои. — А теперь ложитесь и постарайтесь уснуть, нам с вами нужно быть в форме, несмотря ни на что. Спокойной ночи.

Когда Шрагин вошел в гостиную, адмирал Бодеккер уже прощался.

— Я страшно устал. — Он посмотрел на часы и обратился к Эмме Густавовне: — Хочу поблагодарить вас за чудесный вечер и откланяться, оставив за собой право не забывать к вам дорогу.

Адмирал поцеловал руку хозяйке, кивнул генералу Штромму и направился в переднюю. Шрагин пошел его проводить, помог ему надеть пальто.

— Я вас вовремя не предупредил, что Штуцер — балда, и за это он серьезно поплатился, — сказал адмирал, нервно натягивая на руку лайковую перчатку. — Они приоткрыли кингстон и затем, конечно, не смогли его закрыть. И кран затонул... Вы решили что-нибудь по поводу моего предложения? — спросил он без паузы.

— У меня только одно сомнение, — ответил Шрагин. — Я не хотел бы часто отлучаться из города. Все-таки семья...

— Познакомившись с вашей милой женой, я понимаю вас, — улыбнулся Бодеккер. — Обещаю, что вам не придется часто ездить.

— Тогда я согласен, — ответил Шрагин.

Глава 15

Было раннее осеннее утро, по-южному нежное и ясное. На аэродроме близ города небольшая группа людей ожидала прибытия рейхсминистра Генриха Гиммлера. Только что всплывшее над землей солнце светило в спины встречавшим, и их непомерно длинные тени тянулись по зеленому полю на запад, туда, где должен был показаться самолет.

Самая длинная тень принадлежала командующему восемнадцатой армией генералу фон Шоберу. За ним ходило прозвище Длинная Берта. Среди встречавших он был самым высоким также по чину. Черный плащ балахоном висел на его костлявой фигуре, из застегнутого ворота кителя торчала тонкая длинная шея, увенчанная маленькой головой, потонувшей в фуражке с длинным, как клюв, черным козырьком. Он стоял чуть поодаль от всех и заметно нервничал: излишне часто посматривал на часы, переступал с ноги на ногу, тревожно о чем-то задумывался. Остальные встречающие группировались вокруг коменданта города полковника Гофмана — коротконогого крепыша с плоским лицом. Он был похож на боксера, напялившего на себя военную форму. Тут был и шеф местной СД, оберштурмбаннфюрер доктор Шпан, старший следователь Релинк, начальник полиции СД штурмбаннфюрер Цах, генерал Штромм. Они стояли плотной группой и

держались друг с другом так, будто все они были ровня по званиям и чинам. Их равняла и объединяла принадлежность к той особой касте военных, в чьих званиях присутствовали две магические буквы «СД». И это их министром был Гиммлер, которого они сейчас ждали. Все они знали, отчего нервничает генерал фон Шобер, и понимающе посматривали на него. Они знали, что судьба командующего армией предрешена, ибо именно их стараниями в Берлине создано мнение, что генерал недостаточно решителен в проведении особых мероприятий по внедрению «нового порядка» на занятых территориях. Генерал позволил себе, и не один раз, отказать в помощи эйнзатцгруппе «Д» *, у которой часто не хватало сил оперативно проводить «эффективный» террор против местного населения. Сегодня они уже рассчитывали узнать, кто будет вместо Шобера. О сгустившихся над ним тучах генералу фон Шоберу сообщили его друзья из Берлина, и он прекрасно знал, что это дело рук стоявших рядом с ним на аэродроме, и вспоминал сейчас все стычки, происшедшие между ним и этими людьми. Но ведь, как нарочно, всякий раз они требовали у него транспорт и людей, когда на фронте складывалась напряженная ситуация и ему дорог был каждый солдат, каждая автомашина. Он как раз понимал, что у них тоже важные и крайне необходимые обязанности, он только считал, что своей головой он отвечает перед фюрером прежде всего за ход наступления, и поэтому надеялся, что в будущем, при оценке его действий по самому высокому счету войны, все эти его стычки не будут стоить ломаного гроша и на них никто не обратит внимания...

Релинк взял Цаха под руку, они отделились от группы и стали прохаживаться по зеленому лугу.

— Как идет номер один? — спросил Релинк.

— Половина — там, — Цах поднял глаза к небу и продолжал: — Все сошло довольно гладко, никаких эксцессов не было, но после начались нехорошие разговоры среди моих солдат. Мне кажется, это естественная реакция после такого дела.

— Естественная? — удивился Релинк.

— Ну да. Во-первых, непосредственно вели расстрел слишком мало людей, это затянуло процедуру. Возникли разговоры, почему нам не придали роту солдат. — Цах помолчал и продолжал: — Многих возмущает привлечение к опе-

---

* Террористическое подразделение СС.

рации штатских, которых мы заставили зарывать трупы. Мои люди спрашивают, не слишком ли много цивильных свидетелей.

— Штатских можно после акции отправить туда же, — сказал Релинк.

— Я думал об этом, — отозвался Цах.

— Что же думать, надо сделать. Ведь речь идет о каких-нибудь двадцати человеках.

— Почти пятьдесят.

— Да не все ли равно: двадцать, пятьдесят... Что же касается болтовни среди ваших людей, примите против этого самые решительные меры. Отдайте одного болтуна под суд.

— И без того у меня мало людей.

— Пополнение вы получите. Будем просить об этом рейхсминистра. И если новым командующим армии будет, как предполагается, Манштейн, он сделает для нас все, что мы попросим. Больше решительности, Цах...

Над горизонтом показался самолет, и они поспешили присоединиться к встречающим.

Над аэродромом на небольшой высоте с диким ревом промчались истребители сопровождения, и тут же совершил посадку самолет рейхсминистра. По трапу сбежал на землю адъютант, он вытянулся в струнку и смотрел на открытую дверь. В черном чреве самолета блеснуло пенсне, и в дверном проеме появился Гиммлер. Он был в черном кожаном пальто, в высоких лакированных сапогах. Его маленькая шарообразная голова со скошенным подбородком тонула в фуражке с высокой тульей, в тени козырька, за стеклами пенсне глаз не было видно. В нескольких шагах от встречавших министр остановился и выкинул вперед правую руку. Но традиционного «Хайль Гитлер!» он не произнес, это нестройно сделали встречающие. Гиммлер подал руку только генералу фон Шоберу, что вызвало у встречавших недоумение, а самого генерала привело в растерянность.

Чуть позади министра держался приехавший вместе с ним Отто Олендорф. Все встречавшие знали, что это очень близкий министру человек, но что прибыл он сюда как командир эйнзатцгруппы «Д», приданной южной группировке войск, и начальник третьего отдела главного управления СД.

Гиммлер уехал с аэродрома в закрытом «оппель-адмирале» коменданта города Гофмана. Когда машина скрылась за зданиями, Олендорф поздоровался за руку со всеми встречавшими, а Релинка дружески похлопал по плечу. Они были давними знакомыми еще по Франции, и это знали все при-

сутствовавшие, кроме генерала фон Шобера, который продолжал поодаль стоять один в растерянной задумчивости.

Гиммлер занял отведенный ему особняк, в котором до войны был детский сад. Увидев во дворе груду маленьких стульев, рейхсминистр сострил:

— Очевидно, до меня здесь жили большевистские карлики...

Олендорф остановился у Релинка. За завтраком Релинк рассказал ему о наиболее важных делах: об акции против евреев, к слову — о сегодняшней жалобе Цаха, о своем свидании с лидером местных украинских националистов Савченко и, наконец, о плане операции против оставленного в городе коммунистического подполья. Выслушав его, Олендорф в хорошо знакомой Релинку телеграфной манере сказал:

— Первое — не взят нужный темп. Второе — действовать более решительно. Савченко — червяк. Их лидер номер два Мельник — наш агент. Бандера тоже у нас в кармане. Берите у Савченко данные о подполье и наносите удар. Если из трех уничтоженных только один настоящий подпольщик — и то хорошо. Цах жалуется не первый, за его жалобами — страх, а за ними — неверие в победу. Понимаете?

— Я тоже подумал об этом, — сказал Релинк.

— Еврейская проблема вызывает судороги даже у крупных сановников, не Цаху чета. Безжалостно подавляйте всякое шатание в этом вопросе. Если Цах не перестанет жаловаться — на фронт. Мы найдем решительных людей...

К двум часам дня в особняк, отведенный Гиммлеру, съехались Олендорф, генерал Штромм, Шпан, Релинк, Цах и комендант города полковник Гофман.

Ровно в два часа адъютант Гиммлера попросил генерала Штромма пройти к министру. Это никого не удивило и не обидело. В системе СС уже давно существовал институт генералов без должности. Впрочем, генералов было всего пять или шесть, гораздо больше было полковников, отсюда и прозвище «гафеноберст» — глазеющий полковник. Все эти бездолжностные генералы и полковники находились в распоряжении высшего руководства, которое посылало их для дополнительного контроля над своими же людьми. Таким генералом без должности был и Штромм, так что не было ничего удивительного в том, что Гиммлер пожелал говорить прежде всего с ним. Релинка это нисколько не тревожило, он уже успел убедиться, что генерал Штромм неумен, ленив и обожает жизнь с комфортом. Заблаговременно предупрежденный об этих чертах генерала берлинскими друзьями, Релинк

сам позаботился о создании для генерала вожделенного комфорта и о доставке ему партии картин из местного музея.

Краткость беседы Гиммлера с генералом подтвердила расчеты Релинка. Не прошло и десяти минут, как в комнату рейхсминистра были приглашены все. Когда они входили, генерал Штромм пытался сказать министру что-то еще, но тот остановил его пренебрежительным жестом.

Подождав, пока все расселись, Гиммлер вышел из-за стола, молча прошелся до дверей и обратно, бросая мимолетные взгляды на собравшихся. Потом сел за стол, скрестил ноги под креслом и заговорил:

— Фюрер доволен своими солдатами и генералами. Это естественно. Их подвиг беспримерен в истории, ибо они неукоснительно выполняют предначертания своего фюрера. Неплохо выполняем свои обязанности и мы. Но я прилетел сюда не для того, чтобы объявить вам о наградах. Наоборот... — Гиммлер сделал большую паузу, во время которой обстоятельно протирал стекла пенсне кусочком замши, и, наконец, продолжал: — Медлительность и нерешительность, характерные для вашей деятельности здесь, я объясняю только непониманием вами особого значения доверенного вам плацдарма. Считаю своим долгом объяснить вам это. В огромных размерах этой страны вы, надеюсь, убедились сами. Наши солдаты сейчас в тяжелых боях успешно осваивают эти пространства. Их тыл — сама Германия, и солдату не нужно с тревогой оглядываться назад. Впереди — враг, и что с ним надо делать — солдат прекрасно знает. Остаются фланги. На севере этот фланг надежно прикрыт нашим доблестным флотом и авиацией. Самый сложный фланг — здесь, на юге. Это Турция, которой никогда нельзя верить до конца; это Иран, запроданный на корню англичанам, но крайне необходимый нам как ворота для дальнейшего устремления в глубь континента; это Афганистан, это, наконец, Китай. Вот что такое ваш юг и ваши дела здесь. Теперь, я надеюсь, вы понимаете, что́ означает для нас установление образцового порядка на всей этой южной полосе.

Затем Гиммлер попросил всех высказать свои претензии к руководству.

— Не стесняйтесь, пожалуйста, — сказал он, улыбаясь какой-то бессмысленной, точно выдавленной ртом улыбкой; неживые его глаза, увеличенные сильными стеклами, казалось, занимали половину его мелкого лица. Никто слова не попросил, и он продолжал: — Прошу говорить смело. Ведь не только вы не понимаете особого значения юга, из-за это-

го приходится менять даже командующего армией. Выкладывайте ваши претензии, требования, я заблаговременно передам их новому командующему фон Манштейну...

Претензий и требований не последовало. Релинк, как и все, почувствовал, что это небезопасно, тем более что он помнил свой недавний разговор с Олендорфом.

Вернувшись к себе, он немедленно отдал приказ отыскать и сегодня же доставить к нему местного лидера украинских националистов Савченко. Одновременно он специальным приказом создал оперативную группу по борьбе с коммунистическим подпольем.

Не прошло и часа, как Савченко привели в его кабинет.

— Прошу извинить за срочность приглашения, — небрежно сказал ему Релинк.

— Ничего себе приглашение, — усмехнулся Савченко, впрочем, без всякой обиды. — Ваши люди схватили меня, как уголовника, и притащили сюда.

— Я уже извинился, — повысил голос Релинк.

— Извинение принято, — спокойно сказал Савченко. — Догадываюсь: торопиться вас заставил приехавший сюда рейхсминистр. Вы удивлены моей осведомленностью? Пора перестать недооценивать возможности таких организаций, как наша. Я слушаю вас, господин Релинк.

— Что вы имеете по красному подполью? — спросил Релинк.

— Во всяком случае, больше, чем вы. Но я не жадный и готов поделиться.

— Прошу вас, — Релинк положил перед собой лист чистой бумаги.

— Я пока дам вам две ниточки, — Савченко вынул из кармана потрепанную записную книжку, долго ее перелистывал, пока нашел в ней нужную запись. — Пишите: Любченко Мария Степановна — коммунистка, главный врач туберкулезной больницы, и второй — Родионов Павел Сергеевич, тоже коммунист, бывший директор трамвайного парка. Адреса нужны?

— Давайте.

Релинк записал адреса и, отодвинув в сторону лист бумаги, строго спросил:

— Сведения точные?

— Абсолютно. И тем более досадно, что вы отказались получить от меня их раньше.

Релинк съел и это. Савченко положил на стол напечатанный на машинке список фамилий и сказал:

— Это мои надежные люди, которых я всячески рекомендую вам назначать на решающие должности в гражданской администрации: магистрат, полиция и так далее. Можете положиться на них. — Он встал. — Надеюсь, обратно мне тоже дадут машину?

Релинк распорядился подать к подъезду машину и, прощаясь, сказал:

— В дальнейшем мы будем встречаться с вами не здесь. Адрес моей конспиративной квартиры вам сообщат.

Когда Савченко ушел, Релинк вызвал Бульдога и передал ему адреса Любченко и Родионова.

— Докажи, что ты действительно бульдог. Еще сегодня ночью обе эти твари должны быть здесь...

Глава 16

В группе на особом положении был радист Кирилл Мочалин. О его существовании, кроме Шрагина, никто не знал, и в отличие от всех он был местным человеком. Здесь он родился и прожил все свои двадцать пять лет. Правда, последние два года перед войной его в родном городе видели редко: он работал матросом на грузовом пароходе и подолгу находился в заграничных плаваниях. Два-три раза в год он появлялся в городе и неделю гулял «на всю железку», окруженный своими дружками детства. Он выглядел среди них, как попугай среди воробьев, — яркий, пестрый в своих заграничных обновках. Отца у Кирилла не было. Мать работала в пошивочной мастерской закройщицей. Зарабатывала она неплохо, и Кирилл — единственное ее сокровище — никогда нужды не знал.

Война застала Кирилла на побывке дома. Он появился в городе 10 июня и на другой день объявил матери, что женится. Ее это не удивило, она знала, что сын уже давно «крутит любовь» с соседской девчонкой Ларисой. Более того, она обрадовалась, что теперь не будет одинокой во время долгих отлучек сына. Через неделю сыграли свадьбу, и в их домике на тихой окраине города завязалась новая семья. А спустя пять дней — война. Кирилл не побежал в райвоенкомат и не явился на свой корабль в Одессу. Рассказывая о себе Шрагину, он чистосердечно сознался, что «пехотный вариант» его не устраивал, а тонуть в море на старом своем корыте он не хотел. У него был дружок, работавший шофером в областном управлении НКВД. Кирилл побежал к нему — помоги, мол, устроиться к вам. Стали они думать, за

что зацепиться. И тут выяснилось, что Кирилл, будучи по штату палубным матросом, в порядке комсомольского соревнования овладел профессией радиста и уже поддежуривал в радиорубке парохода. Решили поставить на это. Приятель Кирилла возил самого начальника управления, ему он и замолвил словечко о друге. И как иногда бывает в жизни, случилось счастливое совпадение: именно в этот день начальник получил секретное приказание из Москвы подобрать радиста, годного для работы в подполье.

Начальнику Кирилл понравился — именно то, что надо. Известный в городе пижон и гуляка из матросни, мамаша — кустарь-одиночка без патента, вдобавок верующая. Сам парень хоть и плохо, но знает немецкий язык. Правда, при проверке оказалось, что радист он не ахти какой, но Кирилл дал слово, что «отполирует это дело до полного блеска». И действительно, не прошло и двух недель, как радист управления доложил начальнику, что новенький занимается упорно и уже сделал большие успехи. Кирилл был способным малым, он любил говорить о себе: «Ты меня только подожги как следует, а свету я дам за пятерых». А тут он зажегся, по его выражению, «со всех сторон». Во-первых, начисто отпадали и пехотный и морской варианты, а во-вторых, его волновала перспектива тайной работы и связанные с ней приключения, риск.

Все это Кирилл Мочалин открыто и чистосердечно рассказал Шрагину при первой их встрече, происходившей в домике, где он жил.

Кирилл нравился Шрагину тем, что не трусит, держится уверенно и даже весело. Но одновременно Шрагин, что называется, на просвет видел его несложную легкую душу. Он попытался говорить с ним о политике, но из этого ничего не вышло.

— Вы на это меня не щупайте, — весело сказал Кирилл. — Я еще со школы политики не терплю, но... — он сделал большую паузу, поднял вверх палец и продолжал без улыбки, чеканя слова: — Но перед фашистом, душу его в яму, будьте покойны, не дрогну. Я эту сволочь с близи видел в разных портах мира. Хуже типчиков ищи — не найдешь, и у них крови не хватит заплатить за нашу порушенную житуху.

Шрагину оставалось пока довольствоваться хотя бы такой политической программой радиста, и он продолжал разговор с ним о деле.

— Где находится рация?

— Идемте, покажу вам мои тайные катакомбы, — подмигнул Кирилл.

Они прошли в сенцы, и Кирилл фонариком осветил угол, где стояла скамья с ведрами, наполненными водой.

— Тут мы имеем парадный ход, — сказал Кирилл, лукаво щурясь. — Не обнаруживаете?

Он отодвинул скамью, нажал ногой край широкой половицы, она чуть приподнялась, он подхватил ее рукой и поднял на попа. Вниз, в черноту подвала, спускалась узкая лестница.

— Нырнем? — весело спросил радист.

Глубокий, аккуратно обшитый тесом подвал под сенцами был заставлен бочками и ящиками.

— Здесь мы имеем квашеную капусту, овощи и прочую снедь, — объяснил Кирилл. — Другими словами, здесь живут запасливые люди, и вся недолга. Но, — он поднял палец, — айн минут, как говорят фрицы, — мы берем вот эти две тесины и... — Сбитые вместе две тесины оказались дверцей, за которой находилась тесная каморка. Луч фонарика осветил там стол, на котором стояла рация, тумбочку и поставленную к стене кровать-раскладушку.

— Не радиорубка, а фантастика! — с веселой гордостью заявил Кирилл. — Сам все спланировал и сам выполнил, одной земли вынес, наверное, целый вагон.

— Кто, кроме вас, знает о тайнике? — спросил Шрагин.

— Только товарищ из управления, который привозил рацию.

— Неужели ни мать, ни жена не заметили, как вы тут работали?

— Почему не заметили? — удивился Кирилл. — Они даже помогали мне посильно, но им известно только одно: что я привел в порядок подвал, чтобы запасти продукты на тяжелое время, и как военный вариант — бомбоубежище. А то, что я еще оборудовал тут радиорубку, это им и во сне не снилось. Одним словом, будьте покойны...

Но Шрагин не мог быть спокоен — речь шла о самом важном во всей деятельности группы, потеря связи означала бы почти полный провал работы. До появления в городе немцев он еще дважды встретился с Мочалиным, стараясь узнать его получше и внушить ему чувство высокой ответственности за порученное дело. Эти встречи не прошли даром для Кирилла — он стал заметно серьезней.

Вскоре после прихода гитлеровцев Шрагин пришел к нему с первой радиограммой и снова встревожился. Они си-

дели в подвальном тайнике, Кирилл налаживал рацию. Шрагин спросил, что он думает об устройстве на работу.

— А зачем? — беспечно отозвался Кирилл. — Мамаша моя уже вкалывает кастеляншей в немецком госпитале. Она взяла туда и мою Ларку. Харч оттуда таскают. А главное, работа у них ночная, и я тут могу без свидетелей делать что угодно.

— Вас могут угнать в Германию.

— Не та я овечка, чтобы меня угнать.

Шрагин разъяснил ему, насколько велика и реальна эта опасность.

— Ну что ж, раз надо — устроюсь, — так же беспечно согласился Кирилл. — Я уже имею миллион предложений. Ведь у меня, куда палец ни сунь, всюду дружки. Между прочим, один мой дружок подался в полицию. Зовет, говорит, работка не пыльная, харч что надо и жалова́нье будь здоров. Не пойти?

— А товарищ ваш пошел служить в полицию верой и правдой?

— Ленька-то? Не смешите меня, Игорь Николаевич, он когда на фрица смотрит, у него зубы, как от песка, скрипят. Не дальше как позавчера был у меня. Говорит, давай устроим на них охоту. Он мелкокалиберку где-то зацапал, коробку патронов. Выстрел, говорит, как хлопок ребенка в ладоши, а черепная коробка навылет. Но я ему сказал: давай погодим, может, что-нибудь лучше надумаем.

— Напрасно, — сказал Шрагин.

— Что напрасно? — Кирилл настолько удивился, что оставил работу.

— Напрасно дали ему понять, что вы готовы на борьбу с немцами.

— А что же, по-вашему, я должен был сказать — не тронь фрицев, они мне дороги, как родные братья? — спросил Кирилл, и в глазах у него вспыхнули злые искорки.

— У вас может быть только одна-единственная работа, — строго сказал Шрагин. — Иначе вы мне не нужны. Запомните это.

— Есть запомнить! — растерянно произнес Кирилл, и было видно, что он не на шутку испуган.

Между тем рация была налажена, Кирилл надел на голову наушники и начал вызывать Москву. Она отозвалась на первый же его позывной.

— Москва... Просит начинать передачу... — потрясенно прошептал Кирилл.

В эту минуту для него все, что говорил ему Шрагин, слилось в эти отрывистые и такие ясные сигналы Москвы, и он впервые почувствовал, понял, в каком действительно огромном и важном деле он участвует. Невозможно поверить! Он сидит в занятом врагом городе, а Москва разговаривает с ним через тысячи километров! Шрагин, и сам очень волнуясь, по лицу радиста понял, что тот сейчас переживает, и, передавая ему зашифрованную радиограмму, сказал улыбаясь:

— Это вам не Ленькина мелкокалиберка.

Кирилл положил перед собой лист бумаги с колонками цифр и начал передачу. Если бы он знал шифр, он из цифр сложил бы такие фразы:

«Несмотря на многие промахи, допущенные в предварительной подготовке, группа в основном закрепилась. Приступаем к работе. Лично мое положение хорошее, и благодаря этому уже могу сообщить следующее: заменен командующий восемнадцатой армией. Назначен Манштейн. Сюда прилетал Гиммлер, находился в городе несколько часов, потребовал большей решительности по своему ведомству, разъяснял особую важность южного фланга в связи с дальнейшими планами фюрера в отношении Турции, Ирана, Афганистана и, возможно, Индии и Китая. На бирже труда идет интенсивное выявление контингента, который будет вывезен на работу в Германию. Проявляется особый интерес к местным немецким колонистам, есть на этот счет указание Гитлера. Постараюсь его уточнить. Восстановление предприятий происходит медленно. Судостроительный фактически парализован. Однако начат мелкий ремонт небольших судов типа сторожевых катеров. Плавучий док в полузатопленном состоянии. Недавно удалось потопить плавучий кран. Обещание немецкого руководства завода спустить на воду недостроенный нами крейсер ничем не подтверждается, все же не мешало бы с воздуха нанести удар по первому стапелю, где стоит крейсер. Зенитной обороны на заводе пока нет. Вторым очень важным объектом бомбардировки следует считать плавучий док, который они собираются восстановить. Он стоит у противоположного берега напротив крейсера. Два дня назад в городе ночью были расклеены напечатанные на машинке листовки, призывающие к борьбе с оккупантами. Количество листовок незначительное, но очевидно, что подполье начинает действовать. Выхожу на связь с ним в ближайшее время. Привет. Грант».

Кирилл Мочалин передал радиограмму, быстро перестро-

ил рацию на прием и начал записывать цифры. Расшифровывая их по ходу записи, Шрагин прочитал:

«Все принято идеально. Спасибо. Поздравляем вас и ваших товарищей с началом работы, желаем больших успехов. Имеем сведения об активизации по всей Украине националистических центров, руководимых из-за границы Бандерой. Следите за этим внимательно, это для вас большая опасность. Государственно важно знать развитие планов противника в отношении Турции и дальше. О воздушной бомбардировке первого стапеля и дока подумаем. Сердечный привет. Центр».

— Все замечательно, Кирилл! — взволнованно воскликнул Шрагин.

— Как они слышали? — сдавленно спросил радист.

— Отлично, Кирилл!

— Я не медленно работал?

— Отлично, Кирилл!

Они некоторое время молчали. Потом радист сказал:

— Так вот, насчет работы. Могут меня устроить мотористом на катер, обслуживающий судостроительный завод. На таком же катере у меня там кореш ходит.

— Очень хорошо. Устраивайтесь туда немедленно. Я ведь тоже работаю на судостроительном, нам будет удобно встречаться.

— Будет сделано.

Нет, положительно это был какой-то особенно счастливый день! Шрагин крепко пожал руку радисту и ушел...

В этот вечер гостей у Эммы Густавовны не было. Шрагин прошел в свою комнату, собираясь спокойно обдумать дальнейшие свои дела. Но только он сел к столу, как в комнату без стука вошла Лиля, и по ее виду Шрагин сразу понял — что-то случилось. Закрыв дверь, она стала к ней спиной, точно боясь, что в комнату может войти кто-то еще. Она была возбуждена, встревожена, но вместе с тем в глазах ее были незнакомая Шрагину решительность и даже радость.

— Ну, Игорь Николаевич, сейчас мне станет ясно, какой вы человек, — шепотом сказала она. — Я спасла от гибели свою школьную подругу Раю Рафалович. Ее прятал наш бывший учитель, но вчера он с семьей переехал в Днепропетровск. В общем сейчас Рая у нас на чердаке. Ну скажите, я сделала хорошо или плохо?

— Мама знает? — быстро спросил Шрагин.

— Да что вы, ей-богу!

— Кто-нибудь видел, как Рая пришла?

— Она надела мужской костюм, и было уже темно.

— Учитель знает, что Рая у нас?

— Он еще вчера уехал в Днепропетровск. Все вышло очень неожиданно. Я шла по улице и как раз думала о Рае: одна наша подруга сказала мне, что Рая и ее родители уничтожены. И вот я иду и думаю — после этого разве я имею право жить как ни в чем не бывало? И вдруг кто-то меня зовет. Гляжу — это наш школьный учитель музыки. Я была его любимая ученица. И Рая тоже. И он говорит, что меня послал ему сам бог. А сам нервный такой, глаза горят. Спрашивает, знаю ли я, где он живет. Я говорю — знаю. Тогда, говорит, зайди ко мне под вечер. И добавляет: «Если ты еще любишь свою школьную подругу Раю Рафалович, ты придешь обязательно и больше ни о чем не спрашивай...» Я еле дождалась сегодняшнего вечера. Прихожу туда, а домик учителя пустой — ни людей, ни вещей. И вдруг из-за печки вылезает Рая... — Лиля замолчала, глаза ее стали влажными. — Ну вот... Рая рассказала мне, что учитель ее прятал все это время, а сегодня днем он с семьей уехал жить в Днепропетровск, к брату. И перед самым отъездом он сказал ей: «Вечером сюда к тебе придет человек, которого ты знаешь и любишь. Он тебе наверняка поможет». И пришла я...

— Вы, Лиля, сделали очень хорошее дело, — не скрывая волнения, сказал Шрагин. — Но вы должны уяснить себе, чем вы рискуете.

— Лучше рисковать жизнью, чем честью, — с вызовом сказала Лиля.

— Это верно. Но что вы думаете делать дальше?

— Как что? Она будет жить на чердаке, я буду носить ей еду.

— Это глупости, Лиля. Ее надо переправить куда-нибудь в более надежное место.

— Вы это можете? — Лиля удивленно смотрела на Шрагина.

— Надо подумать.

Лиля порывисто обняла Шрагина за шею, притянула к себе, поцеловала в щеку и смущенно отошла в глубь комнаты.

— Прошу вас быть предельно осторожной, мать ничего не должна заметить. Где у вас ход на чердак?

— В ванной.

— Можно запускать душ и под этот шум лазить на чердак, но делать это надо как можно реже.

Лиля кивнула, не сводя со Шрагина напряженного, изучающего взгляда.

— Значит, мы ее спасем? Я могу ей это сказать? — спросила она.

— Обо мне ей — ни слова, — строго сказал Шрагин и повторил: — Ни слова. А завтра вечером я уже буду знать, как мы поступим. А сейчас... я, Лиля, чертовски устал, мне нужно поспать.

— Спокойной ночи, — чуть слышно произнесла Лиля и ушла.

Шрагин еще долго смотрел на закрывшуюся за ней дверь и взволнованно думал о происшедшем. Поистине сегодня счастливый день. И вдруг он вспомнил слова генерала Штромма о том, что русских можно сделать послушными при помощи работы и приличного жалованья. «Идиоты! Всей вашей казны не хватило бы, чтобы купить одного учителя музыки, который спас Раю...»

Поступок Лили радовал Шрагина, хотя он и знал, что совершила она его почти случайно и не отдавая себе отчета, к чему он может привести. Так или иначе, но девушку, которая сидит сейчас на чердаке, надо спасти...

Глава 17

Мария Степановна Любченко недавно вернулась из больницы и хотела ложиться спать, когда в дверь ее квартиры громко постучали.

Любченко сразу решила — несчастье, и страх лишил ее сил. Она не могла сделать ни шагу и стояла у кровати, держась за ее спинку. Стук повторился, Любченко не двигалась с места. Дверь начала дрожать, что-то с треском сломалось, и в квартиру ворвались гестаповцы. Их было трое; двое совсем молодые, а третий — это был Бульдог — показался ей страшным чудовищем громадного роста.

— Любченко Мария? — спросил он, ткнув в ее лицо пистолетом.

— Да... Любченко, — пробормотала она. Силы совсем оставили ее, и она упала на постель.

— Взять! — приказал Бульдог.

Молоденькие гестаповцы подхватили Любченко под руки и потащили к дверям. Она не могла даже переставлять ноги. Ее пихнули в машину на заднее сиденье. Молодые гестаповцы сели с обеих сторон, продолжая держать ее за руки. Вдруг Любченко застонала и уронила голову на грудь. Один из гестаповцев взял ее за подбородок и запрокинул ей голову на спинку сиденья.

— Она случайно не околела от страха? — тихо сказал один из них.

Бульдог сел рядом с шофером. Машина сорвалась с места и помчалась по темным улицам...

— Одна тварь доставлена, — доложил Бульдог Релинку. — Еду за другой. Только леди немного не в форме, я вызвал к ней доктора.

— Обыск сделали? — спросил Релинк.

— Я не человек-молния, — усмехнулся Бульдог. — Мне приказано доставить обе твари еще этой ночью, и приказ, как видите, выполняется. Привезу вторую тварь и займусь обыском.

— Мне нужна хоть одна улика для первого допроса, — строго сказал Релинк.

Бульдог рассмеялся:

— Да бросьте вы, ей-богу, вы же сейчас увидите не человека, а жидкую манную кашу. Она вам сама все охотно выложит.

Доктор приводил Любченко в чувство. Он сделал ей укол и с чисто профессиональным равнодушием наблюдал безотказное действие лекарства. Любченко открыла глаза, удивленно оглянулась по сторонам и задрожала всем телом. Доктор дал ей воды. Клацая зубами о стакан, Любченко сделала несколько глотков.

— Что вам от меня надо? — спросила она по-немецки.

— Ничего. Я доктор.

— Доктор? — удивилась Любченко. — Где я нахожусь?

— Там, куда вас доставили, — улыбнулся доктор.

— Что со мной было?

— Думаю, спазма сердечной мышцы, это не страшно...

У Любченко появилась надежда, что ее привезли не в гестапо. Но в этот момент в комнату вошли два молоденьких гестаповца, молча подхватили ее под руки и повели. Теперь ноги немного слушались, она уже была способна думать. И она видела: никакой надежды нет, она в гестапо. «Я же знала, что все этим кончится, знала...» Она вдруг вспомнила свой разговор в горкоме партии. Глухая злость толкнула ее в спину, и она зашагала быстрее, точно спеша доказать кому-то, как она была права, не соглашаясь и боясь остаться в городе.

Молоденькие гестаповцы посадили ее на стул перед столом Релинка и отошли к дверям. Релинк несколько минут молча смотрел на Любченко, он точно руками ощупывал ее дряблое, с обвисшими щеками лицо, всю ее рыхлую бесфор-

менную фигуру и в конце концов остановил взгляд на ее руках, безжизненно лежавших на коленях.

— Вы, кажется, говорите по-немецки? — добродушно спросил Релинк.

— Да, но не совсем хорошо, — тихо ответила Любченко.

— Ваша профессия?

— Врач. Узкая специальность — туберкулез.

— Ах, узкая? Прекрасно. А еще какая у вас есть специальность, пошире?

— Больше никакой.

— А по какой специальности вас оставили в городе ваши партийные фюреры?

Релинк смотрел на Любченко весело, без всякой злости. Это ее обезоруживало, она ждала, умирая от страха, совсем другого.

— Я осталась в городе по той же специальности, то есть как врач возле больных, которых нельзя было вывезти, — ответила она.

— О! Понимаю, понимаю, профессиональный долг, — как бы поверил Релинк. — Ну, а что вы должны были делать как коммунистка?

— То же самое, лечить больных, — Любченко постепенно успокоилась. Ей казалось, что гестаповец ее ответами удовлетворен.

— Это правда, только правда? — проникновенно спросил Релинк.

— Да, только правда, — ответила Любченко и подумала про себя, что она действительно говорит полную правду, а о поручении прятать в больнице людей подполья гестаповцы просто не могут знать.

Релинк и в самом деле не имел никаких данных о характере тайных поручений, данных этой женщине, и получить их он мог сейчас только от нее самой. Он вышел из-за стола, остановился вплотную перед Любченко и сверху вниз пристально смотрел на нее. И она, подняв свои отечные веки, снизу вверх смотрела на него.

— Значит, только правда? — тихо спросил Релинк.

— Да, правда.

Релинк мгновенно сначала левой, а потом правой ладонью ударил Любченко по лицу. Голова ее мотнулась в одну сторону, в другую. Любченко хотела отпрянуть назад, но стул опрокинулся, и она вместе с ним упала на пол.

Релинк сделал знак молоденьким гестаповцам, они под-

няли Любченко и усадили на стул. Ее лицо, ставшее багровым, выражало только ужас, один только ужас, и Релинк, видя это, был уже уверен в успехе.

— Значит, только правда? — тихо спросил он, снова придвинувшись к ней вплотную.

Она молчала.

Релинк вернулся к столу, закурил и, выждав немного, сказал:

— Вы, очевидно, не знаете, что у вас нет никаких возможностей избежать неприятностей, включающих в себя и смерть. Мы оставим вас в покое только в том случае, если вы скажете нам полную правду — что вам поручили делать в городе? Впрочем, мы это знаем сами, как знаем и то, что вы еще ничего не успели сделать, и это облегчает вашу участь. Но сейчас необходимо, чтобы вы все сказали сами. Говорите, я жду ровно минуту.

Любченко сидела, уставясь мертвыми глазами в пол. Ее мозг, гудящий после побоев, обжигала одна и та же мысль: «Они знали, что посылают меня на гибель».

— Дайте ей воды, — распорядился Релинк.

Один из гестаповцев поднес ей стакан, но она с ужасом отшатнулась от него.

— Вылейте ей на голову.

Гестаповец не спеша, тонкой струйкой вылил воду на голову Любченко. Вода потекла ей за кофту по спине, и ее начало трясти.

— Минута истекла, — громко объявил Релинк. — Отвечайте: кто и зачем оставил вас в городе?

«Я же знала, что никакой пользы принести не смогу, — лихорадочно думала Любченко. — И они это тоже знали. И они знали, что посылают меня на гибель, и теперь все кончено. Ну что произойдет особенного, если я скажу, кто меня оставил в городе и зачем? Они знают все и без меня, и я ведь никого не выдам, кроме себя».

— Меня оставил здесь горком партии, чтобы я прятала в больнице его людей, — сказала она тихо.

— Другими словами, вы добровольно согласились вести деятельность, враждебную Германии? — уточнил Релинк.

— Меня уговорили, заставили, — еле слышно произнесла Любченко.

— Это положения не меняет, — подхватил Релинк. — На плечах у вас я пока вижу вашу собственную голову, а это значит, что вам придется нести ответственность.

Релинк соединился с кем-то по телефону и сказал:

— Зайдите ко мне, тут нужно заняться одной красной дамой.

В кабинет вошел гестаповец уродливо кубической формы, он был плечист и одновременно тучен. В руках у него была толстая тяжелая плеть с коротким кнутовищем. Он стал в двух шагах перед Любченко и, поигрывая плетью, выжидательно смотрел на Релинка.

— Этой престарелой девочке в целях внушения уважения к нашему рейху следует всыпать, — сказал Релинк.

Кубический гестаповец молниеносно хлестнул Любченко плетью. Удар пришелся по плечу и по спине. Удар был с оттяжкой и такой сильный, что он сбросил ее со стула, она упала на четвереньки.

— Не надо! Не надо! Не надо! — завыла она высоким голосом.

— Почему не надо? — крикнул Релинк.

Плеть трижды влипла в спину Любченко, и она, воя, ничком упала на пол.

Молоденькие гестаповцы снова посадили ее на стул.

— За что? За что?! — судорожно всхлипывала она. — Вы же сами сказали — я ничего плохого еще не сделала. И не собиралась...

— Спасибо, мадам, — улыбнулся Релинк. — А может быть, вы хотите сделать для нас что-нибудь хорошее?

Релинк сделал знак квадратному, и тот замахнулся плетью.

— Мадам, вы готовы сделать для нас хорошее? — деловито спросил Релинк.

— Я не знаю... не знаю, что вы хотите! — закричала Любченко, не сводя глаз с нависшей над ней плети.

— Хотите или не хотите? — крикнул Релинк.

— Хочу... хочу... — торопливо проговорила Любченко.

— Всем выйти, — распорядился Релинк.

Они остались в кабинете вдвоем. Релинк взял стул и сел вплотную напротив Любченко.

— Прошу прощения, мадам, — сказал он устало и, вздохнув, продолжал: — Увы, я должен выполнять свои обязанности, как всякий, и должен признать, что мои обязанности не из приятных. Я отвечаю за порядок в этом городе, и его можно было бы установить быстро и без всякой крови и террора, если бы ваши обезумевшие начальники не предприняли безнадежной авантюры, оставив в городе таких, как вы, обреченных функционеров. Но, учитывая ваш фанатизм и страх перед партийной дисциплиной, вы для нас, черт возь-

ми, опасны, и мы вынуждены принимать крутые меры. Ну скажите, вы объективно понимаете меня?

Любченко кивнула. «Пусть говорит подольше этот беспощадный человек с желтыми, как у кошки, глазами, лишь бы не били. А кроме того, он правильно делает, что боится оставленного в городе подполья, но меня-то ему бояться нечего. Неужели он этого не понимает? Я же вот понимаю, что он вынужден поступать так, как он поступает...» — думала в эту минуту Любченко.

— Вы посмотрите, в какой пошлой авантюре вы оказались замешанной, — продолжал Релинк доверительно, как будто ничего не произошло. — Ваше партийное начальство заставило кучку таких, как вы, остаться в городе, но сами-то они поспешили убежать отсюда подальше, где безопаснее.

Но вы еще и шагу не сделали, как мы уже знали, кто вы и что вы замышляете. Скажу вам по секрету: даже среди ваших коммунистов, оставшихся в городе, уже есть наши друзья. Они сами пришли к нам и сказали: «Мы не хотим пролития лишней крови». И дали нам необходимые сведения, в частности и о вас. Понимаете?

Любченко снова кивнула. Спина ее еще горела от плети. Все, что говорил Релинк, звучало для нее очень убедительно. «Ну конечно же, они знали, что посылают меня на гибель, а сами верно — убежали подальше...»

— Вы, мадам Любченко, я вижу, разумная женщина, — продолжал Релинк. — Для вас главное — больные, которым вы хотите облегчить положение. Не так ли?

— Да, так.

— И вы наверняка понимаете, что безнадежно пытаться изменить ход истории. Всем вашим людям сейчас нужно делать только одно: прекратить кровопролитие, помогать нам поскорее установить новый порядок и начать нормальную мирную жизнь. Вы лично хотите нам помочь? — спросил он с утвердительной интонацией.

— Ну чем я могу помочь? — сказала Любченко, с трудом шевеля губами.

— Все очень просто, мадам Любченко. Вы подпишете вот эту бумажку.

«Я с полным сознанием ответственности, — читала Любченко, — принимаю на себя обязанность информировать СД о всяких известных мне попытках вредить новому порядку и германской армии».

— Все очень просто, — повторил Релинк. — Или вы вместе с нами, или мы вас уничтожим этой же ночью.

Любченко особенно страшно было то, что Релинк это слово — «уничтожим» — произнес просто, легко, на таком хорошем немецком языке и с такой внутренней убежденностью, которая не допускала и мысли, что он этого не сделает.

Она подписала обязательство. Релинк спрятал бумажку в стол.

— Прекрасно, мадам Любченко, я в вас не ошибся, — сказал он. — Вы можете идти, спасибо. Главное, чего мы от вас пока ждем, это немедленно сообщить нам, если к вам обратятся с просьбой спрятать их человека. Запомните телефон: 22-22 — четыре двойки. Когда позвоните, скажите: «Туберкулезная больница», а затем сообщайте день и час, когда вам доставят того человека. И все. Как видите, все очень просто и ничего страшного.

Когда она ушла, Релинк записал в своем дневнике:

«Люди однообразны до утомительности. Страх, боязнь смерти интернациональны, как небо над землей. Даже неинтересно выяснять это еще раз. Только что передо мной была коммунистка. Кто-то мне в Берлине говорил, что они в своем фанатизме непостижимы. Ерунда! Они хотят жить, как все, и во имя этого готовы на все. В том-то и есть величие нашей нации, что нам безразлично, жить или умереть, только бы тобой был горд фюрер».

Спустя пять лет, когда военный трибунал приговорит Релинка к смертной казни через повешение, он в заявлении о помиловании напишет:

«Я умоляю вас предоставить мне возможность жить хотя бы для того, чтобы быть вам полезным в установлении всех преступлений, совершенных против вашего государства и народа, и чтобы акт помилования меня явился демонстрацией силы вашего государства, позволяющей ему не быть мстительным».

Его повесили, но не из мести, а за те преступления, которые он лично совершил на нашей земле...

Глава 18

Осень наступила злая, с ветрами и непривычными для этого края ранними холодами. Вечерами город погружался в непроницаемую тьму. Ветер метался по улицам, гремел сорванным с крыш железом, выл и свистел в голых садах, бился в стекла ослепших окон. В такие ночи казалось, что жизнь окончательно покинула город.

Но и в эти ночи к зданию гестапо, как обычно, подъез-

жали арестантские автофургоны и часовые торопливо открывали перед ними ворота.

В эти ночи делали свои святые дела подпольщики...

Шрагин ждал на конспиративной квартире Ивана Спиридоновича Демьянова, который просил его об этой встрече, и как можно скорее. Что у него там случилось? Человек он серьезный, по пустякам торопиться не станет...

Ветер прогромыхивал закрытыми ставнями окон, выл в печной трубе. Пламя коптилки беспокойно качалось. Сейчас квартиру охраняли: со двора — Григоренко, а на улице — Федорчук. Шрагин подумал о них, мерзнущих на ледяном ветре, и решил провести встречу как можно быстрее. Он ждал и думал о Лиле. Сейчас они вместе с Юлей должны вести Раю на далекую окраину города, где их ждут надежные люди, которые переправят еврейскую девушку в деревню. Удалось ли им незаметно покинуть дом? Сумеют ли они благополучно пройти через весь город и найти нужный адрес? Шрагин очень волновался и вместе с тем был рад за Лилю — лиха беда начало...

Дверь открылась, и Шрагин увидел Демьянова. Встреть он его на улице, пожалуй, и не узнал бы — так за два месяца тот изменил свою внешность. От его аккуратности и подтянутости не осталось и следа. У него была густая темно-рыжая борода и лихие казацкие усы. Ватник с дыркой на плече, из которой торчал клок серой ваты, громадные кирзовые сапоги и кепочка блином.

Они обнялись, ткнулись щекой к щеке, и оба, стесняясь этого порыва, некоторое время молчали, поглядывая друг на друга.

— Видик у вас... — покачал головой Шрагин.

— Нормальный вид мастера забоя, — улыбнулся Демьянов.

— Какого забоя?

— Должность моя на бойне так называется — мастер забоя. Бью коров и мелкий рогатый скот для пропитания германской армии фюрера. Впрочем, и себя не забываю. Возле меня кормятся человек десять, а может, и больше...

Как-то само собой получилось, что около Демьянова образовался как бы филиал группы, в который, кроме него, вошли Алексей Ястребов и Егор Назаров. Он поддерживал связь и с Ковалевым, работавшим сцепщиком поездов на товарной станции. Ястребов работал грузчиком в типографии, где печаталась издаваемая немцами на русском языке газета «Молва». Там он завел дружбу с наборщиками и печат-

никами и недавно сообщил, что в типографии можно печатать листовки. Это и было первым делом Демьянова к Шрагину. Обсудив его со всех сторон, решили: печатать листовки в типографии нельзя, слишком велик риск и вдобавок никто из группы не знает печатного дела. Надо попытаться вынести из типографии шрифт и передать его подпольщикам. Ястребов должен продумать, как это сделать, и сообщить об этом Демьянову.

Второе дело — Ковалев просит снабдить его минами с часовым заводом, чтобы устанавливать их на поездах. Шрагин попросил передать Ковалеву, что мины он получит в самое ближайшее время.

Наконец, дело, возникшее у самого Демьянова. Совершенно случайно, в бане, он познакомился с неким Пидхатько. Отдыхая после парилки, они разговорились. Узнав, что Демьянов щирый украинец, Пидхатько стал интересоваться, что он делает, и, когда узнал, что работает на бойне, вдруг полез к Демьянову в друзья. После бани повел к себе домой, угостил горилкой. Демьянов думал, что все кончится предложением красть мясо на бойне, но Пидхатько предложил ему вступить в украинскую националистическую организацию. Уже имевший указание Шрагина вести разведку националистов, Демьянов согласился. На другой день Пидхатько познакомил его со своими, как он выразился, братьями по крови. Так Демьянов проник в группу украинских националистов из организации, возглавляемой Савченко. И получил первое задание — вести счет убитому скоту. Это поручение он получил от самого Савченко, который сказал: «Этот счет мы — истинные хозяева Украины — должны иметь в кармане, а придет час, мы его предъявим немцам, чтобы они были покладистей и знали, что Украина имеет настоящих хозяев».

Дальше — больше. Демьянов узнал, что украинские националисты вошли в контакт с СД для истребления коммунистов и «всякой совдепии». Они помогают гестаповцам выявлять советских патриотов. В благодарность за это оккупанты предоставляют людям Савченко посты в гражданских органах власти. Демьянов установил, что центром организации является автокефальная церковь, а работающий в ней священник — бывший бухгалтер строительного треста — правая рука Савченко.

— Их организация довольно многочисленна, — продолжал рассказывать Демьянов. — В ней есть опытные бандиты и политиканы, прибывшие сюда с Западной Украины. Они

получают директивы от какого-то своего заграничного центра...

Однако Демьянов считал, что большинство местных людей, вступивших в организацию, попросту обмануты и слепо поверили, что главной целью организации является создание «самостийного» украинского государства. И они не знают, кому служат. Демьянов предложил развернуть среди них агитационно-разъяснительную работу и подорвать организацию изнутри.

Шрагин с этим не согласился и посоветовал пока что вести дальнейшую разведку организации и внимательно присматриваться к ее людям.

С делами было покончено, Шрагин простился с Демьяновым и первый покинул дом. По-прежнему бесновался ледяной ветер. Начинался снегопад. Из темноты к Шрагину приблизился Федорчук.

— Все спокойно, — сказал он тихо. — И Юля уже вернулась.

Из-за его спины показалась Юля.

— Все сделано точно по плану, — сказала она, но в ее голосе Шрагин почувствовал усмешку. — Только ваша девица так перетрусила, что смотреть было смешно, дрожала как осиновый лист.

— Храбрыми не рождаются, — сухо заметил Шрагин.

— А трусливыми?

— Да брось ты, ей-богу! — сердито зашипел на нее Федорчук.

— Не надо впутывать в дело кого попало, — не обратив никакого внимания на слова Федорчука, сердито сказала Юля и растаяла в темноте.

— Не обращайте внимания, Игорь Николаевич, характер у нее такой, ничего не поделаешь, — оправдывался Федорчук...

Шрагин шел домой быстрым, энергичным шагом, не замечая хлеставшего ему в лицо ветра с зарядами снежной крупы. Радостного ощущения от встречи с Демьяновым как не бывало, он думал о том, что сказала ему сейчас Юля. «Она права, она права, — говорил себе Шрагин. — Я же знал, что Лиля человек настроения и нервов. Но что я мог сделать, если она поставила меня перед фактом, а оставлять ее подругу в доме было недопустимо?..»

Шрагин твердо решил, что впредь Лиля если и будет действовать, то только в пределах своего дома.

Глава 19

Еще одно радиодонесение Шрагина в Москву: «Уточняю переданную ранее характеристику адмирала Бодеккера. Как истый немец и потомственный моряк, он благодарен нацизму за возрождение флота, которому он теперь верно служит. Критикуя непорядки организационного характера и не принимая террора как государственного метода, он вместе с тем не отрицает величия достижений нацизма и считает их историческими. Однажды он сказал: «Ничего, кончим войну и займемся совершенствованием нашего рейха, и это сделают именно моряки — наиболее образованная и думающая часть военной элиты». Крайне важно его более раннее заявление, что гросс-адмирал Дениц является его большим и давним другом. Можно предположить только то, что в среде морских военачальников существует критическое отношение к некоторым делам нацистов. Но не больше. И в этом направлении следует вести разведку. Ваши сведения об украинских националистах целиком подтверждаются, они идут на активный контакт с гитлеровцами, в частности с гестапо. Предлагаю ликвидировать головку местной организации. Ваше мнение... Вернувшийся из Одессы генерал Штромм последними словами поносит румынских союзников — трусы, спекулянты, взяточники, юбочники, болтуны и тому подобное. Говорил о готовящемся посещении Одессы Антонеску, которому будет оказан его шайкой восторженный прием, а после этого командующий группировкой немецких войск «Юг» устроит Антонеску холодный душ. Говорил, что румыны получили все, что хотели, но после этого не хотят воевать, но «мы сунем их дивизии в самое пекло — им все-таки придется заплатить за полученное». И так далее. Дату посещения Антонеску Одессы постараюсь своевременно уточнить. Ночная бомбардировка крейсера и плавучего дока, к сожалению, больших результатов пока не дала. Пожар на стапеле удалось быстро ликвидировать, а док только чуть больше наклонился. В обоих случаях необходимо прямое попадание... Почтовый ящик вызова на связь представителя подполья пока не сработал. Вынужден воспользоваться резервной цепочкой связи. Привет. Грант».

Спустя три дня Шрагин встретился, наконец, с представителем подполья Бердниченко. Это был мужчина примерно сорока лет, спокойный, неторопливо-рассудительный. Он с первой же минуты понравился Шрагину. Но несколько насторожила уверенность, с какой он говорил о подпольной борьбе.

— Вы уже связались со всеми оставленными в городе людьми? — спросил его Шрагин.

— Пока это не вызывается необходимостью, — ответил Бердниченко.

— Но вы знаете хотя бы, уцелели они?

— Судя по всему, основной костяк в порядке, — неторопливо ответил Бердниченко. — Но есть всякие слухи.

— Какие слухи?

— Будто некоторые наши люди уже провалились.

— А точнее?

Бердниченко взглянул на него удивленно:

— Все равно гитлеровцы победить нас не смогут, и переловить всех они тоже не в силах.

— Нет, неверно, — резко перебил его Шрагин. — Достаточно попасть в руки гестапо одному малодушному человеку, и вся ваша концепция разлетится в прах. Они переловят и уничтожат всех подпольщиков.

— На их место станут другие! — с торжественной отрешенностью произнес Бердниченко.

— Вы не знаете, кто пытался взорвать сторожевик на заводе? — спросил Шрагин, уводя разговор из области общих фраз.

— Мину снесла туда одна наша комсомолка, — с гордостью ответил Бердниченко.

— А то, что эту мину немедленно обнаружили и была арестована вся ремонтная бригада, это вы знаете?

— Мы знаем только, что взрыва не было, думали — не сработал механизм.

— Не сработало умение.

— Ну что же, будем учиться и на таких ошибках, — невозмутимо отвечал подпольщик.

— Когда повесят бригаду рабочих, не покажется ли вам такое учение слишком дорогим? — спросил Шрагин.

— Эти рабочие помогали захватчикам, — сердито сказал Бердниченко, и серые глаза его сузились.

— Тогда вы должны немедленно ликвидировать меня, — улыбнулся Шрагин. — Я работаю инженером на этом заводе.

— Не может быть! — воскликнул Бердниченко с неподдельным удивлением.

Заговорили о совместной работе. Шрагин сообщил, что его человек подготовил похищение шрифта из типографии.

— Мы об этом ничего не знаем, — почти обиделся Бердниченко. — У нас там тоже есть свой человек.

— Вот так и надо работать, это и есть конспирация, — примирительно сказал Шрагин...

— Ясно... — вздохнул Бердниченко. — Ведь мы не имели никакого инструктажа и никаких методических пособий... — он сказал это так, будто речь шла о его прежних школьных делах. До войны он был завучем техникума.

Договорились впредь встречи проводить по возможности регулярно...

За два дня до 7 ноября на улицах города появились листовки, посвященные 24-й годовщине Октябрьской революции.

Первую такую листовку Шрагин увидел, когда ранним утром 5 ноября шел на завод. Моросил дождь, все вокруг было серое, холодное, чужое. По улицам сновали немцы в своих мышиных, почерневших от дождя шинелях. Разбрызгивая грязь, проносились раскрашенные в лягушиный цвет автомашины. Среди этого чужого холодного мира на сером столбе желтела листовка, кричавшая о Великом Октябре, о нашей вере в победу.

На грубой обойной бумаге было напечатано:

«Двадцать четыре года назад пролетариат России под руководством партии большевиков во главе с Владимиром Ильичем Лениным совершил Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Так родилось наше первое в мире государство с советской властью рабочих и крестьян. Его Красная Армия выстояла перед военной интервенцией капиталистической Европы и Америки, разгромила всех внешних и внутренних врагов революции. За двадцать четыре года своего существования Советский Союз объединил в свою семью сотни народов и народностей, и все они участвовали в построении социализма, который стал их радостной, свободной жизнью.

Никто и ничто не может остановить наше дальнейшее движение вперед и не сломит нашей веры в дело Октября, нашей преданности Коммунистической партии! Велик и непобедим Октябрь! Смерть немецким оккупантам!»

Шрагин бегло взглянул на листовку и пошел дальше. Ему стало жарко, и сильно забилось сердце. В одну минуту все вокруг изменилось, словно по волшебству.

Главная сила человека — в его причастности к своему народу, ко всей его жизни, к его счастью и к его горю. Шрагин чувствовал сейчас эту свою причастность с особой остро-

той. Он не замечал ни холода, ни дождя — ведь это была его осень, и этот холод и дождь были против его врагов. Здесь против них все, потому что и здесь фронт, и здесь война. И война особенно страшная для них, потому что они не знают, откуда их ждет удар. И это страх выкрасил их машины в лягушиный цвет, а их самих одел в шинели неприметной мышиной окраски.

Шрагину вспомнился родной Ленинград и как он — школьник — получал комсомольский билет из рук участника октябрьского штурма Зимнего. Это был еще совсем не старый человек, инженер завода, который шефствовал над их школой на Выборгской стороне. Вручив билеты, инженер сказал: «Не важно, ребята, кем вы станете, все вы будете продолжать великое дело Октября. И может статься, придется вам за это великое дело и жизнь свою пожертвовать, как те, что лежат теперь на Марсовом поле...»

Воспоминание пришло из детства, а было оно как еще один приказ, прямо касавшийся его сегодняшней жизни.

Шрагин был уже на территории завода и шел вдоль стапеля, как вдруг увидел впереди под краном плотную группу рабочих. Он остановился у них за спиной и через головы увидел уже знакомую ему листовку, приклеенную к внутренней стороне железной ноги крана.

— Гляди, не забыли поздравить, — тихо сказал пожилой рабочий и оглянулся. Он увидел Шрагина, и улыбка мгновенно слетела с его лица. Подтолкнув локтем соседа, он громко сказал: — Чего побасенки читать? Пошли работать.

Шрагин остался перед листовкой один. Теперь он читал ее медленно и обдумывал, как ему поступить: сорвать или оставить? Рабочие ушли, но позже они могли вернуться и увидеть листовку на месте. А среди них мог оказаться и предатель. Рисковать нельзя! Шрагин как мог аккуратно оторвал крепко приклеенную листовку и, держа ее в руках, пошел в дирекцию.

Он немножко досадовал, что в листовке, если не считать слов «Смерть немецким оккупантам!», ничего не говорится о борьбе с ними. Надо бы сказать людям, что партия здесь, вместе с ними, в оккупированном врагом городе, и зовет их в бой за свободу и честь Родины. Хорошо было бы подсказать людям, что им надо делать...

Войдя в кабинет адмирала Бодеккера, Шрагин с удовлетворением отметил, что там находится и нацистский комиссар при адмирале майор Капп.

— Извините, господа, но у меня срочное дело. — Шрагин

положил перед Бодеккером листовку. — Это было приклеено к подъемному крану.

Майор Капп быстро подошел к адмиралу, и они вместе прочитали листовку. Переглянулись. Майор Капп взял листовку и внимательно рассмотрел ее с обеих сторон. Он даже понюхал ее, потом провел пальцем по тексту и еще раз осмотрел листовку с обеих сторон.

— Даже краска еще не высохла, — сказал майор Капп и, подойдя к столику с телефонами, соединился с кем-то по служебной связи. — Говорит майор Капп, поздравляю вас с датой революции в России... Нет, нет, мне не до шуток. Вы взяли под контроль городские типографии?.. Тогда, значит, большевистские листовки печатаются под вашим контролем... У нас на заводе... Да, но у меня всего один экземпляр, а сколько их есть еще, мне неизвестно. Но думаю, что в типографии незачем печатать маленький тираж. Хорошо, я сам сейчас привезу.

Майор Капп положил трубку и, уходя, обратился к Шрагину:

— Благодарю вас.

Шрагин молча наклонил голову.

Бодеккер сидел неподвижно, уставившись прищуренным взглядом в глухую стену кабинета.

— Нет, нет, все-таки мы чего-то об этой стране не знаем, — сказал он, наконец, точно размышляя вслух. Бодеккер повернулся к Шрагину, но задумчивость в его светло-карих глазах оставалась, он смотрел на Шрагина и точно не видел его. — Вчера мой коллега, но настоящий плавающий адмирал рассказал о бое нашего эсминца с русским торпедным катером. Русские дрались, как львы; уже теряя плавучесть, успели выпустить торпеду и повредить эсминец, а когда стали тонуть, они пели какую-то песню. Моего коллегу поразило, что этот свой подвиг горстка моряков совершала без свидетелей, зная, что их героизм останется безвестным. Что же ими двигало? А?

— Фанатизм, — ответил Шрагин.

— Нет, господин Шрагин! — решительно возразил Бодеккер. — Фанатизм на войне — это явление сугубо индивидуальное, здесь следует употреблять совсем другое понятие — патриотизм. Интересно, как вы прочитали эту прокламацию?

— С удивлением, — ответил Шрагин.

— Чему вы удивились?

— Самому факту ее появления.

— Да, да, именно удивление, понимаю вас, — вдруг возмущенно заговорил адмирал, и лицо его начало наливаться краской. — И это ваше и мое удивление, скажем прямо, на совести гестапо. Это их стиль. Так было и в Берлине. Они громят еврейские магазины и синагоги, а коммунисты в это время действуют у них под носом...

В кабинете Релинка листовку исследовали специалисты. Они сошлись на том, что напечатана она на примитивном станке, который может быть установлен где угодно. Релинк позвонил генерал-наблюдателю Штромму, сообщил ему о листовке и о заключении экспертов.

Штромм попросил доставить ему экземпляр листовки.

— У нас всего-навсего один экземпляр, — ответил Релинк. — Мои люди ищут по городу второй. Я пришлю вам фотокопию.

Релинк умышленно сказал неправду. На столе у него лежало несколько листовок и уже сделанные с них фотокопии. Релинк отобрал самую плохую фотокопию и отправил ее Штромму...

В этот день Релинк записал в своем дневнике:

«5 ноября 1941 года в городе обнаружены прокламации коммунистов к годовщине их революции. Поражает текст прокламации. Кроме стандартного московского вопля в самом конце, в прокламации ни слова о катастрофе, постигшей их хваленое государство. Она написана так, будто ничего в их стране не произошло и наши солдаты не стучатся в кремлевские ворота. Прочитав прокламацию, я, честное слово, испытал чувство оскорбления равнодушием. Мне было бы приятней, если бы они осыпали нас бранью, проклятиями и угрозами. По крайней мере я бы почувствовал, что я есть и что они чувствуют мои пальцы на своем горле. Но если они отказываются признавать, не говорит ли это о том, что я и моя служба недостаточно активны и беспощадны?..»

Листовок было немного, но о них говорил весь город. Эксперты Релинка смеялись, что листовки напечатаны на обратной стороне обоев с идиллическими цветочками, а жителям города это говорило, в каких тяжелых условиях действуют люди, которые выпустили эту листовку. Город волновало, что листовка по содержанию была похожа на обычное праздничное поздравление мирного времени. Люди, прочитав листовку, вспоминали, как они, бывало, праздновали октябрьскую дату, как ходили друг к другу в гости, пели за столом песни... И еще они думали о том, что в городе есть люди смелее их, люди, которые не смирились с не-

счастьем и свято оберегают традиции прежней жизни. Одним от этого становилось стыдно, и они начинали отыскивать причины, оправдывающие их молчаливую покорность событиям. Другие задавали себе вопрос, как они могут помочь тем храбрым людям.

Глава 20

7 ноября Эмма Густавовна решила устроить семейный ужин.

— Отметим все же наш привычный праздник, — немного смущенно сказала она Шрагину.

— А если явятся ваши гости? — спросил Эмму Густавовну Шрагин.

— Для них это будет просто ужин, и все, — ответила она и шепотом добавила: — Это Лили потребовала, чтобы я устроила ужин. — Она тяжело вздохнула. — Я говорю ей: учись у Игоря Николаевича спокойствию. Работает человек с немецким адмиралом и никакой трагедии из этого не делает...

Недавно Эмма Густавовна сказала Шрагину: «Мы же с вами не какие-нибудь предатели, мы просто понимаем, что изменить ничего не можем...» Уже не первый раз она говорит с ним, как со своим союзником. Лиля понимала, что Шрагин остался в городе не для того, чтобы работать с немецким адмиралом, но она не могла смириться с тем, что ее мать так просто принимает новую свою жизнь и даже утверждает, что ей сейчас интереснее жить, чем раньше. Лилю бесило и то, что мать легче, чем она, находит общий язык со Шрагиным.

Шрагин видел, что происходит с Лилей, и надеялся, что она постепенно разберется во всем и поймет, что от нее требуется. После того как история с Лилиной подругой благополучно завершилась, Шрагин прямо сказал ей, чтобы она в подобные дела больше не лезла, если не хочет вызвать трагических последствий для всех, и объяснил, что самую большую пользу она может принести, внимательно слушая и запоминая все, что говорят гости в ее доме. Лиля сначала обиделась, но потом как будто согласилась со всем, что говорил ей Шрагин, и даже стала время от времени передавать ему подробные записи застольных разговоров немцев. Она очень переменилась. Совсем недавно она, сидя за столом, больше молчала, а теперь вдруг стала болтлива, кокетлива, много смеялась, охотно садилась за рояль. Перемена в ее поведении так бросалась в глаза, что это могло вызвать

у гостей в лучшем случае недоумение, и Шрагин вынужден был сказать ей об этом.

— На что же я тогда способна? Ничего не умею, ничего! — воскликнула она, и глаза ее наполнились слезами.

— Все требует умения, дорогая Лиля.

Шрагин и досадовал на нее и в то же время жалел и понимал, что должен терпеливо и осторожно вести ее по трудной дороге, на которой она так случайно оказалась...

Ужин по случаю, как выразилась Эмма Густавовна, «привычного праздника» начался с того, что Лиля нечаянно разбила единственную бутылку немецкого вина.

Эмма Густавовна возмутилась. Шрагин видел, как Лиля вспыхнула после резких слов матери, съежилась, будто от удара, и поспешил разрядить обстановку.

— Это сделала не Лиля, а само провидение, — весело рассмеялся он. — Мы собирались по случаю нашего праздника пить чужое вино, и, очевидно, провидение решило помешать этому.

— А что, ведь правда, — сменив гнев на милость, сказала Эмма Густавовна. — Это был бы форменный нонсенс — выпить за наш праздник вино, оставшееся от немецкого генерала. Извини меня, девочка... — она обняла и поцеловала дочь. Мир был восстановлен.

Шрагин, а за ним Эмма Густавовна и Лиля подняли пустые бокалы.

— Вообразим, что в них наша родная русская водочка, — сказал Шрагин. — И выпьем по случаю нашей... привычной даты...

— Я пью за Великий Октябрь! — воскликнула Лиля и чокнулась со Шрагиным.

В это мгновение в передней раздался звонок.

Эмма Густавовна пошла открывать дверь и поспешно вернулась.

— Спрячьте бокалы, — шепнула она.

Лиля взяла бокалы, но Шрагин остановил ее:

— Не надо. Только прошу вас, не надо повторять ваш тост.

В передней слышались мужские голоса. Генерал Штромм на правах старого знакомого первый вошел в гостиную.

— Что я говорил? — крикнул он, обернувшись к кому-то в переднюю. — Они, конечно, празднуют!

В гостиную вошел высокий худощавый человек в черном штатском костюме и в крахмальной рубашке. Рыжеватые его волосы, коротко подстриженные, разделял аккуратный боко-

вой пробор. В черном галстуке блестел золотой значок со свастикой.

— Ганс Релинк, — представился он.

— А лучше просто Ганс, — по обыкновению очень громко и бесцеремонно начал генерал Штромм и обратился к Эмме Густавовне с притворной строгостью: — Значит, отмечаете, мадам, праздник революции?

Лицо Эммы Густавовны покрылось красными пятнами.

— Привычка, как известно, вторая натура, — спокойно сказал Шрагин. — Четверть века — срок для выработки привычки достаточный.

— Не нужно оправдываться, — с мягкой улыбкой, открывшей крупные зубы, сказал Релинк, поглаживая свой квадратный подбородок. — Мы все понимаем и даже коечто захватили с собой... Там, в передней, корзинка, — обратился он к Эмме Густавовне.

— Воевать с привычками людей не наша обязанность, — сказал Релинк, садясь на диван рядом со Шрагиным.

— Это, по-моему, не совсем точная позиция, — возразил Шрагин. — У русских есть привычки, которые для вас очень опасны.

Релинк удивленно посмотрел на Шрагина:

— Что вы имеете в виду?

— Позавчера я у себя на заводе сорвал листовку коммунистов, и это значит, что они продолжают привычную для них деятельность, — сказал Шрагин.

— Где эта листовка? — небрежно спросил Релинк. — Мне очень хотелось бы на нее посмотреть.

— Я отдал ее адмиралу Бодеккеру, потом ее взял майор Капп.

Релинк вспомнил, как майор Капп говорил ему, будто листовку сорвал он сам. Интересно, кто из них врет?

Эмма Густавовна суетилась, расставляя закуски и вино, принесенные гостями. Когда все было готово, над столом всей своей грузной фигурой поднялся генерал Штромм.

— Господа, внимание, — прогремел его голос, как команда на плацу. — Наполните бокалы. Слово имеет мой друг Ганс.

Релинк встал и заговорил тихим приятным голосом:

— Господа хозяева этого уютного дома, аттестованного мне генералом Штроммом в качестве истинно немецкого! Собираясь к вам, мы подумали о том, что вы сегодня отмечаете свою историческую дату, и, признаться, боялись, как бы наше появление не смутило вас. Чтобы это смущение

с самого начала устранить, я предлагаю выпить за вашу историю, ее не в силах изменить никто. Хох!

Релинк в одно дыхание осушил свой бокал и с торжественным лицом ожидал, пока выпьют все. Его тост растрогал Эмму Густавовну. Она пила свое вино, благодарно смотря на гестаповца. Шрагин отдал должное ловкости, с какой Релинк повернул эту щекотливую тему. Лиля смотрела на Релинка с каким-то тревожным интересом. Генерал Штромм выпил и усмехался чему-то про себя.

Непринужденный разговор, однако, не завязывался. Генерал Штромм усиленно угощал Лилю и Эмму Густавовну. Релинк внимательно и деликатно посматривал на Лилю и, наконец, сказал:

— Я столько слышал о вас от генерала, что, наверное, узнал бы на улице. Знаете, что он говорит? Самая красивая молодая женщина в городе, но, увы, она оккупирована, как и город, но только не нами. Могу заявить, что согласен с генералом.

Лиля покраснела.

— Просто в городе осталось слишком мало женщин... А в мире все относительно.

— Не согласен, — любезно наклонив рыжеватую голову, возразил Релинк. — В отношении женщин теория относительности неприменима.

— Не спорьте вы с ним, это бесполезное занятие, он же по специальности следователь! Хо-хо! — прогремел генерал Штромм.

Шрагин заметил, как по лицу Релинка метнулась тень недовольства.

Заговорили о музыке, и вскоре Лиле пришлось сесть за рояль. Она сыграла свою любимую «Лунную сонату» Бетховена.

Все долго молчали. Потом Релинк сказал задумчиво и томно:

— Поразительна сила гения, забываешь все. Ради бога, сыграйте что-нибудь Вагнера.

— Не хочется. Я его не люблю, — ответила Лиля.

— Как можно! — воскликнул Релинк. — Вы же немка, а Вагнер — это поющее сердце Германии.

— А я не люблю, — упрямо повторила Лиля и заиграла Чайковского из «Времен года».

— О, Чайковский! — тихо воскликнул Релинк, блаженно закрыв глаза.

Генерал Штромм сидел молча и с каменным лицом цедил

вино. Шрагин, слушая музыку, думал все время о своем, о самом главном. Да, это люди гестапо...

Релинк продолжал сидеть рядом с ним на диване и, казалось, не замечал и не слышал ничего, кроме музыки, взгляд его не отрывался от Лили. Вдруг она на середине такта оборвала игру.

— Что-то ужасно заболела голова. Извините... — она встала и вышла из комнаты.

Релинк осторожно тронул Шрагина за локоть и шепотом сказал:

— Ваша жена производит впечатление нездорового человека. Не нужна ли наша помощь? Мы можем прислать прекрасного врача.

— Нервы! — вздохнул Шрагин. — Вы должны понимать, что нам не так просто пережить ломку всей жизни. Это процесс мучительный.

— Да, да, мы это понимаем, — сочувственно и с сожалением закивал Релинк. — И очень досадно, что не все наши люди понимают это. Как в этом смысле у вас на заводе? — участливо спросил он.

— Трудно ответить кратко, — попадая в тон Релинка и точно жалуясь, сказал Шрагин. — С одной стороны, известная вам листовка, а с другой — я каждый день вижу, как спокойно ведут себя на заводе рабочие.

— Вы слышали о попытке взорвать ремонтирующийся корабль?

— Слышал, — небрежно ответил Шрагин. — И все-таки делать выводы еще рано.

— Вы имеете в виду и себя?

— Конечно, и себя, — спокойно ответил Шрагин. — Только для меня все легче и проще оттого, что у меня есть этот дом и любимая жена. А ведь наши рабочие, да и инженеры живут очень плохо. И стоит кому-нибудь напомнить им о недавнем прошлом, как это вызывает озлобление ко всему сегодняшнему.

— Неужели это прошлое было таким хорошим? — совсем без иронии, мягко спросил Релинк.

— Все в мире относительно, — улыбнулся Шрагин. — Во всяком случае, люди жили значительно лучше, чем теперь.

— Но глупо быть нетерпеливым, когда речь идет об устройстве жизни в такой огромной стране, как ваша, да еще когда идет война. Мы все же не волшебники.

— Это могу понять я, но как это объяснить тем рабочим,

которым не только нечего есть, но даже нечем протопить печь?

— Да, городское самоуправление работает отвратительно, — согласился Релинк.

— Там тоже не волшебники, — заметил Шрагин.

— Но знаете, сказать откровенно — мы ожидали здесь для себя более тревожную жизнь. Пожалуй, уже можно сказать, что расчет ваших партийных кругов на то, что советские люди ринутся в безрассудную борьбу с нами, мягко говоря, не оправдался. Интересно, что вы думаете на этот счет?

— О том, что делается в городе, я просто не знаю, — ответил Шрагин.

— О! Если б делалось, вы бы знали! В том-то и дело! — рассмеялся Релинк. — Очевидно, господа коммунисты ушли в такое глубокое подполье, что не могут из него вылезти.

— И все же вы ошибаетесь, если считаете, что люди довольны своей нынешней жизнью, — сказал Шрагин.

— Скорей бы весна и лето! — тихо воскликнул Релинк. — Тогда все будет восприниматься иначе.

Гости ушли около часу ночи.

— Очень славно все получилось, — сказала Эмма Густавовна. — А я так боялась, так боялась! Ну посмотрите, как тактично они отнеслись к тому, что мы отмечали свой праздник. Верно, Игорь Николаевич?

— Да, не без того, — рассеянно ответил Шрагин.

Ему казалось, будто он был виноват в том, что Релинк имеет возможность говорить об отсутствии заметного сопротивления оккупантам.

Глава 21

Уже целую неделю Федорчук по ночам рыл подземный лаз к тайнику с оружием и взрывчаткой. Это была адова работа: стоя на четвереньках, топором вырубать землю, затем выгребать ее и рассыпать на огороде. А надо было прорыть почти десятиметровый ход. Вот когда пригодилась ему тяжелая атлетика. Но что она в сравнении с этой работой? Лицо у него осунулось, стало серым, пышные волосы слиплись от пота, даже белесые его ресницы потемнели от грязи. На полпути появилась непредвиденная трудность — стало не хватать воздуха. Федорчук задыхался, обливался холодным потом и быстро терял силы. Ему приходилось подолгу лежать на

спине, прежде чем он мог снова собраться с силами. Хорошо еще, что ему не надо было ходить на работу — он хорошо отсыпался днем.

А три дня назад Федорчук услышал громкие голоса за забором. Он глянул в щель и замер: в недостроенное здание, под которым был его тайник, в ту его угловую часть, которая была уже под крышей, вселялись немецкие солдаты. Федорчук решил работу продолжать, только заменил топор винтовочным штыком. Теперь стало еще труднее. На другой день к нему подключился Харченко. Работали попеременно. Пока один отсиживался в сарайчике, другой работал. И вот, наконец, на Федорчука обрушился последний пласт земли и оголилась доска, которую он узнал. Это было дно тайника.

На другой день взрывчатка и оружие были взяты из тайника и перепрятаны в сарайчик и в дом Федорчука. Часть взрывчатки унес к себе Харченко.

Первой целью для диверсионного удара была избрана устроенная немцами в городском саду ремонтная автобаза и склад автоимущества. Работавший на железнодорожной станции Ковалев сообщил, что в адрес этой базы идет очень много всякой техники.

Принимая решение нанести первый удар именно здесь, Шрагин понимал, что материальный урон от диверсии может оказаться не очень большим, главное было в моральном эффекте — сад, где расположилась база, находился в центре города, и весь он станет очевидцем еще одного эпизода борьбы патриотов с оккупантами. А это поважней счета материального...

В воскресенье Федорчук и Харченко, как благонамеренные горожане, прогуливались по городу. А почему бы им и не погулять, если их документы свидетельствуют, что и минувшую неделю они добросовестно трудились для нового порядка?..

Они побывали, конечно, возле городского сада. Там не было заметно никаких признаков жизни — немцы свято соблюдали воскресенье. На аллеях сада лежал чистый, нетронутый снежок. Но и в будни немцы работали здесь только по ночам, и это очень осложняло предстоявшую операцию. Шрагин требовал совершенно точно установить, в какие часы на базу доставляется техника. Уже несколько раз Федорчук и Харченко ходили в ночную разведку и установили, что грузовики с техникой прибывают на базу не позже трех часов

ночи и что при складе постоянно находится не меньше двадцати солдат. Шрагин приказал провести еще одну поверочную разведку. Это следующей ночью сделает Федорчук. А пока он вместе с Харченко гулял по городу.

Они шли через центр и только теперь заметили, что вокруг солнечный декабрьский день и город, припушенный снежком, выглядел чистеньким и даже повеселевшим. Но он был таким безлюдным, что опасно было идти как ни в чем не бывало по этому пустынному мертвому городу.

— Давай зайдем за Юлей? — предложил Федорчук. — Она уже отдежурила, возьмем ее и пойдем к нам чаевничать.

— Не опасно?

— В ресторан мы не полезем...

Они вошли в длинный узкий двор позади ресторана, и Федорчук скрылся за маленькой дверью с табличкой «Служебный вход». Харченко, присев на бочку, стал ладить самокрутку.

Из маленькой двери вышли Федорчук, Юля и с ними коренастый немец в военном кителе, но без всяких знаков различия. Харченко на всякий случай решил сделать вид, что он не знает ни Федорчука, ни Юли, а те, стоя у дверей, весело о чем-то поговорили и стали прощаться. Немец поцеловал Юле руку, с Федорчуком обменялся крепким рукопожатием и скрылся за маленькой дверью. Федорчук кивнул другу:

— Пошли!

Когда они уже далеко отошли от ресторана, Харченко спросил:

— Что это ты за дружка завел?

— Погоди, Паша... — ответил Федорчук...

Юля уже давно выполнила указание Шрагина и работала переводчицей в ресторане для офицеров военной авиации. Красивая, бойко говорившая по-немецки, она пользовалась среди офицеров большим успехом. Шрагин уже начал получать от нее дельные донесения. Так благодаря Юле Москва своевременно узнала о переброске из Франции на Кавказ третьей воздушной армии.... И вот несколько дней назад, когда она дежурила, с ней заговорил очень странный немец. Он был в военной форме, но какое у него звание, понять было нельзя. Однако он жил в отеле, а это рядовому солдату не по карману. Он спрашивал Юлю про жизнь в городе, интересовался, как она относится к немцам. Юля, конечно, представила ему жизнь города и свою жизнь в самых радужных красках. Он серьезно выслушал ее и сказал, что сам уже

успел кое-что увидеть и поэтому думает, что Юля говорит неправду.

— Зачем? — спросил он, заглядывая ей в глаза.

— Может, другим и не так хорошо живется, как мне, а человек ведь судит по себе, — игриво ответила она, поправляя свои модно валиком причесанные волосы.

— Это не похоже на русских, тем более на советских, — сказал немец. — Я ведь бывал в вашей стране раньше и еще тогда восхищался развитым у вас чувством коллектива, общества.

Услышав это, Юля невольно оглянулась по сторонам.

— Не бойтесь, — шепнул немец.

— А мне бояться нечего, — нарочито не понижая голоса, сказала Юля, смотря в глаза немцу своими большими черными глазами.

— Положим, это тоже не совсем верно, — улыбнулся немец и спросил: — Как вас зовут?

— Юля... Юля Федорчук.

— А меня Вальтер. Вот мы и познакомились.

Юля молчала.

— И еще я хочу сказать вам, что я женат и очень люблю свою жену, у нас двое ребятишек. Хотите посмотреть? — Он вынул из кармана портмоне, в котором внутри под слюдяной бумажкой находилась фотография некрасивой женщины, обнимавшей двух мальчишек дошкольного возраста. — Это Петер, а это Иохим, а это моя Анна, — показывал Вальтер. — Так что я прошу вас не думать, что у меня есть какие-нибудь задние мысли. Просто я здесь чертовски одинок. И потом мне хочется поговорить с советским человеком. Откуда же вы так хорошо знаете немецкий? — вдруг спросил он.

— А я немка, — с вызовом ответила Юля и заметила, что Вальтер насторожился.

— Но вы назвали совсем не немецкую фамилию, — сказал он.

— Мужа выбирают не по фамилии, — улыбнулась Юля.

— И вы приехали сюда... с нашими?

— Я родилась в этом городе, и таких немцев тут полным-полно.

Вальтер улыбнулся, но как-то принужденно. Он, наверное, еще не верил Юле.

— Откуда же здесь такие немцы? — спросил он.

Юля в двух словах рассказала ему давнюю историю поселения немецких колонистов на юге Украины.

— Вон, оказывается, как давно началась здесь немецкая оккупация, — рассмеялся Вальтер.

Они поговорили еще немного, и Вальтер ушел, церемонно поцеловав ей руку.

Два дня он не показывался, а сегодня утром пришел в ресторан, когда еще никого не было, и стал рассказывать Юле о себе. Он авиамеханик. В тридцатых годах работал в русско-немецкой акционерной компании «Дерулюфт», самолеты которой летали между Россией и Германией. Два года он обслуживал немецкие самолеты на нашем аэродроме в Великих Луках. Научился немного говорить по-русски, завел себе русских друзей, с которыми активно переписывался и после возвращения в Германию. В тридцать пятом году за эту переписку его уволили из авиации. Два года он работал на велосипедном заводе, но как только завод стал делать мотоциклы для армии, его снова уволили. Когда началась война, он был без работы, его сразу взяли в армию, однако оружия не давали. Он почти два года просидел писарем на интендантском складе, имея дело с бельем, ботинками и прочей амуницией. Но о нем вдруг вспомнил летчик, с которым он работал в «Дерулюфте», теперь летчик стал военным и служил в штабе восемнадцатой армии. Он затребовал Вальтера к себе. И вот теперь Вальтер в этом городе и ждет оформления на какой-то аэродром...

Слушая Вальтера, Юля старалась понять, зачем он все это ей рассказывает. Ей хотелось верить, что он говорит правду. Вальтер вызывал доверие всем своим видом, ровным спокойным голосом, открытым взглядом серых глаз. Но Юля всегда помнила главный наказ Федорчука — быть трижды осторожной со своими немецкими знакомыми.

— Зачем вы все это рассказываете? — прямо спросила она.

— Чтобы вы знали, что я не из тех оголтелых, которые ворвались в ваш дом и не считают вас за людей, — не отводя глаз, ответил Вальтер. — И еще я хочу, чтобы вы знали, что немцы есть всякие, в том числе и такие, которым стыдно за то, что здесь творится...

Как раз в эту минуту Федорчук вошел в ресторан, и Юля познакомила его с Вальтером. О первом ее разговоре с этим немцем Федорчук уже знал и сейчас внимательно его рассматривал.

— Вальтер Шницлер, авиамеханик, — представился немец.

Произошло мгновенное замешательство из-за того, что Федорчук не сразу протянул ему свою руку.

— Не опасайтесь пожать мне руку, она у меня абсолютно чистая, как и совесть, — сказал Вальтер напряженным голосом.

Федорчук протянул руку. Вальтер сжал его ладонь и тихо сказал:

— Мне очень дорого ваше рукопожатие, — и вдруг рассмеялся: — Довольно вульгарная ситуация: муж застал жену с другим.

Никто даже не улыбнулся его шутке, и Вальтер смущенно пробормотал:

— Прошу прощения.

Они стояли в неловком молчании, избегая смотреть друг на друга.

— Ну, теперь я вас увижу не скоро, — сказал Вальтер Юле. — Назначение уже в кармане, правда, я буду служить совсем недалеко от города и когда-нибудь позволю себе зайти к вам. Можно?

— Пожалуйста.

— Спасибо, до свидания...

Сейчас, по дороге домой, Юля рассказывала Федорчуку и Харченко о своем сегодняшнем разговоре с Вальтером.

— Черт его знает, но он не производит впечатления сволочи, — говорил Федорчук, рассматривая свои ободранные руки. — А ведь он назначен на аэродром, которым интересуется наш Батя.

— Вот и надо доложить о нем Бате, — отозвался Харченко.

Так и решили...

Глава 22

Операцию в городском саду проводили Федорчук, Дымко, Ковалев, Григоренко и местный подпольщик Зиканов — пожилой человек, до войны работавший сторожем в этом саду. Харченко должен был задержать пожарные машины, когда они будут мчаться к месту диверсии.

Начало операции было назначено на два часа ночи. С вечера потеплело, и с гавани в город надвинулся густой туман, затопивший улицы непроницаемой белой мглой. Еще до тумана Федорчук, руководивший операцией, встретился с подпольщиком Зикановым, и они спрятались под развалинами дома недалеко от сада. В это время Дымко и Григоренко уже находились на своей исходной позиции — с другой стороны сада. Всех тревожил туман, боялись, что в нужный час

не найдут друг друга. Больше всех нервничал Харченко, место которого было в двух кварталах от городского сада. Он изготовил специальные ленты с гвоздями, которые должен был расстелить на мостовой. Как в такой мгле нащупать середину улицы? Сработают ли его ленты? А что будет, если машины поедут не по этой улице и он не успеет перетащить свои ленты к перекрестку?..

Зиканов огородами провел Федорчука к той части сада, где размещались военные склады. Он шагал сквозь туман уверенно, как днем, Федорчук с двумя тяжелыми минами еле поспевал за ним. Там, где забор сада вплотную примыкал к стене кирпичного здания, в котором размещался гарнизон базы, Зиканов оставил Федорчука и исчез во мгле.

Федорчук положил мины на землю и стал прислушиваться к тому, что происходило на территории базы. Оттуда приглушенно доносились голоса, рычали автомобили — там, как всегда, шла ночная приемка грузов. Она обычно заканчивалась к двум часам ночи, но случалось, и позже. Тогда грузовики оставались на базе до следующей ночи, и шоферы ночевали у солдат гарнизона. Очень важно было установить, остались ли грузовики на эту ночь и сколько их.

Из мглы бесшумно возникли человеческие фигуры — Зиканов привел Дымко и Григоренко. Все дальнейшее происходило в полном молчании — детальный план диверсии каждый знал настолько хорошо, что никаких распоряжений не требовалось. Зиканов и Ковалев быстро вынули из забора бруски известняка, образовался довольно широкий лаз. Первым в сад проникли Григоренко и Дымко. Их задача — заблаговременно подобраться к зданию, где ночуют солдаты, чтобы в нужную минуту держать двери здания под огнем автоматов, а в конце операции прикрывать отход товарищей. Вслед за ними, взяв по мине, пошли Федорчук и Зиканов. У них задача была самая сложная — подорвать два больших пакгауза. Мины были довольно мощные, но, чтобы они сработали на всю силу, их нужно было бросить внутрь зданий. Туман и помогал и мешал. В белой его мгле Федорчук и Зиканов быстро прошли к пакгаузам, но для того, чтобы обнаружить вентиляционные окна, через которые они рассчитывали бросить мины, им пришлось искать их буквально на ощупь. Так же на ощупь Ковалев обнаружил пять оставшихся на ночь грузовиков.

...Мины взорвались почти одновременно. Крышу одного из пакгаузов сбросило на землю, и Федорчук чуть не попал под нее. В казарме стекла вылетели из всех окон. Оттуда начали

выбегать солдаты. Григоренко и Дымко вели по ним прицельный огонь. Солдаты, оставшиеся в здании, начали стрелять из окон.

Над городским садом поднялась ревущая стена огня. Харченко раскатал по улице ленты с гвоздями и затаив дыхание ждал.

Три пожарные машины пронеслись мимо него, и только несколько секунд спустя раздались хлопки и шипенье лопнувших камер. Первую машину развернуло поперек улицы, вторую вынесло на тротуар, третья врезалась в первую. Там слышались крик и ругань пожарников.

Харченко, как было предусмотрено планом, поспешил к городскому саду на помощь товарищам. Но когда он подбежал к горящим складам, его помощь уже не была нужна — товарищи отходили к лазу...

Было условлено: сразу после диверсии разойтись по домам.

Город был разбужен взрывами, у домов стояли люди, наблюдавшие пожар, обагривший все небо.

Федорчук присоединился к группе людей, стоявших на перекрестке, и слушал их разговор.

— В горсаду горит, это точно. А только чему там гореть?..

— Значит есть чему, если так горит...

— А тряхнуло-то как — посуда загремела...

— Неужели наши с воздуха кинули?..

— Тревоги не объявляли, да и попади-ка сверху, да еще ночью.

— Просто так могло взорваться...

— Просто так только воронье кричит.

— Аккуратно сделано, с умом.

— Ведь поди ж ты, полон город солдатни, опять же гестапо, а проморгали.

— Когда жди беды со всех сторон, глаз не хватит...

Федорчук слушал этот неторопливый разговор незнакомых ему людей и переживал, может быть, самые счастливые минуты за всю свою жизнь в этом городе.

Шрагин в этот час сидел на скамейке во дворе своего дома. Он вышел сюда еще задолго до взрыва и проложил на снегу тропинку, вышагивая от дверей дома к водопроводной колонке и обратно. Его остановил только грохот взрывов. Теперь он сидел на скамейке и, улыбаясь, смотрел на розовую от зарева заснеженную крышу соседнего дома. «Ну, господин Релинк, что вы скажете сегодня о своей спокойной жизни здесь?»..

А Релинк в это время стоял на перекрестке у городского сада, в лицо ему хлестал раскаленный пожаром воздух, крупные искры кружились над его головой. Полчаса назад его подняли с постели, и он примчался сюда. Ему уже показали ленты с гвоздями, остановившие пожарные машины, но и без этого он понимал, что здесь совершена смелая диверсия, эффект которой тем больше, что совершена она на виду у всего города.

К Релинку подошли комендант города Гофман и начальник полиции Цах. Насколько позволило бушующее пламя, они обследовали место происшествия, лица у них были в пятнах копоти, от них пахло горелым...

— Что скажете, хозяева города? — спросил Релинк с недоброй усмешкой.

— Команда, охранявшая склады, судя по всему, перебита, — сказал Гофман, вытирая лицо платком.

— Это были не солдаты, а слепые кроты, и их судьба — урок для всех ваших гарнизонов, — холодно сказал Релинк.

— Но как быстро все вспыхнуло! Я приехал сюда через пять-семь минут после взрыва... — заговорил Цах.

— Завидная оперативность, — оборвал его Релинк, направляясь к стоявшей поодаль машине...

«Хотелось бы, чтобы этот год ушел вместе с неприятностями, которые он принес Германии и мне лично, — записал Релинк в своем дневнике 31 декабря 1941 года. — В том, что случилось под Москвой, пусть разбираются господа генералы. Эта неприятная история чисто военная. Мне надо разобраться в своих неприятностях, и это совсем-совсем другое дело, ибо моя война развертывается на другом фронте...»

Релинк не понимал, что фронт советских людей против лютого врага их Родины был единым, он простирался по всей стране и линию этого фронта невозможно было изобразить на военной карте.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОНИ ВСТУПАЮТ В БОЙ

Глава 23

Одновременно две жизни были у Шрагина, — каждая требовала предельного напряжения физических и душевных сил, и неизвестно, которая была важнее, — обе были слиты воедино и зависели одна от другой. Разведывательно-диверсионная деятельность его группы становилась все сложней и рискованней. А для того чтобы спокойно руководить этой работой, он должен на заводе и дома быть всегда уверенным в прочности своего легального положения. Но обе жизни непрерывно вели его к новым трудностям и опасностям.

Являясь теперь приближенным к адмиралу Бодеккеру человеком, он был на виду у всех. Каждый его шаг контролировался не одним десятком глаз, и, если бы он не выполнял свои обязанности сверхдобросовестно, это было бы сразу замечено и вызвало бы подозрение. Но Шрагин был настолько точен в исполнении каждого адмиральского поручения, что его побаивались даже иные немецкие инженеры. Сам адмирал проникался к нему все большим доверием, и не только в вопросах техники.

Зато среди рабочих Шрагину уже давно была присвоена кличка «Немецкая овчарка», и он то и дело перехватывал их злобные взгляды. Шрагин подумал как-то, что получить нож в спину от своих было бы самой чудовищной несправедливостью судьбы. Так или иначе, но он должен был остерегаться и этого.

В канун рождества адмирал вызвал к себе Шрагина и вручил ему рождественский подарок — конверт с денежной премией. Пожелав ему весело провести рождественские вакации, адмирал в ответ на благодарность Шрагина вдруг сказал:

— Если на рождество к вам придет Релинк, я бы просил вас не распространяться об этой премии.

Шрагин почтительно и чуть удивленно смотрел на адмирала, ожидая объяснения. Адмирал молчал. Подождав еще, Шрагин положил конверт на стол:

— Я не имею права получать вознаграждение, если кто-то против этого. И я не хочу подводить вас, господин адмирал.

На глянцевых щеках адмирала проступили розовые пятна, и он начал хрюкать, как это делал всегда, когда злился.

— Там всеми недовольны, и мной в том числе, — невнятно пробормотал он.

— Но избави бог, чтобы они были недовольны мной! — сказал Шрагин.

— Ну вот что. Мы с вами люди техники, люди дела, а не болтовни, — сердито сказал адмирал. — То, что я скажу вам, надеюсь, останется между нами.

Шрагин молча кивнул.

— Так вот, — адмирал нервно провел рукой по седому ежику волос. — Как-то на совещании у командующего я встретился с Релинком, и он сказал мне, что познакомился с вами в вашем доме и что вы представляете собой экземпляр очень любопытного и, может быть, весьма полезного русского, но тут же посоветовал не торопиться доверять вам. Вот и все.

Адмирал сказал не все. Релинк сообщил ему тогда еще и о том, что он поручает своим людям последить за этим русским, и обещал сообщить о результатах проверки. Но Шрагину было достаточно и того, что он услышал: у Релинка он вызвал опасное любопытство...

— Спасибо, господин адмирал, — сказал Шрагин и взял конверт. — Я не скажу о премии никому, даже дома. Но я еще раз искренне говорю вам: если эта премия хотя бы на кончик ногтя создает какие-нибудь осложнения для вас, я не хочу ее получать.

— Оставим этот неприятный разговор, — перебил его адмирал. — Если бы все нормальные люди стали относиться друг к другу по рекомендации СД, мир превратился бы в сумасшедший дом. — Он уставился на Шрагина своими прищуренными светло-карими глазами, в которых поблескивала злость.

Шрагин промолчал, с бесстрастным лицом выдерживая взгляд адмирала, и спросил:

— Может, вы зайдете к нам в рождественские дни? Мы были бы очень рады.

— Благодарю вас, — сказал адмирал отрывисто и с интонацией, дающей понять, что разговор окончен. Но когда Шрагин встал, добавил: — Я не хотел бы оказаться в обществе тех господ... Но, возможно, зайду, тоска по дому может оказаться сильнее...

Адмирал не пришел. Тоска по дому не оказалась сильнее осторожности. Но не было и Релинка с генералом Штроммом. Генерал улетел на рождество в Германию, а Релинк был, видимо, очень занят. Ведь как раз под самое рож-

дество он получил неприятные подарки от группы Шрагина и подполья...

Последний разговор с адмиралом еще больше сблизил с ним Шрагина, но это потребовало от него еще большей осторожности. Ведь глаза и уши Релинка могли оказаться всюду.

В конце января адмирал Бодеккер сам напросился в гости к Шрагину и при этом сказал смеясь:

— Теперь это не опасно. Релинк сказал мне на днях, что вы, очевидно, белая ворона, характерная только для инженерной публики, предпочитающей воротить морду от политики. Последнее относилось уже и ко мне...

Адмирал пришел в гости на другой день. После домашнего ужина Эмма Густавовна — она не считала адмирала своим гостем — извинилась и ушла спать. Кофе готовила уже Лиля, но и она скоро ушла. И все, что услышал Шрагин в этот вечер, стало важнейшим его радиодонесением в Москву...

Уже за кофе, после того как Лиля по просьбе адмирала сыграла два любимых им этюда Шопена и вернулась к столу, адмирал долго и сумрачно молчал. И вдруг сказал:

— Какой прекрасной могла бы быть жизнь человечества!.. — Он не окончил мысль и будто без всякой связи с ней продолжал: — Всемирное могущество Англии в течение целого века было в ее морском флоте. И она прекрасно пользовалась им без тотальных войн. А когда великие страны влезали в большие войны, ничего хорошего из этого не получалось. Но мы догнали Англию, и наш флот стал достаточно сильным, чтобы бросить перчатку дряхлеющей владычице морей и колоний. Мы — государство омоложенное, это наше неоспоримое преимущество. Представьте себе, господин Шрагин, что могло быть? Локальная морская война, и мы получаем не только свои прежние колонии, но и английские. Вот где наиболее верный путь к мировому господству Германии. Причем путь этот не стал бы кровавой дорогой для нашего народа. И не только для нашего. А для всего цивилизованного мира такая наша победа выглядела бы как нечто закономерное. Этот мир, может быть, и огорчился, но он не был бы раздражен, как теперь. Понимаете?

— А Америка? — спросил Шрагин.

— Рузвельт — принципиальный изоляционист! — охотно отвечал адмирал. — А боссы Америки люди деловые, с ними всегда можно договориться на обоюдовыгодных началах. Но

увы... Во главе нашего флота появилась плеяда скороспелых гениев, которым было не по силам взять на себя такую историческую ответственность.

Так начался этот интереснейший для Шрагина разговор, из которого он узнал о дальнейшем расслоении командного состава гитлеровского военно-морского флота, узнал имена морских военачальников старой школы, стоящих в почти открытой оппозиции к военной доктрине Гитлера.

Позже адмирал заговорил о ходе военных действий. Больше всего его тревожило распыление морских сил по многочисленным театрам войны, из-за которого немецкий флот бессилен даже сорвать морские поставки союзников России. Теперь вступает в дело американский флот, и это еще больше ухудшит положение. И если не удастся вывести из войны Америку, немецкий флот будет полностью лишен возможности сыграть в этой нелегкой войне сколько-нибудь значительную роль...

Было видно, что адмирал много и тревожно думал обо всем этом, и сейчас ему, лишенному здесь своего круга людей, просто захотелось высказаться перед умным человеком, которому он доверял, а главное, не был немцем с ушами из гестапо.

— Вот и здесь, на Черном море, — говорил адмирал, — наш флот своей задачи не выполняет. Русские продолжают удерживать очень важные базы, и мы несем потери. А пополнения сил нет. Наш завод продолжает находиться на уровне ремонтной базы средних возможностей. А какие были роскошные планы и для этого театра войны! Вот вам еще один, и уже совершенно реальный, результат распыления нашего флота. Да, если нашим сухопутным войскам не удастся форсировать Кавказские горы, я ни за что не поручусь на этом плацдарме войны.

— И все-таки Кавказ — это частность, — осторожно вставил Шрагин.

— Целое складывается из частностей, — мгновенно парировал адмирал.

— Мне кажется, что такой вождь, как Адольф Гитлер, найдет выход из любой ситуации, — спокойно и уверенно возразил Шрагин.

Адмирал мельком глянул на Шрагина и красноречиво промолчал...

Они говорили до двух часов ночи, и, когда адмирал ушел, Шрагин, не откладывая, начал зашифровывать донесение обо всем, что сегодня услышал.

Шли дни, и каждый приносил разведчикам новые опасности.

Украинские националисты начали в открытую работать на гитлеровцев. В городе появился будто бы созданный на выборных началах «Комитет по украинско-германскому сближению», во главе которого стал все тот же Савченко. Комитет получил в свое распоряжение целый дом возле городского собора, и там уже действовала его канцелярия.

Через этих украинских националистов СД протянула свои щупальца в глубь города и в самые разные слои его населения. Около трех десятков комитетчиков надели формы полицаев, а при себе Савченко создал так называемый «боевой актив комитета», в который вошло с полсотни вооруженных головорезов.

Так возникла новая и очень большая опасность. Специально по этому вопросу Шрагин встретился на квартире у Федорчука с представителями подполья и с Демьяновым, который продолжал разведку националистической организации.

Демьянов по-прежнему считал, что реально опасными были не больше ста националистов, остальные же «украинцы» обмануты пропагандой или связались с комитетом в расчете получить от этого какие-нибудь жизненные блага. Таким, по его мнению, достаточно было разъяснить истинное положение вещей, и они разбегутся.

— Кто будет разъяснять? — спросил Шрагин.

— Как кто? — удивился Демьянов. — Все мы... подпольщики.

— Это означало бы всех поставить под удар. Это равносильно выходу из конспиративного положения. Я категорически против.

Представитель подполья Бердниченко сказал, разделяя слова:

— Я... тоже... против.

Шрагин был согласен с Демьяновым: конечно, большинство «украинцев» обмануты комитетчиками, но вести среди них разъяснительную работу нельзя — первый же «идейный» националист передаст разъяснителей в лапы гестапо. Значит, к решению задачи следует подойти совсем с другой стороны.

— Надо обезглавить комитет, — предложил Шрагин. — Устранить главных обманщиков.

— Уберем Савченко, появится другой, — возразил Демьянов.

— Ликвидируем все их руководство, — сказал Шрагин. — Это отрезвит остальных.

Стали обсуждать план операции. Демьянов сообщил, что одной из баз комитетчиков является так называемая автокефальная церковь, а поп этой церкви, по совместительству казначей и делопроизводитель комитета, подыскивает себе дьякона.

— Мы просто обязаны устроить на это место своего человека, — сказал Шрагин. — Другого шанса у нас пока нет, а ждать нельзя.

Уже на следующий день Харченко и другие участники группы получили приказ искать подходящего человека на должность дьякона...

К старикам, у которых жил Харченко, изредка заходил случайно оставшийся в городе инженер-электрик Владимир Петрович Величко. Он был в каком-то дальнем родстве со стариками. Харченко не раз с ним разговаривал и имел возможность убедиться, что человек он хороший, но словно потерял себя, опустился и безвольно смирился со своей судьбой. Сейчас он работал сторожем на рынке. Он рассказывал Харченко, что до войны участвовал в художественной самодеятельности.

Харченко вспомнил про это и решил не ждать, пока Величко сам придет в гости к его старикам. Под вечер он отправился на рынок.

Снег на опустевшей площади рынка после толкучки был грязный. Ветер кружил обрывки бумаги, гудел в пустых ларьках, как в морских раковинах. Харченко болтался по рынку, пока откуда-то из щели между двумя ларьками не послышался густой бас:

— Эй, тебе чего здесь надо?

Они поздоровались и сели на бревно в проходе между ларьками.

— С чего это вас сюда принесло? — Величко был страшно удивлен.

— Дело есть. Хочу узнать, почему вы не сказали мне, что являетесь членом партии, — без лишних предисловий начал Харченко.

— А зачем? Не надо... не надо... — пробормотал Величко, опуская голову.

— Что значит не надо? Небось, вступая в партию, клялись ей в верности, а когда запахло паленым — в кусты? — Харченко только предполагал, что Величко коммунист. И не ошибся...

— Да я и в помыслах против партии шага не сделал, — тихо сказал Величко.

— Против — да. А что вы сделали за? Может, вы решили, что партия уже вроде ликвидирована? Скажете, где она, мол, эта партия, да? А она здесь и поручает мне узнать, не забыл ли коммунист Величко свои клятвы. Что ей ответить?

— Ничего я не забыл, — прогудел Величко.

— Тогда в воскресенье утром приходите ко мне и приготовьтесь — придется вам работать, как положено члену нашей партии...

В воскресенье Величко пришел. Впервые Харченко увидел его чисто выбритым и обнаружил, что ему лет тридцать, не больше. Они вошли в холодную пристройку и, усевшись там на ящиках, заговорили о деле.

— Лучше дайте мне какое-нибудь самое тяжелое задание, только не это, — умолял Величко, когда узнал, что ему предстоит делать.

Но когда Харченко рассказал ему всю ситуацию с украинским комитетом, Величко перестал возражать.

— Давно бы так. Только ваше согласие — еще не все. Вас на этот пост будут утверждать, можете еще и не пройти, — сказал Харченко.

— Кто же это будет утверждать?

— Считайте, что горком партии, а может, и повыше.

Величко написал очень подробную автобиографию и заявление о желании работать в церкви... на благо Родины. Поручились за него старики Колесниковы, у которых жил Харченко. Шрагин приказал Харченко разузнать, что можно, о Величко там, где он жил. Пока шла эта проверка, несколько подпольщиков, дивясь этому поручению, добывали у местных стариков «учебные пособия» — евангелие, молитвенники. Сам Величко раздобыл где-то бесценное пособие — описание церковных служб.

Так в городе появился новый дьякон — воин подполья Владимир Петрович Величко.

Глава 24

Релинк начал день в прескверном настроении. Накануне его огорчил неприятный телефонный разговор с Берлином. Позвонил Отто Олендорф. Бегло справившись о здоровье, он обратил внимание Релинка на то, что работа СД и подрывная деятельность красного подполья идут как бы сами по себе, параллельно и не соприкасаясь.

— В ваших информационных донесениях мы читаем о весьма неприятных происшествиях, — говорил Олендорф. — А в оперативных материалах никакой связи с этими происшествиями. Создается впечатление, что вы ловите кого попало...

Ничего резонного ответить на это Релинк не мог.

Утренний доклад оперативного дежурного Иохима Варзера тоже не принес ничего нового и тем более значительного.

— Служба связи опять утверждает, что в городе работал не нашим шифром чей-то передатчик, — добавил Варзер, закончив доклад.

— Пусть найдут передатчик и тогда докладывают! — разозлился Релинк.

Оставшись в кабинете один, он уставился на лежавший под стеклом «для памяти» перечень городских происшествий. Их накопилось уже немало:

Уничтожение автобазы в городском саду. 38 убитых.

Уничтожение склада амуниции.

Уничтожение склада автопокрышек.

Четыре выведенных из строя паровоза.

Два железнодорожных состава, подорванных на минах.

Отравление продукции на макаронной фабрике, работающей для армии. Пять смертных случаев.

На судостроительном: потопление плавучего крана и мина в трюме сторожевика.

Прокламации: о праздновании Октября, об отступлении немецкой армии под Москвой, об акциях против евреев, призыв к саботажу и отказу ехать в Германию.

Каждое утро, садясь за стол, Релинк пробегал глазами этот перечень, и потом, когда он вел допросы, список все время оставался перед ним. Он старался так направлять допрос, чтобы арестованный вольно или невольно вдруг зацепился за какое-нибудь дело из его списка.

Но происходило действительно нечто странное и тревожное — в расставленные им сети попадало немало людей, тюрьма была все время переполнена, многие арестованные были уличены или даже сами сознались в действиях, враждебных Германии, но ни от одного из них не протянулась хотя бы паутинная ниточка к происшествиям из списка. Можно было подумать, что люди, попадавшие в сети СД, делали это умышленно, и только для того, чтобы отвлечь внимание на себя от более крупных фигур. Поверить в это Релинк не мог. Он уже отказался от предположения, что все крупные происшествия — дело рук одной и той же

небольшой группы фанатиков, но одновременно он не хотел допустить мысли, что против него находится столь многочисленная и хорошо оснащенная организация.

И все же между прошедшими через его руки арестованными и теми безвестными и более опасными какая-то неясная Релинку связь все же чувствовалась.

Релинк был по-своему умный и умелый работник СД. Его работа в Париже и Голландии была замечена и вознаграждена высшим руководством. И сюда его послали, учитывая перспективность советского юга в исторических планах фюрера. Он гордился, что попал на такой важный участок фронта, и собирался оправдать это доверие. Правда, последнее время Берлин уже не напоминал ему об особой важности южного плацдарма, и можно было подумать, что этой важности больше не существует. Но сейчас его огорчало другое: он оказался не в состоянии понять природу и психологию своего нового противника. А он знал, что успех борьбы начинается с этого.

Хорошо бы поговорить обо всем этом с умным человеком, имеющим больший, чем у него, опыт общения с советскими людьми, но Релинк просто не знал такого человека. Впрочем, нет, один такой человек есть — лидер украинских националистов Савченко. Уже при первой встрече с ним Релинк понял, что имеет дело если не с умным, то по крайней мере с очень хитрым человеком. Но Релинк не мог откровенно выложить перед ним свои сомнения и свое непонимание. Кроме того, с этими украинскими деятелями вообще велась какая-то сложная игра. То их категорически отвергали, а то требовали всячески приблизить их к себе, оказывать всяческую поддержку. Но три дня назад Берлин приказал разъяснить местным украинским лидерам, причем в самой резкой и категорической форме, что на оккупированной территории Украины Германия — это и единственная власть и единственная политика. Как раз по этому поводу сегодня Релинк и должен встретиться с Савченко...

На конспиративную квартиру, специально отведенную для их встреч, Савченко явился точно в назначенное время. Релинк знал привычку своего украинского партнера являться минута в минуту и уже ждал его.

— Ну, как дела, господин Савченко? — безмятежно спросил Релинк.

— Неважны, если вас интересует только то, что интересует всегда, — сухо ответил Савченко. — Хотя мои люди, можете мне поверить, делают все, чтобы найти мерзавцев.

— Да ну их к черту! — воскликнул Релинк и пригласил Савченко в другую комнату. Пройдя туда впереди Релинка и увидев накрытый стол, Савченко удивленно оглянулся.

— Проходите, проходите, — взял его Релинк за плечи. — Не можем же мы всю свою жизнь свести к борьбе с мерзавцами, когда-нибудь надо вспомнить и о том, что мы тоже люди и не прочь пополоскать горло хорошим вином.

— К сожалению, я совершенно не пью.

— И со мной? И за наше боевое сотрудничество? — спрашивал Релинк, деликатно подталкивая Савченко к столу.

— Только чисто символически, — согласился, наконец, Савченко.

Релинк думал, что Савченко просто куражится и что его символика окончится тем, что он вылакает коньяк. Но он ошибся. Савченко только раз пригубил рюмку и затем демонстративно отставил ее на середину стола.

Релинк оказался в невыгодном положении, — он должен был пить один, иначе Савченко мог подумать, что коньяк был приготовлен специально для него.

Выпив первую рюмку и не торопясь наливать вторую, Релинк спросил:

— Вы не пробовали анализировать причины, по которым ваши люди не в силах оказать нам существенную помощь в поимке бандитов?

— Тут глубокий анализ и не требуется, — невозмутимо ответил Савченко. — Причина одна и для моих и для ваших людей. Мы имеем дело с умным и умелым врагом. А потом прятаться всегда легче, чем искать, я знаю это еще по детским играм, — тонко улыбнулся он.

— Случилось что-нибудь еще?

— А вам мало? — спросил в ответ Релинк, скрывая раздражение. — Вы мне не раз говорили, что ваша организация представляет абсолютно все слои населения. Я начинаю в этом сомневаться.

Савченко долго не отвечал, жевал виноград, аккуратно выплевывая косточки в ладонь.

— Ну? — совсем не миролюбиво поторопил его Релинк.

— Хорошо. — Савченко ссыпал косточки в пепельницу.— Вы просили меня быть откровенным. Скажу, что думаю... С одной стороны, вы здесь никому не верите, даже нам. А с другой стороны... — не дождавшись возражения, продолжал Савченко, — вы имеете дело с паршивым стадом и стараетесь во что бы то ни стало найти в нем самую шелудивую овцу. Неужели вы надеетесь, что, если вы ее найдете,

стадо сразу перестанет быть паршивым? Чепуха! Вы же демонстрируете понимание еврейской проблемы и решаете ее радикально, раз и навсегда. Вы, может быть, думаете, что русские для вас меньшая опасность? Да пока хотя бы меньше половины русских живы, вы не можете говорить ни о какой своей победе на этой земле... — Савченко остановился, подождал немного, смотря на Релинка хитрым, все понимающим взглядом, и продолжал: — Мы создали здесь свой комитет. При мне есть боевой актив. Вместо того чтобы использовать наши силы для тотальной борьбы с коммунистами, вы играете с нами в кошки-мышки и ждете, когда мы приведем вам за шиворот главного коммуниста...

А теперь давайте-ка вернемся к нашим баранам. Что вы от меня хотите?

— Большей помощи.

— Я делаю все, что в моих силах.

— Когда речь идет о ваших сугубо украинских целях, — добавил Релинк. — Но пока, подчеркиваю, пока за порядок здесь отвечаем мы. Никакой другой власти, никаких других целей и интересов здесь нет и не предвидится. Мы не будем невежливы, если заметим, что кто-то, прикрываясь болтовней о верности нам и пользуясь ею как щитом, будет заниматься мелким политиканством. Мы здесь единственная политика!..

Савченко понял, что Релинк не шутит и, по-видимому, он имеет на этот счет приказ начальства, иначе он не позволил бы себе все это сообщить. Считая за лучшее скорее закончить беседу, Савченко сказал:

— Я думаю, что у нас состоялся хороший и полезный разговор...

Релинк не дал ему договорить:

— Он будет считаться хорошим и полезным только в том случае, если после него вы и ваши люди оставите до лучших времен игру в будущее украинское государство и уже сегодня употребите все свои силы на помощь нам. Только через это лежит ваш путь к тем целям, которые вы перед собой ставите, увы, пока еще преждевременно...

— Я хорошо понял вас, господин Релинк, — сказал Савченко, вставая. — Не думайте, что мы не понимаем, с какими трудностями вы столкнулись в этой стране. Но, наверное, иногда мы, украинцы, сами того не замечая, начинаем подчиняться простой истине, что своя рубашка ближе к телу. Словом, я обещаю вам максимальную помощь, максимальную.

— Посмотрим, — угрюмо заметил Релинк...

Глава 25

Боевой актив комитета Савченко поступил в полное распоряжение СД. Его люди принимали участие в расстрелах, стали самыми беспощадными палачами в тюрьме и в созданном возле города концентрационном лагере. Члены организации, каждый по месту своей работы, стали верными ищейками гестапо.

В типографии, где работал грузчиком Алексей Ястребов, метранпажем был активист украинского комитета Михаил Кузьмич Кулешов, пожилой степенный человек, пользовавшийся всеобщей симпатией. Было ему лет шестьдесят. Седой как лунь, но еще довольно крепкий, он сумел подружиться не только с пожилыми, но и с молодыми рабочими типографии. О том, что он «украинский комитетчик» и платный агент СД, никто не знал. Его авторитет в маленьком коллективе типографии особенно вырос, когда он однажды открыто вступился за наборщика Киреева, которого заподозрили в краже бумаги.

Сразу после появления в городе листовок, отпечатанных типографским шрифтом, гестаповцы организовали тщательное наблюдение за типографией. Подпольщики, которые держали связь с наборщиком Глушковым, понимали, что гестапо займется типографией, и на время оборвали цепочку связи. Беда была в том, что еще осенью первым с ним установил связь Ястребов, потом он передал эту связь подпольщикам. Глушков помнил, конечно, что все началось с Ястребова, и упорно называл его «крестным». Типографские рабочие интересовались, почему он так называет грузчика. Он объяснял это страшно неуклюже... А теперь Глушков недоумевал, почему подпольщики оборвали с ним связь, и чуть не каждый день спрашивал у Ястребова: «Чего же они больше не показываются?» Тот отвечал: «Не знаю», — и каждый раз втолковывал ему, что он к тем людям не имеет никакого отношения. Глушков был человеком хорошим, преданным, но, к сожалению, очень плохо разбирался во всех тонкостях конспирации.

А Кулешов между тем уже давно обратил внимание, что между наборщиком Глушковым и грузчиком Ястребовым существует какая-то связь, а не просто знакомство, тем более что по работе они никак не были связаны. Он внимательно наблюдал за ними, но долго ничего особенного заметить не мог. А когда Савченко потребовал от своих людей большей активности в поиске красных и пообещал за это большую

награду, Кулешов решил свои неясные подозрения выдать за уверенность в том, что шрифты из типографии выносил наборщик Глушков и грузчик Ястребов.

Они были арестованы, и Глушков, не выдержав пыток, сознался, что крал шрифты для подпольщиков. Однако никого из тех, кому он эти шрифты передавал, он не знал и назвать их не мог. Но он сказал, что связал его с подпольщиками грузчик Ястребов.

Что после этого досталось на долю Алексея Ястребова, можно только предполагать и преклониться перед его мужеством: он никого не выдал.

Когда Ястребов был взят, Шрагин объявил по группе состояние тревоги и приказал прекратить на время всякую деятельность...

В эти две тревожные недели, пока стало известно, что Ястребов и наборщик Глушков казнены, продолжал работать только Владимир Величко. «Внедрение» его в церковь прошло успешно. Величко быстро сошелся с таким же липовым, как он, попом Савелием, и тот свалил на него не только все церковные дела, но и заставил переписывать начисто и подшивать в папки финансовую отчетность комитета националистов. Здесь Величко узнал о том, что метранпажу типографии Кулешову по распоряжению СД была выдана крупная денежная премия. Все стало ясно...

В субботу после вечерни «отец» Савелий сказал Величко, что завтра утренняя служба отменяется, в церкви будет собрание украинского актива и им обоим придется вести регистрацию присутствующих на собрании.

— У входа поставим стол, и чтобы ни один не выпал из списка, — приказал «отец» Савелий.

— А чего строгость такая? — наивно полюбопытствовал Величко.

— Чего, чего? — оскалился «отец» Савелий. — К восьми утра будь тут, и весь разговор!

— Быть так быть, — обиженно отозвался Величко и вздохнул. — Хотелось в воскресный день выпить спокойно — и вот на́ тебе.

Величко знал, чем заинтересовать «отца» Савелия. Услышав про выпивку, поп оживился:

— А что у тебя есть?

— Слеза божья, — печально ответил Величко.

— Врешь!

— Девяносто градусов, как в аптеке.

— А если мы сегодня на двоих примем?

— И оба завтра будем спать на регистрации? — все еще обиженно и даже сердито говорил Величко.

— Дети мы, что ли? — настаивал «отец» Савелий. — Ну ладно, ты, Петрович, чего дуешься? Валяй-ка за своей «слезой», а я — домой, распоряжусь насчет достойной закуски. Лады?

Величко посопротивлялся немного и пошел за спиртом. Всю жизнь не терпевший спиртного, он с отвращением, почти с ужасом думал о предстоящей выпивке. Но ничего не поделаешь — приказ есть приказ, Шрагин требовал ускоренной разведки всех дел главарей националистической банды...

Все в доме «отца» Савелия, в том числе и сам дом, было присвоено этим мерзавцем. Даже его сожительница — разбитная горластая бабенка — была домработницей у прежних хозяев дома. И он был убежден, что все это он взял по полному праву человека, которому советская власть, или, как он выражался, совдепы, не давала жизненного хода.

— Ты не представляешь, как тихонечко я жил, — рассказывал он Величко. — Первого мая кто первый приходил на сборный пункт с во таким бантом на груди? Я приходил. Кто на всех собраниях был всегда «за» и никогда «против»? Я был. А пожить-то хотелось не так. Да, не так. Один раз попробовал урвать у совдепов кусочек. Так поймали, за решетку сунули, мерзавцы. Годы жизни в помойку пошли. И я ждал, ждал. Было у меня предчувствие. И вот пришло, да, пришло мое времечко. В этом домике проживал зубной доктор. Дом — полная чаша, будь здоров. Вот это все, что на столе, — еще его запасики, да, его. Ну и как только немцы начали еврейскую нацию ликвидировать, я тут как тут... И на церковь я, брат, тоже заранее нацелился. И тут тоже все вышло как по писаному, да, как по писаному. Прежний поп — деру, а я тут как тут. Но, по правде тебе сказать, в церкви я обманулся — доход тут мышиный, а хлопот — лошадь не вывезет. Это ж прямо счастье, что ты объявился. Но главное, мне счастье привалило только за то, что по паспорту я украинец. А то забыл о том и думать — и вдруг на́ тебе, пригодилось, и еще как! Господин Савченко всем нам ба-альшую дорогу открывает. Да, ба-альшую...

После первого же стакана спирта «отца» Савелия потянуло на политику.

— Хорошо бы немцы всю землю под себя подмяли, — разглагольствовал он. — Чтобы вокруг куда ни глянь — одна власть, один порядок и повсюду тебе почтение и жизнь в свое удовольствие. А ведь к тому, Петрович, идет, да, идет.

— Похоже, — согласился Величко.

— Похоже, похоже, — передразнил «отец» Савелий. — Даже наш Савченко пластинку меняет, почуял, куда ветер лозинку гнет, да, почуял.

— Про что это ты? — спросил Величко.

— Да, меняет пластинку господин Савченко, — говорил вконец разошедшийся от выпитого спирта «отец» Савелий. — Я кто? Я всего-навсего поп и всего только секретарь-казначей при комитете. А и я стал тревожиться, когда наш вождь заладил трубить про самостийную Украину. Какая, я думаю, самостийная? А куда немцы денутся? Или они ни при чем? Нет, думаю, не туда он мушку наводит, да, не туда. И я будто в воду глядел. Не прошло и недели, и господин Савченко мушку крутит совсем в другую сторону. Все — на помощь немцам, все. И завтрашнее собрание для того же: все — ловить красных и розовых. Вот то дило!

Они выпили еще, и «отец» Савелий вдруг мечтательно сказал:

— Вот бы поймать какого красного гуся, да чтобы покрупнее. Большие деньги сулит за это Савченко, да, большие. Везет же людям! Завтра на собрании будут давать премии тем, кто отличился. Кто евреями занимался, тем по десять тысяч отваливают.

— Рублей? — не поверил Величко.

— Каких рублей? — заорал опьяневший «отец» Савелий. — Марок! И не этих сортирных, а тех, настоящих! Шутка!

— Откуда в твоей казне марки?

— Откуда, откуда... — «Отец» Савелий хитро прищурился. — Дурила, немцы третьего дня сто тысяч отвалили комитету, да, сто тысяч. Подумать только!

— И завтрашнее собрание только для раздачи денег и созывают?

— Деньги — в разном, а главное — Савченко речь держать будет, а потом голосованием будет утверждаться состав комитета, чтобы полные права ему были...

Как только бутылка спирта иссякла, «отец» Савелий потерял всякий интерес к беседе и начал голосисто зевать, похлопывая ладонью по растянутому беззубому рту. Он сразу захотел спать...

Пока информация Величко о предстоящем собрании националистов прошла по цепочке связи, прошло три дня, и предложение Величко сунуть взрывчатку в церковь во время собрания осталось невыполненным. Впрочем, Шрагин об этом

и не сожалел. Он продолжал считать, что удар нужно наносить по головке банды.

Сразу после собрания Величко узнал, что Савченко на среду назначил первое заседание избранного комитета. Соберутся к восьми часам вечера на его квартире. Лучшего случая ждать было нельзя. Величко немедленно сообщил об этом Харченко, а тот по «молнии» вызвал связного Григоренко...

Два дня и две ночи Федорчук и Демьянов вели разведку дома, где жил Савченко. С начала января он жил уже в центре города. Величко предупредил, что при Савченко неотступно находится его личный охранник — парень богатырского роста, который носил морской китель поверх украинской вышитой рубашки со шнурочками на шее. Вход в квартиру был со двора, в котором находился какой-то военный склад, круглые сутки охранявшийся часовыми.

Почти до трех часов ночи под среду на квартире Федорчука разрабатывался ход операции. За столом, озаренным тусклым светом коптилки, сидели Шрагин, Федорчук, Демьянов и Ковалев.

План, предложенный руководителем операции Демьяновым, был очень простой, но в его простоте и таилась главная опасность. Если все сойдет гладко, операция займет не больше пяти минут. Но Шрагина волновало все, что входило в это «если». Он видел, что в любую минуту из тех пяти гладкий ход операции может быть нарушен, и необходимо предусмотреть любой поворот событий. Он неутомимо задавал вопросы-загадки участникам операции Демьянову, Федорчуку и Ковалеву.

— А если часовой успеет объявить тревогу, что тогда?

— Не успеет и пикнуть, — отвечал Демьянов, который по плану операции должен был заняться часовым.

— Ну, а если все же он пикнет?

Предусматривалось и это.

— А если кто-нибудь из бандитов опоздает на заседание и появится во дворе в момент операции?..

— А если не удастся быстро взломать ставни и бандиты успеют воспользоваться оружием?..

— А если кто-нибудь из вас пострадает от взрыва?

— А если в момент взрыва случайно на улице окажется военный патруль?

После каждого «если» наступало молчание — все думали.

На эти шрагинские «если» и ушли часы, и работа их была похожа на коллективное решение алгебраической задачи

с бесконечным количеством неизвестных. Но ни у кого и мысли не было обидеться на придирчивость Шрагина, все понимали: он хочет одного — чтобы операция прошла успешно и без потерь.

В среду вечер, к счастью, был пасмурным, и уже к семи часам, когда в квартиру Савченко начали приходить члены комитета, двор, с трех сторон сжатый домами, погрузился в темноту. Ковалеву стало труднее оставаться на улице: с приближением комендантского часа она совершенно обезлюдела, и всякая одинокая фигура привлекала внимание. Но и это «если» было предусмотрено: он укрылся в темном подъезде дома напротив заветных ворот и оттуда вел наблюдение.

Во двор уже прошло четырнадцать человек, а должно их быть семнадцать. Ковалев ждал этих опоздавших, но и после восьми больше никто не появлялся. Ровно в восемь произошла смена часового у склада.

Ковалев вышел из подъезда, завернул за угол. Здесь в тихом переулке на скамеечке сидели Демьянов и Федорчук.

— Уже четырнадцать, — тихо сказал им Ковалев, не останавливаясь.

Федорчук встал и пошел к цели. Выглядел он весьма респектабельно: черное пальто с барашковым воротником, шляпа, в руках пузатый портфель. Минуту спустя за ним двинулся Демьянов. Чуть позади — Ковалев. Теперь его задача — в случае чего броситься на помощь товарищам и прикрывать их отход. Если потребуется огнем — под пальто у него был подвешен тяжелый маузер.

С независимым, уверенным видом Федорчук прошел в глубь двора — часовой должен думать, что это еще один гость Савченко. Но, оказавшись там, где была дверь в квартиру, Федорчук метнулся за угол дома и присел за мусорным ящиком. Спустя минуту часовой увидел вошедшего во двор пьяного мужчину, который явно искал укромный уголок. Пьяный качался из стороны в сторону, но шел прямо на часового, как бы не видя его.

— Хальт! — негромко крикнул часовой.

— Что хальт, почему хальт? — бормотал пьяный и, остановившись в двух шагах от часового, повернулся к нему спиной и занялся вполне естественным делом.

— Ду, руссише швайн, — выругался часовой и сделал шаг к пьяному, замахнувшись прикладом автомата.

Стремительно повернувшись, Демьянов всадил нож в грудь часового и навалился на него всем телом. Тотчас Федорчук вышел из-за мусорного ящика и направился к закрытым ставнями окнам квартиры Савченко. Туда же подбежал и Демьянов. Он взял у Федорчука похожую на кирпич мину. Федорчук двумя своими мощными руками взялся за низ ставен и изо всей силы рванул их на себя. Замыкающий болт выдержал, но завесы с треском вырвались из стены и ставни отлетели в сторону. Демьянов широко размахнулся и бросил сквозь окно мину.

Грохот взрыва настиг их, когда они уже выбегали на улицу. От удара взрывной волны они не удержались на ногах. Улица была пустынна. Только Ковалев стоял у ворот. Все они спокойным, неторопливым шагом направились к перекрестку, а там в разные стороны и бегом...

В этот же вечер перестал существовать и метранпаж типографии Кулешов. Он шел домой и когда свернул в свой переулок, то нос к носу столкнулся с каким-то прохожим — в последнюю секунду своей жизни предатель увидел перед собой Григоренко...

От взрыва мины не погибли только два человека: совершенно не пострадал прибывший на совещание из Львова представитель украинского центра Кривенко, и до утра прожил доставленный в госпиталь «отец» Савелий, которому оторвало обе ноги.

Релинк прибыл на место происшествия через час после взрыва. Никаких сомнений, что здесь совершена новая крупная диверсия, у него не было. Не сомневался в этом и начальник полиции СД Цах. Это ясно было всем, кто видел мертвого часового и развороченную квартиру Савченко.

Посоветовавшись с Цахом, Релинк громко обратился к окружавшим его людям:

— Все ясно, убегая из города, красные оставили здесь мину замедленного действия.

— Безусловно, — подтвердил Цах.

Внушив присутствующим эту версию, они сразу уехали.

На другой день утром к Релинку был доставлен уцелевший представитель украинского центра Кривенко. Вид у него был страшный: его лицо было все в синяках и беспрерывно подергивалось, нижняя челюсть отвисла, франтоватый костюм забрызган грязью.

— Что это за тайная вечеря была у вас? — с яростью начал Релинк.

— Мы... вырабатывали... мероприятия... лучшей помощи...

оккупационным властям... — запинаясь, еле слышно отвечал Кривенко.

— Почему я ничего не знал о вашем приезде?

— Вас... должен был... информировать... Савченко.

— Кустари! Идиоты! — крикнул Релинк и, сжав зубы, выдавил: — Как это произошло?

— Мы... сидели... за столом... Савченко докладывал обстановку... затрещали ставни... разбили окно... Я вижу, летит кирпич... Успел свалиться под стол. Больше ничего... не помню...

— Почему Савченко не организовал охрану?

— Я как раз... тревожился. А Савченко сказал... во дворе часовой.

— Идиоты! — тихо, не разжимая губ, произнес Релинк.

Кривенко с трудом встал, но ноги его подкосились, и он рухнул на пол...

СД предприняла все, чтобы город не узнал об этом событии. Но спустя два дня подпольщики выпустили листовку, в которой сообщалось об уничтожении по приговору подпольного центра шайки предателей.

Ночью Релинк и Цах поехали в тюрьму. В кармане у Релинка был список из двадцати фамилий. Эти люди были ими приговорены к расстрелу. Выбор произвели очень просто: из каждой камеры по одному человеку. У Релинка было такое ощущение, что, если он не сделает этого, он просто не сможет ни работать, ни спокойно спать. От предвкушения мести он испытывал почти радостное возбуждение. Да, он будет наблюдать расстрел каждого из этих двадцати и сам воспользуется пистолетом...

Вот краткая запись, сделанная Релинком в дневнике после возвращения из тюрьмы:

«Какое наслаждение видеть падающего врага! Нет, нет, они смертны, как все! Смертны! И убедиться в этом еще раз очень приятно и полезно...»

Глава 26

В солнечное зимнее утро, в такое солнечное, что невольно думалось о весне, Шрагин шел на завод в приподнятом, радостном настроении. Ночью Кирилл Мочалин передал в Москву его очередную шифровку о боевых делах группы и подполья. Сообщил о ликвидации главарей националистической банды, передал новые и важные разведывательные данные. Шрагин думал о том, что вот сейчас его шифровку читают

в Москве. Представить себе какого-нибудь конкретного человека из той прежней своей жизни он не мог. «Москва читает», — думалось ему. Москва знает, что он и его люди ведут борьбу и уже имеют первые успехи.

«А ты разве забыл?..» — вдруг спросил его незнакомый, злой голос. Шрагин даже замедлил шаг: «Нет, нет, я не забыл! Но мне хочется сегодня смотреть вперед. Только вперед!»

И он энергично зашагал дальше.

Недалеко от завода увидел впереди двух мальчишек. Прячась, один — за афишную тумбу, другой — за столб, они обстреливали друг друга снежками. «Вот кому наплевать на все», — подумал он и невольно улыбнулся, увидев, как мальчишка, высунувшийся из-за тумбы, схлопотал себе снежок прямо в лоб. С воинственным криком он ринулся на противника врукопашную. Они сцепились, упали и покатились по снегу. Шрагин смотрел на них и смеялся. Ребята вскочили, отбежали к воротам и оттуда настороженно и враждебно смотрели на него.

— Война, ребята? — подмигнул им Шрагин.

Они молчали, не сводя с него враждебных глазенок. Но как только Шрагин сделал несколько шагов, в спину ему хлопнул снежок и он услышал злобный выкрик:

— Шкура продажная!

Он оглянулся, ребят словно и не было. Шрагин опять рассмеялся — и это сегодня было его радостью. «Ну конечно, — думал он, — в занятом врагом городе идет и еще смеется человек в добротном кожаном пальто и беличьей шапке. Кто же он может быть, этот человек, если не продажная шкура? Молодцы, ребята!» И вдруг он вспомнил своего сына: сколько же ему сейчас? Да, целых полгода! Наверное, уже сидит. Сиди, малек, сиди, спокойно жди своего батьку...» Перед взором Шрагина, как в ускоренном кино, промелькнула суета людей на московском вокзале, тревожная толкотня садящихся в вагоны женщин, детей. Все остановилось. Теперь Шрагин видел только лицо Ольги, он помнил его таким, каким увидел в последний раз в окне вагона уже тронувшегося поезда. Она смотрела на него какими-то онемевшими глазами, прижимая к груди заснувшего сынишку. Сердце Шрагина сильно забилось, но он быстро взял себя в руки.

И снова тот злой голос: «А ты разве забыл?..» — «Да не забыл я! Не забыл!..» Сам того не замечая, Шрагин шел все быстрее и быстрее, точно хотел убежать от этого ненавистного голоса...

Служебный стол Шрагина стоял в приемной адмирала Бодеккера. Сидя за столом, он видел из окна причалы верфи, широкий просвет гавани и чуть правей и дальше панораму южной части города. Здесь же в приемной работал и адъютант Бодеккера, высокий, худощавый молодой человек Герман Пиц. Это был недоучившийся из-за войны инженер, он приходился дальним родственником адмиралу, и тот взял его в адъютанты, чтобы спасти от фронта. «Адмиральский шпиц» — так звали его рабочие на заводе. Однажды адмирал сказал, что Пиц — его глаза. Это было сказано точно. Пока адмирал сидел в своем заводском кабинете, Пиц шнырял по заводу. Он ни во что не вмешивался, только смотрел и потом докладывал адмиралу о том, что видел. Когда Пиц работал в приемной, Шрагин был настороже, он знал, что адъютант его не любит, наверное, ревнует к адмиралу.

Пиц был уже на месте, рылся в бумагах. Сухо ответив на приветствие Шрагина, он ушел в кабинет адмирала.

Шрагин сел за стол и подвинул к себе «Журнал распоряжений». Но смотрел он в это время в окно. И как всегда, прежде всего увидел торчащее из воды плечо потопленного им осенью крана. Ему всегда было приятно видеть это мертвое плечо, оно казалось ему символом бессилия оккупантов заставить советский завод жить и работать для них. Да, бессилия, несмотря ни на что! Что же ты молчишь, злой голос?..

Когда Пиц вернулся, Шрагин раскрыл журнал и прочитал написанное самим Бодеккером распоряжение «проверить правильность оплаты труда рабочих, занятых на ремонте военных судов. Есть жалобы, что главный учетчик искусственно снижает оплату и делает это из каких-то корыстных побуждений», — писал адмирал.

Шрагин поднял глаза и наткнулся на злорадный взгляд Пица. Застигнутый врасплох адъютант скривился в улыбке и сказал:

— Там у вас запись об оплате рабочих. Снижение оплаты обнаружил я. И я просил адмирала поручить проверку вам. Учетчик — ваш... советский...

Главным учетчиком работал тот самый Фомич, который в ожидании прихода немцев верховодил среди оставшихся сотрудников заводоуправления. Еще тогда у Шрагина появлялась мысль: не оставлен ли он для подпольной работы? Когда связь с подпольщиками была налажена, Шрагин справился о нем, но оказалось, что его никто в городе не оставлял.

Однажды Шрагин слышал разговор рабочих о том, что Фомич — за глаза они звали его «Шакалом» — завел знаком-

ство с немецкими интендантами и скупает у них консервы. Но особую ненависть рабочих вызвало поведение Фомича на заводе. Перед немцами он пресмыкался, а со своими разговаривал, как хозяйчик с батраками. «Эй, быдло, поворачивайся быстрее», — было любимым его выражением. Около месяца назад рабочие заманили Фомича в заброшенный пакгауз и пытались там расправиться с ним, накинув ему на голову мешок. Он вырвался, но потом никому ничего не сказал. Шрагин узнал об этом случайно...

И вот теперь Фомича обвиняли в искусственном занижении оплаты труда рабочих. Было, однако, не ясно, что заставляет его так поступать — ведь он не мог присвоить разницу в оплате. Может, он таким способом срывал на рабочих свою злость? Так или иначе, все это надо было выяснить, и Шрагин отправился к Фомичу, занимавшему маленькую комнатку возле бухгалтерии. Того на месте не оказалось. В бухгалтерии сказали, что он пошел принимать какую-то работу.

Шрагин отправился на верфь, но Фомича и там нигде не было. Он остановился на минутку возле стапеля с мертвой громадой недостроенного корабля, а потом прошел к носу корабля и сел там на груду досок. В обступившей его тишине было слышно тоскливое подвывание ветра в лесах стапеля. И вдруг его охватила тревога. Он даже оглянулся вокруг. Хотя уже знал — нечего оглядываться, тревога родилась в нем самом, опять звучал внутри злой голос: а ты помнишь? У тревоги было имя — Алексей Ястребов, и она смотрела на него глазами Ястребова — серыми, с коричневыми крапинками вокруг зрачков. И Шрагин слышал его голос: «На эту работу без любви вряд ли так просто пойдешь...»

Страшную весть об этой первой потере принес Григоренко на очередную встречу, происходившую на кладбище.

— Ястребов погорел, — сказал он. — Позавчера его взяли прямо из типографии. Его и наборщика, который шрифт добывал.

— Это точно?

— К сожалению...

— Почему вы сообщаете мне только сегодня? — спросил Шрагин, сильно побледнев.

— У меня же вчера не было с вами встречи, — чуть обиженно ответил Григоренко. — Я человек дисциплинированный и подчиняюсь схеме.

— Но вы могли сами подать сигнал, — тихо сказал Шрагин.

Григоренко молчал, тревожно поглядывая на Шрагина, — таким он его никогда еще не видел.

— Объявите по всей группе состояние тревоги, — после долгой паузы сказал Шрагин. — Прекратить все на две недели.

— Вы думаете, он не выстоит?

— Такие, как он, не сдаются, — тихо произнес Шрагин. — Идите и выполняйте мой приказ. Связь со мной через десять дней...

Григоренко ушел, и Шрагин сразу пожалел, что отправил его. Сейчас ему, как никогда, нужен был рядом свой человек. А вокруг торчали молчаливые могильные кресты, и прямо перед Шрагиным на холмике лежала мраморная плита с надписью: «Мужу и другу, вечно любящая жена». Мелькнула мысль: была ли у Алексея Ястребова жена? Шрагин этого не знал. Ведь толком ему так и не удалось поговорить о жизни со своими товарищами. Шрагин вспомнил свой первый разговор с Ястребовым, и ему стало стыдно, что его встревожила тогда угрюмая молчаливость парня.

Потом они виделись всего два раза. Встречи были краткие, разговор только о деле — как быстрее добыть шрифт, где лучше его спрятать, как с жильем, с документами. Ястребов был все таким же: говорил обдуманно, ни одного лишнего слова. Во время последней встречи, когда Шрагин спросил у него, не стоит ли ему покинуть типографию, он сказал:

— Не стоит. Шрифт может понадобиться еще.

...Мысли Шрагина оборвал услышанный им глуховатый мужской голос, он звучал откуда-то снизу. Шрагин выглянул из-за досок и увидел двух мужчин, стоявших прямо под ним на нижней площадке стапеля. Они, наверно, вышли из трюма корабля. В одном из них Шрагин сразу узнал Фомича, другого он видел впервые.

— Ты же мне всю судьбу покалечил, — сказал незнакомый Шрагину мужчина. — Я мог спокойно уехать, а ты наплел: «Давай останемся, будем немцам хребты ломать...» Как ты ломаешь перед ними свой хребет, это я вижу. Так ты хоть передо мной не верти, скажи прямо, что решил пойти по другой дорожке, тогда я свою дорожку сам найду.

— Никакой другой дорожки, Костя, у меня нет, — ответил Фомич. — Я сам как в волчью яму влетел. Обещали, что придет ко мне для связи человек. Вот жду... А пока решил заручиться у немчуры доверием... — Он длинно, витиевато выругался. — Меня самого рвет, когда я со стороны на себя гляжу.

— Давай придумаем что-нибудь, — предложил незнакомец. — Ведь главное — не сидеть сложа руки.

— Что мы, Костя, с тобой можем придумать? — тоскливо спросил Фомич. — Я уже додумался. Пристрелю адмирала, а там будь что будет...

— Пойдем, я тебе кое-что покажу, — сказал незнакомец, и шаги их вскоре затихли.

Пораженный неожиданным открытием, Шрагин подождал немного и пошел к заводоуправлению. Еще утром он собирался расправиться с шакалом Фомичом руками немецкой администрации, а как поступить теперь, просто не знал...

Фомич, наверно, еще находился под впечатлением разговора с приятелем и на вопросы Шрагина давал весьма неосторожные ответы.

— Есть жалобы, что вы без всякого основания уменьшаете заработки рабочих, — сказал Шрагин, подчеркнув слова «без всякого основания», как бы подсказывая ему необходимость придумать основание.

Лицо у Фомича покрылось красными пятнами, он с ненавистью смотрел на Шрагина и отвечать не торопился.

— Я экономлю не свои деньги, а немецкие, — произнес он наконец.

Отметив про себя, что Фомич выдвинул неплохой аргумент, который можно будет использовать в рапорте начальству, Шрагин сказал:

— Но озлобленные рабочие хуже работают, и это наносит ущерб, который может быть гораздо дороже вашей экономии. Кроме того, это наносит ущерб немецкой армии.

— А я в их армию не нанимался, — отрезал Фомич и продолжал в том же тоне: — И рабочие тоже. А если кто из них ждал, что получит здесь кисельные берега и молочные реки, пусть знает, что для этого им надо было идти в полицию.

— По меньшей мере странное заявление, — сказал Шрагин. — За подобные мысли вы можете понести серьезное наказание.

— Я же еще тогда, в первые дни, понял, что вы далеко пойдете, и просил вас — не топите, помните? Считаете, что пришло время топить?

— Послушайте, я не могу поддерживать такой странный разговор, — сказал Шрагин. — Мне поручено выяснить, чем вызвана искусственно заниженная оплата труда рабочих. Если вы говорите — экономия средств, это я понимаю. Но одновременно вы не понимаете свою ошибку. — Шрагин подбрасывал Фомичу возможность сослаться на то, что он

чего-то недопонял. Тогда все могло сойти без особого скандала. Ну, не понимал человек, что его экономия неразумна, а теперь понял и делать этого больше не будет. В крайнем случае можно будет предложить перевести Фомича на другую работу...

— Может быть, наших рабочих собираются бесплатно в санаторий отправлять? — с вызовом спросил Фомич. — Я же понимаю так: добровольно остался, значит сдался в плен, а в плену коржиками не кормят.

— А вы сами разве не в таком же плену? — тихо спросил Шрагин.

Фомич молчал.

— А если вы тоже находитесь в плену, — продолжал Шрагин, — почему вы, в отличие от рабочих получая приличный оклад, занимаетесь еще аферами с немецкими интендантами?

Фомич снова промолчал. Шрагин обдумывал, что он скажет адмиралу по поводу этой истории.

— В общем я вижу, что вы просто не поняли, что ваша экономия немецких денег неразумна, — примирительно сказал Шрагин.

— Допустим, — согласился Фомич. — И что из этого?

— Раз вы, наконец, поняли — значит, надо от этой позиции отказаться, вот и все.

Фомич молча покачал головой.

— Словом, если вы хотите, чтобы я выполнил вашу просьбу — не топить вас, — сказал Шрагин, — я должен услышать ваше признание в том, что вы не поняли вредности придуманной вами экономии. В конце концов мне не хочется, чтобы вы понесли слишком тяжелое наказание. Как-никак мы с вами в одинаковом положении.

— Положим, я в холуях при адмирале не состою, — отрезал Фомич.

— Холуи бывают разных рангов, и вам от этого звания тоже не отречься, — улыбнулся Шрагин.

— Может, и так, может, и так, — пробормотал Фомич, удивленно глянув на него.

— Значит, договорились?

— О чем?

— Давайте кончать эту сказку про белого бычка, — рассердился Шрагин, рассчитывая подавить Фомича логикой ситуации. — Если вы действительно хотите, чтобы я помог вам избежать тюрьмы, я могу это сделать только при одном условии: вы должны искренне сознаться, что не понимали абсурдности своей экономии, иначе вы попросту сознательно

совершали политическую диверсию. И именно так руководство завода склонно расценивать ваши действия.

— Говорите, что хотите, — устало произнес Фомич.

— То, что я скажу, это мое дело, — Шрагин встал и взялся за ручку двери. — Но если вызовут вас и вы не скажете сами, что признаете свою ошибку, пеняйте на себя...

В тот же день Фомич распоряжением адмирала Бодеккера был переведен на должность кладовщика. Шрагин срочно сообщил обо всей этой истории подпольщикам, и вскоре человек подполья, действовавший на заводе, установил связь с Фомичом.

Глава 27

То, что Эмма Густавовна буквально растворилась в новой своей жизни и сейчас трепетно ждала приезда в гости из Германии своего родственника, это можно было если не оправдать, то хотя бы понять. Так уж получилось, что вся ее жизнь в советское время прошла в стороне от тревог и радостей страны, а начало ее жизни прошло в атмосфере типично немецкого мещанства. И сейчас перед ней словно воскресло все из детства и юности.

Шрагин не мог понять Лилю, и это тревожило его все больше и больше. Между ними произошел разговор, которого он, по совести сказать, ждал, потому что замечал коечто в отношении Лили к нему, но он не мог предположить, что разговор этот приведет к таким неприятным результатам.

Как-то вечером Лиля завела поначалу шутливый разговор об их, как она выразилась, юмористических личных отношениях.

— Я не вижу в этом юмора, — серьезно сказал Шрагин. — То, что нас с вами считают мужем и женой, в данном положении полезно для нас обоих.

— А мне смешно, — упрямо повторила Лиля. — Ставлю вас в известность, муженек, что позавчера генерал Штромм почти что объяснился мне в любви. Но я не смогла выдержать роли и расхохоталась в голос, а потом сказала ему, чтобы он сначала этот вопрос согласовал с моим мужем. Но генерал заявил, что мой муж меня не стоит и что, по его наблюдениям, вы меня не любите. Я, конечно, возражала ему, что мы очень любим друг друга, и еще напомнила ему церковную заповедь: да убоится жена мужа своего. — Лиля засмеялась и, вдруг сникнув, тихо сказала: — А все это вместе взятое дается нелегко.

Шрагин молчал, собираясь с мыслями. То, чего он очень боялся, наступило. У него уже давно были подозрения, но он очень надеялся, что ошибается. Надо было объясниться.

— Лиля, милая, — сказал он, подойдя к ней совсем близко. Он увидел, как она вздрогнула и повернулась к нему с широко открытыми глазами. — Поймите меня, милая Лиля, мы с вами в этом не принадлежим себе, — сказал он очень тихо. — И то, что вы называете «все вместе взятое», — это ведь не что иное, как наша с вами борьба.

— Наша... Наша с вами... Мы... — сказала Лиля, закрывая лицо руками, теперь ее голос слышался глухо, прерывисто. — Если бы вы только знали, как я одинока среди всех этих «нас», «мы» и так далее!.. Ведь у меня даже матери не стало... Вы же сами видите, какая она теперь.

— Надо стараться ее хотя бы понять, — мягко сказал Шрагин.

Лиля открыла лицо, выпрямилась.

— Вам остается только добавить, что она в этом своем состоянии содействует нашей с вами борьбе! — тихо сказала она, глядя ненавидящими глазами на Шрагина.

— Да, это так и есть, — снова мягко ответил Шрагин. — Она создает обстановку, в которой мы с вами получаем очень ценную информацию, не забывайте это.

— Возможно... возможно, — словно сразу обессилев, еле слышно сказала Лиля и спросила жалобно, точно уже зная ответ: — Вы любите свою жену?

— Да.

Она прошлась по комнате, потом остановилась перед Шрагиным и, глядя ему в глаза, сказала с неподвижным лицом:

— Наверное, все сложилось бы иначе, если бы ее не было.

— Нет, все было бы так же, — выдерживая ее взгляд, мягко и грустно сказал Шрагин.

Лиля закрыла глаза, из которых вот-вот должны были брызнуть слезы. Но она пересилила их, постояла немного возле Шрагина и отошла к окну.

— Это последний в моей жизни случай, когда я послушалась маму, — сказала она, не оборачиваясь. — Это она посоветовала мне объясниться с вами. Извините меня.

Шрагин встал, подошел к ней, взял ее руку и поцеловал.

— Лиля, вы еще найдете себе достойного друга, поверьте мне. Нужно только пережить это черное время.

Не отнимая руки, Лиля сказала чуть слышно:

— Видимо, я переиграла свою роль в спектакле.

— Я не могу, Лиля, лгать ни вам, ни себе. Не могу.

Лиля тихонько высвободила руку и решительно сказала:

— А я больше не могу играть ложь. Я буду играть теперь правду, и моя новая роль: жена, не любимая мужем и не любящая его. Как говорится, семья не получилась...

— Зачем вам это?

— Я должна сделать это в ваших же интересах, — уже спокойно говорила она, но сколько скрытой иронии и горечи было в каждом ее слове! — Я боюсь, что наши такие полезные вам гости начнут подозревать неладное сами.

— Наши семейные дела никого не касаются, — начал Шрагин, но Лиля будто не слышала его.

— Но не станут ли они со мной более разговорчивыми, когда я буду играть иную роль? — перебила она и торопливо добавила: — Вы не беспокойтесь, грязи я не коснусь, но мне так будет легче, честное слово, а в старой роли я могу и сорваться. И дело остается делом, можете мне поверить.

— Могу вам сказать одно: мне будет неприятно видеть вас... — Шрагин запнулся и сердито закончил: — Видеть вас в другой роли.

Лиля ушла к себе. На другой день она вела себя, как раньше, как будто и не было этого разговора. Прошло недели две, и Шрагин успокоился, решив, что она, наверное, передумала менять свою роль.

Так и было до появления в доме полковника медицинской службы из восемнадцатой армии Бертольда Лангмана. В первый раз его привел в гости генерал Штромм, а затем он стал приходить и без генерала. Ему было лет тридцать пять, и он совершенно не был похож на немца, тем более военного. Черные вьющиеся волосы, крупные печальные карие глаза, узкое лицо, тонкий нос с горбинкой делали его похожим на еврея. Именно это подумала Эмма Густавовна еще в передней, когда он пришел первый раз, и уставилась на гостя с невежливым испуганным удивлением.

— Не волнуйтесь, мадам, — расхохотался генерал Штромм, — он немец, но, правда, с примесью союзнической венгерской крови. Простите ему это и знакомьтесь: Бертольд Лангман, полковник. Воюет он с ножом в руках, он — главный хирург армии.

Шрагин в этот вечер был дома и провел его вместе с гостями. Вскоре пришли еще адмирал Бодеккер и его комиссар-майор Капп. Бодеккер уже не раз бывал в доме Эммы Гу-

ставовны, и он сам просил Шрагина, «чтобы не дразнить гусей», приглашать и Каппа, хотя он его и сам не терпел.

Разговор сплетался вокруг модной тогда темы: действительно ли русские смогли организовать под Москвой контрнаступление или события там не что иное, как маневр немецкого командования? Понятно, какой громадный интерес представлял этот разговор для Шрагина.

Эмма Густавовна пыталась взять разговор в свои руки и стала вспоминать все суровые зимы в своей жизни, но ее никто не поддержал. Доктор Лангман встал из-за стола, подошел к роялю и перелистывал там Лилины ноты.

— Кто в этом доме музицирует? — спросил он.

— Это моя обязанность, — вздохнув, сказала Лиля.

— Музыкант по обязанности не музыкант, а трубач из военного оркестра, — сказал Лангман, внимательно смотря на Лилю, которая обиделась и покраснела. — Прошу извинения, — негромко произнес Лангман и снова занялся нотами.

Шрагин с любопытством наблюдал немецкого доктора. Он заметил, что во время беседы за столом Лиля молчаливо поддерживала Лангмана то взглядом, то улыбкой, а доктор несколько раз внимательно посмотрел на нее.

Генерал Штромм спросил Шрагина:

— А что вы думаете об этом? Как вы расцениваете московский эпизод? Вы, русский, поверили в то, что ваша армия вдруг обрела волшебную силу, способную нас победить?

— Мне этот вопрос неприятен, — услышал генерал ровный голос Шрагина.

— Почему?

— Я встревожился, конечно, узнав о том, что произошло под Москвой, — сказал Шрагин.

— За нашу армию? За судьбу Германии? Хо-хо! — развеселился генерал.

— Я встревожился за себя, — продолжал спокойно рассуждать Шрагин, как будто он говорил про кого-то другого. — Вы должны понимать, что такое решение, какое принял я, возможно принять только один раз в жизни.

— Что за решение?

— Сменить бога и веру, — улыбнулся Шрагин. — И я принял это решение, трезво оценивая ход истории, в данном случае — ход войны. Естественно, что каждая малость, подвергающая сомнению правильность моего решения, очень для меня тревожна. Я пошел с вами, но я не из тех, кто делает это из примитивных шкурных соображений. Меня пугает не то,

что мои соотечественникине простят мне такое решение. Мои соотечественники теперь вы, ваши тревоги — мои тревоги. Я слишком мало знаю о войне и слишком плохо в ней разбираюсь.

— Я могу добавить, — сказал адмирал Бодеккер, — что господин Шрагин действительно пришел к нам искренне и работает получше иных наших настоящих соотечественников.

— Вы не поиграете нам? — вдруг обратился доктор Лангман к Лиле.

— Поиграть вам? — переспросила Лиля. — Это же и есть приказ исполнять свои обязанности трубача. Я люблю играть для себя.

Лангман быстро подошел к ней, взял ее руку, поцеловал.

— Вы поймали меня на хамстве, — сказал он, — и я еще раз прошу извинения.

— Хо-хо-хо! — гремел генерал. — До чего же тонкая душа у нашего доктора, просто непонятно, как он с такой душой безжалостно кромсает нашего брата!

Позже Лиля все же села за рояль и сыграла два прелюда Рахманинова. Доктор Лангман слушал музыку, закрыв глаза, а когда Лиля кончила играть, сказал восторженно:

— Чудо... Чудо... Но, по-моему, Рахманинов все же не очень-то русский гений, эту музыку мог написать и француз и...

— Немец? — иронически подсказала Лиля.

— Нет, — ответил Лангман. — Я хотел сказать — и англичанин. Но должен заметить: германская культура если уж может чем гордиться, так это музыкой: Бетховен, Вагнер, Бах.

— Не люблю, они бездушные, — сказала Лиля.

— Ну что вы говорите, как можно? — доктор Лангман подошел к Лиле, и они начали спорить.

— Остерегайтесь, господин Шрагин, докторов, любящих музыку, помните, что ваша жена пианистка, хо-хо-хо! — резвился генерал.

Шрагин натянуто улыбнулся и промолчал.

Да, именно в этот вечер Лиля начала играть свою новую роль, роль жены, которую муж не любит и к которому она тоже равнодушна. Она вела себя так, будто мужа здесь не было. Шрагин видел, что Лиля нравится Лангману. Впрочем, это, конечно, чувствовала и она — больше и громче, чем всегда смеялась, спорила, говорила колкости, игриво посматривая на немца.

Шрагин понял: в его жизнь входит серьезное осложнение. Он еще и еще раз вспоминал свой недавний разговор с Лилей и приходил к неизменному выводу: иначе он вести себя не мог...

Глава 28

Начальник СД доктор Шпан в присутствии всего офицерского состава вручал ордена трем работникам, участвовавшим в раскрытии хищения типографского шрифта. Бульдог произнес благодарственную речь.

— Мы вышли на верный след, пройдем по нему до конца, и город раз и навсегда будет очищен от врагов Германии, — закончил он.

Раздались аплодисменты. Шпан пожелал успеха всем работникам, закрыл церемонию и поспешно ушел к себе, даже не поговорив с награжденными. Никто этому не удивился. Все знали, что его переводят в Киев, он уже давно сидит на чемоданах и делами не интересуется. Впрочем, и до этого все своим настоящим начальником считали Релинка.

Как только дверь за экс-начальником закрылась, Релинк подошел к Бульдогу, поздравил его с орденом и сказал:

— Твоя речь прекрасна, но после операции в типографии прошло больше двух месяцев, мы идем по твоему «верному» следу, а листовки, как прежде, выходят и выходят. Я думал, что ты в своей речи скажешь об этом хоть пару слов.

Бульдог мгновенно побагровел и хотел что-то ответить, но Релинк предостерегающе поднял руку:

— Не надо портить прекрасного впечатления от церемонии, — сказал он, скосив в злой улыбке массивный подбородок.

Релинк вернулся в свой кабинет, приказал адъютанту никого к нему не пускать и отключить все телефоны, кроме берлинского. Последнее время он все чаще так уединялся и обдумывал свою работу. Делать это ему посоветовал в телефонном разговоре Отто Олендорф, высказав предположение, что он погряз в повседневных мелочах и не умеет или не имеет возможности взглянуть на свою работу со стороны и объективно анализировать ее.

Но думай не думай, общая картина работы от этого не менялась. В городе продолжали происходить неприятнейшие события, а вся агентура СД, точно по сговору, уводила от этого основного, подставляя, как правило, весьма расплывчатые, а главное, третьестепенные цели. В пору подумать, что

непрекращающиеся диверсии, уничтожение комитета Савченко, организованное бегство пленных из лагерей, регулярное появление листовок, акты саботажа — что все это своими корнями уходит за пределы города. Но Релинк знал — это не так. Его главный враг находится в городе, и цели, по которым он наносит удары, выбираются обдуманно, и они, как правило, очень значительны. Чего стоит одна ликвидация Савченко! И этот удар нанесен именно в тот момент, когда люди Савченко начали активно сотрудничать со службой безопасности. А теперь они перепуганы насмерть; когда их начинают настойчиво привлекать к работе, они попросту исчезают из города. Релинк вынужден признать, что и разведка врага работает очень точно: они быстро установили, кто выдал похитителей шрифта в типографии, и ликвидировали его. «Чего же не хватает нам? — думал Релинк. — Что должны делать мы, чтобы тоже быстро и точно находить главные цели?..»

Он вынул из стола и начал внимательно перечитывать «Дело о похищении типографского шрифта» — единственное дело, которое явно коснулось того главного, неуловимого. Не протекло ли тогда меж пальцев что-нибудь такое, что могло приоткрыть тайну над другими силами главного противника. Релинк перелистывал страницу за страницей, и перед ним проходило недавнее...

Уже после первых допросов он понял, что наборщик — фигура случайная и малоинтересная. Он был полезен только тем, что указал второго участника кражи шрифтов — Ястребова, а вот тот оказался достойным противником.

Его привели к Релинку рано утром. В окно ярко светило солнце, и на лице арестованного особенно резко были видны черные следы побоев. Релинк знал, что Бульдог всю ночь трудился зря. Серые глаза Ястребова смотрели на него с какой-то спокойной, усталой злостью.

Релинк начал допрос. Переводчик, который всю ночь работал с Бульдогом, говорил медленно, сбивчиво и с какой-то безнадежной интонацией, точно он заранее знал бесполезность этого занятия. На первые два вопроса Ястребов не ответил, а когда Релинк задал третий, он сказал спокойно:

— Ничего полезного для себя вы не услышите, не тратьте зря время.

Переводчик, наверное, думал, что на этом допрос окончится и он сможет идти спать. Но его надежды не сбылись.

— Все, что вы могли бы нам сообщить, мы уже знаем, — сказал Релинк, приноравливаясь к спокойной интонации

Ястребова. — Я хотел бы поговорить с вами совсем о другом. Скажите, вы искренне уверены в своей победе над всеми нами, над Германией?

— Если бы не верил, не молился... — на вспухшем лице Ястребова мелькнула тень усмешки.

— Вы верите в бога?

— Я верю в нашу победу. За нее отдал жизнь мой отец, и я сделаю это с готовностью.

— Мне нравится ваша аналогия. Действительно, ваша вера в свою победу так же абсурдна, как религия, — сказал Релинк спокойным ровным голосом, рассчитывая этим взорвать Ястребова и заставить его заговорить по-другому. Но Ястребов усмехнулся страшным черным лицом и отчетливо сказал:

— Вспомните этот наш разговор, когда вас поставят к стенке.

Релинку стоило большого труда сдержать ярость.

— Хорошо, я обещаю вам вспомнить, — Релинк изобразил на своем лице улыбку — сейчас надо было до конца использовать возможность заглянуть в душу этому типу. Он сдержался и спросил: — Но право же, любопытно, на чем держится эта ваша уверенность?

— Чтобы победить нашу страну, — спокойно, точно выступая на политкружке, ответил Ястребов, — вам надо убить всех до одного советских людей. А это не под силу даже вам. Выбьетесь из сил.

— Вы заблуждаетесь! — покачал головой Релинк. — Уже сейчас половина ваших людей работает вместе с нами для Германии.

— Неправда, с вами только предатели. Но не очень-то надейтесь на них. Чуть запахнет паленым, они разбегутся от вас в разные стороны, следа их не найдете.

Релинк не мог больше продолжать этот разговор и перешел к деловому допросу.

— Где типография, печатающая листовки?

Ястребов молчал.

— Кто принимал шрифты у наборщика?

Ястребов молчал.

— Вы здешний или вас сюда прислали?

Ястребов молчал.

Релинк почувствовал знакомый озноб, появлявшийся, когда он давал волю своей ярости. Он встал из-за стола, подошел к Ястребову и ударил его в подбородок снизу вверх. Ястребов вместе со стулом опрокинулся навзничь. Релинк

подбежал к нему и стал бить его ногами в лицо, в грудь, в живот...

Ночью Ястребов был расстрелян.

«Вот она, моя ошибка, — думал теперь Релинк. — Мы поторопились с расстрелом. Надо было держать Ястребова в тяжелом режиме до тех пор, пока он не заговорит. Ведь вполне возможно, что стойкость его была не больше как истерикой после ареста, со временем он бы опомнился. А расстреляв его, мы потеряли последнюю нить следствия. Да, здесь ошибка. И вывод — никогда не следует торопиться...»

На телефонном аппарате замигала лампочка — по прямой линии вызывал Берлин. Релинк снял трубку и услышал голос Олендорфа. Просто удивительно умение этого человека возникать перед тобой в самое неподходящее время!

— Приветствую. Поздравляю, — сказал Олендорф своим неизменным телеграфным стилем. — Ордена за типографию вполне заслужены...

— Спасибо, — еле слышно пробормотал Релинк, пытаясь понять, есть ли ирония в поздравлении начальства.

— Типография — прямой ход к главному, — продолжал Олендорф.

— Я тоже так считаю, — вставил Релинк.

— Здесь и надо копать, — сказал Олендорф и замолчал, паузой как бы приглашая Релинка говорить.

— К сожалению, операция оказалась локальной, — сказал Релинк. — Это следствие их хорошей конспирации.

— И вашей торопливости, — добавил Олендорф, который, конечно, уже знал о расстреле подпольщиков из типографии.

— Я только что сам думал об этом.

— Прошу вас впредь в каждом сообщении указывать направление к главному.

Релинк молчал, обдумывая, что хочет от него начальник, и сказал после затянувшейся паузы с еле уловимой интонацией вопроса:

— Конечно, когда будут к этому основания.

— Объективно всё — часть главного, — сказал Олендорф и закончил разговор, пожелав Релинку успеха.

«Так... сказано достаточно ясно, — думал Релинк, положив трубку. — Всё — часть главного. Значит, важно всё? Абсолютно всё? А может, я не уловил какой-то другой смысл? Это надо спокойно и хорошо обдумать...»

В кабинет вошел начальник радиослужбы Элербек, как всегда, чистенький, подтянутый, поблескивающий лысиной под редкой сеткой зачесанных набок белесых волос.

— Прошу десять минут для срочного доклада, — сказал он, подойдя к столу Релинка.

— А на двенадцать минут материала уже не хватит? Садитесь, я слушаю, — усмехнулся Релинк. Он уже знал, что Элербек пришел с каким-то сообщением о работающем в городе таинственном передатчике, но не верил, что сообщение будет интересным.

Месяц назад он приказал Элербеку найти передатчик. Но оказалось, что это совсем не простое дело. Передвижных радиопеленгаторных станций в городе не было. Восемнадцатая армия располагала только тремя станциями, из которых две обслуживали штаб, а третья была в распоряжении зондеркоманд, действовавших против партизан. Релинк связался с Берлином и получил ответ, что этих станций не хватает, но все же ему обещали оказать помощь.

Станций до сих пор нет. Вместо них из Берлина пришло письмо о том, что пеленгирование в приморском городе, да еще находящемся на полуострове, занятие почти безнадежное, так как передатчик может работать с лодки, находящейся в море. Единственное, что сделал Берлин, — дал разрешение выделить специального радиста для наблюдения за неизвестным передатчиком. Но за целый месяц эти наблюдения ничего не дали. Таинственный передатчик работал очень редко, в самое разное время суток, и его сигналы звучали всего несколько минут. За месяц он был обнаружен в эфире всего два раза. Первый раз не сработал магнитофон, а записывать рукой и потом пытаться расшифровать быструю кодированную передачу было бессмысленным занятием. Во второй раз удалось сделать запись на пленку. Над ней неделю бились опытные шифровальщики, но, увы, безрезультатно. Несколько дней назад по требованию Релинка Берлин приказал действующей в этом городе группе абвера откомандировать в распоряжение СД специалиста по русскому шифру. Но и специалист достиг немногого. Со вчерашнего дня на столе у Релинка лежала схема сделанной им расшифровки, в которой понятны были только четыре ничего не говорящих слова: «стать», «разнообразные», «крыша» и, наконец, «Грант». Специалист по русским кодам высказал предположение, что Грант — условное имя посылающего шифровку. Теперь таинственный передатчик так и называли: «Рация Гранта».

И сейчас Релинк не верил, что Элербек принес важные новости.

— Сделана третья запись Гранта, — сообщил Элербек. —

Он был в эфире три минуты четырнадцать секунд. Снова абракадабра. Но в конце снова «Грант». Потом была поймана дальняя мощная станция, которая в течение десяти минут посылала в эфир один и тот же вызов, и в нем тоже фигурировало слово «Грант». Затем рация Гранта снова появилась в эфире и передала трижды повторенные буквы «П» и «А».

— Это все? — с недоброй улыбкой спросил Релинк.

— На сегодня все, — ответил Элербек. — Но теперь мы уже знаем, что рация Гранта имеет прямую связь с какой-то мощной дальней станцией. Я считаю это очень важным.

— Благодарю вас, — иронически поклонился Релинк. — А то я все время думал, что Грант посылает свои сообщения господу богу, и не беспокоился.

Элербек обиженно поджал свои узкие бледные губы и встал.

— Я считал своей обязанностью доложить, — сухо сказал он и ушел.

Релинк с яростью швырнул ему вслед карандаш, но сейчас же встал, поднял карандаш и, вернувшись к столу, сказал вслух:

— Господин Релинк, я не узнаю вас...

И здесь то же самое — невозможность пробиться через конспирацию противника. И Релинк бесился все больше, хорошо понимая, какое значение имеет обнаружение этой рации. Его бесило и то, что он, изучавший приемы конспирации, применяемые на всех континентах, и довольно легко вскрывавший тайны подполья во Франции и Голландии, оказался бессильным против конспирации русских. Как-то Олендорф сказал ему: «Русские большевики — азиаты и в конспирации. Но что это, черт возьми, значит? Что они, волшебники, что ли, эти большевики?»

Вечером Релинк вызвал к себе агента по кличке «Беглый». Этот человек работал администратором в театре, снабжал СД подробнейшими и на первый взгляд перспективными доносами, но все они при проверке оказывались полной чепухой. В прошлом Беглый был кандидатом в члены Коммунистической партии, и у Релинка возникло подозрение, не являются ли его лживые доносы злоумышленными.

Допрос Беглого длился меньше часа. Релинк прервал его, испытывая такое брезгливое отвращение к агенту, что ему захотелось скорей пойти домой и принять горячую ванну. Перед ним сидело взмокшее от страха подобие человека. То и дело поддерживая рукой вставную челюсть, тот бормо-

тал глухой скороговоркой... Да, он писал заведомую неправду, но каждое донесение он начинал словами: «Надо проверить такого-то человека». И он думал, что проверят, убедятся, что человек этот ни в чем не замешан, но одновременно увидят и как старается он, Беглый, помочь новой власти. Релинк уже видел, что за всем этим стоит только примитивный животный страх за свою шкуру.

— Зачем вы пошли в коммунисты? — спросил Релинк.

— Я же не дошел... кандидатом был... — пробормотал Беглый запекшимся ртом.

— Но зачем? Зачем? — крикнул Релинк.

— Для анкеты, господин начальник. Исключительно для анкеты.

Релинк распорядился отправить Беглого в уголовную тюрьму.

— Ну, что вы скажете об этом экземпляре? — обратился Релинк к переводчику.

— Все они такие. Им понятен только страх, — ответил переводчик, приводя в порядок свои записи.

— Вы родились в Германии? — спросил Релинк.

— Да. Мои родители эмигрировали отсюда в 1917 году.

— Так что вы нынешних своих соотечественников попросту не знаете, — заметил Релинк.

— Но я уже успел повидать их здесь, — сказал переводчик.

— Как вы думаете, почему так получается: те, кто против нас, — люди волевые, храбрые, а те, кто с нами, — такие вот? — Релинк задал этот вопрос и нетерпеливо ждал ответа. Он уже успел убедиться, что этот русский парень не глуп, и ему было очень интересно, что он скажет.

Переводчик отвечать не торопился и, продолжая укладывать в портфель свои бумаги, поглядывал на Релинка, точно проверяя, можно ли ему говорить то, что он на самом деле думает.

— Очевидно, все те, на ком держалась коммунистическая Россия, оказались в стане наших врагов, — осторожно ответил переводчик.

— Это из области дважды два — четыре, — грубо заметил Релинк.

— Почему? — обиделся переводчик. — За этим дважды два стоит вывод, что коммунизм здесь поддерживали сильные люди, а над этим уже следует подумать.

Да, это был именно тот вывод, к которому уже не раз

приходил и сам Релинк, избегая, впрочем, развивать эту мысль.

Вот и сейчас ему захотелось оборвать этот разговор и заодно припугнуть переводчика.

— Но отсюда следует и другой вывод, — сказал Релинк, — что коммунизм — дело умных и сильных людей, а наши идеи... — Релинк замолчал, как бы приглашая переводчика закончить фразу. Но тот уже понял, в какой опасный разговор он залез, и молчал. — Вы видите, как опасно делать обобщенные выводы, основываясь на примитивных данных, — нравоучительно заключил Релинк.

— Да, конечно, я знаю слишком мало, — поспешно согласился переводчик, но эта его поспешность снова вызвала у Релинка раздражение, и он, не попрощавшись, ушел.

Поздно ночью Релинк записал в своем дневнике:

«Все-таки наша пропаганда делает ошибку, создавая у немцев представление, будто коммунизм — это нелепая и непопулярная в России затея. Тогда становится непонятным, почему здесь так нелегко дается победа. Эту мысль надо при случае высказать Олендорфу. В Берлине хватает умных бездельников, пусть они придумают ловкое объяснение силы коммунизма. Это поможет всем правильно понимать, что здесь происходит, и объяснит особые трудности нашей работы в России...»

Глава 29

На первом этапе борьбы городское подполье понесло немалые потери — сказалось прежде всего отсутствие опыта. Он приобретался уже в бою, и за него первыми расплачивались жизнью те, кто недооценивал силу врага и переоценивал свою. Другие погибли оттого, что им трудно было сразу поверить, что в городе окажутся предатели из своих. Были и жертвы «слепые». Это когда люди попадались случайно, во время массовых облав. Были потери и бескровные, когда люди, не обнаружив в себе мужества, просто отходили от борьбы.

Но каждая потеря учила подпольщиков мужеству, закаляла их волю, обогащала опытом борьбы. И после всех понесенных потерь подпольная организация не только окрепла духовно, она значительно увеличилась, и приток людей в нее продолжался. Подпольщики действовали уже не только в городе, но и в близлежащих колхозах и совхозах, и там, где на сотни километров вокруг голая степь, их работа была не менее трудной, чем в городе. Группа Шра-

гина могла теперь опираться на помощь подпольщиков, а Шрагин к этому времени фактически стал одним из руководителей подполья. Все чаще дела подполья и группы Шрагина дополняли друг друга.

В начале весны Шрагин начал готовить крупную диверсию на аэродроме морских бомбардировщиков. Эту цель указала Москва. Самолеты, действовавшие с этой базы, представляли большую опасность для наших черноморских портов и в особенности для морских коммуникаций, питавших героический Севастополь.

Разведку подходов к аэродрому вели Федорчук, Харченко и люди подполья. Вскоре подпольщикам удалось устроить на аэродром землекопом своего человека — Григория Серчалова. С его помощью начал устраиваться туда и Федорчук. Серчалов завел на аэродроме знакомство со странным немцем, который открыто клянет Гитлера и с большой симпатией говорит о Советском Союзе. Если этот немец не провокатор, получить на аэродроме такого помощника было необыкновенно важно. Но возникало множество тревожных вопросов. Почему немец сразу доверился подпольщику? И так как было известно, что Серчалов в конспиративных делах неопытен, возникло подозрение: не ведет ли он себя там, мягко говоря, неосторожно? И не ведут ли его с помощью этого немца в ловушку? Связные с ним встречались раз в неделю, а выяснить все это надо было немедленно.

...В воскресенье после дежурства в ресторане Юля шла домой. Свернув с главной улицы в переулок, она чуть не столкнулась с Вальтером. С тех пор как, получив назначение, он уехал, Юля его не видела. Сейчас было похоже, что он специально ее поджидал. Уж очень неловко разыграл он сцену случайной встречи.

— Как неожиданно и замечательно! — говорил он торопливо. — Иду и как раз думаю о вас. В город приехал с целым мешком дел, заскочить к вам в ресторан пообедать минуты нет, а увидеть вас очень хочется, и вдруг...

Юля сказала, что она тоже рада его видеть, и Вальтер предложил ей погулять.

— Такой чудный весенний день! Покажите мне ваш город, я ведь совсем его не видел, — попросил он.

— Город-то большой, — улыбнулась Юля. — А у вас ведь полон мешок дел и ни минуты свободной.

Вальтер покраснел.

— В общем боялся я зайти в ресторан и ждал вас здесь, — смущенно сознался он.

— А что же вас испугало?

— Что? — переспросил он и осторожно взял ее за локоть. — Идемте, не надо мозолить людям глаза.

Они пошли в сторону Юлиного дома.

— Черт возьми! — вдруг воскликнул Вальтер. — Стоит где-нибудь появиться немцу, как люди начинают бояться друг друга, а главное, даже мы, немцы, боимся друг друга. Верно я говорю?

Юля спросила в ответ:

— Где вы теперь служите?

— Главная авиабаза морского бомбардировочного полка. Старший механик по ремонту и редчайший экземпляр военного без звания. Штопаю дырки на самолетах, и тут я сам себе фельдмаршал и фюрер. И так как я умею работать, фельдфебели, не смущаясь, мою работу присваивают себе. У них из-за меня даже драка идет. Переманивают меня, как певичку в кабаре.

Вальтер рассказывал все это весело, но Юля видела, что его веселость искусственна, не верила ему и ждала, чего же он хочет.

— Вы надолго в город приехали? — спросила она, чтобы выяснить, как себя вести. Они продолжали идти к ее дому, и, если окажется, что у Вальтера есть время, надо будет изменить маршрут прогулки. Приглашать его к себе в гости Юля без разрешения Федорчука не собиралась.

— Не знаю, — ответил Вальтер. — Все будет зависеть от вас.

Юля удивленно посмотрела на него: Вальтер был совершенно серьезен.

— Я должен сказать вам... даже обязан сказать, — он сильно волновался. — Я обдумал все, что происходит здесь, и пришел к выводу, что я не имею права и не желаю нести ответственность за дела наших обезумевших наци, но отречение на словах ничего не значит, и я решил действовать. Конечно, проще всего удрать отсюда в Германию — я ведь фактически не военный. Но это было бы трусостью. Я еще не знаю, что я сделаю, но я клянусь вам — сделаю. Я хочу помогать русским бороться против Гитлера, и пусть будет со мной все что угодно. Главное, что совесть моя будет чиста.

— Что касается меня, — сухо начала Юля, — то я честно служу новой немецкой власти и не знаю, почему вы решили именно мне сделать это странное признание.

— Я это предвидел, — закивал головой Вальтер. — Я допускал, что ошибаюсь, веря вам вслепую, и даже... что меня

могут выдать. Но тогда моя судьба будет моим оправданием перед всеми честными людьми в Германии... — Он остановился и взял Юлю за руку. — Но я не верю, что вы такая. А я еще ни разу не ошибался в людях. Впрочем, нет, один раз ошибся. Хотите, я вам расскажу? — Вальтер заглянул Юле в лицо и, увидев ее глаза — холодные, не верящие, осекся и замолчал.

Некоторое время они шли молча. Юля понимала, что если она сейчас оттолкнет его, он во второй раз к ней с таким разговором не придет. И вообще не придет. А как-то, хотя бы намеком, выразить свое отношение к тому, что он сказал, она, не посоветовавшись с Федорчуком, не решалась. И вместе с тем она верила Вальтеру.

— Я ведь хочу услышать от вас совсем немного, это ни к чему вас не обязывает, — снова заговорил Вальтер. — Посоветуйте мне, как узнать, можно ли доверять человеку — русскому, вашему...

— Этого никто не знает, я этого даже про своего мужа не знаю.

— Меня огорчает, что вы так говорите о муже, — серьезно сказал Вальтер. — Впрочем, я понимаю, вы шутите, чтобы отвязаться от меня. А мне нужен серьезный совет. У нас на аэродроме бригадиром землекопов работает Григорий Серчалов, пожилой такой человек, высокого роста. Вы его, случайно, не знаете?

Юля отрицательно покачала головой.

— Жаль. Я с ним познакомился, и мне он очень понравился. Я чувствую, что он ненавидит наци. Вот уже месяц, как мы знакомы, но боимся друг друга и разговариваем, как два глухонемых. Но я же действительно не знаю, как выяснить, что он за человек. А нарваться на провокатора было бы очень обидно.

Юля уже слышала от мужа о странном немце, который доверился подпольщику Серчалову, и сейчас не верила своим ушам: неужели странный немец — Вальтер? Так или иначе, сама она решать эту задачу не могла и не имела права.

— Знаете, Вальтер, мне просто некогда сейчас разговаривать с вами, — сказала Юля.

— Я понимаю, — усмехнулся Вальтер. — Мешок дел и ни минуты свободного времени.

— Нет, правда, сейчас мне некогда, — сказал Юля, тоже усмехаясь. — Но если вы хотите поговорить со мной, приходите через час к кинотеатру.

— Я не хочу смотреть кино.

— Мы просто там встретимся и пойдем погуляем по городу. Хотите?

Вальтер внимательно посмотрел на нее.

— Хорошо, я буду там через час.

Юля обошла стороной целый квартал, пока не убедилась, что нет слежки, и пошла домой.

Федорчук выслушал ее торопливый рассказ и задумался. Как мог Вальтер догадаться о настроениях Серчалова? А кто на самом деле этот Вальтер? Проще всего было сейчас же с ним повидаться. Но пойти на такую рискованную встречу без ведома Шрагина Федорчук не мог. Свидание же с ним могло состояться не раньше чем через три дня.

Обдумав все «за» и «против», Федорчук все же решил действовать, не дожидаясь встречи со Шрагиным, и послал Юлю за связным Григоренко. Времени было в обрез, и теперь все зависело от того, окажется ли Григоренко дома, хотя по действовавшей схеме он обязан был находиться именно там.

Через полчаса Юля вернулась вместе с ним.

Федорчук предложил ему такой план. Возле кинотеатра Григоренко подойдет к Вальтеру, убедившись прежде, что там нет засады. Скажет ему, что знает его по работе в довоенное время на аэродроме в Великих Луках, когда тот был механиком от «Дерулюфта». Если Вальтер пойдет на разговор и будет пытаться вспомнить Григоренко, то надо предложить ему уйти с толкучки возле кинотеатра и увести его в переулок, где меньше людей. В дальнейшем Григоренко должен поступить в зависимости от того, как поведет себя Вальтер.

Если немец подтвердит все то, что говорил Юле, Григоренко прямо скажет ему, что может помочь связаться с нужными людьми. Сделает он это при условии, что Вальтер своей рукой напишет по-немецки и по-русски, что хочет связаться с советскими патриотами, чтобы участвовать в борьбе против Гитлера. Григоренко не скроет, что это необходимо как гарантия от провокации. Получив такой документ, Григоренко скажет немцу, что вскоре на аэродроме к нему обратится человек с паролем: «Не хотите ли купить новые сапоги?» Вальтер должен ответить: «Спасибо, но я сапогами обеспечен». И в дальнейшем Вальтер будет получать указания от этого человека. Если же Вальтер откажется писать расписку, Григоренко должен быстро уходить, соблюдая всю необходимую конспирацию...

Григоренко согласился с планом, но очень боялся, что Шрагин будет возмущен их самостоятельными действиями.

— Я все беру на себя, — успокоил его Федорчук и подтолкнул к двери.

Прошло уже гораздо больше часа, а Вальтер все еще стоял возле кинотеатра. Юля издали показала его Григоренко и вернулась домой.

Григоренко остановился в двух шагах от немца и бесцеремонно смотрел на него, как это делают люди, встретив давно знакомого, но еще не уверенные в том, что не ошиблись. Вальтер заметил, что его рассматривает какой-то парень, и сначала отвернулся. Через минуту он оглянулся — парень все еще смотрел на него, но теперь приветливо улыбался. Вальтер тоже улыбнулся, и тогда Григоренко подошел к нему.

— Вас, случайно, зовут не Вальтер? — спросил Григоренко.

— Да, Вальтер, — удивленно ответил немец.

— Вот так встреча! — воскликнул Григоренко. — А вы меня не помните?

— Извините, нет, — ответил Вальтер, удивленно глядя в лицо Григоренко.

— Ай, нехорошо, — укоризненно покачал головой Григоренко. — Я же вместе с вами работал на аэродроме в Великих Луках, вы были механиком от «Дерулюфта», а я — слесарем в мастерских. Впрочем, тогда я еще был не слесарем, а всего только учеником слесаря. Костя меня звать.

— Не может быть! — тихо произнес Вальтер.

Григоренко видел, что он волнуется.

— Что значит — не может быть? — рассмеялся Григоренко. — Тогда, значит, я вру?

— Нет, нет, что вы, — торопливо говорил Вальтер. — Но это так неожиданно. Да, да, я работал там и имел там много друзей... — Вальтер весь сжался, предчувствуя, что наступает момент, которого он так ждал, но он постарался взять себя в руки и сказал спокойно: — Но вас, извините, не помню. Я помню, например, Григория Осокина.

— Гришку! Ну как же! А Петрова помните? — наобум спросил Григоренко, рассчитывая только на популярность этой фамилии.

— Кузьму Петровича? Конечно, помню. Я же с ним потом целый год переписывался, — радостно подтвердил Валь-

тер. И вдруг пропел: — «Мы молодая гвардия рабочих и крестьян» — это же Кузьма меня выучил.

— Идете в кино? — спросил Григоренко.

— Н-нет, — Вальтер смущенно запнулся.

— Тогда уйдем с этого базара, поговорим хоть пяток минут, вспомним старое время, — предложил Григоренко.

Вальтер замялся и посмотрел на часы:

— Я жду одного человека...

— Да мы вон там, около дома, сядем на лавочку, и вам будет видно, как он подойдет, — говорил Григоренко, направляясь к скамейке. Они сели, и Григоренко, положив руку на колено немца, спросил: — Как же это получается, друг Вальтер: тогда в Великих Луках вы завели друзей, а теперь приехали их убивать?

Вальтер вздрогнул и повернулся лицом к Григоренко.

— Нет, я приехал не за этим, — сказал Вальтер.

— А зачем?

Вальтер помычал и ответил негромко:

— В общем, Костя, не затем — можете мне поверить, не затем.

И хотя он не повторил того, что сказал Юле, Григоренко решил больше не тянуть время.

— У нас, у русских, есть поговорка: «Языком масла не собьешь», — сказал он. — Ваш Гитлер тоже говорит, что желает нам добра, только мы от того добра в крови захлебываемся.

Вальтер молчал, Григоренко видел его стиснутые, побелевшие руки.

— Я все-таки не помню вас по Великим Лукам, — вдруг сказал немец с вызовом.

— В данных обстоятельствах важно, что я вас помню, — ответил Григоренко, делая ударения на слове «я».

После этого Вальтер долго молчал, а потом сказал:

— Хорошо, я пойду на риск, я делаю это сегодня уже второй раз.

— Второй раз? — удивленно спросил Григоренко, прекрасно зная, что имеет в виду немец.

— Но это не имеет значения, — устало ответил Вальтер и вдруг решительно спросил: — Вы действительно хотите убедиться, что я не на словах, а на деле друг советских людей?

— Да, хочу.

— Тогда скажите, что я должен сделать, и я сделаю это, клянусь моими родителями и моими детьми...

— Я скажу. Но при одном условии...

Требование написать расписку испугало Вальтера. Сначала он категорически отказался. Потом спросил, кому нужен этот документ.

— Тем, кому вы хотите помогать, — ответил Григоренко.

Вальтер снова помолчал, потом вынул из кармана записную книжку и сказал решительно:

— Диктуйте...

Григоренко сообщил ему пароль, они крепко пожали друг другу руки и разошлись в разные стороны...

Вечером Григоренко доложил обо всем Шрагину и вопреки его ожиданию получил одобрение.

Так завершилась встреча с «непонятным» немцем, с которым познакомился на аэродроме подпольщик Серчалов. Но самого Серчалова по просьбе Шрагина с аэродрома отозвали: он действительно оказался плохим конспиратором.

Глава 30

В гости к Эмме Густавовне приехал из Германии ее родственник Вильгельм фон Аммельштейн. Это был семидесятипятилетний старик огромного, почти двухметрового роста, но его позвоночник словно устал носить громоздкое тело: когда Аммельштейн стоял, вертикально держалась только нижняя часть его тела, а верхняя была сильно наклонена вперед. Впрочем, это не мешало ему быть весьма подвижным и даже суетливым. Его распирали впечатления, и так как он был говорлив до невозможности, его въедливый тенорок звучал в доме с утра до вечера.

— Ах, как это прекрасно, что я нашел вас! — говорил он Эмме Густавовне. — Я промчался через всю Европу и прямо помолодел от этой поездки.

Первое время Эмма Густавовна держалась смущенно и больше молчала, но постепенно она освоилась с объявившимся родственником и стала ему достойной собеседницей. С интересом выслушала она историю рода Аммельштейнов и в ответ рассказала свою родословную. Да, да, не было уже никакого сомнения, они действительно родственники. Когда Эмма Густавовна знакомила Аммельштейна с Лилей и Шрагиным, старик прослезился.

— Как это прекрасно! — пробормотал он, и его склеротическое лицо потемнело. — Теперь я знаю, моя одинокая могила не зарастет бурьяном. — И тут же, без всякой паузы, он начал деловито расспрашивать Шрагина, кто он,

и какая у него специальность, и не знает ли он, случайно, сельское хозяйство.

— Нет, в сельских делах я ничего не смыслю, — с любезной улыбкой ответил Шрагин. Ему была смешна вся эта ситуация, и он понимал, куда клонит старик.

— Это понятие составить не так уж трудно, когда хозяйство ведет умный управляющий. — Старик победоносно оглядел все маленькое общество, собравшееся в гостиной, и сказал: — Я надеюсь, что как только кончится эта военная неразбериха, вы переедете ко мне. Я хочу в своем доме видеть правнуков. — Старик поманил Лилю к себе и, пригнув, поцеловал ее в лоб.

В ближайшее воскресенье у Эммы Густавовны был день рождения, и она решила позвать гостей. Впервые она пригласила не только немцев, но и своих давних знакомых из оставшихся в городе. Вероятно, ей хотелось похвастаться перед ними своим новым положением. Аммельштейн дал деньги, а Штромм договорился с офицерским рестораном, который должен был обеспечить ужин всем, вплоть до сервировки и кельнеров.

С утра в квартиру явились ресторанные работники, которые принесли посуду. В кухне обосновался повар, готовивший закуски. Доктор Лангман, чтобы избавить Лилю от обязанности развлекать гостей на рояле, прислал свою радиолу и портфель с пластинками. Ближе к вечеру пришли два официанта. Как будто не было никакой войны и все события сосредоточились вокруг дня рождения старой женщины.

Утром Лиля вместе с Аммельштейном и доктором Лангманом уехали на машине в Одессу за подарками для матери. Эмма Густавовна отправилась в парикмахерскую. Дома оставался один Шрагин. Он сидел в своей комнате и читал книгу, забытую генералом Штроммом. Это было глупейшее, полное демагогии сочинение гитлеровского социолога доктора Бютнера, который поставил своей задачей доказать неизбежность принятия всем миром идей Гитлера. Слово «нацизм» он производил из слова «нация», делал из этого вывод, что нацистом является каждый представитель любой нации и что ему для того, чтобы стать национал-социалистом, остается только усвоить основы идей Гитлера...

В передней раздался звонок. Отложив книгу, Шрагин пошел открывать дверь.

Перед ним стоял мальчик лет пятнадцати.

— Здесь живет Эмма Густавовна?

— Здесь.

— Так передайте ей, что к предателям честные люди в гости не ходят! — крикнул мальчик и убежал.

Шрагин вернулся к книге и невольно рассмеялся — то, что крикнул этот мальчуган, было убийственным опровержением всех разглагольствований гитлеровского социолога.

...В передней послышался воркующий голос Эммы Густавовны, и она вошла в гостиную, торжественно неся голову, на которой была уложена старомодная пышная прическа, похожая на просвирку.

— Ну, Игорь Николаевич, как вы находите свою тещу? — спросила она игриво и в то же время несколько смущенно.

Шрагин улыбнулся и еще не успел придумать, что ответить, как Эмма Густавовна сказала высокомерно:

— Напрасно вы улыбаетесь. Сегодня я хочу быть красивой. — Вдруг она повысила голос: — И вообще вы все привыкли только распевать, что «старикам везде у нас почет». А у немцев уважение к старости человека — традиционно. За всю свою жизнь я такого внимания к себе не видела, Игорь Николаевич. А теперь можете улыбаться сколько вам угодно... — Гордо запрокинув голову, она ушла в свою комнату...

В пять часов вечера у Шрагина было срочное свидание с Федорчуком.

Они встретились в доме Величко, который после смерти «отца» Савелия стал уже полноправным священником автокефальной церкви.

Величко провел Шрагина на кухню, где ждал Федорчук, а сам вышел во двор, чтобы охранять их.

Федорчук принес тревожную новость: стоящий на аэродроме бомбардировочный полк в самое ближайшее время будет перебазирован ближе к Кавказскому фронту. Это может случиться в течение недели, а Харченко еще не начал переброску взрывчатки в тайник возле аэродрома.

Шрагин и Федорчук занялись переработкой всего графика операции, сокращая его до предела. Харченко начнет доставку взрывчатки завтра. Но ее нужно сразу же забирать из тайника и переносить на аэродром, а Федорчук не имеет возможности заниматься этим каждую ночь.

— А Вальтер? — спросил Шрагин.

— Может.

— Решено.

Они обговорили все, что нужно было сделать для ускорения операции, и стали прощаться.

— Москва о наших делах знает? — вдруг спросил Фе-

дорчук, смотря на Шрагина своими чистыми голубыми глазами.

— Конечно, знает, — ответил Шрагин. — В каждом донесении я от всех вас передаю приветы родным.

— А в ответ что бывает? — тихо спросил Федорчук.

— В ответ все больше директивы — начальству не до лирики, ему дело давай. В общем снимать с работы вроде не собираются и рапортов по собственному желанию не требуют, — рассмеялся Шрагин.

Федорчук прикрыл глаза пушистыми ресницами:

— Невозможно представить себе, что там, в Москве, бегают трамваи, люди утром свободно идут на работу, не оглядываются по сторонам, говорят по телефону, вечером дома пьют чай; ложась спать, не суют под подушку пистолет.

— Они знают, что мы спим с оружием, и спокойны, — улыбнулся Шрагин...

Эмма Густавовна, конечно, была права — такого дня рождения у нее никогда не было. За сдвинутыми столами расселись около двадцати гостей. Одних генералов было четыре: Штромм, Летцер и неизвестный Шрагину авиационный генерал Унгер. Вместе с доктором Лангманом пришел генерал от военной медицины. Адмирал Бодеккер привел представителя главного военно-морского штаба адмирала Циба. Среди военных гостей вообще ниже полковничьего знания не было. Блеск орденов соперничал с блеском ресторанного хрусталя. Фон Аммельштейн восседал в смокинге с белоснежным пластроном, в черном галстуке сияла бриллиантовая булавка. Было еще несколько немцев в чинах, о которых Шрагин, опоздавший к съезду гостей, ничего не знал. И наконец, пришли двое гостей из местных знакомых Эммы Густавовны: глухой старичок маленького роста, который все время обалдело разглядывал гостей и явно чувствовал себя не в своей тарелке, и оказавшаяся рядом со Шрагиным пожилая седовласая женщина с умным и каким-то тревожным лицом, главный врач туберкулезной больницы Мария Степановна Любченко.

Специальный столик у дверей был завален подарками, и Эмма Густавовна то и дело поглядывала туда с детской счастливой улыбкой. В радиоле приглушенно звучала красивая музыка. Поздравительным тостам, казалось, не будет конца, причем все говорили длинно, витиевато и по-немецки сентиментально. Фон Аммельштейн первый произнес тост.

— Вы, господа, люди военные и видите только войну и кровь, кровь и войну. — Старик поморщился и продолжал: — А происходит нечто большее. Находят друг друга и объединяются все немцы на всей земле. Судьба решила, что я к старости оказался одиноким. Вам трудно себе представить, что такое была моя одинокая осень: громадный пустой дом, в парке воет ветер, и ты один прислушиваешься к перебоям своего сердца. — Фон Аммельштейн последние слова произнес еле слышно и, достав белоснежный платок, начал вытирать слезы.

— Все-таки сентиментальность — это их стихия, — шепнула Шрагину его седовласая соседка. Шрагин сделал вид, что не слышит ее, и продолжал внимательно и уважительно слушать фон Аммельштейна.

— Вот почему, дорогая Эмма Розалия — разреши мне говорить тебе «ты», — твой сегодняшний праздник — это и мое торжество над одиночеством. Я теперь не один на земле. За твое здоровье, Эмма Розалия! За мою радость! — воскликнул он и, наклонившись, поцеловал Эмму Густавовну в висок.

Все беспорядочно закричали, зазвенели бокалы, и на секунду за столом наступила тишина. Затем снова возник веселый гомон и шум. Официанты бросились наливать вино в бокалы...

Пир продолжался почти до полуночи, когда гости начали по одному уходить — незаметно, по-английски. Еще раньше фон Аммельштейн почувствовал себя плохо, и его уложили в постель.

— Вот она, извечная и историческая слабость немецкой аристократии, хо-хо-хо! — громыхал по этому поводу генерал Штромм.

Но вот ушел с помощью своего шофера порядком нагрузившийся Штромм. Покинули дом официанты. И в конце концов, кроме Шрагина и его соседки, сидевших за столом, в гостиной остались Эмма Густавовна, Лиля и доктор Лангман. Они разговаривали возле рояля. Лиля, изредка вставляя слово, одной рукой наигрывала грустную мелодию. Шрагин видел, как они с Лангманом то и дело встречались глазами, Лиля казалась веселой, а взгляды доктора становились все значительнее. Да, Лиля успешно играла свою новую роль...

Соседка Шрагина Мария Степановна успела несколько раз дать ему понять, что чувствует себя здесь очень плохо («пир во время чумы»), что немцы ей неприятны с детства,

и она с этим ничего не может сделать, и что ей почему-то безумно жаль Эмму Густавовну.

Шрагин учтиво слушал ее и, улучив удобную минуту, сказал насмешливо:

— Можно думать, что вас привели сюда насильно, под конвоем гестапо.

После этого Мария Степановна надолго замолчала. Но когда они остались за столом одни, она вдруг стала говорить ему, что он просто неправильно ее понял.

— То, что я говорила, было чисто человеческое, без всякой политики, — пробормотала она.

— В вашей больнице и сейчас есть больные? — спросил Шрагин, чтобы прервать ее объяснения.

— Да, конечно. Туберкулез не считается с войной, — ответила она. — Наоборот, в тяжелое время туберкулез увеличивает свою страшную жатву.

Она говорила охотно, и было видно, что она очень рада перемене в разговоре.

— Вот и мы, врачи, — продолжала она, — тоже вынуждены, не считаясь ни с чем, исполнять свой долг и оставаться с больными.

— Больница не успела эвакуироваться? — спросил Шрагин.

— Половина больных нетранспортабельна, они, по сути дела, обречены, — вздохнула Любченко.

— Много таких?

— Около двадцати. — Любченко сокрушенно покачала головой. — Парадоксально, конечно: в то время как на войне гибнут миллионы, мы бьемся, чтобы хоть немного отсрочить гибель этих двух десятков больных.

— По-моему, это не парадокс, это вечный долг врачей, — сухо заметил Шрагин.

— Но врач еще и человек, — печально сказала Любченко и тихо добавила: — Советский человек.

— И ваши больные тоже советские люди, — ответил Шрагин.

Ему по-прежнему не нравилось что-то в этой женщине с умным и тревожным лицом. В самом деле, она же знала, куда шла в гости, видит, что за люди пришли в этот дом, и почему-то не боится делать двусмысленные намеки человеку, с которым почти не знакома. «Это странно», — подумал Шрагин и сказал строго:

— Между прочим, Мария Степановна, вы поставили меня в очень неловкое положение. Как человек определенных

взглядов, я обязан не забывать сделанные вами признания. Но, с другой стороны, вы подруга матери моей жены, и я обязан верить, что Эмма Густавовна не могла пригласить сюда ни красных, ни даже розовых.

Любченко посмотрела на Шрагина долгим прищуренным взглядом, встала и, не говоря ни слова, направилась в переднюю.

— Мария, куда вы? — поспешила за ней Эмма Густавовна.

Несколько минут из передней доносились их голоса, потом хлопнула дверь, и Эмма Густавовна вернулась в гостиную. Бросив недовольный взгляд на Шрагина, она направилась к роялю, возле которого сидели, тихо разговаривая, Лиля и доктор Лангман.

Шрагин тоже подошел к ним. Они будто не замечали его и продолжали говорить о том, может ли музыка выражать не возвышенные, а самые простые, обыденные чувства человека.

— По-моему, музыка способна передать только такие чувства, которые человек переживает как потрясение: любовь, смерть, счастье, — говорил Лангман.

Лиля утверждала, что она в музыке слышит улыбку человека, его облегченный вздох, задумчивость, тихую грусть.

— Вот вам человек улыбается, — сказала она и сыграла несколько тактов из вальса Шопена. — Никаких потрясений, просто улыбка человека — не правда ли!

Шрагин смотрел на Лангмана, ждал, что он скажет. Но он, по-видимому, понял взгляд Шрагина по-своему, засмеялся и сказал:

— У нас, немцев, самым страшным считается гость, который, уже надев шляпу, начинает в передней рассказывать о привычках своей бабушки.

Лангман встал и начал прощаться. Лиля вышла провожать его. Услышав, как хлопнула парадная дверь, Эмма Густавовна спросила у Шрагина:

— Что такое вы позволили себе сказать моей подруге? Она заявила, что ее ноги не будет в моем доме.

— Мне не понравились ее настроения, — угрюмо ответил Шрагин.

— Мало ли кому не нравится чье-то настроение! — с явным намеком воскликнула Эмма Густавовна. — Вы же интеллигентный человек и находитесь в интеллигентном доме.

— По-вашему, я должен был молчать даже тогда, когда эта ваша подруга заявляет, что вечер, на который вы ее по-

звали, напоминает ей пир во время чумы? — с усмешкой спросил Шрагин.

— Что! Она так сказала?

— Да, она так сказала и сказала еще, что ей жаль вас. Вот тут я не выдержал и спросил: «Разве ее привели сюда насильно, под конвоем?»

Из передней вернулась Лиля.

— Ты послушай только, что тут выясняется, — обратилась к ней Эмма Густавовна. — Оказывается, эта Любченко назвала наш вечер пиром во время чумы!

— Боже, как мне все это противно! — воскликнула Лиля и, по привычке прижав пальцы к вискам, убежала в спальню.

— Чума не чума, но то, что здесь сумасшедший дом, — это правда, — потерянно произнесла Эмма Густавовна...

Глава 31

Четвертую ночь подряд природа справляла весенний шабаш. Днем она точно стеснялась кого-то — ветер стихал, светлело небо, дождь почти прекращался. Ночью закручивалась форменная чертовщина. Степные ветры, будто по команде, набрасывались на город со всех сторон, с неба на него рушился степной густой свинцовый ливень такой силы, что черепичные крыши звенели от ударов воды. А если вдруг степной ветер встречал своего морского соперника, они затевали дикую игру, скручивали в жгуты дождь и взвихренную воду лимана и хлестали ими в стены домов.

В эти бешеные ночи Харченко совершал рискованные походы через весь город, через мост — к военному аэродрому и обратно. Он носил в потайное место взрывчатку для Федорчука и Вальтера. Это была нелегкая работа. Придя домой после дневной смены на макаронной фабрике, он формовал тол в брикеты, похожие на поленья дров, потом обшивал их холстом, в котором прорезал дырки для подрывных капсюлей. А как только начинало темнеть, выходил из дому, неся на спине большую вязанку дров, среди которых были запрятаны два-три грозных полена.

Холодной зимой и теперь многие жители города ежедневно занимались поисками топлива. Немцы привыкли к серым фигурам с вязанками дров за спиною. И все же трудно было выйти с дровами из города и перейти мост.

Харченко выходил из дому незадолго до комендантского часа, когда начинались сумерки. Толовые поленья запрятаны

в вязанке неплохо, и все же, если приглядеться, заметить их можно. По городу надо идти так, чтобы за спиной близко никого не было.

Перед мостом — будка контрольного поста. Солдаты вроде не обращают на него внимания. Но каждую минуту они могут окликнуть — вдруг им взбредет в голову поворошить вязанку или просто поглядеть ее вблизи?.. Правда, в эти бешеные вечера солдаты вовсе не вылезали из будки. Так что хозяйственный Харченко и обратно шел с вязанкой — дров не напасешься, если их каждый раз выкидывать...

Вот уже в четвертый раз Харченко благополучно выбрался из города. Каждый шаг вперед стоил ему невероятных усилий. Ветер валил с ног, толкал в грудь. Одежда сразу намокла и стала тяжелой, связывала каждое движение, а по спине, вызывая озноб, стекала вода. И не дай бог попасть в место, где ветер крутил свою дикую игру с ливнем! Тогда самое лучшее опуститься на колени прямо в грязь, положить впереди вязанку и держаться за нее руками, как за якорь, ожидая, пока водяные жгуты пойдут хлестать куда-нибудь дальше. А тогда вставай, выдирая ноги из трясины, взваливай свою вязанку на спину и вперед — в глухую, как стена, темноту.

Пять километров этого адского пути он уже знал, что называется, на ощупь. На том берегу реки сперва скользкий, как лед, суглинок, потом полоса вязкого теста чернозема и, наконец, зыбкий, засасывающий ноги песок. По пути — памятные приметы: вырванный из земли и висящий на проводах телеграфный столб — в первый раз издали показалось, будто человек висит; лужа громадная, как озеро; сваленный в воронку сожженный грузовик, а чуть дальше — аккуратная немецкая могила с березовым крестом и рогатой каской на ней. И наконец, за аэродромом береговой склон, на который нужно было подняться, сделав ровно пятьсот шагов, после чего сворачивать влево, к размытому песчаному карьеру. Здесь тайник.

Харченко шел от приметы к примете, и двухпудовая вязанка дров становилась все тяжелее и тяжелее. Он стал думать, что нашим солдатам сейчас еще хуже, еще тяжелее, и незаметно для себя начинал шагать все энергичнее, и вязанка вроде становилась полегче. А мысль летела дальше: «Такое выпало на долю не мне одному, всем, всем без разбора выпало, весь народ тяжестью придавило. Но если каждый не будет охать да стонать, а сожмет зубы и будет вот так, вот так идти вперед, нести свою грозную для врага

ношу, судьба повернется к нам лицом, немец побежит, и станет он тогда считать свои могилы на обратном пути в свою распроклятую Германию».

И, точно подтверждая его мысли, справа в темноте проплыл силуэт березового креста с каской. Харченко даже остановился, внимательно посмотрел на этот силуэт: «Лежишь, гад... Так тебе и надо...»

Он легко взошел на береговой склон. Здесь было посуше. Отсчитав пятьсот шагов, свернул налево к карьеру. Когда-то здесь грузовики проложили путь прямо по целине, размесили песок на две колеи, а между ними образовали горбатую скользкую грядку. Вот по этой грядке и надо идти. А ветер сталкивает.

Впереди был уже виден взлобок карьера. Харченко предвкушал, как он скроется за ним от злющего ветра. Пошевелив вязанку, чтобы она лучше легла на плечи, он стал приглядываться, где половчее сойти в карьер...

А утром как ни в чем не бывало работал на макаронной фабрике, вальцуя тесто. Но все же эти бесноватые ночи не проходили даром. Руки быстро немели, становились слабыми, лоб покрывался холодной испариной. Работавший рядом Дымко видел, что с товарищем неладно, но подойти к нему с добрым словом не мог. И все же не выдержал, выбрал минуту, когда мастер и немецкий часовой ушли в дальний угол цеха, и быстро подошел к Харченко.

— Что с тобой?

— Порядок, Сережа. Осталась одна ходка.

Дымко ласково прикоснулся к руке товарища и вернулся на свое рабочее место.

Глава 32

Адмирал Бодеккер захотел посмотреть службу в церкви. Он сказал об этом Шрагину, и в воскресенье утром они поехали в храм. Машину оставили за два квартала. Адмирал был в штатском, и на них никто не обратил внимания, тем более что церковь была полным-полна. Обедню служил Величко. Шрагин первый раз видел, как он это делает, и с волнением наблюдал за ним. Окладистая борода, на затылке грива, медленные и величественные жесты, густой красивый бас — просто роскошный поп.

Между тем служба текла как положено.

Адмирал Бодеккер внимательно всматривался в лица прихожан. Потом придвинулся к Шрагину и прошептал:

— Все-таки большевикам уничтожить религию не удалось.

Шрагин кивнул.

В церкви было очень тихо. Величко медленно и торжественно прошел к аналою, установленному перед царскими вратами. Толпа верующих со всех сторон придвинулась к нему. Величко начал проповедь.

— Мир вам и благоденствие, — начал он негромким глуховатым басом. — Но поговорим сегодня о карающей деснице божьей. Она обрушилась на всех нас как наказание за грехи наши. Давайте обратимся к душам и делам своим и поймем согрешения наши, ибо человек, понявший свой грех, уже встал на путь искупления... Нам заповедано превыше всего на свете любить ближнего своего, а это значит — любить народ свой. Все ли эту заповедь выполняют? Загляните в душу свою — не завелся ли в ней червь измены, предательства, продажности и прочей грязи?

Шрагин затаив дыхание смотрел на окружающих его людей — понимают ли они, о чем им говорит священник? Все стояли, покорно опустив головы, как грешники. Как узнать, что они думают?

Между тем проповедь продолжалась, и чем дальше, тем все яснее и обнаженнее была мысль священника. По его словам получалось, будто провидение давало прямо-таки прямое указание покарать злодеев и злодейство, не подчиняться злодейским законам, не становиться рабами злодеев и врагами ближних своих.

Служба окончилась, и люди двинулись к выходу, толкая со всех сторон Шрагина и Бодеккера. Они выбрались из церкви в центре толпы верующих. Адмирал с любопытством смотрел на лица окружающих его людей. А Шрагин в это время думал: надо немедленно предупредить Величко, чтобы он был осторожней. «Разве не герой этот человек? — думал он. — Не боится перед сотней совершенно незнакомых ему людей так открыто призывать к сопротивлению...»

— Интересно, о чем говорил священник? — прервал размышления Шрагина адмирал, когда они уже подходили к машине.

— То же, что говорят все священники мира. Не надо грешить.

— По-видимому, он говорил очень хорошо. Я видел, как все внимательно его слушали, — задумчиво сказал адмирал.

— Да, он говорил очень хорошо, — охотно согласился Шрагин...

В этот час Релинк, несмотря на воскресенье, находился на службе. Вместе с начальником радиослужбы Элербеком и специально вызванным из абвера специалистом по русским делам Грозовским они исследовали перехваченную ночью передачу радиостанции Гранта. Уже третий час они тщетно бились над тем, чтобы разгадать шифровку. Перед ними лежал лист бумаги с бессмысленным текстом:

«На основании 3407 небесное не рука книгу 001... Программа да ветер... 8282: совершенно или лошадь прима — 11 — итоги А двигатель: 0000 — тренировка»... и так далее. Но последним словом в этой абракадабре снова было «Грант».

— В общем ясно только одно — шифр вам не по зубам, — язвительно сказал Релинк.

— Шифры все время меняются и, кроме того, создаются новые, — официально ответил Грозовский.

— Вы мне скажите твердо хотя бы одно: те слова, которые мы расшифровали сейчас, они-то бесспорны? Или какой-то другой ключ породит и совершенно другие слова? — спросил Релинк.

— Слова могут оказаться другими, — никак не реагируя ни на язвительность, ни на горячность Релинка, сухо отвечал Грозовский. — Однако у нас есть надежда, что получение отдельных и грамотно сложившихся слов свидетельствует о том, что мы ищем правильно. И наконец, мы уже третий раз получаем все ту же подпись «Грант».

— Но она ведь не зашифрована и, может быть, даже умышленно дается открыто, чтобы... напомнить нам о капитане Гранте, детей которого описал Жюль Верн.

— Вы напрасно иронизируете, — все так же сухо сказал Грозовский. — Я уже просил, чтобы мне достали эту книгу на русском языке. Очень может быть, что именно в ней и кроется ключ шифра. В нашем деле все может быть.

— Читайте, но не впадайте в детство, — по инерции язвил Релинк, хотя он понимал, что Грозовский работает серьезно и знает свое дело.

— Я все же удивлен, что вы не можете получить пеленгирующие станции, — заметил Грозовский, вставая.

Релинк промолчал. Он сам был не только удивлен, но и возмущен. Только вчера он снова говорил об этом с Берлином, и ему категорически заявили, что станций он не получит, так как они нужны на объектах, которые поважнее. Так, кроме всего, ему дали еще и понять, что он сидит далеко не на самом ответственном месте...

Когда Элербек и Грозовский ушли, Релинк подумал со злостью, что еще одно воскресенье испорчено. О перехваченной передаче ему звонили сегодня в семь утра, а накануне он работал без перерыва шестнадцать часов. Сейчас он чувствовал тяжелую усталость, но знал, что заснуть днем не сможет... Позвонил генералу Штромму, адъютант ответил, что генерал в гостях. Релинк вспомнил, что генерал звал идти вместе с ним в гости к той местной немке, у которой они однажды уже были.

Отпустив машину, Релинк пошел пешком. Был мягкий весенний день, и, хотя дождя не было и стояло безветрие, воздух был сырым и холодным. Релинк поднял воротник шинели, глубоко засунул руки в карманы и зашагал быстрее.

На углу, где он должен был свернуть в переулок, стояли, разговаривая, два парня. Приближаясь к ним, Релинк наблюдал за ними с чисто профессиональной настороженностью. Ему не очень нравилось, что один из них держит руку в кармане. Релинк автоматически нащупал свой пистолет и продолжал спокойно идти. Он был не из трусливого десятка.

Увидев приближающегося Релинка, парни сошли с тротуара.

Релинк уже миновал их, как вдруг земля под его ногами продолжительно и судорожно вздрогнула и тотчас раздался такой могучий громовой раскат, что из окон углового дома посыпались стекла. В первое мгновение Релинк подумал, что рядом с ним разорвалась граната, и инстинктивно сделал прыжок в сторону. Оглянувшись, он увидел тех двух парней — они смеялись.

Релинк почти бегом вернулся к себе в кабинет и позвонил в военную комендатуру.

— Что за взрыв? — спросил он.

— По предварительным данным, на аэродроме, — ответил дежурный.

— Позвоните мне, когда все узнаете.

Дежурный позвонил спустя пять минут.

— Сильный взрыв на аэродроме. Значительные потери в технике и людях...

Когда Релинк вместе с Цахом и Бульдогом приехали на аэродром, пожар еще бушевал, в серое небо упиралась стена черного дыма. Большой пролет маневровой бетонной полосы, возле которой стояли самолеты, был выворочен из земли. Вокруг валялись обломки догоравших самолетов. Поодаль рядком лежали трупы. Некоторые из них были в офицерских

мундирах воздушных сил. Солдаты бестолково суетились возле охваченных огнем ангаров.

Релинк сразу понял — диверсия. Огромная, хорошо подготовленная.

— Немедленно собрать все командование аэродрома, — приказал он Цаху и Бульдогу. — И ни один человек не должен уйти с аэродрома.

Прибежал полковник — начальник инженерной службы базы. Тучный, краснолицый, он задыхался после бега и с минуту стоял перед Релинком с раскрытым ртом, из которого вырывались только судорожные хрипы.

— Что скажете, полковник?

— Несчастье... грандиозное несчастье... — еле выговорил тот.

— Да что вы? Просто маленькое происшествие, и все, — издевательски заулыбался Релинк.

Полковник, ничего не понимая, пучил на него налившиеся кровью глаза.

— Покажите, где стояли самолеты, — приказал Релинк.

Полковник подвел его к краю развороченной маневровой полосы.

— Часть стояла здесь с положенными по инструкции интервалами, а другие — там, — он показал на горящий ангар.

На том месте, где стояли самолеты, зияло несколько глубоких воронок. Было совершенно ясно, что эти воронки образовались от взрыва мин.

— Взрывы в ангаре и здесь произошли одновременно? — спросил Релинк.

— Сначала в ангаре и через три секунды здесь, — ответил толстяк.

Вернулся Цах, который доложил, что никого из главного начальства на аэродроме нет.

— Где они? Где ваши главные болваны? — заорал Релинк.

— Поехали в город... смотреть новый кинофильм... Сегодня воскресенье, — ответил полковник.

— Этот кинофильм они запомнят на всю жизнь, — сквозь зубы процедил Релинк и повернулся к Цаху. — Выходы с аэродрома закрыты?

— Так точно.

— До нашего приезда кто-нибудь уходил с аэродрома?

— Дежурные всех проходных и выездных ворот заявили, что, кроме начальства, с утра никто не покидал аэродрома.

— Вызовите сюда всех своих людей и начинайте строжайшее расследование. Я пойду в штаб базы. Идемте со мной, — приказал Релинк полковнику.

В кабинете командующего базой генерала Витиха все блестело. Генерал славился своей неистовой любовью к штабной чистоте и порядку. Релинк вспомнил ходивший во Франции анекдот, как генерал Витих, расположивший свой штаб в каком-то парижском отеле, распорядился вымыть здание пожарными брандспойтами внутри и снаружи. Сейчас Релинку хотелось взорвать этот сверкающий кабинет вместе с его хозяином. Однако надо заниматься делом, и Релинк с ненавистью уставился на потного полковника.

— Расскажите, как это произошло.

— Взрыв последовал в 12 часов 14 минут, — ответил уже пришедший в себя полковник.

— Где вы были в это время?

— Спал.

— Прекрасно. А кто-нибудь был на базе, кто помнил бы, что идет война, и находился бы на посту?

— Оперативный дежурный и его помощник.

— Позвать сюда дежурного, быстро.

Явился дежурный.

Ходивший за ним полковник предусмотрительно в кабинет не вернулся.

Дежурный был сильно взволнован и перепуган, его бледное лицо подрагивало, китель спереди был заляпан грязью, а кисть левой руки была обмотана бинтом, промокшим от крови.

— Взрыв произошел в 12.14, — рассказывал он. — Ровно в 12 я на машине объезжал аэродром и примерно за две минуты до взрыва проехал возле стоянки самолетов. Там у трех самолетов работали механики, они готовили машины к завтрашней переброске на Кавказ.

— Кто знал о переброске? — спросил Релинк.

— Это все знали, — ответил дежурный. — На базе такие дела обычно все знают.

— Дальше.

— Я отъехал от стоянки метров двести, когда мою машину остановил инженер мастерских, который...

— Фамилия инженера?

— Пфлаумер, Генрих Пфлаумер.

— Почему он находился не в мастерских?

— Он искал меня.

— Какое у него было к вам дело?

— Он не успел сказать. Я вылез из машины, мы только успели поздороваться с ним, как произошел взрыв, меня швырнуло на землю.

— Как вел себя Пфлаумер, когда раздался взрыв?

— Он был убит.

Релинк чуть не сказал: «Прекрасно». В это время в его мозгу уже складывалась версия, которую он, наверное, преподнесет Берлину, если не найдет подлинных диверсантов. Им станет Пфлаумер, но, поскольку он убит, вместе с ним в могилу ушли и подробности организации взрыва, а фоном для этого будет беспечность командования, которое фактически оставило базу на произвол судьбы. В такой обстановке может случиться что угодно.

— Пфлаумер был хороший работник? — небрежно спросил Релинк.

— Очень хороший.

— Вы можете за него поручиться?

В тоне Релинка дежурный почувствовал угрозу и решил уточнить свое мнение.

— Я имею в виду, что он был грамотным специалистом, — сказал он.

— Эти вот грамотные и оказываются на проверку главными врагами Германии, — холодно и все же примирительно заметил Релинк. — Вспомните-ка лучше, какие у вашего очень хорошего Пфлаумера были неприятности за последнее время.

— Вы имеете в виду эту историю, когда он продал мотоцикл гражданскому лицу?

— Хотя бы... Для начала.

Пока дежурный рассказывал о том, как Пфлаумер собрал мотоцикл из разбитых машин и потом продал его кому-то в городе, Релинк уже сформулировал новое обвинение покойнику: передача подпольщикам мотоцикла.

— Так. А еще? — спросил Релинк.

— Еще с ним было что-то в Польше.

— Что именно?

— Я тогда вместе с ним не служил, я только слышал от кого-то... Он там высказывал какие-то ошибочные мысли по поводу уничтожения Варшавы.

Распахнулась дверь, и в кабинет вошел в сопровождении двух своих заместителей генерал Витих. По их виду можно было понять, что в городе они были не в кино, а занимались гораздо более веселым делом. С лица одного из заместителей не сходила пьяная улыбка.

Релинк отпустил дежурного и, когда тот вышел, обратился к командующему базой:

— Что скажете, генерал?

Витих сжал голову руками, повалился на диван и зарыдал...

Релинк вернулся к себе поздно вечером и застал в своем кабинете генерала Штромма. «Этот бездельник, как ворон, чует, где пахнет трупом», — подумал Релинк, но, не выдавая злости, приветливо поздоровался с генералом и потом долго и обстоятельно раздевался у вешалки, сдувая пылинки с фуражки, причесывался перед зеркалом.

— Ну, что там? — нетерпеливо спросил Штромм. — Действительно ужасно?

— Чтобы точно оценить происшедшее, туда надо съездить, — не удержался от шпильки Релинк. — Да, это самое серьезное происшествие за все время.

— Напали на какой-нибудь след?

— Не хочу торопиться с выводами, кое-что, однако, наметилось.

Но сколько Штромм ни добивался узнать, что именно сумел выяснить Релинк, ничего определенного он не услышал.

— Я все-таки прошу вас съездить на место происшествия, — устало произнес Релинк.

— Утром съезжу, — недовольно отозвался генерал. — А сейчас я больше не буду вам мешать. Желаю успеха.

Штромм ушел вовремя. Спустя несколько минут Релинка по прямому проводу вызвал Берлин, и он услышал телеграфную речь своего шефа.

— Доложите, что случилось. Короче: факты и результаты расследования.

Релинк коротко рассказал о диверсии и довольно складно изложил свою версию насчет инженера мастерских Пфлаумера.

— Одному человеку такая диверсия непосильна, — сказал Олендорф.

— Найдем и остальных.

— Поищите их в тюрьме, — неожиданно для Релинка последовал совет из Берлина. — Найдете там человек двадцать. Наказание должно последовать в течение трех дней.

— Может, лучше оформить их как заложников? Это произведет полезный моральный эффект в городе, — предложил Релинк.

— Действуйте, как найдете нужным. Шифровку об инженере мастерских я должен иметь завтра утром.

— Будет исполнено! — почти радостно воскликнул Релинк. Он уже видел, что Олендорф не меньше его заинтересован в любом варианте расследования. Главное, чтобы все было сделано быстро и решительно.

В этот час главный участник диверсии Федорчук лежал в госпитале авиабазы. С приступом острого воспаления почек его положили туда еще за два дня до взрыва. Когда взрывчатка была уложена в дренажные колодцы у стоянки самолетов, в ангаре и в мастерских и оставалось только подключить часовой механизм взрывающего устройства, у Федорчука и начался приступ. Он свалился прямо на работе, и его, корчившегося от боли, увезли в госпиталь. Было совершенно ясно, что сложнейшую операцию почек ему делать никто не будет, а уличить в симуляции этой болезни очень трудно, особенно если больной хорошо проинструктирован врачом. Сам Вальтер еще в пятницу взял разрешение уехать в город на субботу и воскресенье в аэродромном автобусе в компании двух десятков военнослужащих, которые, как и он, получили увольнительные на субботу и воскресенье. Но в ночь на воскресенье он вернулся на велосипеде, пробрался на аэродром через песчаный карьер, включил механизм и снова уехал в город. На все это у него ушло меньше двух часов, так что он успел вернуться в компанию, с которой он пьянствовал в ресторане. Он покидал компанию с Зиной Дымко, которая в этот вечер играла роль его девушки. Так что когда спустя два часа он вернулся уже без нее, никто из собутыльников даже не спросил, где он пропадал...

Глава 33

Ни Релинк здесь, ни тем более Отто Олендорф далеко в Берлине не поняли сразу всего значения диверсии на аэродроме. Дело было совсем не в количестве уничтоженных самолетов и убитых летчиков. Взрыв встряхнул душу горожан. Событие мгновенно обросло легендами, в которых безудержно преувеличивались результаты взрыва, но было и довольно точное описание того, как этот взрыв был организован и выполнен. Здесь народная фантазия была неистощима. Одни рассказывали, будто на аэродром был совершен налет целым отрядом героев, которые половину самолетов взорвали, а на остальных улетели через фронт к своим. По рассказам других, аэродром в течение двух суток находился в руках подпольщиков и они на немецких самолетах отправили на Большую землю своих раненых товарищей. Был еще рассказ, будто

взрыв был произведен по сигналу из Москвы и что в тот же день, час и минуту таких взрывов были тысячи по всей оккупированной территории. Оттого, мол, так и дрогнула земля под ногами, от одного взрыва так не дрогнет.

Во всех рассказах непременно подчеркивали, что дело это было хорошо организовано, что в нем участвовало много людей и что так или иначе люди, которые готовили взрыв, находились в прямой связи с Большой землей.

Агентура исправно донесла до Релинка все эти легенды. Осведомленный лучше других о диверсии, он прекрасно видел, что́ в этих легендах правда и что́ вымысел. Однако холодный анализ привел его к выводу, что в основе всех легенд находится неопровержимая правда. Ясно, что такую большую диверсию один человек совершить не мог. Ясно, что диверсию готовили очень опытные и смелые люди. Кто-кто, а Релинк знал, что ни один подлинный участник диверсии не пойман и напасть на их след пока не удается. И наконец, у Релинка не было ни малейшего основания не видеть связи между взрывом и работой радиостанции «Гранта».

Только теперь до Релинка дошло все опасное значение этой диверсии. Опасными для него были даже фигурировавшие в агентурных донесениях добавления, при каких обстоятельствах агент слышал ту или иную легенду. Люди, рассказав легенду, добавляли: «Кончилась у немца спокойная жизнь». Или: «Взрыв — это только начало». Или: «Все одно к одному. Осенью на немецком складе пристрелялись, а теперь начали бить как следует». Или: «Взрыв — это сигнал для всех, кто еще не стал полной сволочью...»

Релинку доносили и другое — как реагировали на взрыв немцы и, в частности, даже его сотрудники. А в штабе армии высокопоставленный офицер сказал Релинку с издевкой: «Ну вот, теперь и вы узнали, что у русских есть не только шея для петли, но и крепкие кулаки...»

Угнетающее впечатление произвел на Релинка разговор со штурмбаннфюрером Цахом. Он ждал, что взрыв подхлестнет Цаха и заставит его действовать более решительно. Но вместо того он увидел его если не подавленным, то, во всяком случае, растерянным.

— Это же немыслимо понять, — говорил Цах. — Почти год мы работали впустую, и я целое кладбище сделал не из тех, из кого нужно было его делать.

— Чепуха! — отвечал Релинк. — Теперь мы видим, как мы были либеральны и недеятельны.

— Да? — иронически воскликнул Цах и, вынув из карма-

на конверт, молча протянул его Релинку. Достав из конверта листок бумаги, Релинк прочитал: «Вальтеру Цаху. (На случай неполучения предыдущих уведомлений.) Ставим тебя в известность, бандита и палача, что ты приговорен к смерти. Приговор окончательный, обжалованию не подлежит и будет приведен в исполнение в назначенный нами срок». Вместо подписи нарисованы серп и молот.

— Это уже третье уведомление, — сказал Цах. — Это я получил сегодня утром. Его нашли на полу в комнате, где происходит прием родственников арестованных.

— Взять всех, кто был сегодня на приеме, и вырвать признание, — приказал Релинк.

Цах поморщился:

— Пустой номер. Мы знаем только тех, от кого приняли передачи и письма, а комната была набита битком. Первые два уведомления пришли по почте.

— Дешевый трюк для слабонервных, — резюмировал Релинк и швырнул письмо Цаху. — Давайте заниматься делом. Надо как можно эффективнее казнить двадцать заложников. Это будет нашим ответом.

— Когда? — вяло поинтересовался Цах.

— В ближайшее воскресенье.

— Тогда этим займется мой заместитель, — глядя куда-то в сторону, сказал Цах.

— Это что еще за фокус? — насторожился Релинк.

— Никаких фокусов. Еще до взрыва я согласовал с высшим начальством свою поездку в Бухарест к брату. Он тяжело ранен и лежит в госпитале.

— Никуда вы не поедете! — Релинк ударил ребром ладони по столу. — Я не хочу заводить дело о трусости начальника полиции СД.

— Брат уже извещен о моем приезде. Он в очень тяжелом состоянии.

— Да что вы несете, Цах? Идет великая война, а не месячник семейных сантиментов! Поймите, наконец, что если вы настоящий наци, вы после получения этих грязных писем, в час, когда будем вешать бандитов, должны быть на самом виду. Это ваш ответ на грязные письма. Угрожать подметными письмами могут только отпетые трусы, но и они, если увидят, что вы сдали, могут оказаться храбрыми.

— Хорошо, — холодно и безучастно произнес Цах. — Я проведу акцию и потом все-таки съезжу к брату. — Цах помолчал и продолжал в том же тоне: — Я трусом никогда не был, и вы прекрасно знаете это, вы знаете, что я

здесь сделал для укрепления порядка. Но я не лишен права думать о происходящем и... любить своего единственного брата.

— О чем думать? — смягчил тон Релинк.

— Я не верю, что взрыв не заставил вас задуматься, — все также холодно продолжал Цах.

— О чем?

— О том, достаточно ли умело и правильно мы выполняем здесь свой долг перед Германией и фюрером.

— Не знаю, как вы, я отдаю нашему делу все.

— Это несомненно, — согласился Цах, смотря на массивный подбородок Релинка. — Но тогда в Берлине могут решить, что вы просто не обладаете достаточными данными, чтобы справиться с порученным вам делом.

— Я вынужден напомнить вам, Цах, слова фюрера о том, что возможности каждого рядового немца неограниченны, как неограниченны возможности его рейха, а это значит: сейчас вы признаетесь, что исчерпались до дна. Я сделать такое признание не посмею, просто не посмею.

— А по-моему, нам просто не следует так разговаривать, — спокойно сказал Цах. — Уже пора перейти от абстракции к факту. Взрыв на аэродроме по истечении года нашей работы здесь — это факт, свидетельствующий не в нашу пользу. Наш долг — трезво разобраться в том, что произошло. А если мы будем делать вид, будто ничего особенного не случилось, мы не выполним другого указания нашего фюрера: о том, что враг, как правило, имеет успех там, где мы выпускаем из своих рук инициативу.

— Хорошо. Я согласен на досуге поговорить с вами об этом. Но сегодня наша инициатива должна выразиться в нашем ответе на случившееся, ответе, который скажет врагу, что мы решительны и беспощадны до конца. Я прошу вас, Цах, сейчас же заняться акцией.

— Хорошо. — Цах встал. — Но все же поговорить нам следует.

— Мы обязательно поговорим, — дружески и интимно сказал Релинк и добавил многозначительно: — Сразу после акции, у меня дома. Договорились?..

Особую ярость вызывал у Релинка генерал Штромм. Этот бездельник не только занял позицию стороннего наблюдателя, он был почти открыто рад случившемуся. Он, видите ли, уже давно сигнализировал Берлину о недостаточной решительности местной СД. О, генерал знал, что делал, когда посылал в Берлин эти свои реляции! К решительности призы-

вал приезжавший сюда сам Гиммлер, и теперь сигналы Штромма свидетельствовали о его дальновидности и проницательности. Этот точный расчет генерала и вызывал ярость Релинка. Он знал цену уму генерала, а на поверку выходило, что этот дурак с громовым голосом действовал беспроигрышно.

Вечером Релинку позвонил из Берлина Олендорф. С первых же его слов Релинк понял, что дело плохо: не жди добра, когда Олендорф перестает говорить своим обычным телеграфным стилем.

— Доложите, что вы предприняли после диверсии, — предложил Олендорф.

Релинк начал рассказывать о готовящейся казни двадцати красных и о ходе следствия по «группе аэродромного инженера Пфлаумера». Но Олендорф недолго слушал его, прервал и потребовал внимательно выслушать его указания.

— Тех двадцать необходимо казнить открыто, как заложников по делу диверсии. И никаких попыток выдать их за участников взрыва.

— Я именно так... — хотел вставить Релинк, но Олендорф снова оборвал его:

— Прошу вас слушать меня. Итак, эти двадцать — заложники, и необходимо дать понять, что этими двадцатью расплата города не кончится, это первое. Второе: необходимо прочистить тюрьму. Мне стало известно, что у вас в камерах сидят по тридцать человек. Вы что, собираете коллекцию? В течение трех-четырех дней извольте оформить приговоры на всех, у кого хоть пушинка на рыле. Третье: еженедельно облавы по городу — квартал за кварталом, дом за домом. Раз город прячет врагов Германии, он должен нести за это ответственность. Вы должны знать поправку, которую внес фюрер в приказ о наказании местного населения за смерть одного немца. Проект приказа говорил: за одного немца от пяти до десяти советских. Фюрер исправил: от пятидесяти до ста. Вот вам генеральное указание, как поступать. На войне несправедливая смерть — повседневность. И все это надо разъяснить населению в соответствующих приказах, кратких и ясных. Диверсии красных должны стать кошмаром для города, а не для нас. Понимаете, в чем ваша задача?

— Все будет сделано, — четко, по-военному ответил Релинк.

— Дальше: дело инженера Пфлаумера прекратить. Сегодня же арестуйте и отправьте самолетом в Берлин рабо-

тающего на аэродроме механика Вальтера Шницлера. Записали?

— Будет исполнено.

— О том, как вы исполняете свои обязанности, мы будем судить по дальнейшему положению в вашем городе, — холодно закончил разговор Олендорф. — И должен предупредить: сейчас все зависит только от вас, а то, что вы делали до сегодняшнего дня, свидетельствует против вас. У меня все.

Олендорф давно дал отбой, а Релинк еще долго сидел, приложив трубку к уху, точно надеясь, что Берлин скажет ему что-то еще. Но Берлин молчал. Релинк швырнул трубку на рычаг и нажал кнопку. В дверях возник адъютант.

— Всех офицеров сюда! — крикнул Релинк.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

СХВАТКА

Глава 34

Такое на нашей земле случается не в первый раз... В 1812 году жестокое Бородинское сражение окончилось тем, что Кутузов со своими войсками отступил к Рязани, а Наполеон занял Москву. По свидетельству очевидцев, армии Наполеона входили в русскую столицу «без ликования и блеска победителей, на их нестройных колоннах лежала печать огорчения, злобы и уныния...» Для того чтобы понять, что же на самом деле в те времена произошло на войне, надо еще раз перечитать толстовские страницы «Войны и мира», рассказывающие о том, как дрались под Бородином артиллеристы батареи капитана Тушина. Они тоже отступили к Рязани — израненные, оставив на поле боя павших, но перед тем, как отступить, выиграли сражение и победили Наполеона. Он вошел в Москву побежденным.

Гитлеру не дано было и этого. Весну и лето 1942 года гитлеровская армия наступала. Но впереди Германию ждала трагедия шестой армии в Сталинграде. И в это знойное лето она шла к дням своего траура, когда ее военачальники и обыватели почувствуют ужас поражения, которое неотвратимо двинется на них от Волги. Немецкие дивизии наступали на Сталинград уже побежденными.

Что же произошло между этим летом и сталинградской зимой? Что опрокинуло все расчеты и прогнозы немецких генералов и военных наблюдателей? Они вели подсчет взятых советских городов и разгромленных дивизий, но не понимали, что в каждой дивизии была своя батарея Тушина, что в каждом городе тоже были свои батареи Тушина.

И вот почему разбитый, окровавленный южный город, о котором идет рассказ, так и не стал для оккупантов спокойным и покоренным.

. . . .

Заложников повесили в четверг утром. Накануне в местной газетке на первой странице было напечатано объявление о предстоящей казни.

Объявление писал сам Релинк. Он подолгу обдумывал каждую фразу и потом позаботился о том, чтобы при переводе на русский язык не пострадали лаконичность и точность объявления. Вызвал к себе одновременно двух пере-

водчиков и вместе с ними отредактировал текст. Он придавал этому объявлению большое значение. Когда работал над ним, вдруг подумал о том, что это объявление является документом, оправдывающим все задуманные им террористические акции против населения.

Казнь заложников была назначена на четверг. А накануне Релинк записал в своем дневнике:

«Только что приехал из тюрьмы, где присутствовал при объявлении смертного приговора двадцати заложникам. Допускаю возможность случайного совпадения, что один из заложников действительно имел какое-то отношение к диверсии на аэродроме. Но что прикажете думать, если все двадцать выслушали приговор совершенно спокойно, как должное и как закономерное? Только один заплакал. А выслушав приговор, они начали обниматься, пришли в непонятное нервно-радостное возбуждение, кричали что-то... Двое пытались что-то запеть, но остальные их не поддержали. Но одним из тех, кто пытался петь, был тот, который вначале заплакал. О, таинственный русский характер!..»

Виселицу построили ночью возле базара.

Поставили ее так, что стоило вам выйти на любое место главной улицы города, как вы видели ее.

В объявлениях казнь была названа публичной, однако там не было сказано, что население обязано на ней присутствовать. Релинк хотел приказать, чтобы на казнь явились все не занятые на работе, но против этого восстали Цах и военный комендант города. У них не было достаточно сил, чтобы обеспечить порядок на месте казни, если туда придут несколько тысяч людей, а неконтролируемая толпа может помешать казни или способствовать побегу заложников.

В это утро Шрагин вышел из дому, когда солнце было еще так низко, что не могло заглянуть на улицу, и она была окутана сумеречной дымкой. Шрагин торопился на завод, чтобы узнать, стал ли на ремонт большой военный корабль, о котором запрашивала Москва, а затем он собирался под каким-нибудь предлогом уйти с завода, чтобы присутствовать на казни.

У заводских ворот он встретил Павла Ильича Снежко. Последний раз они встречались зимой. Тогда Снежко похвастался ему, что история с краном кончилась для него благополучно и он даже назначен бригаденфюрером и что под его началом теперь почти двести рабочих. Он был очень до-

волен собой. «В общем не промахнулись мы с вами, Игорь Николаевич...» — сказал он тогда.

Сейчас Снежко выглядел растерянно, в глазах у него стояли вопрос и недоумение.

— Сегодня вешают моего соседа, его взяли на улице неделю назад, — сказал Снежко, приблизив свое лицо к уху Шрагина. — Это верующий человек, он при Советах всякого натерпелся. Я его знаю почти тридцать лет. Ведь так же они завтра могут схватить и меня. Ведь могут?

— Что могут, то могут, — отвечал Шрагин. Он в этот момент тоже думал о сегодняшней казни, о том, что она означает и что вызовет. И было ясно, что начатый немцами тотальный террор испугал и привел в растерянность даже тех, кто верой и правдой им служит.

Шрагин пожелал Снежко не оказаться на виселице, попрощался с ним за руку и пошел в дирекцию. В коридоре он столкнулся с адмиралом Бодеккером.

— Зайдите ко мне через пять минут, — бросил на ходу адмирал.

В приемной все было на месте, но в воздухе чувствовалась какая-то напряженность. Майор Капп говорил по телефону. Адъютант адмирала Пиц и два немецких инженера делали вид, будто не прислушиваются к его разговору.

...— Я этого не знаю, — нервно говорил по телефону майор Капп. — Но почти семьдесят рабочих не вышли на работу, и это похоже на стачку. Если учесть, что у нас начинается срочный ремонт очень важного объекта флота... — Слушая затем своего собеседника, майор Капп от нетерпения непрерывно кивал головой. — Я еще не могу сказать, что стачка, но факт я вам сообщил.

Через приемную быстро вернулся в свой кабинет адмирал Бодеккер, и Шрагин пошел за ним.

— Ну, что вы скажете об этом? — громким шепотом спросил адмирал, как только Шрагин закрыл за собой дверь.

— О чем, господин адмирал?

— Они устраивают здесь публичные казни, как в древнем Риме, а ведь нам после этого нужно работать с местными людьми и требовать, чтобы они хорошо трудились.

— Но, может быть, как раз страх и заставит их работать лучше? — возразил Шрагин.

Адмирал удивленно посмотрел на него и промолчал. Потом сказал:

— Но вы посмотрите, что происходит. Везде мы обнару-

живаем отсутствие настоящего немецкого порядка. Хорошо, пусть они вешают, но пусть не мешают нам. Возьмите историю с плавучим доком. Мы тратим деньги, вызываем специалистов из Голландии, чтобы поднять, наконец, этот док и сделать его работоспособным, а док, оказывается, румыны считают своим, и наше военное начальство до сих пор не может их переубедить.

Теперь молчал Шрагин. Очевидно, адмирал вдруг вспомнил, в каком доме живет Шрагин, с кем там общается, и решил больше не откровенничать.

— Я хотел бы на часок уйти с завода — разрешите? — спросил Шрагин.

— Идите, идите, — сразу согласился адмирал, который не успел, очевидно, придумать, зачем он приглашал Шрагина к себе...

Шрагин вышел на главную улицу, которая вела прямо к базарной площади. И сразу увидел виселицу, возле которой чернели фигуры людей. Оттуда, от виселицы, навстречу Шрагину на дикой скорости промчалась легковая машина серо-зеленого цвета.

«Неужели они идут смотреть казнь?» — думал Шрагин, двигаясь по улице вслед за другими людьми. Но он видел, скорее чувствовал, что люди стараются даже не смотреть туда, где стоит виселица. Мало ли у кого какие дела? По направлению к виселице промчались два мотоцикла. Люди, которые шли по улице, и эти серо-зеленые, думающие, что они тоже люди, существовали явно отдельно, и каждый занимался своим делом. Люди города были заняты жизнью, какой бы она у них ни была, а серо-зеленые были заняты смертью.

Шрагин подошел к базару и остановился возле силовой трамвайной подстанции, похожей на церковь. Отсюда хорошо был виден весь базар. Там, на базаре, все было, как всегда и в то же время по-другому. Обычно людей сгоняла сюда нужда или жажда наживы, и всегда по лицам, по повадкам или даже по глазам можно было узнать, зачем человек пришел сюда. Но сегодня все, кто был на базаре, мрачно посматривали на виселицу, возле которой уже собралось немало серо-зеленых машин. И все люди на базаре выглядели одинаково.

Шрагин зашел в гущу базарной толпы и вместе со всеми смотрел на происходящее. Четыре крытых грузовика стояли вплотную друг к другу перед виселицей, как бы отгораживая ее от базара. Подъехали сразу три легковые машины.

Среди начальства Шрагин узнал генерала Штромма и Релинка. Они держались вместе. Отойдя в сторону, разговаривали, облокотившись на афишную тумбу. Все последующее происходило быстро, четко, в каком-то странном и страшном ритме. Со слитным стуком откинулись задние стенки грузовиков. Солдаты вытолкнули из кузовов обреченных — из каждой машины по пять человек. Руки у них были связаны за спиной. Многие упали, спрыгивая с машины. Их подняли и поставили на ноги солдаты, выстроившиеся двумя цепочками от машин к виселице. По этому коридору обреченные прошли к эшафоту.

На скамейку поставили первых трех. Три солдата, сидевшие на высоких стремянках, набросили петли на шеи обреченных. В тот же момент солдаты, которые стояли внизу, выбили скамейку из-под ног казнимых, и они повисли, чуть болтнувшись от рывка или от конвульсий. А скамейку уже переставили чуть правее, и на ней — новая тройка обреченных. Все происходило быстро и неумолимо четко, и невозможно было поверить, что те трое уже мертвы.

И опять трое на скамейке. Солдаты со стремянок берутся за петли, и вдруг в глухой тишине площади раздается громкий, ясный голос:

— Всех не перевешаете! Смерть оккупантам!..

Немец на стремянке торопливо надевает петлю на кричащего кудрявого и бородатого человека, но тот делает резкое движение головой и не дается. На скамейку вспрыгивают двое солдат, они мгновенно надевают петлю на того, который кричал, спрыгивают на землю и тотчас опрокидывают скамейку...

И вот все двадцать повисли в ряд на длинной перекладине. Сначала уехали легковые машины, потом зверино взревели моторами и двинулись с площади грузовики. Солдаты построились в колонну и четким квадратом двинулись к центру города. Возле виселицы остались только четыре автоматчика.

Шрагин смотрел на окружавших его людей и не видел их лиц, он видел только белые или серые пятна и чувствовал, как вся толпа в молчаливом ужасе медленно отступает в глубину базара.

«Ваши палачи, товарищи, от кары не уйдут. Мы их знаем, мы их найдем всех до одного. До одного!» Так говорил себе Шрагин, шагая по пустынной улице, и все тело его наливалось яростью, новой силой. Сам того не замечая, он шагал все быстрее.

Глава 35

На этой улице, в лучших домах города, жили немцы. Из распахнутых окон гремело радио — Берлин передавал утреннюю военную сводку.

И пока Шрагин шел по этой улице, он узнал, что немецкие войска прорвались к берегу Волги и видят горящий Сталинград.

Уже вторую неделю гитлеровские армии наступали, и радио, как летом сорок первого года, с утра до вечера кричало о скорой победе. Шрагин старался меньше думать об этом, но легко сказать — не думать. Немцы повеселели. А город стал еще сумрачней. На днях Федорчук сказал с горькой усмешкой:

— Да... Мы их ложкой по лбу, а они нас — танками, танками...

Шрагин промолчал. Он чувствовал, что не находит достаточно веских слов, чтобы рассеять настроение товарища. И разозлился: почему он должен объяснять? Все ясно! «У нас здесь свой фронт, мы солдаты и обязаны вести бой, несмотря ни на что!»

В городе положение с каждым днем осложнялось. Создавалось впечатление, будто гитлеровцы решили сопроводить наступление своих войск усилением оккупационного режима. Сразу после казни заложников почти каждую ночь в городе проводились облавы и массовые аресты. Один за другим отправлялись в Германию эшелоны угнанных в рабство. Вывозили даже тех, кто имел работу. Шрагин прекрасно понимал, что его товарищи по группе в любой день могут оказаться под ударом, и на каждую встречу со связным шел с ожиданием беды. Вот и сегодня ему предстояла такая тревожная встреча...

Войдя в кабинет адмирала Бодеккера, Шрагин увидел его возле укрепленной на стене большой карты. Он не подходил к ней со времени московского контрнаступления наших войск. В радиоприемнике рокотали барабаны, ревели фанфары — обычная музыка после передачи военной сводки.

Адмирал жестом подозвал Шрагина и, показывая на карту, сказал:

— Слышали? Мы вышли к Волге. А?

— Поразительно, — с трудом произнес Шрагин.

Адмирал резко повернулся, внимательно посмотрел на него и сказал негромко:

— Но и столь же опасно... — Он снова, прищурясь, смотрел на карту. Потом показал рукой куда-то вверх и от-

туда провел в воздухе линию до Волги. — Почти три тысячи километров! Три тысячи!

— Поразительно, — тихо повторил Шрагин.

И снова адмирал внимательно посмотрел на него, и в его светло-карих глазах мелькнуло непонятное Шрагину выражение.

— Я вижу, что вы в военных делах разбираетесь не больше майора Каппа, — огорченно вздохнул адмирал. — Он заявил мне сегодня, что Германия накануне полной победы. А сейчас для Германии нет ничего опаснее непонимания, что война не только вот это... — адмирал показал на ревущий приемник, но вдруг быстро встал и выключил передачу. Вернувшись к карте, он продолжал: — Неужели действительно вы не понимаете, какая опасность в том, что коммуникации, питающие фронт, растянуты на три тысячи километров? И это когда с севера почти по всей их длине над ними висит противник и когда две ее трети — под ударами партизан? Фокусов и чудес на войне не бывает. Да, если Паулюс со своей армией задержится здесь, у Волги, хотя бы на месяц, русские должны быть идиотами, чтобы не воспользоваться такой идеальной для них возможностью сделать котел для шестой армии. Понимаете?

Шрагин озадаченно молчал, как школьник, не знающий урока. А сам в это время мысленно умолял адмирала продолжать урок — ведь то, что он говорил, было необычайно важно.

— Не обижайтесь, пожалуйста, — улыбнулся адмирал, приглашая Шрагина к столу. — Не вы один этого не понимаете. Вчера командующий нашей армией созывал совещание. Так даже он, знаете ли, трубил в фанфары. А ваш знакомый — господин Релинк — дошел до того, что свою деятельность здесь назвал подкреплением исторической победы с тыла. Но ничего, к счастью, более ответственные люди, чем они, там, в Берлине, об этой опасности думали еще раньше. Месяц назад, когда я летал в Берлин, мои друзья, куда более квалифицированные в вопросах войны, чем я, прямо говорили об этом... — Повернувшись к карте, адмирал продолжал: — Конечно, замысел фюрера заманчив — перерезать Россию пополам, отрезать Урал, как базу материального питания советских войск, и положить Москву и все русские силы в глухой мешок. Но вот это... — адмирал снова провел рукой в воздухе путь от Германии к Волге, — это очень опасное обстоятельство. Очень! — Адмирал помолчал, приглаживая ежик седых волос, и сказал с усмешкой: —

Но давайте и мы с вами займемся подкреплением победы с тыла. Я прошу вас, по вашему выбору, взять трех инженеров и произвести технический осмотр силового цеха. Надо выяснить, почему завод не получает достаточно энергии. Мне говорят — саботаж. Так ли это?..

Весь день Шрагин с комиссией работал в силовом цехе, а вечером пошел на кладбище, где у него была назначена встреча со связным Григоренко. Он все время помнил услышанное от адмирала и огорчался, что сможет передать это в Москву только завтра...

Григоренко немного опоздал, и Шрагин уже начал беспокоиться, не случилось ли с ним беды, но в это время увидел связного.

— Извините, Игорь Николаевич, — стараясь справиться с одышкой, начал Григоренко. — Поехал на трамвае, а на полпути ток выключили, пришлось поднажать...

Ничего утешительного Шрагин от связного не услышал.

...На бойню, где работал Демьянов, почти совершенно прекратилось поступление скота, и ее, очевидно, закроют. Демьянов подыскивает новую работу, но пока безрезультатно. Зина Дымко узнала, что есть приказ — в течение трех месяцев никого не брать на работу. На бирже отдел найма закрыт. Ковалев просит по крайней мере месяц не ждать от него никаких действий, сообщает, что на железной дороге идут повальные аресты, а у него случилась беда: он дал мину одному паровозному машинисту, которого в тот же день арестовали. Правда, Ковалев уверен, что машинист не выдаст, но мало ли что... Харченко и Дымко узнали, что у них на макаронной фабрике в ближайшее время все рабочие из местных жителей будут уволены... По-прежнему без работы и Федорчук, но он считает, что, пока его Юля работает, он в безопасности. Напоминает, что взрывчатка на исходе.

Закончив сообщение, Григоренко сказал угрюмо:

— Остается еще добавить, что и подо мной земля вроде теплится.

Шрагин вопросительно посмотрел на него.

— Хозяйку мою вызывали в полицию. Мной интересовались, — пояснил Григоренко. — Правда, хозяйка говорит, что обошлось...

— Приказ всем — осторожность и еще раз осторожность, — сказал Шрагин. — Каждому продумать, как выскользнуть в случае, если облава застанет дома. Все встречи на время прекратить...

Выслушав распоряжения Шрагина, Григоренко помолчал, будто запоминая их, и вдруг сказал:

— Хочу у вас спросить... Только не серчайте, может, я чего и не смыслю. Я вот все думаю об этих повешенных. Ведь как ни верти, мы виноваты в их смерти. Или нет?

Тревога походолила сердце Шрагина. Он понимал, что подобные опасные настроения могут возникнуть. Но он не допускал и мысли, что подобные настроения возникнут в его группе!

Шрагин смотрел на связного и в прищуре его глаз видел не сомнение, а убежденность. Эта его убежденность была тем опасней, что он носил ее с собой на встречи со всеми товарищами по группе. Нужно было немедленно и не горячась разъяснить ему его заблуждение. А если это не удастся, Григоренко не может оставаться связным...

— Идет война, Григоренко, — спокойно начал Шрагин. — Представьте себе, что на фронте погибает солдат, а оставшийся в живых думает, что немец убил его товарища потому, что они вместе стреляли в него. Тогда вывод один: бросай оружие, сдавайся в плен врагу или беги с поля боя куда глаза глядят...

Шрагин внимательно наблюдал за Григоренко, который слушал его, опустив глаза и согласно кивая головой, но, как только Шрагин закончил говорить, он резко выпрямился и снова, глядя на Шрагина с каким-то ехидным прищуром, сказал:

— Все же какой-то расчет должен быть. Немец вон как рассвирепел, и выходит, что мы тем взрывом и сами себя подорвали.

— Взрыв уничтожил на аэродроме более двадцати самолетов-бомбардировщиков, — продолжал Шрагин. — Сколько наших людей на фронте и в нашем тылу погибли бы от бомб, сброшенных с этих самолетов? Тысячи. А Федорчук их спас. Может, вы считаете, что эти тысячи жизней не стоят наших?

— Это правильно... это правильно... — тихо повторил связной, отрешенно смотря прямо перед собой.

— Мы действовали и будем действовать, — сказал Шрагин. — Я почти каждый день передаю в Москву ценную информацию. Москва знает о каждом нашем шаге. За взрыв на аэродроме Федорчук награжден орденом.

— И остальных Москва тоже знает? — спросил Григоренко.

— Конечно. В первомайском приказе нас отметят, каждого по заслугам.

— Так уж не забудьте там в молитвах своих, — неуклюже пошутил Григоренко.

— Забыть вас я не мог и думал представить к ордену, — не замечая тона Григоренко, серьезно сказал Шрагин.

— А теперь передумали?

— Пока особых оснований к этому не было. Я рад, что вы откровенно рассказали о своих сомнениях. А теперь идемте...

Представителя подполья Бердниченко на явочной квартире не оказалось. Шрагин уже имел возможность убедиться, что Бердниченко очень точный во всем человек. Значит, что-то случилось. Странно вела себя хозяйка квартиры. Она поминутно заглядывала в комнату, где находился Шрагин, точно проверяя, не ушел ли он. Если бы Бердниченко не сказал ему в свое время, что хозяйка вполне надежный человек, он уже давно покинул бы квартиру.

Подойдя к окну, Шрагин в щель между занавесками смотрел на улицу. Сумерки сгустились, и Григоренко, который должен был стоять на перекрестке, уже не было видно. Вдруг на другой стороне улицы Шрагин увидел человека. Это был не Григоренко. Человек медленно шел по тротуару, смотря на дом, в котором находился Шрагин.

Шрагин решил выждать несколько минут и уходить. На всякий случай проверил, нет ли в его карманах чего-нибудь, что может его изобличить или вызвать подозрение. Он вышел в переднюю и стал надевать пальто. В это время в дверь осторожно постучали. Из кухни вышла встревоженная хозяйка, она вопросительно смотрела на Шрагина.

— Открывайте, — шепнул он и стал у самой двери за шкаф.

Хозяйка приоткрыла дверь на цепочку.

— Вам кого? — сердито спросила она.

Хриплый мужской голос произнес явочный пароль.

Хозяйка сняла цепочку и открыла дверь.

— Здравствуйте... Анна Петровна, кажется... — негромко сказал вошедший человек и, осмотревшись, спросил: — Кто-нибудь есть?

Хозяйка молчала. Очевидно, этот человек был ей не известен и она не знала, что ответить.

Шрагин вышел из-за шкафа.

— А кто вам нужен?

Человек внимательно оглядел Шрагина и сказал:

— Очевидно, вы... Мне описал вас товарищ Бердниченко. Я Зворыкин.

Шрагин не раз слышал эту фамилию от самого Бердниченко и знал, что этот человек из актива подполья.

— Где он сам? — спросил Шрагин.

— Анна Петровна, куда нам с товарищем пройти? — не отвечая, обратился к хозяйке Зворыкин.

Она молча указала на дверь в комнату.

— Ваша охрана работает топорно, — устало сказал Зворыкин, садясь к столу. — Пока я понял, что за парень топает за мной как тень, я опоздал сюда к сроку.

— У него свои обязанности, — сухо заметил Шрагин и повторил свой вопрос: — Где Бердниченко?

— Он временно покинул город. У нас два провала: вчера взяты наши подпольщики Кулешов и Хоромский.

— Случайно?

— Кулешов вроде случайно. Был по делу на вокзале, а там — облава. А вот Хоромского взяли дома. Бердниченко просил передать, что, по его мнению, и вам своих людей лучше временно вывести из города.

— Куда?

— Ориентир — деревня Смакино, а там — учитель Павел Михайлович. Он связан с партизанами и переправит ваших людей куда надо.

— Что еще? — спросил Шрагин.

— Все.

Шрагин встал.

— У вас связь с Бердниченко сохраняется?

— Будет через месяц, не раньше.

— Здесь замените его вы?

— Да.

— Возможность печатать листовки еще есть?

— Что толку — некому сочинять текст!

— Сейчас я напишу.

Шрагин сел к столу и с ходу написал листовку.

«Дорогие товарищи! — писал он быстро и без поправок. — Борьба нашего народа с заклятым врагом становится все более упорной. Москва показала героический пример, а за ней идет наш великий Ленинград, беззаветный Севастополь. В общем строю борьбы стоит и наш город, наносящий врагу свои смелые удары.

Объявленный Гитлером блицкриг провалился. Это вызвало у врагов звериный страх и звериное бешенство. Объятые страхом за свою шкуру, они надеются кровью залить огонь народной ненависти. Их цель — запугать советского человека, заставить его быть покорным рабом без родины. Не вый-

8*

дет! Даже перед лицом смерти советские люди показывают высокий героизм и преданность Родине. Когда вешали двадцать заложников, на площади раздался звонкий голос одного из них: «Всех не перевешаете! Смерть оккупантам!»

Этот грозный голос слышали руководившие казнью гитлеровский генерал Штромм и его сатрапы вроде Релинка. На их лицах был страх! Бойтесь, палачи! Мы всех вас знаем по именам, и вам никуда не спрятаться от расплаты!

Дорогие товарищи! Ответим на террор еще большей ненавистью к врагу! Наше дело правое! Мы победим!

Смерть немецким оккупантам!

Центр».

Шрагин передал Зворыкину листовку:

— На следующую явку придете?

— Если жив буду...

— До свидания.

— Пока.

Когда Шрагин вышел на улицу, перед ним из темноты возник Григоренко.

— Ну и переволновался я тут! — сказал он. — Этот тип колесил возле квартиры минут двадцать. Я уже решил применить финку, чтобы без шума...

Григоренко исчез в темноте...

В эту ночь Шрагин не заснул ни на минуту. Картина рисовалась ему мрачная. Мысль вывести товарищей из города поначалу он категорически отвергал, полагая, что это всех деморализует. Нет, сейчас, как никогда, надо действовать смело, энергично и ощутимо для немцев. Но единственное, что они могли бы сейчас сделать, — это провести серию диверсий. А запасы взрывчатки почти полностью исчерпаны. Москва отклонила его предложение сбросить взрывчатку с самолета, и он понимал, что действительно сброс вслепую, без оперативной радиосвязи недопустим. Правда, Москва сообщила, что попытается доставить взрывчатку с моря, но когда это произойдет — неизвестно. Нужно ждать, по крайней мере пока окончится период весенних штормов. Значит, то единственное, чем могла бы теперь заняться группа, пока исключается...

Думая обо всем этом, Шрагин постепенно склоняется к выводу, что предложение о временном выводе группы из города не лишено смысла.

Ну хорошо, группа временно покинет город, но разве это снимает вопрос о получении взрывчатки? Шрагин отлично

понимал, как трудно Москве организовать доставку взрывчатки сюда, в город, и с воздуха и с моря.

Мысль о посылке курьера через линию фронта возникла и утвердилась не сразу. Поначалу она показалась Шрагину нереальной и даже несерьезной. Но постепенно его уверенность все возрастала, а сама задача казалась все более выполнимой. Шрагин уже думал о том, кого из группы послать в качестве курьера. Перебрав всех, он остановился на Харченко. За это было многое. Лучше всего курьеру идти в направлении на Киев, а Харченко уроженец тех мест, и недалеко от Киева живут его родители. В версию его похода можно включить достоверный повод — он возвращается к своей семье. При возвращении курьер должен вместе с грузом выброситься с самолета, а Харченко — единственный в группе человек, который занимался в аэроклубе парашютизмом. Наконец, у него подкупающая внешность: добродушный, открытый парень. Поход будет трудным и опасным, а Харченко уже показал и свою железную волю, и физическую силу, и умение действовать в сложной обстановке. Решено — пойдет Харченко. А на это время группу надо из города вывести...

Глава 36

У генерала Штромма появились регулярные обязанности. Главное командование СС предложило ему ежедневно информировать Берлин о работе местной СД. Он был не на шутку встревожен. Незадолго до этого номинальный начальник местной СД доктор Шпан был переброшен в Киев, и на его место никто не был назначен. Теперь СД возглавлял Релинк, который, впрочем, и при Шпане был там фигурой номер один. И Штромм подумал, не кончится ли дело тем, что начальником местной СД назначат его самого? Он этого не хотел. Работать Штромм вообще не любил. Кроме того, он далеко не был уверен, что сможет работать лучше Релинка, который подвергался сейчас резким нападкам из Берлина. Подставлять для битья свою спину Штромм не собирался. В самом деле, нелепо было испортить карьеру из-за того, что в этом злосчастном городе обосновалась шайка диверсантов.

Обдумав все это, генерал Штромм занял, как он полагал, хитрую позицию. Каждое утро он являлся в СД, выслушивал сообщение Релинка о делах прошедшего дня, не очень строго журил его за все еще недостаточную решительность,

а когда нужно, и похваливал, а потом посылал в Берлин свои секретные реляции, в которых всячески давал понять, что Релинк вполне на месте и что сейчас, когда он, генерал Штромм, ежедневно контролирует его, работа СД становится все более эффективной.

Между тем и Релинк, в свою очередь, думал, что генерал Штромм может занять место начальника СД. Но, зная его леность и пристрастие к спокойной жизни и комфорту, он в своих ежедневных сообщениях генералу подчеркивал трудности своей работы, не забывая каждый раз сказать, что он не имеет возможности высыпаться или что он вынужден прибегать к допингу, чтобы не свалиться с ног во время какого-нибудь ночного допроса. Релинк видел, что эта его тактика достигает цели, и был уже уверен, что сам генерал на должность начальника местной СД рваться не будет. А все, что он делал теперь, выполняя указания Олендорфа, давало ему основание надеяться, что Берлин по отношению к нему сменит гнев на милость.

В это солнечное, веселое утро генерал Штромм приехал в СД в прекрасном настроении. Прошлой ночью он говорил по телефону с Берлином, и сам Кальтенбруннер сказал ему, что работа в местной СД пошла гораздо лучше, и поблагодарил его. Надо было сейчас сообщить об этом Релинку. Генерал прекрасно понимал, что любого человека нельзя только бить, надо и похвалить когда-нибудь. В вестибюле гестапо перед ним вытянулся начальник полиции СД Цах.

— Здравствуйте, Цах, здравствуйте, — благодушно приветствовал его генерал и даже протянул ему руку. — Какие новости?

— Хорошего мало, — отрывисто ответил Цах.

— Что-нибудь случилось?

— Да так, ничего особенного, — чуть приподнял плечи Цах. — Я бы сказал, обычные неприятности.

Генерал понял, что больше Цах ничего не скажет, и стал подниматься на второй этаж.

В кабинете Релинка пахло табачной кислятиной. Пол посреди комнаты был забрызган кровью и посыпан песком.

— Я вижу, ночь была веселенькая? — беспечно сказал Штромм, здороваясь и опускаясь в кресло.

Релинк молча протянул ему надорванный лист бумаги. Это была листовка, которую писал Шрагин. Она была уже напечатана.

— Ерунда! Это теперь у них единственный способ уверить население, что они существуют! Ерунда! Агония! —

громко, как обычно, произнес генерал, прочитав первые строки.

— Читайте дальше, генерал, — тихо сказал Релинк.

Когда генерал прочитал до конца, он уставился на Релинка, выпятил вперед губы и спросил:

— Ну, знаете, это уж чересчур. Откуда они меня знают?

— С ночи ломаю над этим голову, — ответил Релинк.

Генерал еще раз заглянул в листовку, точно он вдруг усомнился, что видел там свое имя.

— Да, генерал Штромм, даже два «эм», — удивленно произнес он и вдруг взорвался: — Вы понимаете, Релинк, что я должен предположить? Что красные пролезли в ваш аппарат! Да! Да! А как же иначе? Моя фамилия известна только здесь, с эстрады я не выступаю, и афиши об этом не расклеивают. В лучшем случае в вашем аппарате работают люди, у которых язык длиннее ума. Вы будете сообщать Берлину об этой прокламации?

— Мне нечего сообщать, пока я не найду тех, кто эту листовку выпустил, — холодно ответил Релинк. — И мой долг сейчас не разводить вокруг этого панику, а действовать и во что бы то ни стало найти мерзавцев. В конце концов меня радует, что здесь стоит мое имя. Если враг в наших с вами именах видит силу Германии, этим следует гордиться.

Генерал Штромм подумал, что Релинк прав. Да, да, прав. Еще сегодня ночью он, Штромм, сам сообщит в Берлин о листовке. Пусть там знают, в каком аду он здесь работает и как он своей активной деятельностью разъярил господ коммунистов.

— Какие нити в ваших руках уже есть? — деловито спросил Штромм.

— Была одна, да сегодня ночью оборвалась. Допрашивал одну девчонку. При аресте у нее в сумке обнаружили два экземпляра этой листовки. Так она такое тут устроила! Ленц не остался без глаза только случайно. А меня вот... — Релинк показал забинтованную руку. — Зубами, бешеная сучка! Ленц ее пристрелил.

— Это ошибка! — возмущенно воскликнул Штромм.

— Знаю, — сразу согласился Релинк. — И я уже объявил Ленцу, что отменяю представление его к очередной награде. Но вы должны реально смотреть на факты: подобные типы готовы на все, но они не хотят давать нам показаний. Вчера вечером убит сотрудник полиции СД. Его заколол на улице кухонным ножом шестнадцатилетний мальчишка. И тоже

живьем его взять не удалось. Сам начальник полиции Цах также приговорен ими к смерти и регулярно получает об этом письменные уведомления.

— Все же рано или поздно мы доберемся до них, — против обыкновения тихо произнес генерал и решил, что пешком по городу больше ходить нельзя.

— Да, мы доберемся, — вяло согласился Релинк. — Но это путь трудный и длинный. Возьмите историю с аэродромом. По приказу Берлина мы арестовали там механика, немца Вальтера Шницлера, и отправили его в главное управление. Вчера мне позвонил Олендорф. Этот механик оказался прямым агентом красных, причем с большим стажем.

— Взрыв за ним? — спросил Штромм.

— Он не сознался, но ясно, что он был связан с диверсией. Видите, как глубока и сложна эта красная опухоль. Вчера застрелился полковник из штаба воздушной армии некий Пинер. При обыске в его кабинете найден дневник. Это документ страшного позора. В нем ненависть к фюреру, предсказание катастрофы рейха, сочувствие русским, восхищение их борьбой. В общем яма, полная помоев. Судя по дневнику, он написал какое-то письмо фюреру и после этого покончил с собой. Но самое любопытное знаете что? У него в столе нашли письмо того механика с аэродрома — Шницлера, в котором он просил его устроить на работу здесь у нас, на аэродроме.

— Может, он психопат? — предположил генерал Штромм.

— Увы! В штабе полковник пользовался авторитетом и имел очень широкий круг друзей, среди которых был даже заместитель командующего армией. Я всех их вызываю на допрос.

— Может быть, лучше этим делом заняться господам из абвера? — предложил Штромм. — Зачем нам брать на себя эту муть?

— Абвер занимается этим делом параллельно, — ответил Релинк. — Дело в том, что неделю назад мой сотрудник сообщил о настроениях этого полковника. И возможно, полковник почувствовал, что мы заинтересовались им. В одной из его последних записей в дневнике — проклятие гестапо.

— И вы что-нибудь уже предприняли?

— Безусловно, — ответил Релинк, хотя на самом деле он ничего не предпринимал.

— Тогда вы правы, — согласился Штромм. — Это дело может вызвать благоприятный для нас резонанс, и мы сможем еще раз обойти абвер.

— Я подготовлю донесение в Берлин, и, если хотите, мы вместе его подпишем, — предложил Релинк.

— С удовольствием.

После этого Релинк рассказал генералу о подготавливаемой им новой расчистке тюрьмы, так как после облав она снова была забита до отказа. Новая облава планируется на будущее воскресенье...

Утренние обязанности генерала Штромма на этот раз явно затянулись...

Глава 37

Город начинал высвобождаться из-под серой мути позднего рассвета. Только что закончился комендантский час, но на улицах еще не было ни души. В тишине замершего города Шрагин слышал свои шаги, гулкие и тревожные. Шел он медленно, останавливался возле объявлений и афиш, в то же время тщательно просматривал улицу. И думал о своих делах. Решено окончательно: в городе остаются только он сам, радист Мочалин, «священник» Величко и Федорчук. Все остальные в ближайшие дни уйдут из города к партизанам до тех пор, пока он не даст им сигнал возвращаться. Харченко послезавтра отправляется в далекий путь через линию фронта. Он должен пробиться через фронт и потом вернуться с самолетом, который сбросит все необходимое группе. Да, все это обдумано, твердо решено, и не в его характере отменять свои решения. И все же сомнения не давали ему покоя. Поход товарищей к партизанам будет очень трудным — из города они будут уходить поодиночке; удастся ли им потом собраться всем вместе? Единственным звеном связи с партизанами сейчас является сельский учитель. Вдруг с ним что-нибудь случится в эти дни?.. А поход Харченко почти через половину страны? Надо смотреть правде в глаза — на успех у него шансов гораздо меньше, чем на гибель.

Шрагин стоял перед афишей, с которой на него смотрело курносое, лукавое, страшно знакомое лицо. «Петер», — прочитал Шрагин и даже вздрогнул. Он же совсем незадолго до войны смотрел этот кинофильм и потом любил мурлыкать про себя беспечную песенку Петера: «Хорошо, когда работа есть...» Он быстро отошел от афиши, точно встретил знакомого, с которым ему нельзя здесь встречаться.

— Хальт! Стоять! — услышал он позади.

Перед ним стояли два патрульных. Шрагин видел, что они смотрят на него не очень решительно; очевидно, их сму-

тил его слишком благополучный вид — кожаное пальто, беличья шапка.

— Что вам угодно? — по-немецки спокойно спросил Шрагин.

— Документы, — ответил один из солдат.

— Но комендантский час кончился, — снова спокойно возразил Шрагин.

— Мы проверяем теперь в любое время, прошу вас... — совсем вежливо пояснил солдат.

Просмотрев удостоверение, солдат вернул его и приложил руку к пилотке.

— Прошу прощения...

По-прежнему неторопливо Шрагин шел дальше и снова думал о своем, и эта встреча с патрулем еще раз подтвердила правильность принятых им решений — оставаться его товарищам в городе, не имея надежных документов, нельзя.

Радист Кирилл Мочалин работал теперь мотористом подсобного катера на том же заводе, где и Шрагин. Этот катер находился в распоряжении главного инженера Грифа. Когда Шрагину нужно было встретиться с радистом, он шел к Грифу и вполне обоснованно просил разрешения воспользоваться его катером.

Так сделал он и сегодня. Мочалин принял его на борт катера у служебного причала, и они помчались на открытый рейд, где стоял ожидавший ремонта минный тральщик. Они сидели рядом в штурвальной кабине. Шрагин передал Мочалину зашифрованный текст его донесения в Москву.

— Считайте, что это уже в Москве, — сказал Кирилл, пряча донесение за подкладку форменки.

Шрагин с улыбкой смотрел на радиста: парень продолжает работать как ни в чем не бывало. Он прекрасно понимал, что мочалинские бодрость и оптимизм идут от непонимания всей тяжести обстановки. Но все равно, видя неунывающего радиста, он даже себя упрекал за излишнюю нервозность.

Катер причалил к тральщику, и Шрагин поднялся по трапу. Адмирал Бодеккер поручил ему выяснить, почему сегодня утром к тральщику вызывали пожарный катер.

Командир тральщика — молоденький худощавый офицер — принял Шрагина в своей тесной каюте. Он рассказал, что сегодня на рассвете к тральщику пришвартовалось ремонтное судно, но сразу же на нем вспыхнул пожар.

— Персонал судна вел себя постыдно, — рассказывал командир тральщика. — Вместо того чтобы отойти от меня, они спустили шлюпку и бросили судно. Мы с огромным трудом оторвались от него, и я по радио вызвал пожарный катер. Пожар был ликвидирован, а судно отбуксировали к вам на заводской причал. Мне все это кажется подозрительным, — закончил командир.

— Да что вы, это же обычное дело, — убежденно возразил Шрагин. — Просто какой-нибудь Ваня бросил окурок в масляную тряпку. Это уже не первый случай. Сейчас я вернусь, доложу адмиралу, и мы пришлем к вам новое судно. А расследовать никогда нелишне...

В последнее время адмирал стал заметно равнодушнее к делам завода. Особенно после того, как все его попытки спасти плавучий док закончились тем, что док развалился пополам и утонул. Адмирал открыто иронизировал над своим, как он говорил, детским планом строить здесь корабли. Вот и сейчас, узнав о пожаре, он беззлобно выругался и сказал:

— Хоть бы сгорел весь завод, по крайней мере я смог бы выбраться отсюда.

Шрагин, точно не слыша его слов, сообщил, что он распорядился направить к тральщику другое судно. Адмирал кивнул и жестом пригласил Шрагина сесть.

— Я помню, что вам очень не хотелось ездить в командировки, — сказал он. — Я очень хорошо это помню. Но сейчас мне крайне необходимо послать вас в Одессу. У начальника гражданского порта в Одессе возникли какие-то трудности в отношениях с местным персоналом. Надо съездить к нему, разобраться и помочь.

Шрагин совсем не был готов к такому предложению и попросил у адмирала разрешения дать ответ завтра.

— Конечно, конечно, поговорите с женой, — по-своему понял его адмирал. — Я очень не хотел бы заставлять вас делать то, что неприятно вашей милой жене. Но все же дело, знаете, прежде всего...

Все решилось вечером.

Шрагин не собирался проводить этот вечер дома. Накануне Эмма Густавовна сказала ему, что в гостях у нее будет только доктор Лангман и Любченко. О том, что будет Лангман, она могла и не говорить. Он бывал здесь почти каждый вечер. Эмма Густавовна уверяла всех, что у Лили

с доктором дружба — они оба так любят музыку. Лиля поддерживала эту версию, и в присутствии Лангмана всегда сидела у рояля. Шрагин с тревогой наблюдал за этой «музыкальной» дружбой и давно видел, что дело там не только в музыке. Неприязнь к нему Лангмана была заметней, и если посторонние находили ее естественной, то для Шрагина эта неприязнь была опасностью, так как она могла стать и неприязнью к нему со стороны Лили. Пока в их отношениях установилась безмолвная напряженность...

Шрагина очень удивило, что Эмма Густавовна пригласила Любченко.

— Вы простили Любченко ее хамство? — спросил он.

Эмма Густавовна вздохнула:

— Она так извинялась... Даже письмо прислала. В конце концов она — единственная оставшаяся здесь моя старая знакомая. И она права: у всех нас нервы не в порядке.

Шрагин не собирался вечером выходить к гостям Эммы Густавовны, но неожиданно явился генерал Штромм, от которого всегда можно услышать интересное, и он вышел к столу.

Сначала в гостиной царил беспорядочный разговор, который прерывался, когда Лиля играла на рояле. А в этот вечер она играла много и, как казалось Шрагину, очень хорошо. Когда она кончала играть, доктор Лангман беззвучно хлопал протянутыми к ней ладонями и восхищенно качал головой.

Эмма Густавовна уже накрыла стол и с умиленным лицом слушала игру дочери. Штромм явно тяготился музыкой. Как только Лиля заканчивала играть очередную вещь, он выразительно крякал и, потирая руки, жадно смотрел на стол с приготовленной закуской.

— Господа, я же совершенно забыла! — воскликнула Эмма Густавовна. — Я получила письмо от Аммельштейна, оно адресовано не только мне, но и всем вам... — Она взяла письмо, которое лежало тут же на маленьком столике, и начала читать.

Старик писал, что он тоскует по милому дому своей родственницы, но что, увы, съездить к ней еще раз у него не хватит сил. Он выражал надежду, что летом Эмма Густавовна с дочерью приедут к нему в гости. Во второй половине письма он рассказывал про дела в поместье — работать некому, у него забрали в армию последнего работоспособного мужчину. «Если так будет дальше, — писал он, — то я сам

скоро возьму автомат и стану солдатом дивизии стариков под названием «Адольф Гитлер».

— У нашего Аммельштейна, я вижу, мозги окончательно высохли, а язык болтается, как тряпка, — заметил Штромм.

Эмма Густавовна непонимающе взглянула на генерала и продолжала читать:

«Впрочем, недавно мне дали трех работников, — писал Аммельштейн. — Но они русские, и ждать от них толку не приходится. Они ленивы и ничего не умеют. Вдобавок я их боюсь. Ведь только и слышишь теперь, что эти же русские там у вас, даже в тыловых городах и среди бела дня, убивают наших соотечественников. Так что будьте осторожны и вы...»

— Я не хочу слушать эту клевету, — громогласно заявил Штромм.

— Почему вы считаете это клеветой? — невозмутимо спросил Лангман. — Аммельштейн пишет то, что ему известно, и он пишет об этом своим близким, а не в «Фелькишер беобахтер».

— И все-таки это клевета, — рявкнул генерал. — Где вы последний раз видели в нашем городе красных, кроме как на виселице?..

— Да, действительно, теперь у нас как будто порядок, — сбавил тон Лангман, но тут же добавил: — Но вот в Одессе, я слышал, дела очень плохи.

— Откуда вы это взяли? — еще больше разъярился Штромм.

— Еще месяц назад мне звонил коллега, он говорил, что у них в Одессе госпиталь городской комендатуры переполнен ранеными в результате террора и диверсий красных. И я по приказу штаба армии отправил туда своего хирурга и трех младших чинов. Да, только сегодня утром я говорил по телефону с хирургом, и он снова сказал: дела дрянь.

— Ну и напрасно вы болтаете об этом по телефону, — проворчал Штромм и продолжал уже более миролюбиво: — Конечно, румыны справиться с красными не могут. У них нет нашего опыта и наших возможностей. Однако можете быть уверены, мы им поможем — порядок будет и в Одессе.

В этот момент Шрагин думал о командировке в Одессу, о том, что надо на нее соглашаться. Когда в Москве планировалась операция, на случай если в этом городе Шрагину осесть не удастся, ему была дана явка в Одессе. Почему бы теперь не воспользоваться этим? Может быть, появится воз-

можность перевести его товарищей в Одессу, а не отправлять их в опасный поход к партизанам?

Его размышления прервала подошедшая к нему Любченко.

— Между прочим, как раз в Одессе есть специалист, которому вашей жене следовало бы показаться, — наклонясь к Шрагину, сказала она шепотом.

Шрагин затаил дыхание. Это ее «между прочим» прозвучало как продолжение его мысли. Пауза длилась одно мгновение, и Шрагин взял себя в руки. Лиля уже давно жаловалась на боль в груди, и Эмма Густавовна безапелляционно заявляла, что у нее туберкулез. Исследования, которые были сделаны Любченко в ее больнице, ничего не показали, но Эмма Густавовна продолжала настаивать на своем. Да и сама Любченко, видимо не желая еще раз ссориться с ней, согласилась, что, несмотря на результаты исследований, Лиле следует показаться хорошему специалисту.

— Если бы вы могли организовать поездку Лили в Одессу, — продолжала Любченко, — я написала бы письмо этому профессору. Когда-то мы вместе с ним работали, и он меня наверняка помнит.

— Большое спасибо, Мария Степановна, это обязательно надо сделать, — сказал Шрагин и в эту минуту окончательно решил — он должен ехать. Надо только попросить адмирала Бодеккера разрешить взять с собой Лилю. Кроме всего прочего, он просто боялся теперь оставлять ее здесь одну...

Глава 38

Кирилл проснулся поздно. Все еще срабатывала морская привычка — высыпаться как следует перед вахтой. Теперь он называл вахтой встречи со Шрагиным и передачу затем на Большую землю его донесений. По расписанию эта вахта была три раза в неделю, но случались еще и авральные, сверх расписания, о которых он узнавал по сигналу в условном месте. Сегодня как раз авральная.

Солнце нахально лезло в окна, в доме вкусно пахло свежевыпеченным хлебом, из кухни доносились голоса жены и матери. «Повезло мне с Ларкой, — радостно думал Кирилл, — мировая женка получилась, даже с мамой живет душа в душу». Другой раз ему бывало даже обидно, что мать так заботлива и нежна к его Ларе. Но сейчас их негромкий разговор там, в кухне, вызвал у него блаженное ощущение

дома, уюта. Он вспомнил боцмана своего парохода Арсентьича, свирепого богатыря. Однажды за ужином в камбузе, наслушавшись трепотни матросов об их приключениях на берегу, боцман вдруг сказал: «Босяки вы и бесштанники, в одном похабстве всю жизнь видите. А главная-то радость жизни на своем берегу, где у тебя дом, жена, детишки. Хватитесь, босяки, да будет поздно».

«Дураки мы были, это верно, а боцман знал, что говорил, — думал сейчас Кирилл, нежась в мягкой и теплой постели. — Вот кончится война, снова буду ходить в загранплаванья, а когда буду возвращаться, на причале меня будет ждать Ларка. Завалю ее заморскими подарками, одену, как куколку. Только бы война кончилась...»

Шрагин был доволен радистом. Он не знал, что Кирилл, встречаясь со своим лучшим дружком Ленькой, который работал в полиции, добросовестно пересказывал ему все, что слышал о войне от Шрагина. Ленька все же не мог понять, как может Кирилл сидеть сложа руки и спокойно смотреть, как берлинские гаврики поганят их родной город. Мало того, он еще катает их на катере. Кирилл отмалчивался. Шрагин запретил ему даже намекать другу на какую-то свою тайную работу.

Между тем Ленька уже действовал в одиночку. По службе в полиции у него двое суток работа, сутки — отдых. В свои свободные ночи Ленька охотился на гитлеровцев. Он стрелял их из малокалиберной винтовки. Огневую точку Ленька оборудовал в заброшенном садике около разваленного бомбой дома. Одной своей стороной сад выходил на главную улицу — там был забор, а напротив, через улицу, — кинотеатр. Другая, не огороженная сторона сада выходила на параллельную улицу. С наступлением сумерек Ленька занимал огневую позицию и через дыру в заборе наблюдал за подъездом кинотеатра. Увидев там немца посолиднее, он брал его на мушку. Раздававшийся за забором выстрел не был слышен на улице, а немец падал. Ленька быстро прятал винтовку под развалинами дома, выходил садом на параллельную улицу, возвращался не спеша домой и ложился спать.

Несколько дней назад Кирилл был у Леньки в его «холостяцкой каюте» — захламленной комнатке на втором этаже старого дома, опоясанного балконной галереей.

— Трех уже чокнул, — шепотом рассказывал Ленька, и глаза его азартно горели. — Подключайся, дурень, скучать не придется...

Вспомнив сейчас об этом, Кирилл усмехнулся: «Ничего, Леня, на последней поверке ты узнаешь, что и я не спал».

Вполне довольный собой и своей жизнью, Кирилл встал с постели и начал делать гимнастику. Потом вместе с Ларкой и матерью пили чай с теплыми ржаными лепешками и разговаривали про жизнь.

Лара рассказала, как в больничной кубовой, где она работала, ночью чуть не случился пожар. И как раз она случайно заглянула в угол, где стоит печка, и видит — дрова из нее вывалились и уже горит пол. Хорошо, что воды в кубовой сколько хочешь. Директор больницы обещал благодарность объявить.

— За что тебя благодарить-то? — притворно удивился Кирилл. — За то, что про печку забыла?

— Не тебе судить, — обиделась Лара.

— А ты мужу не перечь, его слово для тебя закон, — рассмеялся Кирилл...

Кирилл пошел на огород и вскопал четыре грядки. Потом обедали, сидели в палисаднике на солнышке, а около шести часов вечера мать и Лара ушли на дежурство. Кирилл не знал, куда себя девать. Вспомнил, что Ленька звал его сегодня в кино — показывают какой-то немецкий фильм с танцами и песнями, сеанс в семь часов, кончится в девять, а Шрагин придет только в час ночи. Так что времени на кино есть с походом.

В половине седьмого Кирилл был уже у Леньки. Поднявшись на балконную галерею, он увидел на двери амбарный замок, которым Ленька запирал свою каюту. «Чего это он так рано поперся?» — подумал Кирилл и бегом спустился с галереи, он надеялся найти приятеля у входа в кино. Ему бы оглянуться, когда он бежал, но он очень спешил и потому не увидел, что за ним бежали двое по обеим сторонам улицы.

Леньки у кинотеатра не было. Кирилл потолкался возле театра и пошел домой. И теперь бы ему надо было оглянуться. Впрочем, уже стемнело, и вряд ли он заметил бы тех двоих, которые снова шли за ним...

В это время его дружок Ленька с окровавленным лицом стоял посреди кабинета Релинка. Его взяли дома час назад...

Ищейкам нетрудно было установить, что все три немца, убитые из мелкокалиберной винтовки, получили пули с одного направления. И не так уж трудно было потом обнаружить и место, откуда стреляли. Там, в саду, была оставлена за-

сада. Сегодня утром Ленька шел мимо своего заветного места и увидел метнувшегося в саду человека. Он не очень встревожился, но после дежурства все же решил посмотреть, не сперли ли, случаем, винтовку. Сказать по совести, укрыта она была халтурно. Он переоделся дома и пошел к заветному месту. В саду никого не было. Кирпичи, которые закрывали винтовку в подвале сгоревшего дома, лежали так, как он их положил. Он совсем успокоился и вышел на улицу, направляясь к центру города. Походил еще около часа и тоже, не замечая за собой слежки, к шести часам вернулся домой, чтобы подождать Кирилла и вместе идти в кино. Он разжигал примус, когда в комнату ворвались полицейские СД. Одного он полоснул по харе финкой, другому бросился под ноги и сбил с ног. Но он был один... Его увезли в СД, а во дворе осталась засада.

Релинк рассчитывал сломить Леньку, что называется, с ходу, не дав ему опомниться. Еще не начиная допроса, он дал сигнал, и на парня обрушился град ударов плетьми. Ему выбили глаз, отсекли половину уха. Он все это выдержал на ногах и только нещадно ругался, захлебываясь собственной кровью. Потом его подвели к столу Релинка.

— Кто твои сообщники? — спросил немец.

— Никого... нет... сука двуногая, — медленно ответил Ленька.

— Называй фамилии сейчас же, иначе смерть! — закричал Релинк.

— Зря, сука, дерешь горло, сказал — никого нет.

— Добавить! — приказал Релинк.

Снова засвистели плети...

Между тем Кирилл вернулся домой. Было восемь вечера. Мать и жена на работе. Не зажигая света, он прилег в столовой на тахту матери и заснул. Проснулся в диком страхе: ему показалось, что он проспал. Было десять минут двенадцатого. Чтобы освежиться, облил себе голову холодной водой и размялся. Решил проверить радиостанцию. Задвинув засов входной двери, он спустился в подвал, прикрыв за собой люк. Там зажег свечу, открыл дверь в тайник и вошел. Воздух здесь был такой спертый, что свеча начала гаснуть. Прикрепив свечу в нише над рацией, он, махая куском фанеры, стал выгонять из тайника застоявшийся воздух. Работа почище гимнастики, даже спина взмокла, зато свеча больше не гасла. Из ящика, на котором всегда сидел, он вынул

противотанковую гранату и положил ее в нишу, а из-за рации достал пистолет. Это он сам разработал такую предосторожность, хотя никогда всерьез не думал, что ему придется ею воспользоваться. Когда он однажды показал эту гранату Шрагину, тот сказал только одно слово: «Разумно». Но у Кирилла тогда похолодела спина. «Неужели когда-нибудь придется эту гранату пустить в дело?..» — думал он каждый раз, вынимая гранату перед началом работы.

Кирилл подсел к рации и стал подключать концы от батареи. С удовольствием подумал о том, что скоро будет новый аккумулятор. И в это время до него донесся приглушенный стук в дверь.

Кирилл посмотрел на часы, послушал их — идут. Нет. Значит, стучит не Шрагин, тот приходит минута в минуту.

Стук повторился, но уже громче. Может быть, Ларка или мама?

Кирилл вылез из тайника, поднялся по лестнице и приоткрыл люк. Он услышал за дверью мужские голоса. Говорили по-немецки. В дверь начали бить чем-то тяжелым. С треском проломились дверные доски.

Кирилл закрыл люк, задвинул запор и спустился с лестницы. Заскочив в тайник, он взял пистолет, погасил свечу и вернулся в подвал. Над его головой грохотало. Немцы уже ворвались в дом. Грохот над головой прекратился, только поскрипывала одна половица. Очевидно, в сенцах оставили караульного. Метнулась мысль — вырваться из дома, но тотчас потолок над головой снова загрохотал. Они искали его, и это продолжалось довольно долго. Кирилл крутнул колесиком прижатой к часам зажигалки — четверть первого. Шрагин придет через сорок пять минут. Кирилл судорожно думал: что предпринять? А там, наверху, в сенцах, по-видимому, шел обыск. Вот упало с лавки ведро, вода полилась в подвал. Чем-то острым били подряд во все половицы и все ближе и ближе к люку. Вот ударили в люк. Молчание. Еще ударили, еще и еще. Затрещали доски. Кирилл поднял пистолет и три раза выстрелил вверх. Раздался протяжный крик. Загремели сапоги, и все стихло.

«Один свое получил», — злорадно подумал Кирилл, и эта мысль как-то его успокоила. Вдруг там, наверху, раздался звук, похожий на барабанную дробь. То, что это через пол стреляют в него из автомата, Кирилл понял, только почувствовав резкий горячий толчок в левое плечо. Кирилл бросился в тайник, закрыл его дверцу на засов и сел на ящик. Там еще стреляли. Но ничего, тут его со всех сторон

укрывает толстый слой земли. Разве что через дверцу. Кирилл вскочил, осторожно снял со стола и поставил на пол рацию, стол придвинул к дверце, а сам сел на ящик в глубине ниши. Теперь немцы могут сколько хотят стрелять и через дверцу. Между тем они уже проникли в подвал и выстукивали его стены. Обнаружив дверцу в тайник, они решили прострочить ее из автомата. Пуля ударила в рацию, и в ней что-то печально звякнуло.

«Лампочку, гады, разбили», — подумал Кирилл и пожалел, что сел в нишу на ящик, а не на рацию. Он вспомнил о времени и снова чиркнул зажигалкой. Было без двадцати час. Значит, Шрагин уже идет. Надо что-то делать! Уже нельзя ждать! Нельзя допустить, чтобы схватили Шрагина! Думать мешали автоматные очереди, стук пуль, нарастающая боль в плече.

Дверь затрещала. Кирилл взял гранату, сорвал с нее предохранитель и бросил ее к двери.

Последнее, что он увидел, было оранжевое пламя, метнувшееся снизу вверх. Взрыва он уже не слышал...

Шрагин услышал взрыв, когда находился от дома Кирилла шагах в ста. Он увидел, как крыша дома распахнулась, точно книжная обложка, и тотчас весь дом охватило пламя.

Он круто повернул и, дойдя до перекрестка, прижавшись к стене дома, стал наблюдать за улицей. Оттуда, от горящего дома, доносились неразборчивые крики. Потом к центру города промчался мотоциклист, а минут через десять к горящему дому проехала пожарная машина и за ней машина «Скорой помощи».

«Всё. Связи нет, — думал он, машинально идя к своему дому. — Связи нет... Связи нет...» — Он думал о главном и еще не сознавал в этот страшный момент, что не стало веселого, неунывающего Кирилла.

Глава 39

За час до полудня Федорчук и Юля вышли на улицу — ничего особенного, просто муж с женой решили прогуляться по случаю воскресного дня. Они степенно и неторопливо обойдут свой квартал и у последнего поворота пройдут мимо Григоренко. Федорчук, не останавливаясь, скажет одно только слово: «Ждет», — и они пойдут дальше, к своему дому. Там они сядут у ворот на скамеечку и будут мирно беседовать, пока не увидят вдали приближающегося Шрагина. Тогда на ска-

меечке останется одна Юля, а Федорчук пройдет в сад — там его пост во время встречи Шрагина с Харченко.

На эту последнюю встречу с Харченко Шрагин шел, как всегда, собранный и уверенный в правильности своего решения.

И Григоренко, стоявшему, как положено, на перекрестке, и Юле, сидевшей на скамеечке, и Федорчуку, который встретил его в садике, — всем Шрагин хотел бы сказать: «Все в порядке, дорогие друзья, мы действуем...» Но он прошел мимо них молча.

Харченко сразу угадал настроение Шрагина и тоже держался уверенно.

— Горючее заправлено, мотор проверен. Осталось включить первую скорость, — сказал Харченко, улыбаясь. Уже несколько дней специально не брившийся, он неровно зарос темной щетиной. На нем была куртка, перешитая из старого армяка, и громадные кирзовые сапоги. Свои каштановые вьющиеся волосы он остриг под машинку.

— Маршрут похода изучили? — спросил Шрагин.

— Как стихи, даже все деревни запомнил.

— И по резервным маршрутам тоже?

— А как же... Если поход зависит от этого, считайте, что я уже по ту сторону фронта. А донесение у меня тут... — Харченко постучал пальцем по лбу и отдал текст донесения.

Шрагин поджег его и, когда бумага догорела, бросил в печь. И эта прошедшая в молчании простая процедура вдруг приобрела какую-то почти мистическую значимость, будто с этой исписанной бумагой сгорело все, что было периодом подготовки, и с этой минуты Харченко был уже в походе. Они долго молчали.

— Я знаю, Павел Петрович, как вам будет трудно, — первым нарушил молчание Шрагин. Он хотел сказать Харченко «ты», но не мог пересилить себя. — Опасности вас ждут буквально на каждом шагу. Но земля, по которой вы будете идти, все-таки наша, родная. И наши люди вам будут помогать. И земля и люди... — Шрагин остановился, ему показалось, что он говорит совсем не теми словами, которые сейчас уместны.

— Я хочу сказать... — начал Харченко. — Для достижения цели я сделаю все. И если я все же не дойду, знайте — я погиб, как положено... каждому из нас.

— К чему этот разговор? — спросил Шрагин.

— Потеряться страшно, Игорь Николаевич, — не сразу ответил Харченко. — Какая-нибудь полицейская сволочь

кончит меня в безвестной деревушке... Даже могилы не будет. А у меня старики, я у них один-единственный.

— Вы не можете потеряться.

— Согласно плану похода я зайду к родителям Григоренко, — продолжал Харченко. — Хочу оставить у них записку, чтобы они переслали ее после войны моим старикам. Можно?

— Только сами спрячьте ее получше, — сказал Шрагин.

Пора было прощаться. Шрагин встал. За ним поднялся Харченко.

— Вам надо хорошо выспаться, — сказал Шрагин.

— Не спится что-то...

— Все будет хорошо. Только поскорее возвращайтесь, — суховато и просто сказал Шрагин, будто речь шла о мирной командировке.

— Хотелось бы там, за фронтом, погулять малость без оглядки на гестапо, — попытался шутить Харченко.

— Ладно, вместе потом погуляем, — сказал Шрагин и вдруг запоздало улыбнулся шутке Харченко. Это сразу сблизило их. Они обнялись и несколько мгновений молча стояли, прижавшись друг к другу.

— У нас очень тяжело, — сказал Шрагин, освобождаясь от объятий.

— Знаю.

— И тем больше наши надежды на ваш поход.

— Сделаю все.

— Я сообщил о вашем походе. Дано указание ждать ваших позывных военной разведке всех фронтов. Вам немедленно окажут помощь...

— Все ясно, — сказал Харченко, протягивая руку. — До свидания.

— Да, до свидания, до скорого свидания, мы вас ждем, — быстро сказал Шрагин, сильно сжимая руку товарища.

В окно Шрагин видел, как Харченко проходил через сад, как его остановил Федорчук. Они обнялись, расцеловались трижды крест-накрест, Федорчук подтолкнул Харченко в спину и потом еще долго смотрел на закрывшуюся за ним калитку.

— Дойдет, Игорь Николаевич, дойдет, — сказал Федорчук, входя в дом. — И в честь его похода я подпалю свою нефтебазу. Увидите, что не зря я упросил вас оставить меня в городе.

Федорчук рассказал о своем плане. Он уже достал несколько бутылок с горючим, предназначавшихся для борьбы

против танков. Горючку, слитую в ведро, он подожжет с помощью запального шнура.

— Пока шнур сгорит, я убегу, — закончил он свой рассказ. — И не только моих следов не останется, всей базы не найдут. Там же, кроме нефти, прорва бензина, керосина.

Они тщательно обсудили план диверсии, и Шрагин утвердил его с одним лишь условием, что Федорчук приступит к делу, только когда будет уверен в успехе каждого своего шага.

Договорились о встречах и явках на ближайшее будущее. Федорчук передал Шрагину подробное донесение Юли о разговорах летчиков в ее ресторане.

— Спасибо ей большущее, — сказал Шрагин. — Она всегда очень много важного передает.

Федорчук покраснел и тихо сказал:

— Я скажу ей... — Он молча прошелся по комнате и спросил: — Когда уходят наши?

— Я еду на несколько дней в Одессу. Попробую связаться там с подпольем, — может быть, решим перебраться туда, а не к партизанам. На эти дни вы остаетесь за меня, Григоренко предупрежден. Главное — осторожность...

На рассвете Харченко отправился в поход.

Он шел с Зиной, а впереди по обеим сторонам улицы шли Дымко и Григоренко. Перед мостом Григоренко перешел через улицу, и они вместе с Дымко остановились у перекрестка, делая вид, будто читают наклеенные на стене объявления. Остановились возле них и Харченко с Зиной.

— Гляди, подходящее объявление, — Дымко подтолкнул Харченко и прочитал: — «Располагая собственным домом и желанием счастья, пожилой мужчина ищет надежную спутницу жизни». Ты располагаешь желанием счастья?

— Еще как! — отозвался Харченко.

— Значит, порядок, — улыбнулся Дымко. — И мы все располагаем. Счастливого тебе пути.

Дымко и Григоренко, не оглядываясь, пошли обратно в город, а Харченко с Зиной направились к мосту. На случай, если их остановят, у Зины очень надежный документ — справка о работе на бирже. Харченко должен был сыграть роль рабочего, которого она наняла помочь ей принести дрова.

Но они беспрепятственно миновали мост, поднялись на взлобок берега, обошли территорию лагеря, и там, где доро-

га вырывалась на степные просторы, простились. Зина вдруг заплакала.

— Ну, чего ты, дурная! — растерялся Харченко.

— Сама не знаю, — всхлипнула Зина.

Харченко обнял ее и поцеловал в щеку. Она опять заплакала. Тогда он взял ее за плечи, повернул лицом к городу, подтолкнул легонько, а сам зашагал по вязкой дороге. Минут через десять он оглянулся: Зина стояла на том же месте и махала ему платком. Он пошел еще быстрее, потом снова оглянулся. Зина все еще стояла там, но лица ее уже он не мог разглядеть, видел только белое пятнышко платка...

Сверяясь по солнцу, он шел на северо-северо-запад с расчетом сначала попасть в район Харькова. В первый день он прошел не больше тридцати километров. Весеннее солнце растопило снег, но еще не успело высушить землю. Иди по дороге, иди по целине — везде ноги по щиколотку вязнут в липкой грязи. И неотрывно гляди на зеркальные оконца луж — все равно не заметишь, как окажешься по колено в холодной воде.

Никаких опасных встреч в первый день не было. Впрочем, он старательно обходил стороной все селения. А на одиноком, затерянном в степи хуторе, куда он решился зайти попросить воды, старушка накормила его вареной картошкой и дала в дорогу еще две ржаные лепешки. Харченко сказал ей, что идет из плена к своим старикам под Киев.

— Может, и мои вот так идут домой, храни их господь, — тяжело вздохнула старушка, вытирая сухие, выплаканные до дна бесцветные глаза.

Ни одного немца Харченко пока не видел — эта полоса степного юга лежала в стороне от дорог войны. Но то и дело он читал прилепленные к телеграфным столбам краткие объявления-приказы:

«О появлении неизвестных лиц немедленно сообщать представителям немецкой армии или полиции. За укрытие упомянутых лиц — расстрел».

Однако первые пять дней пути прошли без всяких приключений. Он шел с рассвета до темноты. Ночевал в стогах прошлогодней соломы, в заброшенных шалашиках на бахчах, а то и посреди степи на сухом взгорочке.

Если на крупномасштабной карте Украины с обозначенными на ней всеми большими и малыми дорогами нанести

маршрут Харченко, он выглядел бы так, будто путник задался целью измерить расстояние между дорогами. Его маршрут был весь в мелких изломах, зигзагах, но все же неуклонно вел к Харькову.

Харченко знал, что все ближе был весенний Днепр, и с тревогой думал, как он через него переберется. И местность вокруг становилась все более обжитой, вскоре уже стало бессмысленным обходить селения. Куда бы он ни сворачивал, впереди возникали силуэты построек. Не доходя до селения километра два, Харченко брал в сторону, чтобы обойти людное место, а затем снова выходил на дорогу.

Это село он издали видел все как на ладони. Белые домики были рассыпаны на отлогом склоне. Он подошел к селу довольно близко, но не заметил ни единой живой души. У него уже кончилась еда, и он подумал, не разживется ли здесь хотя бы краюшкой хлеба. Но совсем близко от деревни, там, где уже начинались окраинные дома, Харченко взял в сторону и пошел по редкому кустарнику вдоль по-весеннему вспухшей речушки. Поравнявшись с селом, он остановился, прислушиваясь, не донесется ли оттуда какой-нибудь звук жизни.

— Дядя, ты партизан? — услышал он детский голос, который прозвучал для него, как удар грома.

Он оглянулся и увидел откуда-то взявшегося мальчугана лет десяти в отцовском рваном пиджаке, который свисал ему ниже колен.

— Будь ты неладен... — тихо произнес Харченко, не в силах унять тревожно застучавшее сердце.

— Дядя, ты партизан? — снова спросил мальчишка и сделал несколько шагов назад.

— Да откуда ты взял? Я просто прохожий. Понимаешь? Иду себе и иду. Как тебя звать?

Мальчуган сорвался с места и помчался к селу, крича во весь голос:

— Партизан! Партизан! Партизан!

Харченко быстрыми шагами пошел дальше, но на повороте речушки кустарник кончался, и он увидел, что село было совсем близко. Между хатами метались кричащие ребятишки. Теперь бежать было нельзя. Харченко неторопливо шел по краю пашни. Метрах в трехстах впереди снова начинался кустарник. Только бы дойти до него...

Между двумя хатами среди кричащих ребятишек появился мужчина. В руках у него была винтовка. Он быстро пошел наперерез Харченко. Ребятишки бежали сзади. Харченко

видел, что до кустов ему не успеть, но продолжал идти неторопливо.

— Эй, дядя, стой! — крикнул мужчина.

Харченко остановился. Между ними было не больше ста шагов. Харченко уже видел, что в руках у мужчины не винтовка, а толстая палка.

— Кто такой? — крикнул мужчина.

— Путник, до дому иду, — ответил Харченко.

— А где твой дом?

— На Харьковщине.

Они с минуту молчали, разглядывая друг друга.

— Партизан! Партизан! — закричали ребятишки.

— Дураки вы, если я партизан, — сказал Харченко, и эта его простецкая фраза, сказанная с неподдельным огорчением, видимо, успокоила мужчину, и он подошел еще ближе. Теперь их разъединяла только узкая полоска пашни. Харченко уже видел, что мужчине лет сорок, у него рыжая клочковатая бородка, а под густыми бровями чуть светятся маленькие колючие глазки, близко сведенные к мясистому носу.

— Следуй, — строго сказал мужчина и мотнул головой в сторону села.

— А кто ты такой, чтобы приказывать? — спокойно спросил Харченко.

— Я у полиции помощник, — не без гордости ответил мужчина и повторил: — Следуй туда, и все.

— За что? Я мешаю тебе, что ли? — слезно взмолился Харченко.

— Следуй, а то тревогу подыму, — мужчина вынул из кармана свисток и поднес его ко рту...

Они вошли в хату. Женщина, оторвавшись от стирки, поглядела на них сердито:

— Делать нечего, хуже маленьких в игру играет.

— Не твоего ума дело, — цыкнул мужчина и показал Харченко на скамейку у окошка. — Сидай там и говори, кто такой.

Харченко обстоятельно, не спеша снял с плеча пустой рюкзак, положил его на пол возле ног, снял кепку, расстегнул ворот рубашки и спросил:

— Тебе как надо знать: во всех подробностях или как?

— Говори, кто такой и чего тебе здесь надо.

Харченко начал рассказывать, что его старики жили на Харьковщине. Он назвал село, где они жили, и объяснил, где оно находится. Между прочим, в этом селе как раз жили родители Григоренко и планом похода было предусмотрено их

посещение. Все об этом селе ему подробно рассказал Григоренко.

«Помощник полиции» слушал Харченко очень внимательно и, когда он закончил рассказ, облегченно вздохнул:

— Знаю я, случаем, то село, так что ты вроде правду говоришь.

— Что же это оружие тебе вручили такое холодное? — спросил Харченко, показывая на палку.

— Берданку обещали.

— Ему еще имение в придачу сулили, — подала насмешливый голос его жена.

— Ну, так вот... — продолжал рассказ Харченко. — Меня из плена выпустили. Есть на то и документы. Предъявить?

— Давай для порядка.

Мужчина так долго читал справку, что Харченко уже начал беспокоиться. Он заметил, что, глядя в бумажку, мужчина медленно шевелит губами, — очевидно, ему трудно было читать.

Вернув, наконец, справку, он промямлил:

— Документ как надо.

— В нем только про одно не сказано, — почесывая затылок, сказал Харченко. — Что я уже двое суток ничего не жрал.

— Оксана, дашь чего?

— Да ты что, заместо берданки окорок, что ли, получил? — сварливо отозвалась женщина, но тут же поставила перед Харченко чугунок с отварной картошкой и положила толстый ломоть хлеба.

Харченко ел и расспрашивал хозяина о жизни. Но тот, видимо, не хотел вдаваться в подробности или скорее всего боялся говорить при жене, с которой у него были разные взгляды на жизнь.

— Живем, как все, — сказал он, кося глаза на жену. — Ждем, когда станет лучше.

— Ну ладно. Как говорится, спасибо этому дому, пойдем к другому... — сказал Харченко. — Спасибо за приют да за ласку... — Он встал и протянул хозяину руку. — А тебе за справедливую службу...

Харченко шел по селу. До самой окраины за ним бежали ребятишки, и, даже когда село было уже далеко позади, он все еще слышал их крики:

— Партизан! Партизан!..

Наконец Харченко добрался до стоящего на Днепре города Крюкова. На другом берегу разыгравшейся половодьем

реки был город Кременчуг. Несколько часов Харченко изучал, как лучше и безопасней переправиться на тот берег. Ни одной лодки на реке он не видел, а на единственном железнодорожном мосту безостановочно шагали часовые.

Вскоре Харченко уже знал, что пользоваться лодками в черте города запрещено, но, так как многие крюковские жители работают в Кременчуге, их по утрам на ту сторону отвозят на машинах по железнодорожному мосту, там на рельсах постланы доски.

Ранним утром Харченко в толпе шедших на работу крюковчан благополучно перебрался на ту сторону Днепра...

Глава 40

Шрагин просил разрешения взять с собой в Одессу жену, чтобы показать ее там профессору, и адмирал Бодеккер отнесся к этому вполне благосклонно, даже упрекнул его:

— Как можно было ждать для этого служебной командировки? Командировка — вещь случайная, а жена-то у вас одна на всю жизнь, — сказал он укоризненно.

В Одессу с завода после ремонта уходил служебный катер, и адмирал предложил Шрагину воспользоваться им...

Было тихое утро. Высокое нежно-голубое небо казалось продолжением неподвижного морского простора. Где-то далеко за горизонтом прошел пароход, оставив после себя серую полосу дыма, по которой только и можно было угадать линию горизонта.

Шрагин и Лиля сидели в открытом кормовом отсеке, за спиной у них клубилось развороченное винтами море. Команда катера состояла из румын — штурвального и механика. Штурвальный, смазливый паренек со стрельчатыми усиками, в лихо сбитом на ухо берете, то и дело с нагловатой улыбкой поглядывал на Лилю и всячески рисовался перед ней. Механик только изредка высовывался из грохочущей утробы катера, чтобы тревожно и быстро оглядеть небо и снова исчезнуть. Он, видимо, боялся самолетов.

Катер шел метрах в трехстах от берега, повторяя все его изгибы. Наверное, штурвальный тоже помнил о самолетах и предпочитал маршрут под прикрытием берега.

Лиля очень обрадовалась поездке в Одессу, но вчера она вдруг сообщила, что вместе с ними хочет ехать доктор Лангман, у него тоже какие-то дела в Одессе. Шрагин категорически отказался брать его с собой — поездка носит служебный характер, это не увеселительный пикник.

— Я понимаю, вас выводят из равновесия наши дружеские отношения с ним, — сказала Лиля.

— Мне не хотелось бы обнаружить, что дружба с этим немцем стала для вас дороже святого дела, к которому я считаю вас причастной, — резко сказал Шрагин, решив поставить все точки над «и».

Больше они об этом не разговаривали.

Сейчас Лиля молчала, кутаясь в шерстяной плед — было довольно прохладно. Шрагин видел, что настроение у нее плохое. И выглядела она очень плохо: бледное, обострившееся лицо, синие круги под глазами, бескровные губы. Она действительно больна, и нервы у нее, должно быть, напряжены до предела. Ему стало жалко ее. Конечно же, ей выпало очень тяжелое и, наверное, непосильное испытание, во всяком случае, она к нему никак не была подготовлена.

Шрагин встретил ее усталый, рассеянный взгляд.

— Вы все же молодец, Лиля, — улыбнулся он.

— Что? — будто проснулась она.

— Я говорю: вы молодец, Лиля.

— Перестаньте, — поморщилась она.

Шрагин положил свою руку на ее холодную белую руку.

— Я отлично понимаю, как вам тяжело, — сказал он сурово. — Мне, Лиля, тоже нелегко. Всем, кто борется с фашистами, нелегко, а многие уже отдали свою жизнь. А вы прямо из консерватории попали в ад. Но уже скоро год, как вы достойно выдерживаете это тяжелое испытание. Это именно так, Лиля, я говорю совершенно искренне.

Лиля слушала, смотря на него широко открытыми, испуганными глазами.

Штурвальный оглянулся, игриво подмигнул Шрагину, но в ответ наткнулся на такой надменный и злой взгляд, что улыбка мгновенно слетела с его лица.

Солнце поднялось уже довольно высоко, и теперь потемневшее море резко отделялось от неба чертой горизонта. А справа проплывал берег — желто-бурый, холмистый. Лиля, отвернувшись, смотрела в море. И вдруг она неожиданно повернулась к Шрагину и спросила, высоко подняв голову:

— А что вы скажете, если я выйду замуж за Лангмана?

— Во-первых, он женат, — спокойно ответил Шрагин. — Во-вторых...

— Я уеду в Германию к его матери, — не дала ему договорить Лиля. — Она не признает его жены, а у нее там где-то на юге свой домик.

— Вы его любите?

— Боже мой! — рассмеялась Лиля. — Какое это может иметь значение в этом, как вы сами сказали, аду? — Она снова повернулась к морю.

Шрагин подождал, думая, что она скажет что-то еще, но она молчала.

— Это уже решено? — подвинувшись к ней, спросил Шрагин.

— Нет, — не оборачиваясь, ответила Лиля.

— Умоляю вас, не торопитесь, — сказал Шрагин. — Представьте, в каком положении вы окажетесь, когда наши солдаты однажды постучатся в тот домик на юге Германии. Что вы им скажете? Как все объясните? А то, что наши солдаты однажды туда придут, — это неизбежно!

Она не повернула головы.

— Во всяком случае, вы обязаны заблаговременно предупредить меня, — продолжал Шрагин. — Мне же тогда надо будет найти другую квартиру. Я не хочу...

— Не беспокойтесь, — прервала она его гневно. — Если до сих пор ничего такого не случилось, то только потому, что существуете вы.

— Спасибо, Лиля.

Катер круто развернулся и помчался к берегу. Из утробы катера высунулся механик. Он крикнул что-то штурвальному, а тот без слов показал рукой в небо. Шрагин посмотрел вверх и увидел три самолета. Три звездочки на блекло-голубом листе неба. Они летели очень высоко и наискось от берега к морю.

«Наши!» — сердце у Шрагина забилось частыми толчками. Он взял Лилю за локоть. Она обернулась, и глаза ее удивленно расширились: никогда еще не видела у него такого лица — его серые глаза сияли радостью, и ей казалось даже, что они были влажными. И такой его счастливой улыбки она тоже никогда не видела. Шрагин тихонько сжал ей локоть и, глядя в небо, туда, где летели самолеты, сказал тихо:

— Наши.

Они вместе следили за самолетами, и Шрагин видел, что она тоже волнуется.

— А может, вы ошиблись? — не отрывая глаз от неба, тихо спросила Лиля.

— Наши, наши! — прошептал он ей в самое ухо.

Катер в это время зашел за торчавший из моря громадный каменный валун. Механик выключил мотор. Теперь ясно был слышен далекий звонкий гул самолетов. Выскочивший

на палубу механик зацепился багром за утес и подтащил катер к нему вплотную. И он и штурвальный следили за самолетами.

— А где же ваша храбрость, моряки? — по-немецки крикнул Шрагин.

— Мы уже имели с ними дело, — ответил штурвальный на плохом немецком языке.

— Не будут они тратить бомбы на ваш линкор, — насмешливо сказал Шрагин.

— Мы же из-за них на ремонте были, — добавил механик, глядя на удалявшиеся к горизонту самолеты.

— Не будем же мы стоять здесь, пока у русских весь бензин кончится, — сказал Шрагин, смотря на часы...

Но только когда самолеты скрылись, будто растаяли в бездонном небе, механик оттолкнулся от утеса, спустился в утробу катера и запустил мотор. Теперь катер шел, прижимаясь еще ближе к берегу.

И вот уже показался дачный пригород Одессы. Сначала домики лепились к берегу поодиночке, но вскоре они пошли более густо. Берег становился круче и выше. Но нигде не было видно ни живой души. Крутая волна, отброшенная катером, стелилась на пустынный пляж.

Незаметно начался город. Катер оторвался от берега и пошел мористее, а когда впереди открылась очерченная молом одесская бухта, он взял курс прямо на город.

— Я высажу вас на служебном причале! — крикнул штурвальный.

Шрагин кивнул.

Когда до причала оставалось шагов двести, Шрагин увидел там целую толпу немцев. Они стояли возле старой шаланды, с которой на берег сходили какие-то люди. Их обыскивали и строили в шеренгу, перед которой прохаживался высокий гестаповец в черном мундире.

— Не бойтесь, держитесь независимо, — шепнул Лиле Шрагин.

Катер пришвартовался рядом с шаландой, и тотчас к нему подбежал немецкий офицер.

— Кто такие? — кричал он, тараща глаза.

— Потерпите минутку, и мы вам представимся, — спокойно отозвался Шрагин, помогая Лиле сойти на берег. Он неторопливо достал из кармана свои командировочные документы и молча протянул их подошедшему гестаповцу. Но тот читать их не стал, сунул небрежно в карман и приказал солдатам:

— К майору Крафту!

Солдат сделал выразительное движение висевшим у него на груди автоматом. Шрагин взял под руку Лилю, и они пошли впереди солдата.

— Что случилось? Почему? — шепотом спросила Лиля; лицо у нее стало совсем белое, как бумага.

— Сейчас узнаем, не бойтесь, — сказал ей Шрагин и крепче сжал ее локоть.

Он понял, что возмущаться и спорить на причале бессмысленно. Тут действует безотказная машина, и управляет ею совсем не тот гестаповец, который взял документы, он их даже не посмотрел. По документам Шрагин был инженер-инспектор при адмирале Бодеккере, который посылал его в Одессу со специальным служебным поручением. Отдельный документ говорил, что инженер-инспектора сопровождает его жена, которая едет в Одессу показаться специалисту по легочным болезням. К этому документу прилагалась справка о болезни Лили, подписанная начальником медицинской службы восемнадцатой армии. Эту справку дал доктор Лангман. Документы были очень надежные. И все же Шрагин немного тревожился.

Их привели к небольшому дому из белого камня, где у входа стоял часовой. Солдат ввел их в тесную комнатку, приказал стать к стене, а сам стал у двери. За дверью в следующей комнате слышались возбужденные мужские голоса. Дверь распахнулась, и на пороге показался рослый гестаповец в расстегнутом черном кителе. Он удивленно посмотрел на Шрагина, еще более удивленно на Лилю, застегнул китель. Затем он вопросительно посмотрел на солдата. Тот вытянулся, щелкнул каблуками, но не произнес ни звука. Гестаповец повернул назад и захлопнул дверь.

Прошло еще минут десять, и в ту же комнату прошел гестаповец, который на причале взял у Шрагина документы. Вскоре он выглянул из двери:

— Пройдите.

В комнате было четыре человека. Тот, который выходил в расстегнутом кителе, сидел за столом. Очевидно, он был главный, в его руках Шрагин увидел свои документы.

— Вы говорите по-немецки? — обратился к Шрагину гестаповец.

— Да, но когда со мной разговаривают, — ответил Шрагин и с усмешкой посмотрел на гестаповца, отобравшего у него документы.

— В его обязанности не входит разговаривать, — улыб-

нулся главный и деловито спросил: — Вам, вероятно, нужен номер в отеле?

— Я надеюсь, что об этом позаботился начальник порта господин Нельке, — ответил Шрагин.

Главный гестаповец набрал номер телефона.

— Господин Нельке? Здесь Вилли Крафт. Вы ждете кого-нибудь от адмирала Бодеккера?.. Ах, он где-то пропал?.. — гестаповец подмигнул Шрагину. — Так вот, мы позаботились, чтобы этого не произошло. Пришлите машину и отвезите своих гостей в отель. Торопитесь, у меня дела. — Гестаповец положил трубку. — Все в порядке, — обратился он к Шрагину. — Прошу не обижаться, такая уж у нас работа. Извините, мадам, — гестаповец поклонился Лиле. — Должен заметить, мадам, что с вашей прелестной внешностью болеть просто неразумно...

Лиля механически улыбнулась.

За ними приехал сам начальник порта Нельке. Это был совсем молодой человек, наверное, ровесник Шрагина. У него было холеное красивое лицо, статная спортивная фигура, от него веяло благополучием и легкомыслием.

— Везу вас в девятнадцатый век, — весело говорил он по дороге в отель. — Просто удивительно, как русским в этом безвестном миру городе удалось сохранить отель из французской провинции времен Бальзака.

— Нам нужны две комнаты, — сказал Шрагин и, заметив удивление Нельке, пояснил: — Жена больна, ей нужно рано ложиться спать, а у меня могут быть поздние служебные дела.

— Будут две комнаты! — воскликнул Нельке так радостно, будто для него было большим счастьем выполнить эту просьбу гостей.

Им предоставили две большие смежные комнаты. Лиля хотела уйти к себе отдохнуть, но Нельке горячо запротестовал.

— Это ужасно! Это невыносимо! Внизу уже накрыт стол, и вас ждут, — говорил он с таким умоляющим видом, что Лиля обещала спуститься в ресторан чуть позже.

Стол был накрыт в отдельном кабинете, и действительно там, кроме Нельке, ждали еще четыре человека — все в штатском. Начальник порта представил их Шрагину. Двое оказались инженерами какой-то румынской строительной фирмы.

— Доктор Хакус, имперский банк, — чуть поклонясь, сказал о себе третий. У него была могучая фигура борца и удлиненное, лошадиное лицо.

Четвертый буркнул свою фамилию так, что ее нельзя было разобрать, и принялся ощупывать Шрагина маленькими цепкими глазами.

Тотчас начался обед, причем совсем русский обед, даже с супом. И конечно, икра, водка, тосты и беспорядочные разговоры. Шрагин прекрасно понимал, что он совсем не та фигура, ради которой устраивался бы такой обед. Но в чем же тогда дело? Что за всем этим стоит? Одно блюдо сменяло другое, водку сменило вино, но за столом по-прежнему ни слова о деле. А когда пришла Лиля, все еще больше оживились. И начались тосты.

— За семью!

— За жен! — кричал Нельке, подняв бокал с вином и, обращаясь к Лиле, торжественно произнес: — За вас, в которой мы видим своих далеких и любимых жен.

Обед закончился, и Нельке подал Лиле руку.

— А теперь отдых, отдых... — и, повернувшись к Шрагину: — Все дела — завтра.

Шрагин и Лиля поднялись к себе. Лиля устало опустилась в кресло. И тотчас зазвонил телефон. Шрагин взял трубку и услышал голос доктора Лангмана:

— Не удивляйтесь, господин Шрагин, и не делайте ненужных предположений, — сказал он. — Просто у меня тоже дела в Одессе, и заодно я решил помочь вашей жене поскорее попасть на прием к профессору. У меня машина, и я могу сейчас за ней заехать.

К удивлению и радости Шрагина, Лиля сослалась на усталость и, поблагодарив Лангмана за внимание, попросила его не беспокоиться. Она сама найдет профессора. Положив трубку, она ничего не сказала и ушла в свою комнату.

— Я часок погуляю, — сказал ей вслед Шрагин.

Глава 41

Шрагин решил пройтись по городу, выяснить, нет ли за ним слежки, и если нет — сейчас же сходить по явочному адресу, который он получил еще в Москве. Это было рискованным шагом — идти на явочную квартиру спустя год. Мало ли что могло случиться за это время! Но идти было нужно. Если квартира в порядке, он получит связь с одесским подпольем, а может, и с действующей здесь оперативной группой чекистов. И в конце концов это, и только это, было его главным делом в Одессе.

Сначала он постоял у подъезда гостиницы, не без удив-

ления наблюдая безмятежную жизнь улицы. Смуглолицый чистильщик сапог, колотя щетками об ящик, сыпал прибаутки, зазывая клиентов. По тротуару и на бульваре фланировали люди, и не только военные. Где-то поблизости захлебывались скрипки румынского оркестра. В спокойном голубом небе сияло катившееся к горизонту солнце. И море под ним тоже сияло.

Шрагин пошел по аллее Приморского парка и вышел к знаменитой лестнице, увековеченной в фильме «Броненосец «Потемкин». Присев там на скамейку, он любовался предвечерней панорамой порта. Слежки не было. Пока не стемнело, он проверил это еще и еще. И тогда направился к явочной квартире.

Это был двухэтажный дом, низ — каменный, верх — деревянный. Вход со двора. По гремучей железной лестнице Шрагин поднялся на второй этаж и остановился перед дверью с табличкой «кв. 3». Над верхней дверной притолокой в стене торчал гвоздь с кусочком проволоки — это был условный знак, что явочная квартира в порядке.

Он постучал в дверь два раза сильно и два раза потише. Прошло минут пять, прежде чем дверь открылась и Шрагин увидел обросшего сивой щетиной мужчину в красной майке и пижамных полосатых штанах.

— Вам кого? — хрипло спросил мужчина.

— Простите, пожалуйста, но я хотел бы узнать, когда вернется Елизавета Петровна? — негромко произнес Шрагин условную фразу.

На лице у мужчины возникла целая гамма переживаний: испуг, удивление, недоверие.

— Елизавета Петровна возвращается сегодня, вы можете ее... подождать... — запинаясь, произнес он, наконец, ответную фразу пароля.

Они прошли в маленькую захламленную комнату, в которой стояла смятая, неубранная постель, единственный стул и стол, на котором лежали книги и остатки еды. Книги лежали и на подоконнике и на полу возле кровати. Шрагин помнил, что хозяин квартиры должен быть не то журналистом, не то редактором, а может быть, даже писателем. Москва тогда точных сведений о нем не имела.

— Давайте знакомиться, — улыбнулся Шрагин, протягивая руку хозяину квартиры. — Игорь Николаевич.

— Здравствуйте, Игорь Николаевич, — пробормотал он, пожимая руку Шрагина своей холодной рукой. — А я... меня зовут... Алексей Михайлович. Вы садитесь, пожалуйста.

Вот сюда... — он пододвинул Шрагину стул, а сам сел на кровать.

— Ну, как у вас идут дела? — спросил Шрагин.

— Какие там дела... — вяло сказал Алексей Михайлович. — Никаких дел я не знаю. — Он ловким и привычным движением выхватил из-под кровати бутылку с румынской водкой — цуйкой и поставил ее на стол. — Не хотите?.. Для бодрости.

— Спасибо, от глотка не откажусь, — заставил себя улыбнуться Шрагин. Ему хотелось поскорее, любым способом установить контакт с этим человеком, хотя все в этой комнате и сам этот человек вызывали у него тревогу.

Они выпили за встречу, выпили по очереди из одного захватанного, мутного стакана.

Алексей Михайлович тут же снова налил в стакан водку и пододвинул его Шрагину.

— Я пас, — отказался Шрагин.

— А я приму... для бодрости... — Алексей Михайлович изобразил подобие улыбки и одним глотком осушил стакан. Он поперхнулся и, прикрыв рот ладонью, сказал: — Будь оно неладно все это... — и тут же протянул руку к бутылке, но Шрагин отставил ее.

Алексей Михайлович растерянно посмотрел на него и вдруг заговорил быстро, обиженно:

— О какой работе вы спрашиваете? Какая работа? Меня же как оставили здесь? Я беспартийный, тихо работал корректором в многотиражке. А меня почему-то вызывают в НКВД и говорят: «Останетесь в городе. Постарайтесь устроиться к немцам в газету. Это, — говорят, — приказ Родины, и отказываться нельзя, а когда потребуется — к вам придет человек». Я и остался. В газете-то у немцев я служу. Как и прежде, корректором. Не подличаю, конечно, но жалованье от них имею, на цуйку хватает. А человек обещанный так и не появился. Вот вам и вся моя работа.

— А вам тогда, в НКВД, никаких адресов не дали? — спросил Шрагин.

— Как же, дали, дали, целых два, — закивал он головой. — Прихожу по одному, говорю пароль: «Я от Ивана Ивановича. У вас продается швейная машина?» А в ответ на меня таращат глаза: «Какая машина? Какой Иван Иваныч? Вы, — говорят, — чего-то напутали...» Я стал спорить: мол, ничего я не напутал. Тогда меня просто шуганули по матери. По второму адресу я и вовсе не пошел, одного хватит.

— Дайте мне второй адрес.

— Ради бога: Южная улица, двадцать семь, квартира пять.

— Какой пароль?

— Да тот же — про машинку, только не от Ивана Иваныча, а от Ивана Петровича.

— Ответ?

— «Иван Петрович предупредил вас, что машинка требует ремонта? Посмотрите ее сами».

«Да, гвоздь с проволочкой на месте, а больше-то ничего нет...» — думал Шрагин.

— Вы не думайте, я не гад какой-нибудь, — нарушил молчание Алексей Михайлович. — Вы дайте мне задание, так я с радостью. Оставался-то я вслепую, но за год такого тут насмотрелся... Я ведь сам пробовал. Вычитывал однажды газетную полосу, гляжу — фраза: «Честный труд во имя великой Германии», и — в слове «труд» опечатка: вместо «д» стоит «п». Так я не выправил, газета так и вышла: «честный труп во имя великой Германии». Ну и что? Никто этого даже не заметил. Бумага — рвань, печать слепая... — Он помолчал и продолжал с непонятной улыбкой: — Да, Игорь Николаевич, не так мы все это представляли, не так...

— Вы по себе, Алексей Михайлович, не мерьте, — миролюбиво заметил Шрагин. — От того, что совершают у вас люди, сидящие в катакомбах, у гитлеровцев мороз по коже.

Алексей Михайлович поднял голову, и в глазах его Шрагин увидел обиду.

— Зачем вы так, Игорь Николаевич? — тихо спросил он печальным голосом. — Я же ничем себя еще не запоганил, а если я эту цуйку пью, так куда же мне деться? — Помолчав, он спросил все так же печально: — Так что же, я вам действительно нужен?

— В данном состоянии — нет, — ответил Шрагин. — Могу вам только посоветовать: возьмите себя в руки и поймите — однажды вам придется ответить на вопрос, что вы делали для своего народа, когда он обливался кровью. Ловили опечатки в дерьме, пили цуйку, что еще? Что еще, Алексей Михайлович? Подумайте об этом, пока не поздно...

Когда Шрагин вышел на улицу, было уже темно. Надо было обдумать, идти ли по явочному адресу, который он сейчас получил? Надо идти. Надо. Малейшую возможность установить связь с местным подпольем он обязан использовать.

Именно обязан...

Глава 42

Шрагин уже понял, почему начальник одесского порта Нельке встретил его с такой предупредительностью. Его втягивали в грандиозную аферу, план которой был, однако, совсем несложным. Нельке представит в Берлин данные о том, что порт нуждается в большом ремонте. Представитель немецкой городской администрации (он присутствовал на обеде) подтвердит данные Нельке. Ремонт брала на себя румынская строительная фирма. (Два ее представителя тоже сидели тогда за обеденным столом.) Ремонтные работы будут произведены на копейки — для виду, а вся огромная сумма, ассигнованная на ремонт, делится между участниками аферы. Шрагин тоже получает довольно крупный куш. За это от него требуется только одно — добиться, чтобы после его доклада о поездке в Одессу адмирал Бодеккер послал в Берлин шифровку, поддерживающую необходимость ремонта.

— Вы же абсолютно ничем не рискуете, — уговаривал его Нельке, когда они на другой день после осмотра порта вдвоем обедали в ресторане гостиницы. — Допустим даже, что наш план провалится, тогда вы скажете, что вы такая же жертва обмана с нашей стороны, как и все берлинское начальство. Мы можем обойтись и без вашей помощи, но все же шифровка Бодеккера хорошо сцементирует все это дело. Вы понимаете меня? — Нельке в упор смотрел на Шрагина своими красивыми веселыми глазами.

— Я все понимаю, — улыбнулся Шрагин. — Но дайте мне подумать.

— Сколько вы будете думать?

— Пять минут.

— Тогда я пойду позвоню по телефону и через пять минут вернусь.

Нельке ушел.

Шрагин мгновенно принял решение. Он не считал, что все это провокация, подстроенная специально против него, но на всякий случай нашел нужным предусмотреть и такой вариант. Он вырвал листок из блокнота и написал на нем:

«Иду на предложенную Нельке аферу, чтобы впоследствии ее разоблачить». Записку он засунул в ботинок под ступню. В случае чего он ее предъявит в оправдание своих действий.

Вернулся Нельке.

— Ну? — весело спросил он.

— Я с вами, — так же весело ответил Шрагин.

— Я не ошибся, вы — человек дела! — воскликнул Нель-

ке и долго тряс руку Шрагина. — За обед уже уплачено. Мне надо мчаться в порт. Вот здесь, у моего стула, портфель. Возьмите его, там половина вашего гонорара, остальное — после шифровки Бодеккера.

Нельке крепко пожал руку Шрагина, поблагодарил его и спросил, сколько он еще собирается пробыть в Одессе. Шрагин сказал, что Бодеккер поручил ему помочь наладить какие-то дела администрации с местными рабочими порта.

— Считайте, что все это налажено! — воскликнул Нельке и весело продолжал: — Все дело в том, что мы добивались именно вашего приезда. Видите, как крепко у нас поставлено дело. Мы провели разведку в лагере вашего адмирала и установили всех из его окружения, с кем он считается. Затем мы выбрали вас и придумали посильную только вам проблему отношений с местными рабочими. Вот и все. Ловко спланировано?

— Ничего не скажешь, — улыбнулся Шрагин. — Тогда я в Одессе пробуду еще дня два, для виду, так сказать, да и жена за это время устроит свои дела.

— Прекрасно. За гостиницу уплачено, а на все остальное денег у вас хватит, — веселился Нельке, показывая на портфель. — Когда вы решите возвращаться, позвоните мне насчет машины. До свидания, коллега, сердечный привет вашей обаятельной супруге...

Лили в номере не было, она еще утром отправилась к профессору. Шрагин решил дождаться ее и по телефону заказал для нее обед.

Лиля пришла подавленная, растерянная. Профессор подтвердил, что у нее в легких очаг, и хотя он небольшой, но находится в активном состоянии. Необходимо усиленное питание, полный покой, а лучше всего — поехать в специальный санаторий. Лиля заплакала, ушла в свою комнату и лежала там ничком на постели.

— Успокойтесь, я сделаю для вас все, что смогу, — утешал ее Шрагин. — Я напишу рапорт адмиралу Бодеккеру. И доктор Лангман, ведь он...

— Ни в коем случае! — возмущенно прервала его Лиля. — Не знаю, как вы, а я рада, что до сих пор ничем ему не обязана.

— Я тоже этому рад, — успокаивал ее Шрагин. — И думаю, что адмирал для меня все сделает.

Верная своему характеру, Лиля вскоре успокоилась, а узнав, что Шрагину нужно пробыть в Одессе еще два дня, вдруг сказала:

— Я уеду сегодня с Лангманом. Мне здесь очень тоскливо.

— У вас на неделе семь пятниц, — усмехнулся Шрагин.

— Эта услуга его не велика, — сказала Лиля.

— Вы уже виделись? — спросил Шрагин.

— Да, когда я была у профессора, он туда приехал. И кстати, он предложил устроить меня в какой-то знаменитый санаторий у них в Германии. Но я категорически отказалась...

В конце дня Лангман зашел за Лилей.

— Не беспокойтесь, я вожу машину отлично, — сказал он. — Кроме того, со мной едет еще мой врач...

До наступления сумерек Шрагин сходил в разведку по тому адресу, который он получил от Алексея Михайловича. На тихой улице он увидел утопающий в акациях маленький домик, производивший впечатление надежности, покоя и уюта. Шрагин твердо решил — как только стемнеет, он сюда придет.

В темноте та тихая улочка выглядела уже опасной: здесь в любом месте могла таиться невидимая засада. И домик тоже не казался погруженным в надежный покой. Он настороженно смотрел на улицу своими темными окнами. Целый час Шрагин, укрывшись в темноте, вел за ним наблюдение — ни звука, ни малейшего шевеления. Надо идти...

Шрагин наискось пересек улицу, поднялся на крыльцо домика и отрывисто постучал в дверь. Долго ничего не было слышно, потом что-то заскрипело за дверью, раздался лязг запора, и дверь приоткрылась.

— Вам кого? — спросил из щели невидимый человек.

Шрагин сказал парольную фразу.

В ответ — молчание: секунда, другая, третья... Целая минута молчания, но дверь оставалась приоткрытой. Шрагин стиснул в кармане рукоятку пистолета. И в это время он услышал нужный ответ...

И вот он уже сидит за столом в маленькой душной комнатке, еле освещенной мерцающим огоньком коптилки. По другую сторону стола напротив него — плечистый мужчина в матросской тельняшке, с благообразным лицом Николая-угодника, с железными очками на носу. Шрагин уже знал, что его зовут Андрей Прокофьевич.

— Да, кинули вы мне под ноги гранатку... — пощипывая бородку, тихо говорил Андрей Прокофьевич. — Пароль-то

уже полгода, как изменен. Лежит под ногами граната, шипит, а что делать — не знаю. По всем законам я должен был послать вас к чертовой матери, а с другой стороны... — Он вынул из-за голенища нож и показал его Шрагину: — Вот на него я, на случай, и положился. А где же вы этот пароль получили?

Шрагин рассказал про Алексея Михайловича.

— Первичные кадры, — вздохнул Андрей Прокофьевич. — Мы только в январе узнали, что он оставлен, понаблюдали за ним, видим — пустое место, и решили — от греха подальше — пароль изменить.

Шрагину повезло отчаянно. Андрей Прокофьевич был активным участником подполья и имел возможность связать Шрагина с нужными людьми.

Два дня подряд Шрагин в условленный час приходил к памятнику Ришелье, ждал положенные двадцать минут и уходил. И только на третий день Андрей Прокофьевич пришел. Они направились в Приморский парк.

— Встретиться с вами не могут... пока... — сказал Андрей Прокофьевич. — Но если у вас есть какое-нибудь сообщение в Москву, можете передать через меня... в незашифрованном виде. Вы не обижайтесь, у них здорово поставлена конспирация.

— А у вас? — улыбнулся Шрагин.

— Сами видели, принял вас по старому паролю, — ответил Андрей Прокофьевич, будто оправдываясь. — Потери все время, каждый человек здесь у нас на вес золота. Тяжело дался нам первый год, ох, тяжело! — снова вздохнул он.

Шрагин слушал своего собеседника и в это время продумывал текст донесения в Москву, которое он теперь же должен передать Андрею Прокофьевичу. На первый раз он никаких сведений в донесение не включит. Он тоже обязан думать о конспирации. В конце концов он написал на клочке бумаги:

«Мой радист погиб. Связь потеряна. Подтвердите возможность использования данного канала связи. Остается острой необходимость радиста, взрывчатки. Грант».

Андрей Прокофьевич взял у Шрагина донесение и спрятал его за подкладку в рукав пиджака.

— Передам через четыре дня, — сказал он. — Раньше возможности нет.

Они распрощались, как давние хорошие друзья, и Шрагин ушел в гостиницу...

Вернувшись из поездки в Одессу, Шрагин, не заходя домой, поехал прямо на завод. С портфелем, набитым деньгами, он вошел в кабинет адмирала Бодеккера и по-военному отрапортовал о выполнении задания.

— Знаю, знаю, — адмирал вышел из-за стола. — Нельке мне уже позвонил и сообщил, как прекрасно вы справились со своими обязанностями. Садитесь. Ну, как там у них дела?

— Нельке, по-моему, прекрасный организатор и хорошо знает свое дело.

В ответ Бодеккер только хитро прищурил один глаз и ничего не сказал. Что могло это означать? То, что Шрагин задумал сделать, было очень рискованно, но если все сойдет так, как он рассчитывал, это, кроме всего прочего, еще больше укрепит его положение при адмирале. И все же он решил пока не торопиться и попытаться получше выяснить отношение адмирала к Нельке.

— Вы так смотрите, как будто сомневаетесь в чем-то? — спросил Шрагин.

— Вы сказали: «Нельке — прекрасный организатор»,— улыбнулся адмирал. Потом прибавил: — «Хорошо знает свое дело». Так вот, я бы подчеркнул слово «свое». Да, свое дело он знает отлично.

Шрагин удивленно и непонимающе смотрел на адмирала, ожидая, что он скажет еще. Бодеккер перестал улыбаться, переложил на столе какие-то бумаги и спросил сухо:

— Работы было много?

— Совсем наоборот. Если говорить откровенно, моя поездка туда была совсем не обязательна.

Теперь уже адмирал удивленно смотрел на Шрагина.

— Но Нельке опасался, что весь его местный персонал не сегодня-завтра объявит забастовку.

— Я не заметил там ничего похожего. Мне показывали объекты, требующие капитального ремонта, а об этом даже разговора не было.

— Вот как? — поднял брови адмирал и продолжал, будто размышляя вслух: — В высшей степени странно, что необходимость ремонта возникла спустя год после нормальной, а главное, совсем ненапряженной работы порта. Странно, очень странно...

— Но, может быть, необходимость ремонта возникла теперь из-за увеличения нагрузки? — предположил Шрагин.

— Ерунда! Какая нагрузка? В связи с усилением действий советской авиации морские перевозки сокращаются.

— Могли увеличиться каботажные перевозки.

Адмирал гневно посмотрел на него:

— У них уже есть проект ремонта?

— Я видел смету на миллион семьсот тысяч шестнадцать марок.

— Трогательно!

— Что трогательно?

— Трогательны эти шестнадцать марок, — пояснил адмирал и надолго замолчал. — Я не хотел бы говорить об этом, — нарушил он, наконец, молчание, с трудом заставляя себя говорить, — но вынужден... именно вынужден. Дело в том, что Нельке на флоте — человек случайный, и он... делец, причем в худшем понимании этого слова... Я прошу вас ответить мне честно: вы видели объекты, представленные к ремонту?

— Видел.

— Они действительно разрушены?

Шрагин молчал.

— Отвечайте! — строго потребовал адмирал.

— Я установил, что мое молчание стоит довольно дорого.

— Я вас не понимаю.

— Хотите знать, сколько стоит мое молчание? Извольте, — Шрагин поднял с пола портфель, расстегнул его и высыпал на стол кучу банкнот. — Это только половина цены. Вторую половину суммы я получу, когда добьюсь вашей поддержки планов Нельке.

— Я так и знал, — тихо произнес адмирал, грузно осев в кресле. — Сколько здесь?

— Не считал.

— Почему вы взяли деньги?

— Я еще не пользуюсь у вас таким доверием, чтобы в подобной ситуации не думать о вещественных доказательствах, — ответил Шрагин.

— Но каковы мерзавцы! — воскликнул адмирал. — Сейчас, когда Германии приходится напрягать все свои силы, когда фюрер в каждой речи призывает немцев выполнять до конца свой долг, эти гангстеры решили грабить Германию. Позор! — Адмирал с ненавистью взглянул на деньги и вызвал майора Каппа.

— Пусть узнает, чем занимаются мерзавцы в мундирах!

Майор Капп с первых же слов Шрагина понял, какая эффектная и многообещающая история попадает ему в руки. Он с плохо скрываемой радостью выслушал Шрагина и попросил сейчас же подробно написать обо всем, что произошло в Одессе.

— Вы, господин Шрагин, сделали огромное дело, — говорил Капп. — Ваша заслуга не будет забыта.

— Я представляю его к награде, — объявил адмирал...

Скандальное дело об афере в одесском порту хотя и не было предано широкой огласке, но стало известно очень многим. О нем был издан секретный приказ главного управления имперской безопасности, в котором сообщалось, что участники аферы подвергнуты беспощадному наказанию. В этом приказе превозносились заслуги майора Каппа, но о Шрагине и даже об адмирале Бодеккере не было ни слова. Никакого ордена Шрагин не получил, хотя адмирал свое слово сдержал и послал документы в Берлин. Шрагину выдали только денежную премию в размере трехмесячного оклада. А как только он получил канал связи с Москвой через Одессу, он передал туда сообщение обо всей этой истории, и она мгновенно стала достоянием советской, а потом и иностранной печати. Эта сенсация была тем более скандальной, что она совпала с публичным заявлением Гитлера о том, что теперь все немцы — от руководителей государства до последнего крестьянина — с неописуемым энтузиазмом отдают все, что имеют, своей армии и победе.

«Гитлера опровергают его же жулики» — так озаглавила сенсацию одна английская газета.

Но зато уж совсем непредусмотренным трофеем Шрагина в этой истории стала группа работников главного управления СД, которые были сняты с постов и отправлены на фронт. Им было предъявлено обвинение в разглашении одесского дела...

Глава 43

Релинк вылетел в Берлин получать орден. Он прекрасно понимал, что орден этот, что называется, очередной, а не за какие-то конкретные заслуги, и вызывают его только потому, что статут ордена требует вручения его в столице. Вскоре после победы над Францией ему довелось присутствовать на такой церемонии. Она происходила в актовом зале управления имперской безопасности в присутствии офицерского состава. Стены из черного дуба. Голубые офицерские мундиры. Ордена вручал Герман Геринг. Он был в белоснежном кителе. Поздравительные речи произносили элегантный густобровый Мартин Борман и, как всегда непроницаемый, Генрих Гиммлер. В заключение все пели «Хорст вессель», глядя на гигантский флаг со свастикой... Теперь Релинк ставил себя на место сча-

стливчиков, которые получали тогда ордена, и, конечно, волновался.

Релинк приготовил к поездке не только новый китель, но и подробный доклад о своей деятельности за последний год, и то, как будет принят доклад начальством, волновало его все-таки гораздо больше, чем церемония получения ордена.

В Берлине он покажет доклад прежде всего своему непосредственному шефу Отто Олендорфу и если получит его одобрение, тогда передаст доклад в секретариат рейхсминистра.

На всякий случай Релинк вез с собой два варианта доклада: один — более победоносный, другой — поскромнее — мало ли какие там, наверху, сегодня настроения?

В победоносном варианте доклада были такие выражения: «Мы сломили сопротивление города...», «Организованные действия подполья уже в прошлом...», «Перед нами остались лишь разрозненные одиночки...» В более скромном варианте доклада таких категорических утверждений уже не было, но перечисленные конкретные факты деятельности СД убедительно показывали, что за год сделано немало.

И вот на служебном самолете штаба восемнадцатой армии Релинк отбыл в Берлин. Когда самолет приближался ко Львову, он был обстрелян из леса партизанами. Крупнокалиберная пуля вывела из строя один из двух моторов. Самолет стал быстро терять высоту и снова был обстрелян с земли. Один из летчиков был ранен, а офицер, фельдъегерь штаба восемнадцатой армии, убит. После первого обстрела, обернувшись с переднего кресла, фельдъегерь сказал что-то Релинку, и тот согласно кивнул, хотя из-за шума моторов ничего не расслышал.

А после второго обстрела Релинк сам наклонился к фельдъегерю и прокричал:

— Неужели нельзя навести здесь порядок?!

Но тот не повернулся — он был мертв.

Релинк узнал об этом только во Львове, когда самолет совершил неуклюжую посадку и от тряски тело офицера свалилось на пол. Релинка напугала не только смерть сидевшего рядом с ним человека, но и равнодушие, с каким на Львовском аэродроме отнеслись к случившемуся, и то, как раненный в руку летчик, смотря на убитого офицера, сказал с мрачной насмешкой:

— Ему уже лучше, чем нам, не так ли?

Пока ремонтировали самолет, Релинк бродил по аэродрому, уже стыдясь своего страха и предвкушая, как он бу-

дет рассказывать берлинским чиновникам об этом эпизоде: «Он сидел рядом со мной, буквально рядом...»

Но ему не пришлось рассказывать про это. В управлении имперской безопасности подобные истории никого не интересовали. Более того, Релинк обнаружил, что и сам он и его доклад тоже никого не интересуют. Когда он вошел в кабинет Олендорфа, тот даже не сразу его узнал, а потом холодно предупредил, что очень занят. Релинк отдал ему скромный вариант доклада, тот, не читая, сунул его в стол и спросил отчужденно:

— Ну, как дела?

— Разные, — растерянно начал Релинк.

— Очевидно, вы работаете неплохо, — снисходительно сказал Олендорф. — Генерал Штромм заявил, что ему там у вас нечего делать, и благодаря этому он уже приземлился здесь.

— Мне будет не хватать его опыта, — лицемерно сказал Релинк, жалея, что вручил не тот вариант доклада.

— Я уверен, вы справитесь, — сказал Олендорф, глядя на часы.

— Вы не знаете, когда мне вручат орден? — спросил Релинк. — Я бы не хотел задерживаться в Берлине.

— Какой орден? — удивился Олендорф и сразу вспомнил: — Ах да, один момент. — Он набрал номер телефона и сказал: — У меня находится Релинк. Да, да, тот самый. Он не хотел бы задерживаться в Берлине, а ему должны вручить орден по годовому приказу рейхсминистра. Хорошо, я пришлю его к вам. — Олендорф положил трубку и сказал вставая: — Идите в управление кадров, начальник ждет вас. Все-таки дня два я на вашем месте пробыл бы в Берлине, подышал его воздухом... — Держа Релинка за руку, он подталкивал его к двери. — Перед отъездом зайдите ко мне, договорились?

Релинк вышел в сумрачный коридор и долго стоял, потрясенный сознанием своей незначительности и ненужности.

Дежурный офицер провел Релинка в кабинет заместителя начальника управления кадров. У самого начальника шло какое-то важное совещание.

Молодой шарообразный полковник встретил Релинка с четко отработанной почтительностью. Он выкатился из-за стола, улыбаясь всем своим круглым отечным лицом:

— Здравствуйте, здравствуйте! Прекрасно, прекрасно! Растет наша когорта славных, растет, — сыпал он слова, как горох, высоким голосом, смотря на Релинка серыми

равнодушными глазами, пронизанными кровяными жилками. Потом он пошел к сейфу, достал оттуда коробочку, вернулся к столу и нажал кнопку звонка. Тотчас в кабинет вошел молодой человек с белым мертвым лицом, в офицерском кителе без знаков различия. В руках у него был фотоаппарат с блицлампой. Он стал спиной к окну и поднял аппарат к глазам.

— Пожалуйста, сюда, — показал полковник на стоптанное место ковра. Он вынул из коробочки орден и пальцем прижал его к груди Релинка. Блеснула блицлампа. Полковник сунул коробочку и орден в карман кителя Релинка и протянул руку: — Поздравляю, поздравляю, — и снова блеснула блицлампа.

Фотограф вышел из кабинета. Полковник сел за свой стол. Вошел дежурный офицер. Он вручил Релинку пухлый конверт.

— Это положенная к ордену денежная награда от рейхсминистра, — официально произнес он. — В отеле «Адлон» вам отведена комната номер тридцать девять, талоны на питание получите у портье.

— Желаю хорошо повеселиться, — сказал полковник.

Дежурный офицер элегантным жестом показал Релинку на дверь...

Релинк медленно шел по коридору. Мимо него пробегали деловито озабоченные и очень значительные офицеры, исчезавшие за многочисленными дверями. Здесь шла работа, к которой он не имел никакого отношения. И вероятно, то, что он делал, тоже никому здесь не было нужно. Он чувствовал себя раздавленным, усталым.

И вдруг он испугался того, что свободен от всяких дел. Чем заняться?

Он отыскал в записной книжке телефоны двух своих друзей по офицерской школе. Телефоны не отвечали. И тут Релинк вспомнил, что генерал Штромм, переезжая в Берлин, оставил ему свой здешний телефон, и позвонил ему из комнаты дежурного офицера.

— Здесь Штромм, — услышал он знакомый голос.

— А здесь Релинк.

— О, вы в Берлине? Где остановились?

— Отель «Адлон», комната тридцать девять. Я хотел бы вас видеть.

— Вечер свободный?

— Абсолютно, и есть куча денег.

— Ждите меня в двадцать один ноль-ноль.

Глава 44

Вечером Релинк и генерал Штромм сидели в аляповато-роскошном ресторане отеля.

— Почти как в Париже, помните? — спросил генерал Штромм.

Релинк не ответил. Нет, это не было похоже на Париж, а главное, совсем не похоже на то, что он видел здесь раньше.

Они уже начали вторую бутылку коньяку, но разговор, который нужен был Релинку, пока не получался.

— Надеюсь, вы довольны моим бегством от вас, хо-хо? — против своего обыкновения громыхать басом тихо говорил Штромм. — Признайтесь, мое присутствие там действовало вам на нервы.

— Нисколько, — ответил Релинк. — Я всегда нуждался в вашем опыте и авторитете.

— Врете, вы боялись меня, — заявил Штромм, но не категорически и наступательно, как всегда, а как-то безразлично. — Но вы мне давно нравитесь, Релинк. Я бы с удовольствием перетащил вас в Берлин. Я уже не гаффеноберст, хо-хо, я начальник отдела в имперском управлении. Не шутите, хо-хо!

— Перетащите, сделайте одолжение, — шутливо поклянчил Релинк.

— Пока не могу, хо-хо! Я же удрал от вас с мотивировкой, что вы там не нуждаетесь в опеке.

Релинк натянуто улыбнулся. Конечно, после всего, что он пережил в Берлине за один этот день, для него было бы счастьем вырваться из далекого русского города, а значит, и из своей неопределенности или даже ненужности. Но он не верил Штромму и к его словам серьезно относиться не мог. Сейчас его интересовало другое. Он очень ясно чувствовал, что в Берлине все изменилось; будто за год, пока он не был здесь, случилось нечто, чего он не знает...

— Гораздо хуже, что у нас начинают сдавать нервы, — сказал Штромм.

— Разве есть от чего?

Штромм взглянул на Релинка насмешливо:

— А у вас не сдают?

— Пока не замечал.

— Поздравляю вас, — наклонил голову Штромм. Он налил себе коньяку, выпил. — Берлину позарез нужны люди с крепкими нервами. Я доложу о вас фюреру...

— Мои нервы в распоряжении рейха, — подхватил шутку Релинк.

— Нет, Релинк, — покачал головой Штромм. — Берлину действительно нужны люди с крепкими нервами, но не с такими крепкими, как у вас, а то сам рейхсминистр рядом с вами будет выглядеть неврастеником... — генерал Штромм придвинулся к Релинку вплотную. — Неужели вы не понимаете, что господа военные подвели нас, всех нас: фюрера, вас, меня, всех, кто доверил им войну? Мы с вами — верная гвардия фюрера — взяли на себя самую тяжкую работу, а эти лощеные что? Фюрер дал им все: катаются в «мерседесах», адъютанты открывают дверцы, со всех сторон орденами обвешаны, а оказалось-то, что кишка у них тонка.

— А вы не преувеличиваете? Намеченный прорыв к Волге с отсечением Москвы от юга и Сибири...

— Вот, вот! — перебил его Штромм злорадным шепотом. — Они всех втянули в эту игру: на стене — карта, радио передает сводки главного командования, а вы втыкаете флажки. Но вы же не знаете, что, вкалывая булавки в карту, вы стоите по колено в крови, в немецкой крови, Релинк! — генерал нервным движением руки расстегнул карман кителя, вытащил оттуда бумажку и, бережно развернув ее, положил перед Релинком. — Читайте.

Это было стандартное извещение о героической гибели во имя победы на русском фронте Вилли Штромма.

— Для этого я растил сына, да? — шепотом спросил генерал.

Они долго молчали. Релинку было жутко. Все, что он услышал от генерала, он уже слышал и раньше, и вообще в их среде недоверие к высокопоставленным генералам было традиционным. Но сейчас впервые он почувствовал, что за этим недоверием стоит нечто определенное, — может быть, уже непоправимое несчастье.

— Вот, дорогой мой Релинк, куда завели нас «мерседесы» и белые перчатки, — сказал Штромм. Он уже взял себя в руки и был совершенно трезв. — Я же видел, вы бьетесь там, в своей дыре, как истинный солдат нашей гвардии. Я это искренне говорю, но я видел также, как все ваши усилия уходят в песок. Вы наносите удар вперед, а в это время вас бьют в спину. И знаете, почему нет конца вашей драке? Да потому, что и русские уже понимают, что мы завязли в болоте. Попомните мое слово, вам будет еще хуже...

В это время джаз оборвал музыку, и офицер громко объявил с эстрады:

— Внимание! Внимание! В городе объявлена воздушная тревога, просьба пройти в бункер.

В ответ раздались насмешливые выкрики, хохот, свист. Официанты заметались по залу с белыми листиками счетов.

Несколько человек уже шли к выходу. Поднялся и Штромм.

— Проводите меня...

Перед отъездом Релинка принял Отто Олендорф.

Олендорф прочел его доклад и целиком одобрил его.

— Вы очень правильно пишете о видоизменении сопротивления, — сказал он. — Мне показалось только, что вы не определили до конца природу этого нового в тактике нашего врага. Она отражает общее положение нашей борьбы во всем ее, я бы сказал, всемирном масштабе. Мы вступили в фазу затяжной и очень тяжелой борьбы; это состязание на выносливость всех сил и нервов в том числе. Сейчас не время выяснять, что привело нас к этому...

— Я вижу свою задачу в одном, — сказал Релинк, почувствовав, что Олендорф ждет от него ответа. — Уничтожать врага беспощадно, умело, каждый день.

— Именно так, Релинк! — ответил Олендорф. — Но я особенно подчеркнул бы ваше слово «умело»! А главную, всеобъемлющую задачу вы прекрасно сформулировали сами — уничтожение. — Олендорф поднял палец. — Но — умело, Релинк. И последнее: я представил вас к повышению в звании, а затем буду ставить вопрос об утверждении вас начальником СД города.

— Спасибо, — скромно, с достоинством произнес Релинк.

— Преданность и умение Берлин видит и ценит. — Олендорф встал и своим знаменитым красивым движением поднял руку. — Хайль Гитлер!

Релинк вскочил и тоже выбросил руку.

— Хайль Гитлер!

В эту минуту все как будто стало на свои места, но — как будто и только в эту минуту...

Глава 45

Никогда не было так плохо, как в это второе лето войны. Нет связи с Москвой. Ничего не известно о Харченко. Ушедшие к партизанам товарищи вторую неделю ничего не сообщают. Оставшиеся в городе Федорчук и Величко по очереди ежедневно проверяли «почтовые» ящики, через которые могла прийти весточка, — они были пусты. Гестаповцы продолжали

свирепствовать. Последнее время даже Шрагин с его документами на улице чувствовал себя неуверенно: ищейки СД хватали кого попало. На днях они арестовали даже немецкого инженера, — им, видите ли, показалось подозрительным, что инженер вечером слишком медленно шел по улице. Адмиралу Бодеккеру пришлось ехать к Релинку выручать своего инженера.

Понесшее большие потери подполье действовало разрозненно, со многими подпольщиками была потеряна связь. И все-таки борьба патриотов продолжалась. Но иногда нельзя было установить, кто действует. С недавнего времени в городе стали регулярно появляться рукописные листовки. По содержанию они были трогательно-наивными, но написаны с явно юношеским пылом. Чья это была работа — неизвестно. «В общем это работа наша», — говорил себе Шрагин и был прав. Конечно же, всех этих неизвестных патриотов позвали за собой боевые дела подполья и чекистской группы.

...Возле заводских ворот стояла легковая машина с шофером в гестаповской форме. На заводе явно что-то случилось, раз «черные» появились в такую рань. Шрагин, не заходя в заводоуправление, направился к стапелю, где ремонтировался минный тральщик. То, что происходило на этом объекте, очень его тревожило. По графику ремонт тральщика должны были закончить еще в прошлую субботу, но график давно был сорван. Несколько дней назад работавший в ремонтной бригаде Павел Ильич Снежко, улучив удобный момент, подошел к Шрагину.

— Неладно тут, Игорь Николаевич, бригада нарочно заваливает ремонт, — сказал он шепотом.

А позавчера сам адмирал Бодеккер, просматривая, как обычно, в конце дня сводку о ходе ремонтных работ, вдруг спросил у Шрагина, не кажется ли ему подозрительной затяжка ремонта тральщика. В общем вся эта история могла кончиться плохо, тем более что последние два дня возле тральщика вертелся майор Капп. Шрагин ничего предпринять не мог — ни он, ни руководители подполья не знали, кто организует этот саботаж. Последние дни Шрагин буквально не отходил от ремонтников, пресекая каждую неуклюжую попытку саботажа. Он рассчитывал, что организаторы саботажа поймут, наконец, что лезут на рожон, и станут действовать умнее и осторожнее. В конце концов этот объект не стоит того, что из-за него могло произойти.

Сейчас Шрагин еще издали увидел на причале толпу людей. Когда он подошел, рабочие расступились. На земле лежал Снежко. В спине у него торчал самодельный финский нож. Один гестаповец, сидя на корточках, осматривал труп. Другой — это был Релинк — разговаривал с адъютантом адмирала Пицем. Шрагин подошел к ним и, не здороваясь, спросил:

— Что тут случилось?

Релинк резко обернулся на его голос.

— А! Доброе утро, господин Шрагин. — На лице Релинка вспыхнула и тотчас погасла холодная улыбка. — Все ясней ясного — убит человек. Весь вопрос в том, кем и почему он убит.

Шрагин подозвал руководителя ремонтной бригады. Из толпы вышел низкорослый, сухонький, точно запеченный на солнце, мужчина лет пятидесяти.

— Доложите, как это произошло, — строго приказал Шрагин.

На лице бригадира появилось крайнее удивление.

— Как произошло, нам неведомо. Вчера после смены, когда мы все уходили, я позвал его... — бригадир кивнул на труп. — А он промолчал и остался на объекте. Это все видели... Я знал, что под конец смены у него шалил пневматический молоток, и подумал, что он остался его наладить. А сегодня к шести приходим, а он вот так лежит... И все его карманы вывернуты наизнанку...

Релинк, видимо, понял, что сказал бригадир, и обернулся к Шрагину:

— В общем все ясно — ограбление. Прикажите им работать.

В заводоуправлении из кабинета адмирала Релинк позвонил в СД и приказал прислать на завод медицинского эксперта. Положив трубку, он откинулся на спинку адмиральского кресла и бесцеремонно разглядывал сидевшего перед ним Шрагина.

— Ну, что вы скажете об этом?

— Могу только предположить. Этого Снежко очень не любили рабочие.

— За что? — спросил Релинк.

— Он им порядком насолил. Прошлой осенью он оказался косвенным виновником в потоплении подъемного крана.

— Я помню эту историю, — заметил Релинк.

— Недели две он был тогда под угрозой серьезного на-

казания, но потом выяснилось, что главный виновник — немецкий инженер, я уже не помню его фамилию, его тогда же отчислили с завода.

— Его фамилия Штуцер, — продемонстрировал Релинк свою безотказную память.

— Да, да, Штуцер. Так вот, когда угроза для Снежко миновала, он начал всячески выказывать свою преданность немецкой администрации. Но у русских есть хорошая пословица: «Заставь дурака богу молиться, он и лоб расшибет». Так и этот Снежко. Три дня назад на тральщике был адъютант адмирала Пиц. Снежко ему нашептал — а как он шептал, все видели, — что покраска палубных построек произведена без предварительной грунтовки. Пиц сообщил это мне, и я заставил рабочих в нескольких местах снять краску. Но грунтовка была сделана. Тогда я, знаете, подумал, не затеяно ли все это, чтобы затянуть ремонт, и буквально взял этого Снежко за горло. За покраску соскобленных мест рабочие, естественно, ничего не получили... Немного раньше Снежко сообщил майору Каппу, будто крановщик и трое рабочих хотели свалить кран с рельсов. Майор Капп остановил работы и целый день вел следствие. За этот день рабочие тоже не получили ни копейки, а подозрение не подтвердилось. Были и другие случаи.

Релинк выслушал Шрагина очень внимательно и даже несколько раз наклоном головы как бы выразил согласие с ним. Но потом сказал:

— Мне остается только добавить, что Снежко подозревал на тральщике саботаж и сигнализировал об этом. Более того, я считаю себя виновным в его смерти. Я очень занят и не смог оперативно отозваться на его сигнал. Но мне интересно: вы окончательно отказались от мысли о возможности саботажа?

— Я допускаю возможность саботажа, — спокойно ответил Шрагин. — Это постоянный и логический фактор, и, кстати, вы напрасно вините себя в смерти Снежко, — вы просто не в силах быть всюду, где может возникнуть опасность саботажа.

Релинк вынужден был проглотить это, по возможности не морщась, и он явно не сразу нашел, что ответить. И вдруг спросил:

— А разве вы не несете ответственность за организацию работ?

— По должности я лицо наблюдающее.

— А по совести?

Шрагин, смотря в глаза Релинку с открытой неприязнью, сказал:

— У вас есть основания подозревать, что моя совесть не чиста? Тогда этот разговор должен продолжаться в вашем служебном кабинете.

— Однако разговаривать с вами, не позавтракав, дело нелегкое. Вы же должны понимать, какая у меня должность. Я всегда, везде вместе со своей должностью, — улыбнулся Релинк...

Они простились, казалось, довольные друг другом. Но каждый из них долго и придирчиво вспоминал этот разговор.

Шрагин еще раз убедился, что Релинк очень опасный противник. На душе у него было тревожно, как у человека, который только что прошел по опасной горной тропе и еще ощущает холод пропасти.

Релинк после этого разговора испытывал к Шрагину только возросшее любопытство: перед ним был редчайший, если не единственный, экземпляр советского человека, которому, по всем данным, он должен был доверять без всякого сомнения. Но одновременно он не мог отказаться от чисто профессиональной привычки смотреть на Шрагина глазами следователя. У него, что называется, в крови было любимое выражение рейхсминистра Гиммлера: «По утрам мне хочется допросить самого себя». Да, Релинку очень хотелось бы допросить этого странного инженера, именно странного или, во всяком случае, единственного в своем роде. Послушная и четко организованная память подавала ему воспоминания о его первом разговоре со Шрагиным в том немецком доме с глупой хозяйкой-немкой. Тогда Шрагин очень убедительно объяснил природу своего поведения. В одесском деле он оказался правоверней немцев. И вот этого-то Релинк не мог допустить и тем более понять. Он решил немедленно дать приказ своему агенту Марии Любченко усилить наблюдение за Шрагиным.

Шрагин и Величко сидели на скамейке в прохладном сумраке церкви, возле аляповатой иконы, изображающей идущего по воде Христа.

— Напишите эту листовку сами, у меня нет времени, — говорил Шрагин. — Смысл такой: на заводе убит некто Снежко. Его смерть поучительна. Он остался в городе, считая, что, если не лезть в политику, можно жить в ладу и с оккупантами. В заботах о собственной шкуре он, как и следовало ожидать, стал предателем и попросту агентом геста-

по. Патриоты вынесли ему смертный приговор и привели его в исполнение. Вечный позор изменникам, вечная слава патриотам Родины! Понятно?

— Чего ж тут не понять, — отвечал Величко. — Одним гадом меньше — воздух стал чище.

Простившись с Величко, Шрагин сделал большой крюк по городу. Ему нужно было попасть на улицу, где на кирпичном заборе мог оказаться условный знак о том, что в город пришло сообщение от товарищей, ушедших к партизанам. Почти ежедневно Шрагин проходил здесь, но знака не было. А сейчас еще издали он увидел возле забора знакомую фигуру Григоренко. От предчувствия беды Шрагин невольно замедлил шаг.

Они поздоровались, как могли это сделать случайно встретившиеся знакомые, и медленно пошли вместе.

— С ночи стою тут вместо метки, до того дошел, Игорь Николаевич, бога молил, чтобы вы пришли... — нервно начал Григоренко.

С походом к партизанам ничего не вышло. К условному месту сбора, недалеко от лесной балки, где действовали партизаны, все добрались благополучно. Но сразу же попали в засаду. Карательный батальон СС и рота гражданской полиции со всех сторон блокировали партизанский район. Во всех селениях и на хуторах были устроены посты. Партизаны, заранее узнав о карательной экспедиции, покинули лесную балку и разошлись по своим деревням. И ни к одному из них нельзя было найти дорожку. Население деревень бдительно оберегало своих партизан. Учителя, который должен был связать чекистов с партизанами, на месте не оказалось — он тоже ушел от облавы и где-то скрывался. Григоренко и Демьянов рискнули заночевать в деревне, как им показалось, у вполне надежного человека, а он ночью привел в дом полицаев. Он, очевидно, принял их за полицейских шпиков и решил «выслужиться». Позже, когда он понял, что произошло, он пытался исправить дело, начал подтверждать все, что они ему говорили, и даже прибавлять к этому свои неуклюжие хитрости. Тогда полицаи заподозрили и его самого. Демьянов заявил полицаям, что он и Григоренко бежали из города, чтобы их не увезли в Германию. Очевидно, полицаи на этот случай имели какую-то инструкцию, потому что сразу же без всякого допроса отправили их обратно в город. Ночью они бежали. Григоренко четверо суток окольными путями шел в город. Что с Демьяновым, он не знал, во время побега они потеряли друг друга.

Вид у связного был плохой. Лицо осунулось, от былой его лихости и следа не осталось.

— Идите к Федорчуку, — приказал Шрагин. — Скажите, я приказал, чтобы он приютил вас на первое время. Приведите себя в порядок. Скажите ему, чтобы он по-прежнему следил за сигнализацией, но был очень внимателен. Есть опасность, что кто-нибудь вернется с хвостом наблюдения. Когда немного оправитесь, будете ходить на сигналы. Я с вами пока встречаться не буду. Все донесения — через почтовый ящик на кладбище.

— Ясно, Игорь Николаевич, — чуть пободрее сказал Григоренко.

Шрагин шел домой, погруженный в тревожное раздумье: что будет с его товарищами, когда все они вернутся в город? Положение у них будет еще более сложным, чем раньше: на прежние места работы им идти нельзя — как ответить на вопрос, где они пропадали, нарушив к тому же строжайший приказ, запрещающий покидать город без особого на это разрешения? А на улице их каждую минуту могут встретить прежние сослуживцы.

Нужно было найти какой-то выход. Шрагин остро чувствовал личную ответственность за судьбу каждого своего товарища.

Глава 46

Шрагин вышел с завода и сразу увидел Григоренко. Он стоял под дождем по ту сторону земляного кургана, некогда бывшего цветочной клумбой. Они встретились взглядами, и Григоренко медленно пошел к ближайшей улице.

— Федорчук просит вас немедленно прийти к нему, — тихо сказал Григоренко, когда Шрагин поравнялся с ним.

— Что случилось?

— Прибыл связной из Одессы.

— Буду через час...

Шрагин ускорил шаг и пошел дальше, а Григоренко свернул в переулок.

Считая положение Федорчука наиболее прочным, Шрагин оставил одесским товарищам его адрес, но последние дни он уже не верил, что этот адрес понадобится. Не замечая дождя, Шрагин энергично шагал по улицам города. Он зарезервировал себе час для того, чтобы прийти к Федорчуку, когда стемнеет, и чтобы продумать донесение в Москву — он уже был уверен, что его связь с Москвой через Одессу

налажена и что связной прибыл именно с этой радостной вестью.

Федорчук поджидал Шрагина у ворот своего дома.

— Странэньки курьерчик пожаловал, — сказал он, здороваясь.

— Чем?

— Сейчас увидите...

Они вошли в дом, и из-за стола навстречу Шрагину поднялся мальчуган лет шестнадцати. У него был вид беспризорника двадцатых годов: сбившиеся в комья грязные волосы, на плечах — пиджак, свисающий до колен, на ногах — подвязанные бечевкой опорки.

— Меня зовут Боря, — степенно сказал он сиплым голосом и тут же скороговоркой выпалил пароль, который Шрагин оставил одесскому подпольщику Андрею Прокофьевичу.

— Здравствуй, Боря, — Шрагин сжал жесткую ладошку мальчика. — Ну, рассказывай, с чем пришел.

— Ответный пароль, — строго потребовал Боря, высвобождая руку.

Шрагин сказал ответную фразу пароля, и тогда Боря успокоился:

— Так-то лучше будет...

Он вынул из драной подкладки пиджака спичечную коробку и отдал ее Шрагину:

— Там все, что надо...

И действительно, в спичечной коробке было все, что было нужно Шрагину, более того — в ней было все, о чем он мог только мечтать.

Прежде всего он прочитал шифровку из Москвы:

«Все, что вы просили, приготовлено, однако сброс, не обеспеченный оперативной связью или не сопровождаемый вашим человеком, не имеет смысла. Мы еще в мае имели радиосообщение из штаба 26-й дивизии о прибытии к ним вашего курьера, но вашего донесения мы не получили. Дивизия в те дни попала в окружение и была разбита. Судьба вашего курьера не известна. Пробуем организовать доставку вам необходимого с помощью одесских товарищей. Временно связь с нами также через них. Ждем ваших новых радиодонесений и отмечаем большую важность прежних. Очень необходимо знать, что теперь думают и говорят гитлеровцы о Сталинграде. Внимательно следите за их действиями в связи с Кавказским фронтом. Ваша семья шлет вам привет с Урала, у них все в порядке. По нашим сведениям, СД

по всему югу Украины проводит тотальный террор, будьте предельно осторожны в действиях группы и своих лично...»

Нетрудно догадаться, что значила для Шрагина эта шифровка и с каким волнением он ее читал. В это самое трудное время Москва встала рядом с ним.

В коробке была еще записка от Андрея Прокофьевича.

«Все, как видите, прояснилось, — писал он. — Податель сего будет постоянным связным. Передавайте ему ваши шифровки для Москвы. Паренек он трижды проверенный, надежный. Он будет приходить к вам два раза в месяц. Числа и прочие условия установите сами. Мы все желаем вам успехов...»

На этот раз Боря унес подробную шифровку Шрагина о положении группы, о том, что происходит в городе, и накопившиеся за время отсутствия связи разведывательные данные.

Боря запрятал спичечную коробку в недрах своего пиджака и сказал:

— Я пошел. Через двенадцать дней буду как часы.

Шрагин с Федорчуком не успели даже толком с ним попрощаться.

— Что Москва шлет? — осевшим голосом спросил Федорчук.

Шрагин прочитал ему шифровку. Федорчук слушал, склонив свою большую кудлатую голову над лежавшими на столе пудовыми кулаками, стиснутыми до белизны в суставах. Потом он долго молчал, справляясь с волнением, и, наконец, сказал негромко:

— Игорь Николаевич, дайте «добро» на мою операцию. Все уже налажено до последней мелочи.

— Расскажите.

И правда, все у него было тщательно продумано, выверено, подготовлено для диверсии на нефтебазе. С наступлением темноты он возьмет ведро и отправится к открытому резервуару с нефтью. Чтобы не вызвать подозрения у часовых, он каждый вечер ходил туда с этим ведром, принося в нем нефть для растопки печи в дежурке. Но на этот раз в ведре будут лежать три бутылки с противотанковой горючкой. К одной из бутылок присоединен бикфордов шнур, кольцами уложенный на дне ведра и прикрытый куском асбеста. Шнур сгорает ровно за девять минут. Федорчук подожжет шнур еще в дежурке и быстро пойдет к цели. Он оставит ведро на краю открытого резервуара и быстро вернется в дежурку. Взрыв первой бутылки подожжет остальные, разбросает го-

рящую жидкость. Сперва от нее вспыхнет нефть в открытом резервуаре, а затем, раздуваемый ветром, пожар неминуемо охватит всю территорию нефтехранилища, в том числе и гигантские закрытые баки с бензином.

Все было хорошо продумано, но все-таки Шрагин «добро» ему не дал. Ему показалось, что Федорчук, загоревшись идеей ответить Москве своей операцией, излишне этим взволнован и может допустить опасную в таком деле торопливость.

— Подождем, Александр Платонович, — сказал Шрагин и, видя, как вспыхнул Федорчук, добавил: — Давайте подгадаем ваше дело к Октябрьскому празднику. Договорились?

Федорчук молчал, было видно, что он не согласен.

Вернувшись домой, Шрагин с досадой вспомнил, что сегодня суббота, а это значит, что у Эммы Густавовны гости. А вот и сама она в присланном ей Аммельштейном ярко-зеленом кимоно, похожая на попугая с перебитыми крыльями.

— Как прекрасно, что вы пришли! — проворковала она. — Идите скорее к столу. Вилли прислал настоящие, самые настоящие сардины...

Вилли — это Аммельштейн.

В последнее время Эмма Густавовна непременно тащила Шрагина в гостиную. После того как генерал Штромм покинул город, ее приемы сильно поблекли. Высокопоставленных, вызывающих у нее трепет гостей обычно приводил генерал. Теперь гостей приводил доктор Лангман, и в застольных беседах образовался абсолютно не интересный Шрагину медицинский уклон. Дружба Лили с Лангманом продолжалась. Устроить ее в санаторий ему не удалось. Но он доставал ей какое-то редкое лекарство, и Лиля последнее время чувствовала себя значительно лучше.

На этот раз в гостиной, кроме Лангмана, были уже знакомые Шрагину начальник военного госпиталя Грейнер и окончательно помирившаяся с хозяйкой дома Любченко.

После ужина Лиля ушла к роялю, диван и кресло заняли Лангман, Грейнер и Эмма Густавовна, за столом остались вдвоем Шрагин и Любченко.

Когда Лиля начала играть, Любченко наклонилась к Шрагину и тихо сказала:

— Я прошу извинения за мою бестактность... тогда, — говорила она, не глядя на Шрагина и будто слушая музыку. — Но, рассчитывая на вашу порядочность, я хочу сказать вам, что я тогда была искренна. Я просто еще не знала толком, кто вы. А теперь Эмма мне все объяснила.

Шрагин молчал, смотря на играющую Лилю.

— Вы любите музыку? — спросила Любченко.

Шрагин еле заметно кивнул. В это время у него в душе звучала своя радостная музыка.

— А для меня в этой обстановке музыка нечто нереальное, но вместе с тем она зовет вернуться в человеческое состояние. — Послушав немного музыку, она спросила тихо: — Вы читали листовку про счет, который всем нам предъявят в свой час?

— У меня нет времени заниматься чтением этой литературы, — не взглянув на нее, ответил Шрагин.

— Мне эту листовку дал больной, — доверительно, будто не замечая тона Шрагина, продолжала Любченко. — Дал и говорит: «Вы, доктор, не беспокойтесь, за вас мы слово замолвим, когда наши придут...» — Любченко многозначительно посмотрела на Шрагина.

Шрагин молчал, напряженно обдумывая то, что слышал.

— А как хотелось бы стать полезной, если бы вы только знали! — продолжала Любченко. — Иду по больнице, вижу свободные койки и думаю: я могла бы на этих койках спрятать наших людей. Выписываю справку очередному больному, который уходит домой, и думаю: а я могла бы такую спасительную справку дать здоровому, которому она нужна гораздо больше, чем тому обреченному больному.

— Вот что, Мария Степановна... — прервал ее Шрагин. — Вы играете с огнем, и я очень рекомендую вам прекратить эту опасную для вас игру. Естественно, я не хочу, чтобы в моей семье из-за вас были неприятности. Поэтому я сейчас ничего не слышал. Понимаете? Однако я категорически требую в нашем доме эту муть не разводить. Иначе я все-таки приму меры, и тогда прошу на меня не пенять.

Любченко поднялась, сжав тонкие накрашенные губы, и, как в прошлый раз, не говоря ни слова, ушла.

Эмма Густавовна видела, что уходит ее подруга, но только потом, поняв, что она ушла совсем, обеспокоенная, подошла к Шрагину:

— Что у вас опять произошло?

— То же самое. — спокойно ответил Шрагин. — Эта ваша знакомая почему-то упорно хочет привести в ваш дом несчастье. Разговоры, которые она здесь затевает, попахивают тюрьмой.

— Боже мой! — воскликнула Эмма Густавовна. — Надо же ее знать! Она вечно болтает всякую чушь! Потому я ей простила и тот случай. Я ее просто не слушаю.

— Это могут услышать другие, — строго сказал Шрагин. — И тогда однажды вас спросят, почему в вашем доме ведутся разговоры, за которые по немецким законам полагается смертная казнь. Что вы ответите?

— Нет, нет, — еле слышно прошептала она испуганно и вдруг разозлилась: — Я не допущу, я скажу ей сама!

Шрагин, не дослушав ее, ушел в свою комнату. Он совсем не был уверен, что поступил с Любченко правильно, но вести себя иначе он не имел права.

В это время Любченко медленной шаткой походкой приближалась к своему дому. Опять она не сумела выполнить приказ Релинка. Только вчера он внезапно вызвал ее на встречу и приказал более активно прощупать Шрагина. И это Релинк научил ее заговорить с ним о пустых койках в больнице и о справках. А что из этого вышло? Теперь она уже не сможет ходить в этот дом, а Шрагин, чего доброго, донесет на нее в гестапо, и тогда за все придется расплачиваться ей...

Она долго не могла попасть ключом в замочную скважину от волнения, но, когда вошла в квартиру и очутилась в неизменном мире своих вещей, успокоилась, села в кресло и взвесила все спокойно: «Да нет же, все вышло очень хорошо. Мне приказали более активно прощупать Шрагина, я это сделала. Я же не виновата, что он искренне предан новому порядку. Он даже угрожал мне доносом... И рассказать Релинку нужно все именно так, как это было на самом деле...»

Глава 47

В дежурке было три сторожа. Один из них — Федорчук, старший по ночному дежурству. Перед сумерками он послал одного проверить ворота, а другого — противопожарные средства. Пока они ходили, он уложил в ведро бутылки с горючкой и шнур. Ведро поставил под лавку у своих ног. Когда вернулись рабочие, промерзшие на холодном ветре, Федорчук сказал им:

— Сейчас погреемся. Наложите в печку уголь, а я сбегаю за нефтью.

Он взял ведро, вышел в сенцы из дежурки и поджег шнур. Ветер бил ему в спину, точно подгонял: скорей, скорей. Он перебежал по мосткам через отстойную яму, но когда до первого резервуара оставалось несколько шагов, раздался оглушительный взрыв, и весь охваченный огнем Федорчук упал.

Он даже не успел сообразить, что произошло. А случи-

лось то, чего он боялся: бикфордов шнур нужно было уложить в ведре спиралью, так, чтобы нигде кольца шнура не соприкасались. Десятки раз он репетировал эту укладку. Так он уложил шнур и сегодня, но, очевидно, когда бежал, от тряски спирали шнура сдвинулись, огонь перешел с одного витка на другой, и срок, отпущенный на сгорание шнура, сократился...

Пожарная команда прибыла быстро. Она без особого труда сбила пламя, бушевавшее на месте взрыва, и обнаружила безжизненное, обгоревшее тело Федорчука. Спустя несколько минут он был доставлен в больницу, и здесь выяснилось, что он еще жив.

В больницу приехал Релинк.

— Он вряд ли придет в сознание, — сказал ему врач. — Он не только обгорел, у него вырваны внутренности.

То, что Релинк увидел на постели, ужаснуло даже его, и он сам понял, что этот обугленный человек не заговорит, но распорядился сделать ему укол.

После укола Федорчук приоткрыл страшные, обгоревшие глаза, еле заметно двинулся телом и умер.

Релинк вернулся в гестапо, куда уже были доставлены оба дежуривших с Федорчуком сторожа и три солдата военной охраны. До рассвета Релинк бился с ними, пытаясь получить доказательства, что погибший был диверсантом, но оба сторожа категорически отвергали эту мысль. Они говорили, что Федорчук самый добросовестный рабочий смены, а когда он бывал старшим по дежурству, строже его не было — всю ночь гоняет по базе проверять то, что уже сто раз проверено. Они высказали предположение, что Федорчук наступил на подброшенную кем-то мину. Солдаты совсем ничего не могли сказать — они несли внешнюю охрану базы.

На всякий случай Релинк отправил сторожей в тюрьму, а солдат — в военную комендатуру. Ему было ясно одно: совершена диверсия, и насколько она удалась, не имеет никакого значения. Город о ней уже знает, а именно в этом и есть самые неприятные ее последствия.

Уже под утро Релинк записал в своем дневнике.

«Это непостижимо — после всего, что мы сделали, они продолжают существовать и действуют! Неужели все наши старания впустую?..»

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

НА ВОЙНЕ КАК НА ВОЙНЕ

Глава 48

Из неудачного похода к партизанам вернулись все. И, несмотря на огромные трудности, всем удалось снова зацепиться в городе. Много сделала для этого Зина Дымко. Добытые ею на бирже справки первое время буквально спасали людей. Сергей Дымко устроился в пожарную команду. Ковалеву удалось вернуться на железную дорогу, и он работал грузчиком на товарной станции. Демьянов воспользовался своим старым знакомством с украинскими националистами, и они помогли ему получить работу в строительно-ремонтной конторе. Егор Назаров нанялся рабочим сцены в театр. И только Григоренко пока оставался неустроенным и скрывался то у Дымко, то у Демьянова.

Снова налаживалось взаимодействие с подпольщиками, которые, несмотря на тяжелые потери, продолжали борьбу. У Шрагина складывалось ощущение, что группа уже пережила тяжелый кризис и начала как бы новый этап своей боевой деятельности. Тогда он и дал «добро» Федорчуку.

Диверсия не получилась. И пропал Федорчук. Прошло несколько дней, а о его судьбе по-прежнему ничего не было известно. Жив он или попал в руки СД? Спустя два дня после диверсии была арестована Юля. За их домом установлено наблюдение. Это давало основание предполагать, что СД знает, кто такой Федорчук, и поэтому хочет выявить все его связи.

Шрагин был уверен, что палачи не услышат от Федорчука ни слова, но не мог не опасаться за Юлю. Кроме всего, одесские товарищи знали только адрес Федорчука, и 12 ноября от них должен прийти связной.

Шрагин решил, что в первую очередь он может и должен сделать только одно — перехватить одесского связного и переадресовать его к Величко. Для этого он решил послать Величко в Одессу к Андрею Прокофьевичу.

На 7 ноября пришелся холодный, унылый день. С низкого грязного неба сыпался снег, а когда с залива подул промозглый ветер, снег обернулся косо летящим злым дождем.

В этот день Величко отпевал на кладбище покойника, и Шрагин пришел на похороны. Когда родственники похоро-

ненного разошлись, они сели на скамью у соседней могилы и тщательно обсудили план поездки в Одессу...

Серый дождь заштриховал удалявшуюся черную фигуру Величко. Когда она скрылась за поворотом, Шрагин встал и медленно пошел по аллее. И вдруг он остановился, пораженный тем, что услышал. Где-то совсем рядом мужской голос отчетливо произнес:

— Поздравляю тебя, Аня, с нашим праздником Октября.

Шрагин увидел пожилого мужчину с обнаженной головой, стоявшего за малорослой елочкой. Возле него никого больше не было.

Мужчина почувствовал, что на него смотрят, и оглянулся. Увидев Шрагина, он не выказал ни испуга, ни даже смущения.

— Здравствуйте, — сказал он громко.

— Здравствуйте, — ответил Шрагин и подошел к мужчине. — С кем это вы тут беседуете?

Мужчина улыбнулся.

— Когда я шел сюда, я видел, что вы с живым попом беседовали. А у меня нет возможности поговорить с живыми, так я со своей покойной супругой... — Было видно, что он крепко выпил. — Вы что же, вроде тут исповедовались?

— Вроде наоборот, — улыбнулся Шрагин. — Поп мне исповедовался. Я, как и вы, пришел сюда своих стариков проведать, а он привязался ко мне и давай плакаться о своей тяжкой доле.

— У него-то тяжкая доля! Тяжко тем, кто верил в его боженьку и в него заодно, вот этим — да.

— Но вы-то сами, я вижу, верите в загробную жизнь? — сказал Шрагин.

— А с чем же мне ее поздравлять? — нимало не смутясь, спросил мужчина. — Она же новых немецких праздников не знает. Сподобилась умереть на другой день, как немцы в город пришли. А вот попу вашему с праздниками лафа. Он как звонил в колокола по святцам, так и звонит. А верующие — есть немец или нет — носят ему яички, сальце, хлебушек, — мужчина вдруг зорко глянул на Шрагина и сказал: — Вы, я вижу, тоже сытенький, вас-то кто кормит?

— Ловчу, как могу, — ответил Шрагин и добавил: — Только бы совесть не замарать.

— Последнее примечание весьма важное, — серьезно сказал мужчина. — Гляжу я на других ловчил и думаю: перед каким же богом вы, сволочи, будете свои грехи замаливать? Другие вон ловчат — пожары немцам устраивают...

— Какие пожары? — спросил Шрагин.

— Вы что, с неба свалились? А нефтебаза давеча? А как они трахнули аэродром? — быстро сказал мужчина и замолчал.

— Как это вы не боитесь говорить такое первому встречному?

Мужчина махнул рукой:

— А что они мне сделают? Да если они начнут вешать таких, как я, у них веревок не хватит. Весь город не перевешают. — Вдруг на лице его появился испуг, и он без паузы быстро проговорил: — А теперь давайте разойдемся кто куда... — Он пошел нетвердой, но торопливой походкой, лавируя между могил и не оглядываясь.

А Шрагин еще долго стоял у елочки, чуть прикрывавшей его от секущего злого дождя, которого он, впрочем, и не замечал, охваченный волнением...

В связи с участившимися бомбардировками города адмирал Бодеккер ввел на заводе круглосуточное дежурство инженеров и сам часто всю ночь находился на заводе. Сегодня у Шрагина было ночное дежурство, и он решил зайти домой — хоть часок поспать. Но ему помешала Эмма Густавовна. Она, очевидно, специально поджидала его.

— Мое терпение иссякло, Игорь Николаевич, — трагическим голосом начала она с места в карьер. — Двусмысленное положение Лили больше нетерпимо. Вы знаете, как серьезно она больна. Здесь она может погибнуть, — старуха промокнула платочком сухие глаза и продолжала: — Доктор Лангман может устроить Лилю в туберкулезный санаторий в Германии. Вчера я получила письмо от Аммельштейна, он обещает помочь деньгами. Но Лиля не может воспользоваться всем этим только из-за своего нелепого положения...

— Эмма Густавовна, — прервал ее Шрагин, — я хочу вам напомнить, что инициатором создания этого положения Лили во имя спасения квартиры были вы, а не я.

— Боже мой, в те дни мы все потеряли разум! — воскликнула старуха.

— Я его не терял и тогда, — устало сказал Шрагин. — Я согласился с вашим предложением не сразу. В конце концов я сделал это для вас.

— Но теперь все изменилось. Жизнь утряслась, и все мы, и вы в том числе, так или иначе в ней устроены. Но получается, что в жертву за это я должна принести родную дочь.

Так пусть лучше погибну я! — вдруг патетически выкрикнула она и решительно сказала: — Дайте Лили возможность уехать.

— Она хочет этого? — спросил Шрагин.

— Да, вполне. Лангман любит ее. Игорь Николаевич, у нее может быть счастливая, спокойная жизнь. Она все решила, но она боится вас.

— Я хочу поговорить с ней. Пусть она зайдет ко мне...

Лиля действительно выглядела плохо: ее мелово-белое лицо было покрыто пятнами нездорового румянца.

— Я слышала все, что говорила сейчас мама. Да, все обстоит так, как она сказала, — быстро сказала Лиля, не глядя на Шрагина.

— Ну что же, заставить вас поступать иначе я не могу и не имею права. Мне остается только пожелать, чтобы принятое вами решение не обернулось для вас и вашей мамы непоправимой трагедией.

— У нас уже давно трагедия, — тихо сказала Лиля.

— Вы не забыли, что помогали мне? — спросил Шрагин.

— Нет. И я знала, что вы теперь воспользуетесь этим, — повысила голос Лиля. — Но это ведь нечестно, Игорь Николаевич.

— Вы ошибаетесь, я никак не собираюсь воспользоваться этим против вас, но я должен быть гарантирован от того, что вы в припадке откровенности не сболтнете однажды обо мне.

— Я клянусь! — воскликнула Лиля.

— Этого мало. Я ведь рискую не только своей жизнью, но гораздо большим. Надеюсь, вы это еще способны понять. Поэтому я напишу полный отчет о вашей деятельности и надежно спрячу этот документ. И если со мной что-нибудь случится и я увижу, что обязан этим вам, я предъявлю его гестапо.

— Я клянусь, клянусь! Никогда! — Лиля очень волновалась. Шрагин видел, что она готова заплакать, но смотрел на нее с иронией. — Прошу вас, Игорь Николаевич, не улыбайтесь, не презирайте меня. Я все-таки советский человек. Я не знаю, что со мной будет, но я знаю одно — я не могу порвать со своей страной... Не могу, поверьте мне. И ваша тайна будет для меня... там... моей гордостью. Поверьте мне. — Она зарыдала и выбежала из комнаты.

Шрагин посмотрел на часы, вздохнул и лег на постель. Он забылся минут на двадцать и очнулся с тяжелой голов-

ной болью и противной слабостью во всем теле. Вчера весь день он провел на борту самоходной баржи — от лютого ветра некуда было укрыться. «Недолго было и простудиться», — подумал Шрагин, не допуская и мысли, что он просто нечеловечески устал...

Глава 49

Юлю выпустили из гестапо. Она воспользовалась «почтовым ящиком» Федорчука, и вскоре Григоренко вынул из него ее записку. Юля писала, что ей необходимо срочно встретиться со Шрагиным. Григоренко чуть не совершил непоправимую ошибку — он решил зайти к Юле и выяснить, зачем ей нужна встреча. Но, к счастью, свернув на улицу, где жила Юля, он издали заметил подозрительного субъекта, стоявшего в нише ворот возле аптеки, и повернул обратно...

Встречу с Юлей Шрагин продумывал очень тщательно. СД могла выпустить ее из тюрьмы, чтобы выследить ее связи. А вдруг палачи СД сломили ее и она стала их агентом? Но отказать ей во встрече Шрагин не мог. Он помнил свою первую беседу с ней, когда она собиралась травить ядом гитлеровцев, вспоминал, сколько ценных сообщений приносила она ему, а главное, он помнил, как ручался за нее Федорчук. Как за себя!..

Встреча была так организована, что агенты — будь они семи пядей во лбу — не могли проследить до конца путь Юли к Шрагину. В самом начале пути она пройдет по таким местам, где наблюдатель будет неминуемо обнаружен. Но и в этом случае встреча не отменялась. Наоборот, она становилась еще более необходимой: ведь если Юля не знает, что за ней ходит агент, она может принести беду и себе и товарищам. А организация наблюдения за ней говорила еще и о том, что палачи не сумели получить от нее нужных им показаний. Мысль о ее предательстве Шрагин категорически отметал, но по законам конспирации обязан был предусмотреть и это...

Наблюдение велось. Юля между тем вошла в баню, но затем направилась не в раздевалку, а через черный ход во двор, откуда можно было выйти на параллельную улицу. А там Юлю уже ждал Дымко, который повел ее по «цепочке» дальше — к Шрагину. Агент СД будет ходить возле бани больше часа и, когда стемнеет, начнет подозревать неладное. Но только когда баню закроют, он пойдет докладывать начальству, что упустил объект.

Встреча происходила в домике стариков Колесниковых, у которых жил Харченко. Сами они на этот вечер ушли в гости к родственникам. Охраняли встречу участники «цепочки» Сергей и Зина Дымко и Егор Назаров.

Когда Шрагин увидел Юлю, сердце у него сжалось. Всегда прямо и гордо носившая свою красивую голову, она стояла перед ним сутулая, вжав голову в плечи. От опухших синяков лицо ее было перекошено, как после паралича. Не было пышных волос — их остригли в тюрьме. Большие черные ее глаза с усталой болью смотрели на Шрагина. Может быть, целую минуту они так молча стояли друг против друга, потом Юля еле слышно сказала:

— Вот так, Игорь Николаевич...

Шрагин взял ее за плечи и усадил на лавку. Сам сел перед ней на табуретку. Оба были так взволнованы, что даже не поздоровались. Юля оглядела знакомую ей комнату и спросила:

— Как с Пашей Харченко?

— Все в порядке, все в порядке, — поспешно ответил Шрагин. — Юля, что было с вами?

Юля опустила голову и, зажав сцепленные руки между колен, начала рассказывать. Но не о себе, а о Федорчуке. В тюрьме от одного из сторожей нефтебазы она узнала, как Федорчук вышел с ведром из дежурки, чтобы принести нефти, и погиб от непонятного взрыва.

— Наверно, запальный шнур сгорел до срока, — заключила она. — Но живым в их поганые руки он не попал... Я теперь хожу к ним, требую, чтобы они отдали Сашино тело. Хочу похоронить его, как человека, чтобы могилка была. У него же сынишки есть, может, приедут когда поклониться...

Она судорожно вздохнула и, подняв глаза на Шрагина, чуть слышно спросила:

— Почему так случилось? Почему? Он же был так уверен, что все сойдет хорошо. Уходил на дежурство веселый. Сказал: «Под полночь глянь в сторону нефтебазы, увидишь красивую картину». А я ему еще сказала: «Погоди радоваться, как бы не заплакать». А он на это: «Тогда передай Игорю Николаевичу, чтоб он ни о чем не тревожился». Вот я и передаю...

Она откинула голову к стене и некоторое время в упор смотрела на Шрагина, губы ее начали подрагивать, кривиться, она закрыла глаза, борясь с собой, чтобы не заплакать, стиснула губы и закрыла глаза, но слезы уже хлынули из-под

густых ресниц, потекли по ее вспухшему лицу. Шрагин взял ее холодную руку и словно отогревал ее в своих ладонях. И молчал...

Юля высвободила руку, концом шерстяного платка вытерла слезы и, будто ничего не было, продолжала:

— А потом явились за мной. Часа два обыск делали. Но Саша как раз в тот день последнего дежурства все до последней мелочи пересмотрел, даже лаз в сарайчике засыпал. Но туда они и не пошли. У нас в печной трубе граната была спрятана — на самый крайний случай. Я уже решила пустить ее в ход, но подумала: а вдруг Саша жив и скрылся?.. Меня они сперва на хитрость ловили — дескать, Федорчук у них, все уже сказал и мне нужно, если я хочу ему и себе хорошего, во всем тоже сознаться. А я сразу поняла — Саша погиб или скрылся. И тогда я им такой шум устроила... — Юля через силу улыбнулась. — С русскими, кричу, не справились, так взялись за своих, за немцев. Хватаете честных фольксдейчей. Я за это самому Гитлеру жалобу пошлю. Они слушали, слушали и давай меня бить... А я им все одно — я честная немка, и Саша мой тоже честный человек, и мы оба, как последние дураки, верно служили новому порядку и вот заслужили такую награду... Свезли меня в тюрьму. А назавтра все сначала. И били опять. А я им все свое кричала. Так девять дней подряд. Потом они сказали, что я дрянь, шлюха, а что любовник мой уже в аду водку с чертями пьет. Я им за эту ложь еще истерику закатила. Тогда они опять меня избили и отпустили. Вот и все. Потом я пошла к себе в ресторан, а меня туда и не пустили. Так что я теперь требую у них не только Сашу, но и работу... Ну гады! Какие гады! Будет им когда конец, Игорь Николаевич?

— Будет, Юля, будет...

— Я чего на встречу просилась — сказать вам то, что Саша просил передать. И еще: поручите мне что-нибудь. Самое трудное. Вы не думайте, я скоро отойду и тогда выполню любое задание!

— Я подумаю, Юля, — сказал Шрагин. — Но надо подождать. За вами их собаки ходят. Вот и сегодня они гнались за вами. Они должны поверить, что вы ни при чем. И когда они снимут наблюдение, мы встретимся. А за Сашу мы все будем мстить. Все...

Провожаемая издали Сергеем Дымко, Юля вернулась домой, но вошла она не через свою калитку, возле которой болтался агент, а через соседские садики. Рано утром к ней

явились два гестаповца и обнаружили ее мирно спящей. Явно для виду они провели небрежный обыск и, не сказав ни слова, ушли...

Релинк рвал и метал. Агента, упустившего Юлю возле бани, и того, который не заметил, как она вернулась домой, он отправил под арест, пообещав им еще и отправку на фронт. Он чувствовал, что, как и в случае с типографией, диверсия на нефтебазе совершена его главными и по-прежнему неуловимыми противниками. И теперь, как тогда, нить поиска ускользнула из его рук. Тогда он был виноват сам — поторопился с расстрелом арестованного. Теперь исполнитель диверсии погиб. Но осталась его девка. Релинк не верил Юле и считал ее сообщницей погибшего. Но допросы никаких результатов не дали. «Сколько ее ни тряси, из дуры ничего не вытряхнешь», — сказал Бульдог. И тогда Релинк решил отпустить Юлю, но неотступно идти по ее следу. Его агенты упустили ее в первые же дни, а дальнейшее наблюдение абсолютно ничего не дало — она или сидела дома, или сама шла в СД и устраивала тут скандалы, требуя передать ей тело Федорчука и устроить ее на работу.

Первое ее требование Релинк выполнил, рассчитывая, что на похороны могут прийти сообщники погибшего. Не оправдался и этот расчет. Хоронила одна — три могильщика за работу получили от нее золотые сережки. В конце концов Релинк решил больше ею не заниматься, ему пришлось даже принять ее, так как она продолжала добиваться работы.

Юля играла роль дурочки, которая потеряла любовника и теперь хочет как бы заново устроиться в жизни. Она кокетничала с Релинком, но продолжала твердить, что ее Саша был честным человеком и новому порядку хотел только добра и что его оклеветали какие-то завистники. Да боже мой, если бы она заметила, что он занимается какими-то преступными делами, она бы в два счета сама выгнала бы его из дому. Но как же все-таки с работой? Только она все же фольксдейч и хочет получить не какую-нибудь работу, а где почище и жалованье побольше. Тем более что она зазря пережила побои от своих же немцев...

Релинку надоело все это слушать, и он пообещал ей подумать...

Между тем радиослужба СД в Одессе перехватила три радиограммы, адресованные таинственному и неуловимому Гранту. Более того, им будто бы удалось расшифровать эти

радиограммы. Релинк не поверил этому, хотя присланный ему текст радиограмм выглядел вполне достоверно. В двух радиограммах упоминался его город. Релинк считал, что придать выдумке приметы достоверности не так уж трудно, особенно если учесть, что его коллегам в Одессе после скандала с разоблачением аферы в порту было остро необходимо восстановить свое реноме. Ради этого они могли и поднатужиться. Но несколько позже уже через Берлин он получил материал более убедительный, чем эти радиограммы. Две недели назад СД Одессы в результате тщательной агентурной разработки с применением техники обнаружила и арестовала радиста подпольной группы, который принимал радиограммы для Гранта. Он дал показания, что передачи велись Москвой и что туда же он несколько раз передавал донесения, подписанные тем же Грантом. Но так как открытым текстом давалась только подпись «Грант», содержания радиограмм радист не знал. Он и эту подпись считал шифром... Но радист сообщил, что этот очень важный агент или сам приезжает в Одессу из города, где работает Релинк, или присылает связного.

При всем своем недоверии к одесским коллегам и подозрении, что они специально подстраивают ему неприятности, Релинк не мог отмахнуться от этого присланного Берлином материала. Нужно было действовать. В своих рассуждениях Релинк пошел по самому простому пути: свободного выезда из его города в Одессу нет, разрешения выдает военная комендатура; значит, надо запросить оттуда список всех лиц, которым в этом году были выданы такие разрешения. Выяснить, кто ездил неоднократно, и в первую очередь за этими людьми установить наблюдение или даже сразу их арестовать.

Однако все это ни к чему не привело. В сеть, построенную на изучении лиц, получавших разрешения на выезд из города, Шрагин не попал.

Релинк не учел, что адмирал Бодеккер сам располагал правом выписывать такие разрешения. Попавшие же в сеть четверо местных жителей на поверку оказались спекулянтами, и от них Релинк получил только одну пользу: он узнал, что в комендатуре у спекулянтов за проездное разрешение берут взятки.

Релинк передал эти данные в полицию СД Цаху, после чего возникло «дело о коррупции в военной комендатуре города», дело, которое, увы, не оказалось таким громким, как одесское, и снять с него пенки Релинку не удалось.

Глава 50

В эту вторую военную зиму декабрь выдался сиротский — не выдалось ни одного по-настоящему зимнего дня. Под Новый год в городе почти не было снега. Люди уже стали вспоминать какой-то давний-давний год, когда вот так же зимы вовсе не было, как на них с холодной яростью обрушился январь — с морозами, с метелями, с пронзительными степными ветрами. Город притаился, люди забились в дома, на иных улицах по нескольку дней на снегу следа человеческого не увидишь. Только как стемнеет, по всему городу треск слышен — люди ломали на топку заборы.

Даже СД притихла в эти дни — целую неделю не было облав. Шрагина устраивала эта неожиданная передышка. В декабре группа уже действовала. Зина и Сергей Дымко похитили на бирже и уничтожили около четырех тысяч учетных карточек. Под самый Новый год Ковалев и работавшие на железной дороге подпольщики в пятидесяти километрах от города подготовили разрыв эшелона, в котором увозили людей в Германию, — почти триста человек бежали. Из лагеря военнопленных не без участия Демьянова совершила побег группа офицеров и солдат; все они с помощью подпольщиков скрылись в городе и рвались вступить в борьбу. Величко продолжал выпускать вместе с подпольщиками листовки. Сам Шрагин активно вел разведку.

Но положение группы оставалось очень тревожным. Пропажу учетных карточек на бирже обнаружили скорее, чем предполагали подпольщики. Управа приказала директору биржи сменить весь штат, а список уволенных работников биржи передать в полицию. Зина оказалась без работы и, кроме того, под подозрением, которое могло распространиться и на Сергея. На железной дороге арестован парень, который участвовал в организации побега невольников. Случайно он взят или нет, неизвестно, но Ковалеву надо оттуда уходить... Строительно-ремонтную контору, в которой работал Демьянов, в ближайшее время передадут в инженерно-саперные войска. Демьянову дожидаться этого не следует... Самая последняя новость — внезапно закрыт театр, труппа распущена, и Егор Назаров снова не у дел...

Но самое тяжелое положение с Григоренко. После похода к партизанам он снова не имел ни работы, ни жилья. А главное — у парня сдали нервы. Первыми это поняли его товарищи: они помогали ему скрываться, а он с ними ссорился, упрекал их в эгоизме, считал себя обиженным всеми. А сам тем временем превратился в полного иждивенца и для сво-

его устройства уже ничего решительного не предпринимал.

Шрагину это состояние связного открылось несколько позже — с ним Григоренко держался, как и прежде, приказы его выполнял и при каждой встрече подробно рассказывал, что он предпринимает для получения работы и жилья.

Однажды под вечер Шрагин по расписанию встретился с ним возле вокзала, и они попали в зону облавы. Положение было, конечно, опасным, но далеко не безвыходным. Выручили прекрасные документы Шрагина.

Они уже давно были в полной безопасности, а Григоренко все еще трясло.

— Слушайте, нельзя же праздновать такого труса, — огорченно сказал ему Шрагин. И в ответ услышал:

— Хорошо вам...

— Да, мне очень хорошо, — будто согласился Шрагин и в эту минуту решил, что этот человек больше связным работать не должен. Когда Шрагин сказал ему об этом, Григоренко не обиделся, не удивился, даже ничего не спросил.

— Вам виднее, Игорь Николаевич, — как-то безразлично отозвался он...

В тревожных думах Шрагина о положении группы история с Григоренко занимала свое особое, больное место. Шрагин винил себя в том, что вовремя не разгадал парня, не помог ему стать лучше. Ведь, приехав сюда, Григоренко наверняка считал себя готовым к красивым подвигам и даже к гибели — и тоже красивой и героической. И тогда, вначале, он не устраивался на работу совсем не потому, что не мог найти себе подходящего места. Он просто не мог допустить, что он, предназначенный к совершению подвигов, будет, как Харченко и Дымко, месить тесто на макаронной фабрике, или, как Демьянов, колоть скот на бойне, или, как Ковалев и Назаров, лазить под товарными вагонами, проверяя сцепку. И то, что при первом знакомстве Шрагин принял в нем за уверенность и храбрость, на самом деле было самоуверенностью, скрывавшей от первого взгляда опасное непонимание профессии разведчика. Этот просчет Шрагин не мог себе простить. Теперь он понимал, что быстро обнаружить этот свой просчет он не сумел только потому, что Григоренко стал связным, а выполнять его указания и организовывать встречи не было особенно трудной работой.

Неудачный поход к партизанам окончательно надломил Григоренко. Его душу, как ржавчина, начал разъедать страх. Он старательно скрывал его, но не мог скрыть раздражения

и озлобленности. Он подозревал, что Шрагин умышленно затягивает его устройство. «Испытывает меня на излом», — говорил он товарищам. Между тем Шрагин делал все, чтобы обезопасить его от беды...

После ночи, проведенной в подвале у Дымко, Григоренко утром отправился на базар. Дымко отговаривал его, советовал никуда не ходить и ждать известий от Шрагина.

— Я разведчик, а не сторож твоего погреба, — окрысился Григоренко. — Пойду поищу все же того человека, который обещал мне работу.

Человек, обещавший ему работу, существовал на самом деле, но его обещание было дано еще в прошлом году, и с тех пор Григоренко его не видел. Сейчас, отправившись на базар, он там и не искал его. Не имея последнее время поручений от Шрагина, он ходил на базар только для того, чтобы показать товарищам, будто у него есть там какие-то дела и что он продолжает действовать. Кроме того, он знал, что в базарной толпе он менее приметен и находится в относительной безопасности.

Придя на базар, Григоренко, как всегда, протолкался к будочке старого своего знакомого часовщика, которого за его маленький рост все звали Карликом. В свое время именно Карлик дал ему несколько торопливых уроков своего ремесла. Это был очень добрый человек, и Григоренко последнее время этим пользовался: он занимал у Карлика деньги под какие-то свои будущие заработки. И хотя Григоренко перед ним хорохорился и врал о каких-то своих успехах в коммерческих делах, Карлик чувствовал, что на самом деле его знакомый живет очень плохо, и каждый раз к его приходу припасал для него еду. Он бы и приютил Григоренко у себя, да сам снимал угол в большой семье.

— Здорово, Карлик! — весело приветствовал его Григоренко, протискиваясь в будочку сквозь узкую дверь и усаживаясь на ящик возле висящих в воздухе коротеньких ног часовщика, который работал, сидя на высоком детском стуле.

Карлик весело и дружелюбно посмотрел через плечо на гостя и продолжал разговаривать с клиентом, принесшим ему мертвый будильник.

— Обе пружины лопнули, и ходовая и звонковая, — поставил он диагноз.

— Дети перекрутили, — огорченно пояснил клиент.

— А зачем вам звонковую чинить, службу проспать боитесь? — спросил Карлик.

— Какая еще служба? — обиделся клиент.

— Так я про то и говорю, — улыбнулся Карлик. — Звонок мы чинить не будем, а ход восстановим, пусть тикают, а то может показаться, что вся жизнь остановилась. А за одну ходовую пружину цена ремонта наполовину меньше.

Приняв заказ, Карлик заслонил окошечко фанеркой и повернулся к Григоренко.

— Ел сегодня?

— Некогда было, — небрежно ответил Григоренко.

Карлик улыбнулся и достал из-под стола ломоть хлеба, на котором лежал маленький кусочек сала.

— Угощайся.

В будочке потемнело.

— Опять метель, — вздохнул Карлик и поплотнее прижал фанерку. — Ну, как твой гешефт? Вышел?

— О долге беспокоишься? — Перестав жевать, Григоренко сузил глаза, глядя на Карлика.

— Дурной ты парень, — вздохнул часовщик. — На кой мне твой долг, я сыт и сплю в тепле. Ты слышал о новом приказе?

— Что еще? — небрежно спросил Григоренко.

— Полиция теперь по домам ходит. Если мужчина или женщина с шестнадцати до пятидесяти лет нигде постоянно не работают, тут же в этап и в Германию. А кто вообще не работает больше чем шесть месяцев — в тюрьму на проверку. Ночью в доме, где я живу, троих взяли. Меня, сволочи, полчаса обсуждали. Рубаху мне задирали, проверяли, не сделал ли я горб из подушки.

Карлик замолчал. Было слышно, как за стеной будочки свистит метель и приглушенно гомонит базар.

— Сахарин немецкий, сахарин немецкий, — без конца повторял басовый голос рядом с будочкой.

— А мне они, сволочи, выгодное дело сорвали, — сказал Григоренко. — Схватили сегодня ночью того человека, который мне товар вез. Хорошо еще, что я словно почуял это — чемодан успел припрятать.

— Предчувствие — великое дело, — задумчиво сказал Карлик, который не верил ни одному слову Григоренко.

За стеной будочки базарный гомон вдруг затих и раздался властный крик:

— Стоять на месте! Всем стоять! Ни шагу!

— Опять облава, — шепнул Карлик. — Жмись сюда.

Григоренко послушно залез под высокий столик и присел там на корточки. Карлик прикрыл его листом бумаги, лежавшим у него на столе, и начал разбирать будильник.

— Что там видишь? — тихо спросил Григоренко

— Сиди тихо, ничего не вижу. Верхнее стекло снегом залепило, а фанерку лучше не открывать.

Так, притаившись, они просидели довольно долго. Вдруг фанерка с треском отлетела, и в окошечко просунулась голова полицая.

— А, Карлик? Не купишь, случаем, часы? — Не дожидаясь ответа, он отошел от окошечка и в следующее мгновение распахнул дверцу будки. Сквозняком отмахнуло в сторону бумагу, которой был закрыт Григоренко.

— А это кто такой? Ну-ка, вылазь, покажись.

Григоренко выбрался из-под столика и стал перед полицаем.

— Чего в прятки играешь? — добродушно спросил полицай.

— Да грелся он у меня, — сказал Карлик.

— Ну-ка, выйдем на свет, потолкуем, — приказал полицай и вышел из будки.

Григоренко думал одно мгновение, а затем диким прыжком ринулся на полицая, сбил его с ног. Он знал: в трех шагах есть узкий проход между ларьками, а там уже край площади и улица.

Когда опомнившийся полицай поднял крик, Григоренко уже проскочил между ларьками. На краю базарной площади стояла автомашина, в нее грузили задержанных на толкучке людей. Полицаи, стоявшие около грузовика, увидели бегущего Григоренко и стали стрелять. Григоренко слышал свист пуль, но вскоре его скрыл угол дома. Пробежав немного по улице, он перемахнул через невысокий забор, быстро пересек пустынный сад и, снова перемахнув через забор, очутился на другой улице. К счастью, тут никого не было, и он медленно пошел к центру города. Вскоре он вышел на главную улицу, подошел к кинотеатру и, недолго думая, купил билет.

До начала сеанса оставалось почти полчаса, но в фойе было уже довольно много народу. Григоренко стоял возле двери в туалет — на случай если явится полиция, он сможет воспользоваться окном в уборной, которое выходит во двор соседнего дома. Но до начала сеанса ничего не произошло...

Григоренко сел и понемногу успокоился. Он смотрел фильм и думал о том, что ему делать. И чем больше он об этом думал, тем страшнее ему становилось. Положение казалось ему настолько безвыходным, что ему захотелось, чтобы киносеанс длился как можно дольше, целую вечность, спасая его от необходимости выйти на улицу. Ему мерещилось, что

у подъезда кинотеатра его уже ждут гестаповцы. Потом он стал внушать себе, что уйдет отсюда благополучно, а на условленном месте увидит метку Шрагина, приказывающую ему немедленно идти на встречу. А там его уже будет ждать человек, который уведет его в безопасное место...

Гестаповцев у кинотеатра не было, и Григоренко без всяких осложнений дошел до места, где он ждал увидеть метку — приказ о встрече. Но метки не было. Он пошел дальше и вскоре оказался возле туберкулезной больницы. И его точно озарило: он вспомнил о врачихе, о которой однажды говорил ему Шрагин. Шел у них тогда разговор о бдительности. И в качестве примера Шрагин привел эту самую врачиху. Рассказал, как она все время лезет к нему с патриотическими разговорами, даже намекает, что готова прятать в больнице патриотов. А он ей не верит ни на минуту... И сейчас, стоя у больницы, Григоренко мысленно стал спорить со Шрагиным. «Почему он не верит этой врачихе? Он вообще никому не верит...» Он уговаривал и взвинчивал себя до тех пор, пока не принял решения.

Возле двери с табличкой «Приемный покой» ему на какое-то мгновение показалось, что он поступает неправильно. Но он тут же отбросил сомнения и постучал. Дверь приоткрылась, старушка в белой косынке спросила, что ему надо.

— Главного врача хочу видеть, — начальственно произнес Григоренко.

— Погоди тут, — сказала старушка и скрылась.

Минут через пять на крыльцо вышла пожилая женщина в пальто, поверх которого был наброшен белый халат.

— Вы ко мне? — спросила она и, видя, что Григоренко медлит с ответом, пояснила: — Я главврач.

Григоренко оглянулся по сторонам и тихо сказал:

— Вы должны меня спрятать, понимаете?

Любченко долго молчала, не глядя на Григоренко.

— Чего вы тянете? — с угрозой спросил он. — Сами же говорили, что можете это сделать, или теперь передумали? Тогда так и скажите, обойдемся.

— Приходите сюда, когда совсем стемнеет, — сказала Любченко и вошла в дом.

До полной темноты оставалось не больше часа. Григоренко решил далеко не уходить. Он уже совсем успокоился, даже хвалил себя за решительность. Медленно дошел до перекрестка, свернул за угол, прошел до следующего перекрестка, снова свернул. И когда он так трижды обошел больничный квартал, стало совсем темно.

Любченко уже ждала его на крыльце.

— Быстро за мной, — шепнула она.

Они вошли в темный, пахнувший лекарствами коридор. Любченко показала ему на дверь:

— Сюда.

Это был ее кабинет. Справа — маленький письменный стол, на котором стоял телефонный аппарат и тускло горевшая керосиновая лампа. Слева, за ширмой, — клеенчатая кушетка, покрытая простыней. Там, возле кушетки, была вторая дверь. В раскрытой голландской печи тлели угли. В комнате было очень тепло, даже душно.

— Раздевайтесь, — сказала Любченко, садясь за стол.

Григоренко снял пальто и повесил его на спинку стула. Но сесть он не успел — два дюжих гестаповца уже выворачивали ему руки за спину.

— Господа, что вы делаете? Как вам не стыдно? Здесь больница! — воскликнула Любченко и, встав из-за стола, направилась к двери.

— Шкура! — крикнул ей в спину Григоренко.

Любченко зацепилась за стул, на котором висело пальто Григоренко, оно упало. Глухо стукнул об пол лежавший в кармане пальто тяжелый «кольт».

Бульдог ногой отшвырнул пальто в сторону.

— Обыщи, — приказал он другому гестаповцу.

— Ого! — сказал тот, показывая «кольт».

Григоренко сделал попытку вырваться, но получил резкий удар ногой в пах и рухнул на пол, теряя сознание...

Глава 51

Григоренко твердил одно: он болен туберкулезом и, ничего не думая, пришел в больницу, чтобы его посмотрели и положили на лечение.

— Зачем у больного «кольт»? — улыбаясь, спросил Релинк.

Григоренко пожал плечами:

— Этого барахла валяется сколько угодно.

— Что такое «барахло»? — спросил Релинк у переводчика. Тот пояснил ему значение этого слова. Релинк поднял брови и взял лежавший перед ним «кольт». Вынул из него обойму, умело отсоединил затвор и посмотрел сквозь ствол на свет лампы.

— Какое свинское обращение с оружием! — сказал он огорченно и спросил: — Когда вы из него стреляли в последний раз?

— Никогда я не стрелял, я его просто так таскал, на случай, — ответил Григоренко.

— Почему вы явились в больницу так поздно? — спросил Релинк.

— Плохо мне было последние дни, дышать нечем,— жалобно начал Григоренко. — Каждое утро думал: авось отпустит. А сегодня к вечеру почувствовал, ну, прямо умираю, и все.

— Бывает. Туберкулез — болезнь тяжелая, — сочувственно заметил Релинк. — Так... Значит, вы пошли в больницу, и что вы сказали там принявшему вас врачу?

— Что болен и прошу положить на лечение, — ответил Григоренко.

— Именно так и сказали? Припомните-ка получше, а то мы сейчас ваши слова запротоколируем, а мне не хочется предъявлять вам потом обвинение в ложных показаниях. Ну?

— Да нет же, именно так и сказал.

— Хорошо. Зафиксируйте, — обратился Релинк к солдату-протоколисту, сидевшему за пишущей машинкой. Когда пишущая машинка смолкла, Релинк сказал: — С этим эпизодом все ясно. А где вы работаете?

— Постоянно — нигде. Подрабатываю на хлеб где придется, — часы, например, чиню, — ответил Григоренко.

— Часы? — удивился Релинк и, жестом подозвав сидевшего в стороне Бульдога, сказал ему что-то. Бульдог кивнул и быстро вышел из кабинета. — Так... Часы, значит, ремонтировали? — переспросил Релинк и, улыбнувшись, добавил: — Не знал я этого неделю назад, мои часы вдруг начали отставать на целый час, но я их, знаете, вот так потряс, и они пошли правильно.

— Наверное, соринка попала в механизм,— тихо произнес Григоренко.

— Да, да, очевидно... — добродушно согласился Релинк.

В это время Бульдог ввел в кабинет Карлика. Вид у него был страшный: рубашка в крови, все лицо в фиолетовых подтеках.

— Ну-ка, маленький человек, — обратился к нему Релинк, — посмотрите-ка на этого господина, не он ли сегодня прятался у вас в будке?

Карлик с трудом приподнял вспухшие веки и посмотрел на Григоренко:

— Он...

— Как тесен мир! — весело воскликнул Релинк. — Тогда скажите нам: кто он, этот человек?

— Мишей его зовут, — тихо-тихо говорил Карлик. — А больше я ничего о нем и не знаю.

— Чем он занимается?

— Когда-то я учил его своему ремеслу. В общем промышлял он, как многие: что достать, что продать, что поменять.

— Ага! — обрадовался Релинк. — Торговец, спекулянт — прекрасно! Что вы можете сообщить нам еще?

— Ничего.

— Спасибо, маленький человек. Уведите его.

— Итак, зовут вас действительно Михаил? — вернулся Релинк к допросу. — А фамилия?

— Григоренко, я же сказал...

— Ну что же, постепенно все проясняется, — самодовольно говорил Релинк, довольно потирая руки. — А у нас такая обязанность — все выяснить. К вашему сведению, мои люди находились в больнице совсем по другому поводу, а случайно напоролись на вас. Главный врач из-за вас закатил моим людям истерику, но, так или иначе, приходится заниматься и вами, и, видите, не зря. Нас очень встревожил сегодняшний случай на базаре. Скажите, зачем вам понадобилось убегать?

— Неохота, чтобы в Германию отправили, — ответил Григоренко.

— Ну, это я понимаю... — согласился Релинк и, подождав немного, отдал приказ увести Григоренко.

Оставшись один, Релинк выскочил из-за стола и начал энергично прохаживаться от стены к стене. С момента, когда Любченко позвонила ему из больницы, Релинк был уверен, что вышел на след большого зверя. Эта уверенность не покидала его и сейчас. Конечно, легче всего было бы пригласить в кабинет Любченко и на очной ставке уличить Григоренко. Но, во-первых, эта улика может остаться единственной, и она еще не ведет по следу дальше. Во-вторых, на данном этапе следствия нельзя было раскрывать причастность Любченко к СД. Наоборот, Григоренко надо внушить, что она к его аресту не имеет никакого отношения. Релинк уже не раз убеждался, что среди арестованных безотказно действует свой неуловимый беспроволочный телеграф, и Григоренко может по нему сообщить на волю, что Любченко — агент СД. Тогда вся операция развалится в самом начале, а капкан в больнице начисто выйдет из игры...

Релинк стремительно прошел в соседнюю комнату, где находилась Любченко.

— Вспомнили? — еще с порога спросил Релинк.

Любченко покачала головой.

— Обязательно надо вспомнить, — сказал Релинк, садясь на диван рядом с ней. — Вы понимаете ситуацию? Если бы этот тип был от вашего подполья, он явился бы к вам с установленным паролем. А он пароля не знал, он сослался на то, будто о возможности спрятать человека вы говорили сами. Кому? Кому вы это могли сказать?

— Ума не приложу, — сказала Любченко. Кроме того, что она действительно не могла вспомнить, кому она это говорила, она еще и боялась, что Релинк может заподозрить ее в работе на два фронта.

— Хорошо... — подождав немного, сказал Релинк. — Идите домой, и я просто умоляю вас: завтра к вечеру вы должны, вы обязаны вспомнить.

— Я стараюсь... — пробормотала Любченко, вставая, и с жалкой улыбкой добавила: — Старческая память...

— Нужно вспомнить, — повысил голос Релинк. — Завтра вечером я пришлю за вами машину.

Релинк вернулся к себе и снова начал вышагивать от стены к стене.

В кабинет вошел Бульдог. Увидев мечущегося начальника, он почтительно стал у двери.

— Ну, что скажешь? — спросил Релинк, продолжая ходить.

— Все то же... — пробасил Бульдог. — Дай мне его на полчаса, и он скажет все. Я же вижу, материал некрепкий.

— А если он, ничего не сказав, околеет? — спросил Релинк. — Уже забыл историю с рыжим подпольщиком? — Он несколько раз прошелся по кабинету, остановился перед Бульдогом и приказал: — В больнице держать засаду внутри и снаружи. Брать каждого подозрительного. Тот, кто послал туда этого типа, может прийти сам, чтобы узнать, как дела. Причем учти: в больнице может быть их агент. А этот Григоренко должен думать, что мы его личности не придаем значения. Узнай у Цаха, куда он завтра посылает заключенных для работы. Мы направим туда и его, но ты поставь его на такое место, чтобы его было видно на версту вокруг. Возможна попытка его отбить, или он попробует бежать сам или войти с кем-нибудь в контакт. Все это предусмотри. Головой отвечаешь за каждый промах.

— Ненужный спектакль, — усмехнулся Бульдог.

— Изволь выполнять приказ...

Утром Григоренко снова привели на допрос. Делая вид, будто ему некогда, Релинк мельком, досадливо взглянул на

стоявшего перед столом Григоренко и, продолжая перебирать на столе бумаги, заговорил небрежно:

— Я вызвал вас, только чтобы объяснить вам ваше положение. Как вы сами понимаете, вы для нас — персона, случайно попавшая нам под ноги. У нас есть дела поважнее. Но порядок есть порядок. Мы вынуждены навести о вас необходимые справки. Это займет время, а у нас существует порядок: мы посылаем заключенных на работы. Я думаю, вы не откажетесь, тем более что вы до ареста, по вашим словам, зарабатывали на хлеб чем придется. Я не имею права превращать СД в санаторий для безработных, — Релинк мимолетно улыбнулся Григоренко и сделал знак Бульдогу увести его.

Ожидая в камере отправки на работу, Григоренко обдумывал происходящее с ним.

Когда там, в больнице, он получил удар в пах, его мозг точно выключился, и он долгое время попросту не понимал, что с ним происходит. И только когда его привели на первый допрос, мозг его заработал, и первое, что он понял, вселило в него надежду. СД явно не знала, кто он. Гестаповцы в больнице оказались случайно. И врачиха вовсе не предательница, иначе она сообщила бы им, что он ей сказал, когда пришел в больницу. Григоренко стал внушать себе, что все кончится для него благополучно. Еще больше он поверил в это после второго разговора с Релинком. На худой конец его отправят в Германию, а тогда он убежит из эшелона. Да, так и будет. Ему ведь совершенно ясно дали понять, что он фигура для них не важная...

Григоренко и еще трех заключенных (все трое были агентами СД из местного населения) вели на работу через весь город по самым оживленным улицам. Конвоировали их только два полицая с автоматами. Один шел впереди, другой — позади. Но Григоренко не мог знать, что одновременно по обеим сторонам улицы шли одетые в штатское шпики СД. (Мог ли Григоренко в это время совершить побег? Рискуя жизнью — мог.)

— Ты за что взят? — тихо спросил у него шедший рядом заключенный.

— Да ни за что — слепой случай, — ответил Григоренко.

— Тогда тебе лафа. А меня взяли, когда я нес взрывчатку. Я им теперь говорю: мне дали снести — я и понес, а кто дал, что дал — не знаю.

(Должно было насторожить Григоренко это неожиданное признание? Конечно. Но он отнесся к этому признанию, трево-

жась совсем о другом — как бы не подумали, что он связан с этим человеком. И он стал его сторониться.)

Их привели на железнодорожную станцию к одиноко стоявшему товарному вагону, и они стали выгружать из него солдатские посылки. Один заключенный работал в глубине вагона, он передавал посылки Григоренко, который стоял в дверях вагона, а третий подхватывал посылки, стоя возле вагона, и складывал их в кучу. Не прошло и часа, как все посылки были выгружены. Тогда им приказали перенести их к пакгаузу, который был шагах в пятидесяти. Они сделали и это. Один из конвойных ушел куда-то, второй — приказал заключенным сесть на груду шпал, а сам стал перед ними.

— Покурить нет? — обратился к Григоренко тот же слишком откровенный заключенный.

— Все отобрали, — ответил Григоренко.

Другой заключенный, до этого молчавший, сказал тихо:

— Завтра выхожу на волю, накурюсь до рвоты.

— А тебя за что взяли? — поинтересовался Григоренко.

— За семечки, — усмехнулся тот. — А грецких орехов не заметили. Повезло, одним словом. А ты завяз крепко? Политический?

— Чепуха, — сказал Григоренко. — Пришел в больницу, а там облава.

— На волю ничего передать не надо?

— Сам скоро выйду.

(Должен был насторожить Григоренко и этот разговор? Конечно.)

Вернулся второй конвойный, и они повели заключенных обратно в СД, и снова через весь город.

Замысел Релинка ничего не дал. Никто отбивать Григоренко не пытался, и сам он о побеге не замышлял.

«Сообщники могут еще не знать о его аресте, — правильно думал Релинк. — А сам он, очевидно, поверил, будто мы не имеем понятия, что он за птица. Это уже хорошо. Ради одного этого стоило устраивать спектакль с работой...»

Первый встревожился Дымко — Григоренко не пришел ночевать. В конце дня Дымко, исполнявший теперь обязанности связного, использовал сигнальную схему, которая вступала в действие на случай тревоги. Но все-таки, чтобы эта схема сработала, нужно было время...

В день, когда Григоренко разгружал вагон, на допрос его не вызывали. Ночь он проспал совершенно спокойно. Не трогали его и весь следующий день.

Любченко позвонила Релинку по телефону на исходе дня.

— Мне нужно срочно увидеться с вами, — сказала она. — Я в больнице.

— Сейчас буду.

Релинк бросил трубку и вызвал к подъезду машину.

В те минуты, пока Любченко ждала Релинка, она еще и еще раз вспоминала то, что заставило ее позвонить ему по телефону. Нет, нет, ошибки быть не могло, но поверит ли в это Релинк?

Релинк еще не успел сесть на стул, когда Любченко сказала, страшно волнуясь:

— Я вспомнила.

— Возьмите себя в руки, ошибка недопустима, — угрожающе сказал Релинк.

— О том, что я могу прятать людей в больнице, я говорила только одному человеку — Игорю Николаевичу Шрагину, зятю моей старой знакомой из местных немок, — быстро, будто опускаясь в холодную воду, проговорила Любченко.

— Я знаю его, — рассеянно отозвался Релинк. — Не может этого быть! Ошибка.

На самом деле Релинка прямо распирало от радостного предчувствия, и он готов был молить бога, чтобы никакой ошибки здесь не было.

— Где и когда вы это ему говорили? — спросил он.

Любченко обстоятельно и точно рассказала — минувшей ночью она вдруг вспомнила этот разговор и затем в течение дня успела припомнить множество подробностей того вечера в доме Эммы Густавовны.

Выслушав ее, Релинк уже не сомневался, что Любченко выводит его на самую крупную цель за всю его деятельность здесь. И очень может быть, что эта цель не кто иной, как неуловимый «Грант».

Мысль Релинка летела вперед: «Вот мой достойный отклик на сталинградскую трагедию шестой армии! Нет, нет, эта старая рухлядь, сама того не зная, сделала великое дело, но пока я ей и виду не покажу, как важно все, что она рассказала...»

— Очень хочу, чтобы это не было ошибкой, — холодно сказал Релинк. — Немедленно напишите все, что вы рассказали. Я подожду. Пишите как можно подробнее.

Пока Любченко писала, Релинк набрасывал план операции против Шрагина. Сначала он назвал ее «Ответ на Сталинград». Зачеркнул. Слишком крикливо и не следует лишний раз напоминать о трауре. Он придумал еще несколько названий и остановился на таком: «Олендорф против Гранта».

Начальник управления эту его лесть оценит по достоинству, ему, конечно, будет приятно докладывать рейхсминистру о такой крупной победе, названной его именем.

Затем он начал набрасывать схему операции.

«Первое: немедленно взять Шрагина под неусыпное высококвалифицированное наблюдение.

Второе: арестовать Шрагина не позже как завтра утром...»

Релинк позвонил по телефону Бульдогу:

— Через тридцать минут собери ко мне всех начальников отделов. Будем говорить о летних отпусках... — Последняя фраза предназначалась для Любченко.

Рано утром Шрагин, как всегда, отправился на завод. Выйдя из дому, он на другой стороне улицы заметил человека, подозрительно резко отвернувшего физиономию. Однако человек этот за ним не пошел. Убедившись в этом, Шрагин успокоился, тем более что со вчерашнего вечера все его мысли были о новости, сообщенной ему Дымко, — пропал Григоренко. Ночью он думал только об этом, обдумывая версию за версией, какие могли возникнуть в связи с его исчезновением. И сейчас, идя на завод, он тоже думал об этом. Чувство тревоги разрасталось...

У входа в заводоуправление стояли майор Капп и какой-то незнакомый мужчина в штатском.

— Доброе утро, господин Шрагин,— Капп приложил руку к козырьку фуражки и посторонился, давая Шрагину пройти в здание.

Шрагин вошел в темный тамбур перед следующей дверью. И как только внешняя дверь захлопнулась, из темноты на него бросились несколько человек. Его выпихнули на улицу, где уже стояла тюремная машина. Кто-то ударил его по ногам, он стал падать, но его подхватили, втащили в машину, и она бешено сорвалась с места.

Глава 52

Шрагин с первого же момента понимал, что схватили его не случайно. Весь вопрос в том, что они о нем знают. Во всяком случае, от него они ничего, кроме известной им фамилии, не узнают, чего бы это ни стоило. Это было для него настолько ясно и непреложно, что думать об этом не было никакого смысла. Главная тревога была о другом: один ли он взят? Если арестованы все — ясно, что это результат вольного или невольного предательства Григоренко. Если же других не тронули, еще сегодня вступит в действие специальная

схема, по которой на его место становится Демьянов, и работа группы будет продолжаться, а ради этого можно пожертвовать и жизнью. Но если Григоренко вынудили назвать все имена и группа уже в руках гестапо, как он тогда должен вести себя? Вот это следовало обдумать...

Может случиться, что палачи сломили уже не одного Григоренко, тогда очные ставки с ними убедят СД, что он руководитель группы, и после этого его молчание особого значения для следствия иметь не будет. А что в этом случае молчание может дать ему самому? Это тоже следовало обдумать...

Вот очень важное: узнав, что от группы через фронт пошел Харченко, гестаповцы могут устроить ему ловушку, когда он будет возвращаться с радистом и снаряжением. Для этого СД нужно будет только заставить одного из сломленных действовать по их указанию.

В это время Григоренко снова привели в кабинет Релинка, и он сразу почувствовал, что отношение к нему изменилось. Уже по пути из одиночки, когда он замешкался перед лестницей, сопровождавший его Бульдог двинул его кулаком в спину. А Релинк сейчас смотрел на него с такой страшной улыбкой, что он невольно отвел глаза.

— Ну, господин Григоренко, не припомнили ли вы о себе еще что-нибудь интересное для нас? — спросил Релинк.

— Я сказал все, — ответил Григоренко.

— Тогда в попытке обмануть нас я должен обвинить некоего Гранта, — повысив голос, сказал Релинк. Это был его первый пробный шаг для выяснения вопроса о таинственном авторе радиограмм.

Григоренко знал о кодированном названии группы и в первое мгновение не сумел скрыть, как он поражен. Релинку этого безмолвного признания было вполне достаточно, по крайней мере на первое время.

— Ну что, Григоренко? — продолжал Релинк. — Позвать сюда Гранта и будем обвинять его во лжи? Боюсь только, что вам от этого не поздоровится. Грант — человек серьезный.

— Я не разобрал, о ком вы говорите? — наивно начал отступление Григоренко.

— Ах, не разобрали? Грант! Грант! Разобрали? — Релинк показал Бульдогу на Григоренко и сказал: — У него что-то плохо со слухом, посмотри.

Бульдог быстро подошел к Григоренко и с ходу ударил его кулаком в лицо. Григоренко отлетел в угол комнаты и упал,

опрокидывая стулья. Второй гестаповец поднял его и усадил на стул посреди комнаты.

Григоренко осмотрелся по сторонам и остановил отупело-испуганный взгляд на Бульдоге, который уже, как прежде, сидел в кресле у стены.

— Сюда, сюда смотри, красная сволочь! — крикнул Релинк по-немецки.

Григоренко послушно повернул лицо к нему.

— Э, ты, я вижу, понимаешь по-немецки. Приятная новость.

Григоренко действительно последнее время уже неплохо понимал по-немецки и сам пытался разговаривать.

С этой минуты Релинк допрашивал его по-немецки. И хотя он часто вынужден был прибегать к помощи переводчика, чтобы уточнить сказанное арестованным, все же так ему работать было удобнее: полный перевод допроса очень замедлял его темп.

— Так что же вы скажете нам, Григоренко, по поводу Гранта? — спокойно спросил Релинк.

— Не знаю я никакого Гранта, — мотнул головой Григоренко. Он решил, что гестаповцы знают откуда-то только это кодированное название их группы, и думают, что это чье-то имя, и ловят его теперь на этот голый крючок.

— Ах, не знаете! — Релинк сделал знак Бульдогу, и тот, на этот раз не спеша, пошел к Григоренко.

— Погодите! — закричал Григоренко.

Релинк жестом остановил Бульдога.

— Хорошо, подождем немного. А пока чисто теоретический вопрос: может так быть, что Грант знает вас, а вы его не знаете?

— Конечно, может, — поспешил ответить Григоренко. — Мало ли кто может меня знать!

— Вы такой популярный в этом городе человек?

— Я никакого Гранта не знаю.

По знаку Релинка стоявший позади Григоренко гестаповец быстрым выверенным движением скрутил ему руки за спину и привязал их там к спинке стула. Затем он прикрутил веревкой к ножкам стула и его ноги. Этот прием допроса Релинк называл «танец со стулом».

Перед Григоренко появился гестаповец с резиновым четырехгранным бруском в руках. Он методически и неторопливо расстегнул все пуговицы своего кителя.

— Для начала медленный блюз без головы, — негромко распорядился Релинк.

Первый удар — по груди. Затем, сделав шаг с поворотом, гестаповец бил чуть ниже плеча, еще шаг с поворотом — и удар по шее. После третьего удара Григоренко обвис и начал падать вперед, но гестаповец удержал его за спинку стула. Еще шаг с поворотом — еще удар. Новый взмах бруска...

Григоренко закричал.

— Пусть дама немного отдохнет! Танец нелегкий, — сказал Релинк и, выйдя из-за стола, стал вплотную перед Григоренко.

— Не надо кричать и не надо обижаться. Ты же не знаешь, это самый новый метод лечения туберкулеза.

Гестаповцы захохотали.

Взяв себе стул, Релинк сел лицом к лицу с Григоренко и спросил сочувственно:

— Больно? Ничего не поделаешь, не всякое лечение приятно. А теперь отвечай коротко и точно на мои вопросы. В каком году родился?

— В девятнадцатом, — прохрипел Григоренко.

— Где?

— В Харьковской области, село Федоровка.

— Значит. ты не местный житель?

— Нет.

— Как здесь очутился?

Григоренко не отвечал. Он только в это мгновение сообразил, что автоматически сообщил о себе подлинные данные, а в его версии, приготовленной на случай ареста, данные были совсем другие. В спокойной обстановке, не оглушенный болью, может быть, он и смог бы как-то согласовать сообщенные им подлинные сведения с версией, но сейчас он лишь вспотел от страха.

— Я приехал сюда... еще перед войной... Послали на работу... Инструктором физкультуры... — запинаясь, проговорил Григоренко, и это было уже из версии.

— Так, так, — Релинк вернулся за свой стол. — Вот твой паспорт. Почему здесь нет положенной отметки о работе в этом городе?

Григоренко молчал, не понимая, как у них мог оказаться его паспорт, который он, уходя к партизанам, спрятал в старой квартире.

— Ну, ну, отвечай быстрее! — крикнул Релинк. — Где штамп о работе?

— Не успел поставить, — ответил Григоренко.

— Ах, не успел! А почему в паспорте совсем другое место рождения?

Григоренко молчал. Релинк снова подошел к нему вплотную.

— Плохо твое дело, очень плохо. Надо было, покидая свою старую квартиру, спрятать паспорт получше. Или не надо было отмечаться там в качестве постоянного жильца. И уж во всяком случае, следовало помнить, что сказано в твоем фальшивом паспорте. — Релинк обратился к гестаповцам: — Быстрый фокстрот!..

Через полчаса Григоренко без сознания унесли в камеру...

Релинк вызвал машину и вместе с двумя сотрудниками выехал на квартиру Шрагина. Это входило в разработанный им план операции «Олендорф против Гранта». Он ехал вполне довольный собой: пока все шло так, как он задумал.

Эмма Густавовна и Лиля были дома. Дверь открыла старуха. Она недоуменно и испуганно смотрела на ворвавшихся гестаповцев, не узнавая Релинка, который однажды был у нее в гостях.

— Эмма Густавовна, здравствуйте, — улыбнулся ей Релинк. — Можно к вам на минуту?

— Прошу, прошу, — засуетилась старуха, все еще не узнавая гостя.

Релинк решил напомнить ей о себе:

— Я очень сожалею, что с тех пор, как побывал у вас вместе с генералом Штроммом, больше не имел возможности воспользоваться вашим милым гостеприимством.

— Я тоже сожалею об этом, господин... — старуха замялась.

— Релинк.

Они прошли в гостиную.

— Ваша дочь дома? — спросил Релинк.

— Валяется в постели, — ворчливо ответила старуха.

— Позовите ее, пожалуйста, нам надо поговорить всем вместе.

Лиля вышла заспанная, со злым, мятым лицом и, не ответив на приветствие Релинка, села на диван.

— Где господин Шрагин? — спросил у нее Релинк.

— Наверное, на своем заводе, — ответила за дочь Эмма Густавовна. — А впрочем, кто его знает, он же нам никогда не говорит, куда идет.

— Нет, Эмма Густавовна, он не на заводе, — вздохнул Релинк. — Мы его сегодня утром арестовали.

Лиля схватилась рукой за горло и смотрела на Релинка полными ужаса глазами.

— Что я тебе говорила! — истерически крикнула старуха.

— Что вам говорила мама? — быстро спросил Релинк, не сводя глаз с Лили.

— Пусть она сама скажет, — еле слышно произнесла Лиля.

— Я говорила ей, что он темный и жестокий человек, — почти торжественно произнесла Эмма Густавовна.

— Почему у вас такое мнение? — повернулся к старухе Релинк.

— Боже мой! — всплеснула она руками. — Два года прожить в семье и ни разу не показать себя человеком, у которого есть сердце.

— Так... Еще что? — спросил Релинк.

Но сколько он ни бился, больше старуха ничего конкретного сообщить не могла. И тогда он снова обратился к Лиле:

— А что вы скажете?

— За что вы его арестовали? — спросила Лиля.

— Об этом позже. Пока я хочу послушать вас, ваши впечатления о господине Шрагине.

— По-моему, он хороший и честный человек, — помолчав, ответила Лиля. — То, что говорит мама, — это несерьезно. Ей не нравится его характер. Мне тоже его характер не по душе, но человек он хороший... Да, он хороший человек, — с вызовом повторила она.

— Жене муж чаще всего кажется хорошим, — усмехнулся Релинк.

— Боже мой, какой он ей муж! — воскликнула Эмма Густавовна. — На глазах у него доктор Лангман открыто ухаживает за его женой, а он и бровью не поведет.

— Мама! — возмущенно крикнула Лиля.

— Почему я должна молчать? Я все-таки твоя мать, и, если мое сердце болит за тебя, я молчать не могу, — старуха выхватила из рукава платок и прижала его к глазам.

— Ваши семейные дела меня не интересуют, — сказал Релинк, сам в это время решив, что прямо отсюда он поедет к доктору Лангману. Он уже видел, что эти две женщины ничего подлинного о Шрагине не знают.

— Прошу прощения, — Релинк встал. — Но мы должны произвести обыск в комнате господина Шрагина.

Ничего важного от этого обыска он не ждал. Шрагин не такой дурак, чтобы хранить в этом доме изобличающие его документы.

Релинк откланялся и уехал...

В самом начале разговора с Лангманом Релинк сделал тактическую ошибку. Он намекнул, что арест Шрагина чем-

то угрожает доктору. Лицо Лангмана сразу стало каменным, и он сухо спросил:

— Вы видите во мне соучастника господина Шрагина, я правильно вас понял?

— Нет, — твердо ответил Релинк.

— Тогда что вам от меня нужно?

— Коротко — ваши впечатления об этом человеке.

— Мы вернулись на старое место, — поморщился Лангман. — Неужели вы не понимаете простой вещи: или я его сообщник, и тогда я полезен вам, или... вы зря тратите на меня время?

— Я слышал что-то... — Релинк заставил себя улыбнуться, — о вашем с ним сообществе... в семейном или лирическом плане.

— Как видно, в этом плане СД работает здесь хорошо,— холодно сказал Лангман. — Но все же эти сведения не точные. Мои отношения с той женщиной — мое личное дело. Но мужем ее является господин Шрагин.

— Нет у нее больше мужа.

Лангман усмехнулся:

— Мне важно услышать это от нее. Только от нее. Вероятно, и это вам непонятно, — спокойно сказал Лангман и вдруг спросил: — Надеюсь, ее вы не арестовали?

— Пока нет, — сухо обронил Релинк, злорадно почувствовав, что он нашел, наконец, способ заставить этого типа быть разговорчивым. — Но я никаких гарантий на этот счет не даю. Ее муж — наш враг, и, как видно, очень крупного масштаба.

— Это подозрения или установленный факт? — спросил Лангман.

— К сожалению, факт. Вернее — к счастью, поскольку он уже в наших руках.

— Тогда зачем вам мои сторонние впечатления о нем, если, конечно, вы не считаете меня его сообщником?

— Я должен решить, как поступить с его женой, — ответил Релинк.

— Могу сказать одно, — с трудом преодолевая нежелание говорить об этом, сказал Лангман, — для нее этот брак не был счастливым.

— А для него? — быстро спросил Релинк.

— По моим наблюдениям, он из тех мужчин, которые просто не умеют быть женатыми и не понимают, что такое семейное счастье. Его сердце и голова во всем, что за стенами дома.

— А их брак не был ли фикцией стратегического свойства? — спросил Релинк.

— Не думаю... не думаю... — медленно ответил Лангман.

— А в этом случае, как вы понимаете, она — его сообщница и ее мамаша — тоже, и тогда арест их обеих неизбежен, — сказал Релинк.

— Вы не сделаете этого, — спокойно и уверенно произнес Лангман.

— Это почему же? — удивился Релинк.

— Я прошу вас не делать этого, — совсем не просительно, а почти угрожающе сказал Лангман.

— К сожалению, я не могу чьи-то личные интересы поставить выше интересов рейха, — сказал Релинк, вставая. — Я раб законов, которые придумал не я...

От Лангмана Релинк вернулся в дом Шрагина. Обыск там, конечно, ничего не дал. Сказав женщинам, что без его разрешения они не должны уезжать из города, Релинк поехал обедать. Спустя час он приехал в СД, вызвал Бульдога и спросил, как ведет себя Шрагин.

— Спокоен. Будто сидит не в одиночке, а в купе экспресса. Давайте лучше посмотрим на него здесь.

— Рано. Григоренко сюда, — распорядился Релинк.

— Он еще не очухался.

— Пусть врач сделает ему укол, и тащите. Живо!

Укол привел Григоренко в странное состояние. Он понимал, что его привели в этот кабинет на допрос, но что́ это означает для него, полностью не сознавал. Боль, которая оглушила его на предыдущем допросе, словно растворилась в нем, вошла во все поры его тела и вроде даже прижилась в нем и не лишала его больше сознания. А вот теперь ему угрожала новая боль, которой уже негде раствориться, потому что он весь полон болью прежней.

Григоренко с ужасом следил уголком разбитого глаза за Бульдогом. Тех двух палачей, которые стояли позади него, он только слышал, знал, что они здесь, рядом. А вот там, у стены, на полу лежал черный, тускло лоснящийся резиновый брусок, заряженный болью. Он думал только об этом, и оттого сидевший за столом Релинк казался ему наименее опасным.

— Ну, Григоренко, продолжим нашу беседу, — негромко сказал Релинк и обнаружил, что арестованный его не слышит и смотрит на лежащий у стены резиновый брусок. Релинк усмехнулся и крикнул во весь голос: — Эй, Григоренко! Внимание!

Григоренко неторопливо повернул к нему свое вспухшее лицо.

— Ты слышишь меня?

Григоренко кивнул головой.

— Тогда все в порядке. Вернемся к твоему знакомству с Грантом. Не вспомнил ты его?

Григоренко отрицательно повел головой.

— Ты что, говорить разучился? — закричал Релинк. — Отвечай, как положено человеку, языком. Не вспомнил Гранта?

— Н-нет, — Григоренко с трудом разорвал слипшиеся губы.

— Вот теперь ясно — не вспомнил. Но, может, ты знаешь его под другим именем? Внимание, Григоренко! Я сейчас назову тебе другое имя Гранта. Слушай! Его зовут Шрагин! Игорь Николаевич Шрагин!

Как ни был занят болью мозг Григоренко, все же имя руководителя группы ошеломило его, и он понял, где находится. Релинк, конечно, видел, какое впечатление произвело названное им имя, и уже не сомневался, что Шрагин и Григоренко знают друг друга. Теперь надо ковать железо, пока горячо, и попытаться выяснить имена всех участников шайки.

Релинк подошел к Григоренко:

— Ну, ты убедился, что мы все знаем. И право же, зря ты натерпелся от этого... — Релинк показал на резиновый брусок. — Зря, потому что Грант, он же Шрагин, уже давно сказал нам, что знает тебя.

— Этого не может быть! — вдруг твердо и ясно произнес Григоренко.

Релинк разгадал природу этой уверенности Григоренко и сказал почти задушевно, начиная новую, заранее продуманную атаку:

— Запомни на будущее: я никогда не говорю неправду. У меня просто нет времени придумывать ложь. Итак, Шрагин сказал нам, что хорошо знает тебя. Снова не веришь? Слушай тогда, какую он дает тебе характеристику: неумен, самоуверен, самонадеян, недисциплинирован. И что совсем уж обидно — трусоват. Только трусость, сказал он, могла заставить Григоренко бежать в больницу, где он и напоролся на гестапо.

Григоренко молчал. Его больной мозг кольнуло подозрение: что-то уж очень похоже на правду то, что он сейчас услышал.

Релинк подал сигнал Бульдогу, тот — своим подручным: круг, описанный кулаком в воздухе, — это знаменитая бульдожья «мясорубка».

Эта пытка была придумана с изуверски точным расчетом. Человека били, кололи финками, выламывали ему руки и при этом внимательно следили, чтобы он не потерял сознания полностью. А когда человек оказывался на грани этого состояния, пытка прекращалась и Релинк задавал жертве вопросы. «Заглушить сознание, обнажить подсознание» — так научно Релинк определил задачу этой пытки.

— Ну, Григоренко, отвечай! — кричал Релинк. — Ты знаешь Шрагина? Знаешь?

Григоренко смотрел на него кровавыми глазами и молчал.

— Добавить, — тихо произнес Релинк и потом внимательно следил за глазами Григоренко. И когда их стала затягивать пелена, поднял руку: — Стоп! Отвечай, Григоренко, ты знаешь Шрагина?

— Знаю, — еле слышно ответил Григоренко.

— Укол, — распорядился Релинк.

Пока вызванный врач делал укол, Релинк нервно курил, смотря через окно на улицу.

После «мясорубки» и укола сознание Григоренко точно отделилось от него и стало существовать само по себе. Ему подчинялась только малюсенькая частица сознания, которая ведала всем, что было связано с болью, расплавленным свинцом наполнявшей его тело, и той, еще не изведанной, которая таилась в резиновом бруске. И когда Релинк опять подошел к нему, а резиновый брусок очутился в руках у Бульдога, эта малюсенькая частица его сознания напряглась до предела.

— Последний вопрос, Григоренко, и ты пойдешь спать, — громко сказал Релинк. — Ты должен назвать нам всех участников вашей банды. Ты понимаешь меня?

Григоренко молчал, не сводя глаз с резинового бруска в руках Бульдога...

Глава 53

«Надо подводить черту», — так сказал себе Шрагин, обдумав все в каменной тишине одиночки. Он не тешил себя безосновательными надеждами. Конечно, он будет бороться за жизнь до конца. Прежде всего надо выяснить, что им известно, но и это ему нужно знать главным образом для того, чтобы установить, что послужило причиной провала и каковы бу-

дут его последствия для дела. Очень важно, какой их ошибкой воспользовалась СД. Скорей всего провал мог начаться с Григоренко. Но Шрагин не считал его предателем. Он понимал, что Григоренко просто не мог стать полноценным разведчиком, это ему не было дано. Самолюбивый, самовлюбленный, а такие люди всегда не тверды характером. На минутном вдохновении, на порыве они могут даже совершить подвиг, но, оказавшись в положении обреченных, они, как правило, теряют мужество, а от человека, который потерял мужество, можно ждать чего угодно. Григоренко — человек именно такого склада, и, если провал идет от него, виноват в этом не только и даже не столько он, Григоренко. Нельзя от человека требовать того, что ему не дано. Шрагин прежде всего винил себя. Наконец, может оказаться, что Григоренко и не виноват в провале. Так или иначе, надеяться на чудо глупо и надо подводить черту... Сделано все же немало. Впрочем, как можно это высчитать, с чем сравнить? Лучше сказать так: мы сделали все, что смогли, и то, что сделано, не пропало даром...

На войне час смерти не выбирают. И пока война не кончилась, ее закон непреложен: на место погибших становятся другие...

Шрагин был готов ко всему и хорошо знал, что его ждет. И желал себе он только одного — умереть так, чтобы даже его смерть была его победой над врагом...

Релинк торопился. Не давать подследственным возможности опомниться, не давать им времени на обдумывание хода следствия! В отношении Григоренко это помогло.

Первый допрос Шрагина Релинк назначил на утро. Хотел после хорошего сна быть со свежей головой. Но хорошего сна не получилось. Еще вечером он обнаружил, что волнуется и даже нервничает. Вот запись, сделанная им в дневнике в эту ночь:

«Завтра утром первая атака на персона грата. Черт возьми, я же довольно хорошо его знал, и он знал меня. Мы разговаривали. Я же мог взять его на год раньше. Перестрелять сотни воробьев, выдавая каждого за двоюродного брата орла, и знать при этом, что сам орел недосягаемо грозно парит над тобой, — это ли не позор для охотника? И вот орел в клетке. Завтра первый допрос. Волнуюсь, как, бывало, в военном училище перед экзаменом. А он, говорят, спокоен. Не верю. Он волнуется и нервничает больше меня. Он

знает, что его ждет. Во время допросов за его спиной будет стоять смерть, а не за моей. И эта особа — моя надежная помощница».

Ровно в восемь часов утра Шрагина ввели в кабинет Релинка. Когда он сел на стоящий посреди кабинета стул, Релинк удалил всех, кроме двух солдат, которые стояли у дверей. Остался еще и солдат-протоколист за столом у пишущей машинки.

Шрагин внимательно рассматривал Релинка и видел, что он пытается скрыть волнение.

— Доброе утро, господин Шрагин, — чуть заметно улыбнулся Релинк.

Шрагин, не отвечая, продолжал в упор рассматривать его.

— Ну вот... — продолжал Релинк уже без тени улыбки, а строго и несколько заученно. — Во время нашего последнего разговора на заводе вы сами высказали пожелание: если у меня есть основания предполагать, что совесть у вас не чиста, продолжить наш разговор в моем кабинете. У меня есть это основание, и я выполняю ваше пожелание. Прошу вас назвать ваше подлинное имя и служебную принадлежность.

— Требую теперь же запротоколировать мое заявление,— четко и ясно произнес Шрагин.

— Прошу, — Релинк сделал знак протоколисту записывать.

— Меня зовут Игорь Николаевич Шрагин, — неторопливо сказал Шрагин. — Больше никаких показаний о себе я не дам и прошу не тратить на это время и усилия. На вопросы, меня не касающиеся, готов отвечать. Таково мое непреклонное решение. Всё.

— Ни к чему хорошему подобное поведение не приведет, — заметил Релинк.

— Почему? И смотря кого, — сказал Шрагин. — Вы лишаетесь возможности оперировать моими показаниями. Для вас это неприятность чисто юридического характера, но поскольку юрисдикция и гестапо — понятия до последнего времени незнакомые друг другу, неприятности ваши не так уж велики. А для меня не говорить о себе приятно, ибо я страстный поклонник скромности. Что же касается всех других тем, то мне доставит удовольствие поговорить с умным человеком, каким я вас искренне считаю.

— Благодарю за комплимент, — усмехнулся Релинк, отмечая про себя удивленно, что Шрагин сказал ему о том

же, о чем говорил ему вчера вечером Олендорф, — о соблюдении в этом деле юридических норм.

— Но беда, господин Шрагин, в том, что вы арестованы СД, вы, а не кто-нибудь другой. И поскольку у нас здесь не клуб филателистов, здесь ведется следствие, а не происходит общий разговор, а следствие касается вас, только вас.

— Поскольку вы употребили выражение «арестован», не мешало бы вам сообщить мне, за что я арестован.

— Допрос все же веду я, а не вы.

— Если подойти к нашей ситуации философски, — совершенно спокойно сказал Шрагин, — то еще можно поспорить, кто кем арестован и кто имеет больше прав на предъявление обвинения. И все же любопытно, за что я арестован?

Релинк, многозначительно помолчав, четко произнес:

— Вы арестованы как опасный враг Германии.

— В таком случае я считаю вас арестованным как опасного врага моей страны, — в тон Релинку проговорил Шрагин и добавил: — И я могу сейчас же конкретизировать свое обвинение. Хотите?

— Допрашиваю я.

— Тогда вы и потрудитесь конкретизировать свое обвинение.

Релинк откинулся на спинку кресла, сложил руки на груди и долго смотрел на Шрагина молча и иронически, а Шрагин точно с таким же выражением смотрел на него.

— Значит, вы не знаете, за что арестованы? — не меняя позы, спросил Релинк.

— Не имею понятия.

— А чем, позвольте узнать, вызвано ваше заявление о том, что вы не будете давать показаний? Где логика? Ведь арестованный человек, не чувствующий за собой вины, наоборот, не должен бояться говорить о себе.

— А я и не боюсь, — подхватил Шрагин. — Я просто оскорблен самой необходимостью доказывать, что я не верблюд, тем более что вам моя работа и мои поступки хорошо известны.

— Но речь-то как раз идет о той вашей деятельности, которая до недавнего времени была нам не известна.

— Была не известна? Значит, теперь известна. Ну, а мне это не известно, и совершенно естественно мое желание узнать, о чем идет речь.

— Речь идет о вашей враждебной Германии деятельности, — заговорил Релинк. — И даже этой стандартной так-

тикой саботажа следствия вы доказываете свою принадлежность к названной мною деятельности. Мы это уже не раз видели, но кончалось это одинаково: языки развязывались. Мы умеем этого добиваться, смею вас уверить, господин Шрагин.

— О, это понятно, — кивнул головой Шрагин, — вам следовало бы учесть, что в Берлине меня знают. Знают там и о моем аресте, и для начала я требую, чтобы в отношении меня соблюдались соответствующие законы немецкой юрисдикции. Прошу это запротоколировать, — сказал Шрагин солдату, и тот, как послушный механизм, застучал на машинке.

— Стоп! — заорал на него Релинк.

— В чем дело? — спросил Шрагин. — Почему вы отказываете мне в элементарном юридическом праве требовать внесения в протокол моих заявлений?

— Я вам покажу юридическое право! — сорвался на крик Релинк.

— Стыдно впадать в истерику, господин Релинк, — сказал Шрагин насмешливо.

— Ну вот что, — сказал Релинк, поднимаясь. — Мне надоела эта игра в кота и мышку. Я вам даю час на то, чтобы вы опомнились, осознали, где вы находитесь и что вам грозит.

— Постарайтесь разумно использовать этот час и вы, — спокойно отозвался Шрагин, вставая...

Релинк готов был с кулаками броситься на стул, на котором только что сидел Шрагин. «Негодяй! Неужели он всерьез не понимает, что мы в пять минут выбьем из него идиотскую фанаберию?» — разъярял себя Релинк. И вдруг он вспомнил слова Шрагина о том, что в Берлине знают о его аресте. «Что он имел в виду? Что Берлин получит о его аресте информацию не из рук СД? Может быть, это сделал Лангман?»

Релинк быстро набрал номер телефона доктора.

— Здравствуйте, доктор Лангман. Это Релинк. Хочу сообщить, что ваша просьба мною выполнена. Не хотите ли, кстати, узнать, что за птица муж некоей интересующей вас дамы?

— Нет, не хочу, это меня совершенно не интересует, — быстро сказал Лангман.

— Тогда у меня к вам все. До свидания.

Не услышав отклика, Релинк швырнул трубку и грязно выругался.

«Адмирал Бодеккер! Вот на кого надеется Шрагин, — озарило Релинка. — Только на него. Не случайно адмирал позволил себе, не дальше как вчера вечером, позвонить и выразить свое удивление и недоумение по поводу ареста Шрагина и даже не пожелал ничего в ответ выслушать».

Обдумав, как лучше и хитрее повести разговор с адмиралом, Релинк набрал его номер телефона и тотчас услышал его глухой голос:

— Адмирал Бодеккер у телефона.

— Здесь Релинк. Сейчас вы в состоянии говорить спокойно?

— Мне не о чем с вами разговаривать, — ровным глухим голосом заявил адмирал. — Все, что я считал нужным, я уже сказал вашему начальству в Берлине. Прошу извинить, у меня совещание.

«Так... Это весьма интересно, — думал Релинк, еще держа в руке умолкшую трубку. — И объективно получается, что Шрагин и адмирал находятся в каком-то сговоре. Неужели нитка потянется к этой надутой лягушке с адмиральским званием?»

Релинку очень хотелось сейчас поверить в это, и он тут же позвонил майору Каппу. Но телефон майора не отвечал. Соединившись с адъютантом Бодеккера, Релинк узнал, что Капп в кабинете адмирала на совещании.

— Вызовите его, — приказал Релинк.

Услышав голос Каппа, он спросил:

— Упиваетесь болтовней адмирала? Больше у вас нет никаких дел?

— Обсуждается очень важный вопрос, — ответил Капп.

— Прошу вас немедленно быть у меня, — Релинк бросил трубку.

До приезда Каппа Релинк обошел кабинеты, в которых его сотрудники вели допросы людей, считавшихся сообщниками Шрагина. Во всех кабинетах происходили «танцы со стулом», и эта картина несколько успокоила Релинка: все шло правильно, так, как следует.

— Двое подготовлены, — доложил Бульдог. — Третий безнадежен.

— Не позже как через час проведем очные ставки, — сказал Релинк и вернулся в свой кабинет. Там его уже ждал Капп.

— Что за сверхважные вопросы вы обсуждаете с вашим адмиралом? — насмешливо спросил Релинк.

— Действительно, очень важные, — ответил Капп. — Вырабатываются меры по уничтожению завода на случай оставления нами этого города.

— Что, что? — не поверил своим ушам Релинк. — Очевидно, у вашего адмирала прокисли мозги.

— Таков приказ штаба группировки «Юг». Мотивируется это ходом военных событий на Кавказе.

— Мне все это известно, но почему об этом идет болтовня на каких-то полугражданских совещаниях? — Релинк решил не обнаруживать перед майором свою неосведомленность.

— Совещание созвал адмирал, и оно довольно узкое, — пояснил Капп.

— Ладно, я разберусь в этом, — заявил с угрозой Релинк. — Вам известно, что адмирал берет под защиту арестованного у вас опасного врага Германии?

— Мне известно только его недоумение по этому поводу, но должен заметить, что в своем недоумении адмирал далеко не одинок.

— Вы тоже недоумеваете? — спросил Релинк.

— Я уверен в вашей осведомленности. — Капп явно уклонялся от прямого ответа.

— Но ведь вы, а не я — глаза партии на этом заводе, — ехидно заметил Релинк.

— Со стороны партии ко мне претензий нет, — с достоинством ответил Капп.

— А вы, майор, сами посмотрите на себя со стороны, — предложил Релинк. — Я ведь помню, как вы прибежали ко мне с листовкой, которую на самом деле сорвал на заводе этот мерзавец, которого мы арестовали, а не вы. Тогда вам почему-то нужно было получить о себе мое мнение. А теперь вы ссылаетесь на то, что вами довольна партия. Что же произошло между этими нашими встречами? Не понимаете? А я понимаю и поэтому могу пожелать вам одного — поскорее понять это самому. А теперь, преодолев недоумение, не можете ли вы припомнить что-нибудь об этом мерзавце, свидетельствующее о том, что глаза партии на заводе еще не совсем ослепли?

— Разве только одно, — подумав, ответил Капп. — Он слишком правильно и безошибочно вел себя, как человек, полностью отдавший себя интересам Германии. Если быть искренним и говорить то, что есть на самом деле, я больше ничего сказать вам не могу.

— Спасибо, майор, спасибо, — иронически поклонился Ре-

линк. — Можете возвращаться к болтовне об эвакуации завода. До свиданья.

Капп покинул СД немало встревоженный...

Час давно прошел, а Релинк все еще не начинал очную ставку... Шрагин в это время напряженно обдумывал свою первую схватку с Релинком. Игра в кота и мышку, которая так разъярила Релинка, давала ему основание думать, что СД прямых улик против него не имеет или, во всяком случае, знает о нем мало.

«Что будет теперь? Неужели час еще не прошел? — думал Шрагин. — Если сейчас они прибегнут к физическому воздействию, это еще раз подтвердит, что они обо мне знают мало и рассчитывают вырвать у меня признание. Ну что же, попробуйте, господа, у меня есть ради чего все выдержать, и этого у меня вам не отнять...»

Войдя в камеру, гестаповцы скрутили ему руки за спину, стянули их до боли шнуром, и это еще раз сказало ему, что его ждет. Игры больше не будет.

Релинк в эту минуту решал: подвергнуть Шрагина обработке до очной ставки или после? Решил — после. На его партнеров по ставке может подействовать, что они, изуродованные, увидят его здоровым и вполне благополучным.

Шрагина усадили в глубокое мягкое кресло, стоявшее сбоку стола, и по приказу Релинка развязали ему руки. Так он будет выглядеть не только благополучным, но и как бы приближенным к Релинку и, уж во всяком случае, совершенно свободным.

В кабинет втащили Григоренко и посадили его в центре кабинета на стул. Его трудно было узнать. На вспухшем багрово-синем лице мертво поблескивающие, равнодушные, точно ничего не видящие глаза. Его безвольное тело обвисло на стуле.

— Григоренко, смотри! Кто этот господин в кресле рядом со мной? — прокричал Релинк.

В глазах у Григоренко, устремленных на Шрагина, возникло напряжение. Он явно узнал Шрагина и сделал движение, будто хотел выпрямиться.

Шрагин смотрел на него со спокойным и даже равнодушным любопытством, но сердце его больно заныло от жалости к связному. Надо было быть Шрагиным, чтобы и в эту минуту почувствовать себя виноватым за то, что привелось пережить этому парню.

— Ну, Григоренко, ты знаешь этого человека? — крикнул Релинк.

В это время Бульдог стал возле Григоренко, который сразу опустил глаза и не сводил их теперь с сапог своего палача.

— Ну, Григоренко, это наш последний к тебе вопрос — знаешь ты этого человека?

Григоренко отрицательно повел головой, продолжая смотреть на сапоги Бульдога.

— А вы знаете этого неразговорчивого человека? — подчеркнуто вежливо обратился Релинк к Шрагину.

— Первый раз вижу.

— Слышишь, Григоренко? Он тебя первый раз видит, он не знает тебя, а ведь это Игорь Николаевич Шрагин.

Григоренко поднял голову и уставился на Шрагина воспаленными глазами.

— Игорь Николаевич, — глухо и печально, точно жалуясь, признес Григоренко.

— Прекрасно! — подхватил Релинк. — Значит, ты знаешь этого человека. Его фамилия Шрагин? Да?

Григоренко утвердительно кивнул головой.

— Вы посмотрите получше, — вдруг резко сказал Шрагин. — Вы ошибаетесь.

Григоренко долго смотрел на него и потом довольно ясно сказал:

— Не надо, Игорь Николаевич...

— Уведите его, — приказал Релинк. И когда дверь за Григоренко закрылась, он обратился к Шрагину:

— Все ясно. Григоренко знает вас, а вы знаете его, и мы это фиксируем.

По приказу Релинка в кабинет ввели Дымко. Он выглядел лучше Григоренко, сам держался на ногах, но лицо его перекосили кровавые подтеки.

— Ты знаешь этого человека? — обратился к нему Релинк.

— Этого? — по-детски переспросил Дымко, пальцем показывая на Шрагина. — Нет, этого не знаю.

— Как? — взорвался Релинк. — Ты же говорил, что знаешь Шрагина, что тебе о нем говорил твой знакомый Федорчук, а теперь на попятный?

— Почему на попятный? — удивился Дымко. — Про Шрагина мне действительно говорил Федорчук, но этот гражданин, может быть, вовсе и не Шрагин, я же его не видел.

Такого поворота Релинк явно не ожидал и на мгновение растерялся. И от растерянности он даже пропустил возмож-

ность воспользоваться словами Дымко и привязать к Шрагину раньше погибшего Федорчука.

Релинк метнул бешеный взгляд на Бульдога.

— Увести, — приказал он и потом сказал Шрагину: — Все ясно. Только беспощадный руководитель мог добиться у своих подчиненных такой дисциплины страха. Этот ваш человек, по фамилии Дымко, дал о вас наиподробнейшие показания, а увидев вас, проглотил язык. Но мы зафиксируем и это.

— Если у вас юридическая сторона следствия так поставлена, — усмехнулся Шрагин, — вы можете привести сюда на очную ставку любого прохожего с улицы.

— Плевал я на то, как вы смотрите на юридическую сторону нашего следствия.

— Нехорошо, господин Релинк, — заметил Шрагин с усмешкой. — Плевать на юрисдикцию может вышибала в борделе, но не следователь.

— Молчать! — заорал Релинк.

— Молчать — это моя цель. Весь этот постыдный балаган затеяли вы, а не я, — сказал Шрагин.

В дверях возникла борьба, и в кабинет влетел, чуть не упав, истерзанный Назаров. Рубаха на нем была разорвана от ворота донизу. Из носа сочилась кровь.

— Собаки, бешеные собаки, — с яростью произнес он, оглядывая кабинет. Шрагина он при этом точно не замечал.

— А ну, тихо! — приказал ему Релинк. — Кто этот человек?

— Иди ты... — Назаров предложил Релинку довольно далекий маршрут и сказал: — Бьют, сволочи, людей. Какой Шрагин? Кто такой Шрагин? А что вам толку, гады проклятые? Сергей продал вам душу? Ждите! Завели себе Мишку Распутина, целуйтесь с ним, собаки поганые.

Бульдог ударом резинового бруска сбил Назарова с ног, и его вытащили из кабинета.

— Вы думаете, я не понял, что этот тип сообщил вам, как ведут себя на следствии ваши сообщники? — оскалился Релинк. — Но именно это мы сейчас и зафиксируем. И вообще хватит. Все ясно. И должен огорчить вас: каникулы ваши, господин Шрагин, окончены. — Он обратился к Бульдогу: — Взять его! Устройте ему как следует первый «танец со стулом»...

Спустя час гестаповцы принесли в одиночку безжизненное тело Шрагина. Пришедший туда врач сделал ему укол и сказал встревоженному Бульдогу:

— Все в порядке. Он крепкий, утром будет готов к новым «танцам».

Бульдог вернулся в кабинет Релинка и доложил, что Шрагин «оттанцевал» свое безрезультатно.

— Только зубами скрипел, — пожал плечами Бульдог.

— Ты разучился работать! — закричал на него Релинк.— Что ты докладывал мне об этих бандитах? А что вышло на самом деле?

— А чего нянчиться с ними? — взъелся Бульдог. — Все же ясно, по пуле в затылок, и делу конец!

— Завтра к утру ты дашь мне подписанные ими признания в сообщничестве со Шрагиным, или я отправлю тебя на фронт.

— Но... — заикнулся Бульдог.

— Выполняй приказ, черт тебя возьми! — крикнул Релинк.

Поздно вечером Релинку домой позвонил из Берлина Отто Олендорф и сказал не здороваясь:

— Я снова по поводу инженера, которого вы взяли у адмирала Бодеккера. Почему вы мне не напомнили, что это тот же человек, который вскрыл одесскую авантюру?

— Да, но он...

— Его вина перед Германией доказана так же бесспорно, как и его заслуга? — перебил Олендорф.

— Я веду следствие, — сказал Релинк.

— Прекрасно, ведите. Но прошу вас учесть следующее: об аресте этого инженера Бодеккер сообщил гросс-адмиралу Деницу и потребовал проверки ваших действий. Гросс-адмирал получил заверение нашего рейхсминистра, что дело это будет взято под особый контроль. Вам все ясно?

— Да, ясно, — неуверенно отозвался Релинк.

— Прошу извинить за поздний звонок, — вежливо произнес Олендорф и дал отбой.

Релинк немедленно позвонил Бульдогу и приказал ему прекратить обработку арестованных и, как только они придут в себя, отправить их в тюрьму, по одному в общие камеры, и к каждому подсадить по агенту. Не давая Бульдогу возможности вставить слово, Релинк торопливо положил трубку. Потом он схватил первое попавшееся под руку — это была настольная лампа — и с размаху швырнул ее в стену.

Глава 54

Сергея Дымко схватили на глазах у Зины. После ночного дежурства он возвращался домой. Зина видела в окно, как он перешел через улицу, направляясь к дому. Когда он поравнялся с водопроводной колонкой, двое мужчин бросились на него. Тотчас подлетела легковая машина, в нее втолкнули Сергея, и машина умчалась к центру города.

Зина растерялась только в первые минуты. Она бесцельно ходила по комнате, наталкивалась на вещи, бормоча: «Так, так, так...» Потом она тщательно осмотрела жилье, уничтожила все, что могло вызвать подозрение гестаповцев. И когда они приехали делать обыск, Зина делала вид, будто не знает об аресте мужа.

— Да вы скажите, чего вы ищете, — говорила она гестаповцам. — Я сама вам покажу где что.

Сначала они не отвечали и продолжали обыск, но потом наблюдавший за ней гестаповец вдруг спросил:

— Где тайник мужа?

— Что, что? — спросила Зина.

— Где он хранит оружие, документы? — пояснил гестаповец.

— Оружие? — испуганно вытаращила Зина глаза. — Сохрани господь, да вы что? Да я своими руками выбросила бы это на помойку. Да если бы он принес в дом такое, я бы его самого из дома выгнала.

И все-таки ее забрали и продержали в СД двое суток. Когда ей говорили, что ее муж враг Германии, тайный агент Москвы, она то принималась смеяться («Ой, боже ж ты мой, не могли вы выдумать чего полишее!»), а то принималась реветь, требуя, чтобы ей тут же вернули мужа.

— Мы же с ним, как полные дураки, жили с полной верой в германский порядок, — рыдала она. — А вы как нас обласкали за это? Бог накажет вас за вашу неправду.

В конце концов следователь отказался от мысли подозревать в чем-нибудь эту тупицу. Для порядка, что ли, они избили Зину и на другой день приказали ей убираться к чертям.

Утром Зина снова была в приемной СД. Там она быстро перезнакомилась с родственниками других арестованных, узнала все царящие здесь порядки и приметы. Она узнала, например, что, пока идет следствие здесь, в СД, арестованным ничего передать нельзя, не принимают. Зина тотчас сбегала домой, соорудила маленький сверточек с едой и вернулась в СД. Передачу у нее не взяли ни в этот день, ни на

следующий, ни на третий. А на четвертый вдруг взяли. Это была вдвойне хорошая примета: значит, ее Дымко долго не мучили и в ближайшее время переправят в тюрьму. Теперь надо ходить туда.

В тюрьме у Зины не принимали передачу целую неделю. Отвечали: «У нас такого не значится». Тогда Зина бежала в СД, но там ей говорили то же самое. Кто-то из опытных посетителей этих страшных мест сказал, что дела ее плохи. Когда не берут ни там, ни здесь, это чаще всего означает, что с арестованным покончили.

Поздно вечером Зина, обессилевшая от горя, плелась домой. Возле самой калитки ее поджидал незнакомый мужчина.

— Ты Зина Дымко? — тихо спросил он.

— А что?

— Что, что... Если ты Зина Дымко, скажи, тогда и узнаешь что.

— Ну да, я Зина Дымко, — устало произнесла она.

— А как мужа звать?

— Сергей, — автоматически ответила Зина.

— Тогда держи записку и бывай здорова, — мужчина сунул ей в руки свернутую бумажку и быстро ушел.

Дома Зина зажгла коптилку и прочитала записку. Она задохнулась от волнения, сразу узнав почерк Сергея.

«Срочно помолись за всех нас в церкви. Помяни за здравие отца и детей его. Уповай, дорогая моя Зиночка, на бога, молись ему исправно, ну и, даст бог, увидимся. Одну твою зачерствелую посылочку сегодня получил. Не надо больше, самой, поди, есть нечего, а мы тут какую ни на есть похлебку имеем. А вот к жене отца и к свекрови сходить надо, чтобы помолились они о нем. Остаюсь твой любящий муж Сергей».

Зина сорвалась с места и, забыв про комендантский час, помчалась через весь город к попу. Она правильно поняла, что Сергей приказывает ей обратиться к Величко. Еще до ареста муж как-то сказал ей: «Если со мной что-нибудь случится, поскорей дай знать об этом попу Величко». Она тогда еще стала спрашивать, почему об этом нужно знать попу. А Сергей рассмеялся и сказал: «Если бы все попы были такие, я бы, Зиночка, в бога поверил».

Неожиданный стук в окно порядком напугал Величко, он подумал, что пришли и за ним. Все улики своего небожественного промысла он надежно спрятал в церкви и как раз в этот вечер пришил к рясе под мышкой две петельки и под-

весил туда «кольт». Величко решил: если за ним придут гестаповцы и он увидит, что они ведут себя уверенно, он поделит обойму между ними и собой.

Увидев Зину, он даже растерялся немного:

— Будь ты неладна, что это тебе ночью до бога потребовалось?

Когда он узнал, кто такая Зина, и прочитал записку Сергея, он сказал:

— Мне все ясно. Отец, он же Батя, значит Шрагин, и все его товарищи живы. И тебе надо сходить в семью, где жил Шрагин, не помогут ли они со своими связями. Ладно, Зина, будем думать, что делать, но ты ко мне больше не ходи. Будет у тебя что ко мне срочное, поставь на свое окно... вот это. — Он оглянулся и взял с полки глиняный горлач. — Если тебя сейчас остановят возле моего дома, скажи, что носишь мне молоко и приходила за посудой. А на другое утро, как поставишь у себя на окне горлач, к восьми утра иди на рынок. Там я тебя буду ждать. Тебе все понятно? Ну и хорошо, а теперь иди, только не на улицу, а через сад.

Как только Зина ушла, Величко повесил на шею массивный крест, взял завернутый в парчу требник и вышел из дому. Он торопился к связному от подполья. Если его сейчас остановят, он скажет, что идет причащать умирающего.

Но его никто не остановил...

Спустя два дня на квартиру, где жил Шрагин, отправилась Юля. Это было опасное поручение, потому что дом Шрагина был, конечно, под наблюдением и посыльный мог быть схвачен.

Было решено, что утром Юля снова пойдет в СД и еще раз поскандалит там по поводу того, что ей не дают работу. А потом она пойдет на квартиру Шрагина, и, если там ее схватят, она скажет, что в приемной СД ее попросила сходить сюда незнакомая женщина. Да и все-то поручение — попросить снести в тюрьму передачу Шрагину. Все носят...

Дверь открыла Лиля. Она не узнала в Юле той, которой она однажды ночью передала свою подругу Раю.

— А мы с вами знакомы, — решила напомнить ей Юля.— Помните, я вашу подружку однажды спасла?

— Извините, темно тогда было, — смущенно пробормотала Лиля и вдруг испуганно спросила: — Так вы от Раи?

— Нет, я от Шрагина, — ответила Юля.

Лиля сделала шаг назад, и в это время в переднюю вышла Эмма Густавовна.

— Что здесь происходит? Кто это? — раздраженно спросила старуха.

— Она пришла от Игоря Николаевича, — тихо произнесла Лиля.

— Ему надо помочь, — сказала Юля. — Передачу в тюрьму снести.

— Почему это мы должны ему помогать? Кто он нам? Что он нам принес, кроме беды? — закричала Эмма Густавовна, не обращая внимания на протестующие знаки дочери.

— Он же в тюрьме сидит, — укоризненно сказала ей Юля. — Голодают там люди.

— Вы что хотите? Чтобы и нас туда упрятали? — продолжала кричать старуха. — Убирайтесь отсюда! С меня довольно горя без вас! — Эмма Густавовна распахнула дверь на улицу. — Убирайтесь! Слышите? Убирайтесь! Иначе я позову полицию!

— Ну и люди же вы! — с ненавистью сказала Юля и выбежала из квартиры.

Эмма Густавовна и Лиля вернулись к прерванному завтраку, но еда не шла им в горло, и они долго сидели молча, не глядя друг на друга.

— Я снесу ему передачу, — тихо сказала Лиля.

— Ни за что! — взвизгнула Эмма Густавовна. — Ты сошла с ума! Сделать такое, когда все решено с твоей поездкой в Германию! Ты подумай только! Может, наконец, лопнуть терпение и у доктора Лангмана.

— Я снесу, — повторила Лиля.

Эмма Густавовна вдруг решительно сказала:

— Ладно, твоя жизнь впереди, а моя уже окончена. Я снесу сама.

И действительно, на другой день Эмма Густавовна явилась в тюрьму. Она стояла в очереди к окошечку тюремщика с таким видом, что никто не решался с ней заговорить. Сама она боялась прикоснуться к этим людям, будто они были прокаженные.

Тюремщик принял от нее сверток, проверил его содержимое и спросил:

— Записка есть?

— Нет и не будет, — с гордым достоинством ответила Эмма Густавовна.

Тюремщик глянул на нее удивленно.

— А кому передача-то?

— Некоему Шрагину.

— От кого?

Эмма Густавовна молчала. Лицо ее покрылось красными пятнами.

— Ну, говорите же — от кого, я записать должен, — грубо торопил ее тюремщик.

— От знакомых, — еле слышно произнесла старуха.

— Ответа ждать будете?

— Нет, нет, — Эмма Густавовна отшатнулась от окошечка и быстро вышла из тюремной канцелярии.

Она вернулась домой, взвинченная до предела. Всю дорогу она репетировала сцену, которую собиралась устроить дочери за те унижения, через которые она ради нее прошла. Но дома оказался Лангман. Поздоровавшись с ней, он сказал:

— Вы очень хорошо и разумно поступили.

— Я не такая плохая, как думают некоторые, — мгновенно перестроилась Эмма Густавовна, кивнув на дочь, и ушла в свою комнату.

Лиля проводила ее недоумевающим взглядом.

— Мне очень жаль Шрагина, — сказал Лангман. — И я не очень доверяю канцелярии Релинка. Но все же, кажется, господин Шрагин действительно запутался в грязных делах.

— Что вы называете грязными делами? — спросила Лиля.

— То, к чему я и вы не имеем никакого отношения, — ответил Лангман, спеша разрядить обстановку.

— Вы в этом уверены? — с непонятным Лангману вызовом спросила Лиля.

— Право же, мы говорим не о том... — Лангман взял Лилю за руку. — Я пришел сказать вам, что, наконец, все у нас в порядке. Путевка уже получена. Мне дают отпуск на десять дней специально для устройства наших дел. Словом, вы увидите чудесную весну в наших краях. И давайте говорить об этом...

Глава 55

В тюрьме, как и в других тюрьмах, действовал особый уклад жизни, который всегда устремлен к одной общей для всех заключенных цели — преодолеть тюремные стены. Это преодоление иногда происходит в прямом смысле — заключенные совершают побеги. Но чаще оно означает просто устранение разобщения. Не бывает таких тюремных тайн, которые остались бы для заключенных нераскрытыми, только это происходит медленно. Разгадка тайны складывается из еле примет-

ных крупиц узнавания, и этот процесс длится недели, месяцы, а иногда и годы.

Уже через три дня после перевода в тюрьму Шрагин знал, что вместе с ним здесь находятся Дымко, Назаров и Григоренко. Он знал, что Григоренко лежит в тюремном госпитале. Когда пришла с воли первая передача и тюремщик без всяких объяснений буркнул «от знакомых», Шрагину хотелось думать, что передачу принесла Лиля и что это сигнал надежды: она пытается установить с ним связь и посильно помочь ему. Но потом долго передач не было.

В камере, где сидел Шрагин, было еще семнадцать человек — народ самый разный. Соседом Шрагина по нарам оказался какой-то младший чин из гражданских полицаев. Напившись, он застрелил на улице немецкого офицера. Его заподозрили в принадлежности к подполью, а он даже не помнил, как убил того офицера. После каждого допроса он все больше приходил в ярость и однажды сказал Шрагину: «Жалею, что убил только одного гада...»

Шрагин решил, что полицай — подсаженный к нему провокатор, и не верил ему.

Другим соседом был тихий мертвенно-бледный, флегматичный парень, он обвинялся в ограблении интендантского склада. Ровным печальным голосом рассказывал он Шрагину: «У меня битьем вырвали признание, что я это ограбление совершил по приказу красного подполья. Теперь осталось только ждать, когда к стенке поставят...»

Однажды ночью Шрагина осторожно разбудил сосед-полицай и, прижавшись ртом к его уху, прошептал:

— Белобрысая тихоня — ихняя собака, подсадка, одним словом, учти.

Шрагин промолчал.

Утром полицая расстреляли. А тихий парень продолжал ждать своей стенки и все грустно пересказывал свою историю.

Шрагин все тверже убеждался, что полицай сказал ему правду.

На допрос его довольно долго не вызывали, и он видел в этом еще одно подтверждение того, что СД знает о нем очень мало и, наверное, пытается сейчас собрать улики.

Допросы возобновились в конце февраля. Они происходили ночью в подвальной камере тюрьмы. Шрагина приводили туда и требовали, чтобы он сознался в деятельности, враждебной Германии. Палачи выжидали минуту-две, а затем, как бешеные собаки, набрасывались на него. Спустя час

его приносили в камеру и швыряли на нары. Каждый раз одно и то же. На первых трех допросах присутствовал Релинк, но потом он перестал приезжать в тюрьму, и Шрагин был отдан во власть Бульдога и его подручных. Даже этот палач без нервов стал перед допросами Шрагина подбадривать себя шнапсом.

Шрагин выработал суточный график управления своей волей. Приходя в сознание, он сопротивлялся боли и ни о чем больше не думал. Главное — не дать вырваться ни стону, ни вздоху. Проходили часы, и боль точно уставала мучить его и затихала, сбившись в комок в каком-нибудь одном месте. Теперь, когда боль как бы была укрощена, Шрагин начинал думать о том, что с ним происходило. Еще один бой с врагом выигран...

Во второй половине дня Шрагин начинал готовиться к новому допросу. Нужно было внушить себе, что вчерашняя боль уже побеждена и не опасна. Для этого нужно отвлечься от мыслей о ней, включиться в разговор товарищей по камере, узнать тюремные новости.

Хорошо перед допросом вспомнить о своих боевых друзьях. Держатся ребята славно, а ему так и бог велел показать им пример железной выдержки. Хорошо, но очень трудно думать перед допросом о жене, о сынишке, о старшей сестре, которая была для него матерью. Но стоило ему подумать о близких, как сердце его наполняла нежность и к горлу подступал горький комок. «Это нельзя», — говорил себе Шрагин и торопился думать о другом: о родном Ленинграде и о других городах, которые он видел в жизни, о друзьях по довоенной работе, которые сейчас где-то далеко, так же, как он, в бою; о партии, которой он однажды и на всю жизнь дал клятву верности. На всю жизнь и на смерть тоже...

И вот распахивалась дверь камеры, и тюремщик кричал:

— Триста первый, выходи!

Триста первый — номер Шрагина...

На этот раз допрос был особенно тяжелым. Бульдог бил Шрагина резиновым бруском только по голове и все по одному месту — чуть выше правого виска. Ударит, подождет несколько секунд и бьет еще... Потом еще... После третьего удара Шрагин свалился на пол, его перевернули, чтобы открылась правая сторона головы, и Бульдог снова взялся за резиновый брусок... Самое страшное, что Шрагин не терял сознания...

В одной камере со Шрагиным находился и правил в ней власть веснушчатый рыжий парень, которого все звали Дока. Это была его кличка в воровской шайке. Они ограбили какого-то крупного спекулянта, взяли золотишко, поделили, как заведено: Доке — главарю шайки — половину, а остальным всем поровну. Потом поссорились, и его «дружки» из зависти навели легавых на своего главаря. Доку арестовали и теперь таскали на допросы, били, требовали показать, где он спрятал свое золото. Но он с удивительной стойкостью все переносил и молчал, а злость потом срывал на обитателях камеры. Он был разочарован в человечестве и всех соседей по камере, кроме Шрагина, называл не иначе, как падло. В Шрагине его потрясала сила воли. Он понимал, что немцы хотят его сломить и делают для этого все, а «кремневый дядек» стоит перед ними насмерть, как пытается стоять и он сам... Заметив, что между Шрагиным и Григоренко есть какая-то связь, однажды Дока влез на нары к Шрагину и сказал шепотом:

— Ты тому сопляку, дядек, не сочувствуй, он — товар трижды проданный. Они из него манную кашу сделали. А только он и до этого был манкой. Понимаешь, о чем я, дядек?

— А ну, как они из меня тоже манную кашу состряпают, — невесело усмехнулся Шрагин.

— Что ты, дядек! Ты брось... — Дока долго лежал молча, потом снова повернулся к Шрагину: — Тогда одно, дядек, — надо умереть с музыкой.

Снова Дока долго молчал, а потом вдруг задрал кверху ногу, из-за обшлага брюк достал какой-то блестящий предмет и протянул его Шрагину:

— Возьми, дядек. Не громкая, но все же музыка. — Это был кусок лезвия опасной бритвы. — Не пистолет, конечно, и не граната, а все же, если какой гад подойдет на шаг, из него можно сделать рождественского гуся. По горлу надо, дядек, только по горлу. Словом, бери.

Шрагин взял бритву, спрятал ее в щель потолка, поблагодарил Доку, повернулся на бок, будто собрался засыпать, и закрыл глаза. Мысль, только что пришедшая ему в голову, казалась неправильной, но он считал себя обязанным тщательно ее обдумать...

Новый допрос для Шрагина чуть не кончился катастрофой. Был момент, когда то зыбкое и чужое сознание вдруг обрело над ним силу и начало приказывать ему просить у палача пощады. Большего оно пока не требовало, но лиха

беда начало. Именно в этот момент Бульдог сделал ошибку: не угадав состояния своей жертвы, он нанес ей еще два удара резиновым бруском, и из уха Шрагина хлынула кровь.

На другой день Шрагин уже не мог подняться с нар. Придя в сознание, он думал только об одном — об ожидающем его ночью допросе.

Попытался, как обычно, готовиться к нему и прежде всего отвлечь внимание от боли, но мысль его ни на чем не могла остановиться, тотчас ускользала, таяла... Помимо его воли одна мысль неотступно билась болью в его воспаленном мозгу: «Скоро ночь... скоро ночь... опять допрос... опять...» Перед вечером, очнувшись от недолгого забытья, он на какое-то мгновение с необыкновенной ясностью увидел и оценил свое положение. И принял решение...

Обитатели камеры после вечерней проверки разошлись по нарам. До неизменного времени допроса оставалось около часа. Шрагин достал из щели в потолке лезвие бритвы и, сказав себе: «Я не дам вам порадоваться моей моральной смерти», взрезал себе вены на одной и потом на другой руке. Убедившись, что кровь упруго брызжет из обеих ран, он закрыл глаза....

Но произошло то, чего он не мог предвидеть: кровь просочилась сквозь нары и залила лицо заключенного, лежавшего на первом этаже. Весь залитый горячей кровью, охваченный со сна ужасом, он поднял крик. Прибежали тюремщики, и Шрагин был немедленно перенесен в больницу.

Релинка поднял с постели телефонный звонок Бульдога. Услышав от него о происшествии в тюрьме, он подумал сначала, что ему это снится, и долго молчал, собираясь с мыслями.

— Вы слышите меня? — осторожно спросил Бульдог.

— Если он умрет, считай себя солдатом на фронте, — сказал Релинк осипшим голосом. — Я сейчас приеду в тюрьму...

Он вызвал машину и стал быстро одеваться. Релинк понимал, что Шрагина не сломить, а это означало, что следствие так и не даст ему в руки эффектного материала, тем более что Берлин по-прежнему требовал, чтобы это дело было юридически доказано. Но Релинк все же еще надеялся включить в дело все совершенные в городе и известные Берлину антигерманские диверсии. Пусть Шрагин молчит, говорить будут Григоренко, Любченко, подготовленные свидетели. Но

спектакль без главного героя не спектакль. Смерть Шрагина вызовет ярость Олендорфа: он вынужден будет донести об этом гросс-адмиралу Деницу. Черт возьми!

Релинк бросился к телефону и набрал номер доктора Лангмана.

— Прошу прощения, доктор, но мой звонок вызван срочной необходимостью, — быстро заговорил Релинк, не давая возможности собеседнику вставить слово. — Я сделал все, что вам было нужно, теперь прошу вас сделать все, что можно, для меня. Известный вам господин Шрагин сейчас в тюрьме вскрыл себе вены, и я не надеюсь на квалификацию тюремных врачей.

После долгой паузы Лангман сказал:

— Хорошо, я пришлю специалиста.

— Это надо сделать немедленно.

— Естественно, — отозвался Лангман и положил трубку.

В тюремной больнице Релинк не подошел к Шрагину, возле которого хлопотали врачи. Он сидел в кабинете начальника тюрьмы и рассматривал найденный на нарах кусок бритвы. Начальник тюрьмы — белый от страха — стоял у стены, стараясь не привлекать внимания Релинка.

В кабинет осторожно вошел Бульдог. Бесшумно прикрыв за собой дверь, он выразительно посмотрел на начальника тюрьмы.

— Прошу вас выйти, — приказал Релинк, и начальник тюрьмы мгновенно покинул свой кабинет.

— Ну, что?

Бульдог в ответ только руками развел.

— Ты понимаешь, что произошло?

— Он вроде еще дышит, — сказал Бульдог.

— Дурак! Что произошло с тобой, не понимаешь? Ну, ничего, пока ты заглотнешь на фронте русскую пулю, у тебя будет время пошевелить мозгами...

Релинк уехал из тюрьмы только на рассвете. Врачи ничего хорошего не обещали...

Глава 56

Узнав, что Шрагин выжил, Релинк вдруг подумал: лучше бы он умер. В конце концов за самоубийство заключенного понесло бы ответственность тюремное начальство, зато смерть автоматически закрыла бы дело, которое из-за вмешательства адмирала Бодеккера стало таким сложным и бесперспективным. А теперь это ничего не обещающее

следствие надо возобновлять. Применять к Шрагину сильнодействующие меры допроса больше нельзя, а надеяться на то, что он заговорит сам, не было ни малейшего основания.

Когда Шрагина сразу после выздоровления привезли в СД, он был еще очень слаб, говорил тихо и медленно, но в пристальных серых его глазах Релинк видел прежнюю его силу. Отдавая приказ доставить к нему Шрагина, Релинк думал воспользоваться его физической слабостью, но сейчас он уже видел, что это ничего не даст.

— Я должен выразить сожаление о случившемся с вами, — начал Релинк, не глядя на Шрагина. — Но право же, можно было не прибегать к столь крайним мерам.

— Вы не можете судить об этом, пыткам подвергался я, а не вы, — негромко сказал Шрагин.

Наступила довольно долгая пауза. Релинк не собирался спорить или опровергать факт применения пыток, он в это время смирял в себе раздражение, вспыхнувшее оттого, что он вынужден вести этот разговор.

— Так или иначе, следует объективно признать, что на данном этапе бой выиграли вы, — глядя мимо Шрагина, продолжил Релинк. — Впрочем, я никогда не переоценивал возможности сотрудника, который вел допросы. Ну что ж, теперь мы поведем дело по всем классическим правилам и...

— Почему нет протоколиста? — перебил его Шрагин.

— Потому что не происходит допроса, — пояснил Релинк. — Я просто решил вместе с вами разобраться в нашей ситуации, чтобы затем не возникло никаких недоразумений. Итак, юридическая сторона ситуации такова. Кто вы — мы знаем. Чем вы здесь занимались — мы тоже знаем. Ваши сообщники — правда, к сожалению, пока не все — нам известны и находятся в наших руках. Мы не имеем только вашего признания своей вины. Вы человек юридически образованный и, значит, знаете, что чистосердечное признание вины всегда является фактором, сильно смягчающим формулу наказания. И наоборот, естественно. Так что, когда вы захотите сделать это признание, поставьте нас в известность через тюремную администрацию. Но ждать это бесконечно мы не сможем, хотя бы потому, что мы не собираемся долго оставаться в этом городе, а возить с собой тюрьму с несознавшимися преступниками нецелесообразно... — Релинк, довольный тем, как элегантно ведет он этот разговор, улыбаясь, посмотрел на Шрагина и, словно на нож, наткнул-

ся на его спокойный изучающий взгляд. Молчаливый поединок взглядов длился секунду-другую, и Релинк встал. — Последнее уточнение — не поймите превратно наше терпение. Тех сведений, которыми мы в отношении вас располагаем, вполне достаточно для смертного приговора. И только для смертного. Один раз вы уже попытались сами распорядиться своей жизнью. Этому помешал, кстати заметить, доктор Лангман, — если бы не его вмешательство, мы сейчас не имели бы возможности беседовать. Теперь ваша жизнь снова в ваших руках, но я верю, что на этот раз вы поступите разумнее.

Когда Шрагина увели, Релинк вызвал Бульдога:

— Шрагина и его компанию перевести в криминальный лагерь, — приказал он. — Обложи их там со всех сторон агентами. Посмотрим еще раз их связи. Не попробуют ли они бежать?

— Я не могу его видеть, я его пристрелю, — сказал Бульдог.

— В свое время я не лишу тебя этого удовольствия, а пока выполняй мой приказ...

Шрагина перевезли в тюрьму среди бела дня в открытом кузове грузовика и только с одним конвойным. Везли по главной улице, хотя это совсем не был кратчайший путь. Недалеко от рынка машина остановилась, шофер куда-то ушел, и минут двадцать не возвращался. Шрагин сразу понял: Релинк затеял с ним какую-то новую игру...

У железных тюремных ворот с львиными мордами машина простояла минут десять, пока конвоир переругивался через глазок с тюремной охраной. Как всегда, возле тюрьмы толпились родственники арестованных. Они сочувственно разглядывали Шрагина. Знакомых среди них он не увидел. Совсем близко за косогором сверкала гладь реки. Водный простор звал, манил, и вдруг у Шрагина блеснула мысль: до косогора метров сто, не больше, а там можно скатиться в заросшую бурьяном балку. А дальше что? Ночью такой побег, может, и окончился бы удачно, но сейчас, днем, эта затея обречена на провал. Но, может быть, именно этого и хочет Релинк?..

Шрагина ввели через железные ворота, и он оказался в так называемом предбаннике — между внешними и внутренними воротами тюрьмы. Через маленькую калитку его втолкнули во двор и повели налево, в уже знакомый ему одноэтажный корпус, где были одиночки для особо важных преступников.

Очутившись в одиночке, Шрагин сел на привинченную к стене деревянную койку и стал думать. Собственно, ничего особенно сложного не произошло. По-видимому, Релинк испуган его попыткой самоубийства и теперь хочет создать впечатление, будто следствие отныне входит в строго юридическое русло. Но зачем ему это? Ясно, пожалуй, одно: у него по-прежнему нет веских улик, а почему-то на сей раз они ему нужны. Вряд ли он серьезно верит, что Шрагин сам признает свою вину. Но тогда может быть только одно простейшее решение загадки: Релинк решил тянуть дело, выигрывая время и выжидая обстановку, когда он сможет ликвидировать его, не считаясь ни с какой юрисдикцией. Что же следует делать в данной ситуации? Побег? Но надо трезво смотреть правде в глаза: без помощи извне побег совершить невозможно, даже при облегченном режиме заключения. А рассчитывать на слепой случай глупо. На чью же помощь можно рассчитывать? Оставшихся, судя по всему, на свободе Демьянова и Величко вовлекать в это дело нельзя: они продолжают борьбу, и ставить их под удар он не имеет права. Да и связи с ними все равно нет...

Разумнее всего было бы воспользоваться помощью Юли. Федорчука уже нет в живых, и она свободна в своих поступках. Если она однажды принесет ему передачу, никого это не удивит, — ведь Дымко на очной ставке с ним заявил, что знает его через покойного Федорчука. Дымко, наверно, решил в растерянности, что на мертвого можно валить все, и не подумал, что этим раскрыл связь между всеми троими. Впрочем, Релинк тогда, кажется, не обратил на это внимания или он уже и сам догадывался об этом. Так или иначе, теперь это заявление Дымко могло оправдать заинтересованность Юли в его судьбе: как-никак знакомый человек... Но что может сделать Юля? Еще не известно, в каком она сама сейчас состоянии...

Зина каждый день приносила передачи для мужа и потом весь день бродила около тюрьмы. Ей казалось, что так она ближе к своему Сергею. Вскоре после ареста мужа она один раз виделась с Юлей, но ей показалось, что Юле тяжело слушать ее рассказы о Сереже — пусть сидящем в тюрьме, но все-таки живом...

В этот вечер Зина пришла к Юле во второй раз.

— Слушай, я сегодня видела Игоря Николаевича, — возбужденно сообщила она. — Я была возле тюрьмы, и его туда привезли. В открытом грузовике. Я сразу его узнала.

— Да ты же его раньше и в глаза никогда не видела,— хотела Юля образумить свою подругу.

— Однажды мне описал его Сережа. Ну точно он, я не могла ошибиться, я его с двух шагов видела.

— Ну, какой он, опиши...

— Рослый такой... — начала рассказывать Зина, смотря вверх... — Кожаное пальто, коричневое... Шапка такая, с серым мехом и с козырьком. Глаза такие светлые, красивые. А лицо желтое, и синяки во такие под глазами. Уши еще у него такие прижатые, вроде как мочки приросшие...

— Знаешь, похоже... Честное слово, похоже...—произнесла Юля, начиная волноваться. Она стала ходить по комнате. Еще и еще раз просила Зину описать Шрагина. А потом решительно сказала: — Да, он! И завтра я понесу ему передачу. Так мы и проверим, есть ли он там...

Они посмотрели друг на друга и вдруг, точно по команде, обе заплакали. Юля обняла Зину, прижалась к ней:

— Ой, Зинка, Зинка, разве думала я, что будет, когда сватала тебя за Сергея?

— А что ты должна была думать? — говорила Зина, всхлипывая и крепче прижимаясь к подружке. — Ты, может, думаешь, я жалею о чем? Так знай — я все равно счастливая. Сережку только жалко... так жалко... — и она заплакала навзрыд.

Юля гладила ее по голове, приговаривая:

— Мы обе счастливые... очень счастливые... верно — счастливые...

— Сережа сегодня записку прислал, — деловито вытирая слезы, сказала Зина. — Требует, чтобы я меньше ему носила и сама лучше питалась. Приказывает: все его вещи поменять на продукты. Представляешь? Вот дурной-то парень...

Они улеглись на одной постели и долго еще шептались, погасив свет. А рано утром, когда город еще спал, они вместе пошли к тюрьме...

Было тихое весеннее утро. После холодной ночи черепичные крыши тускло серебрил иней, со стороны лимана веяло промозглой сыростью, и чем ближе Зина и Юля подходили к тюрьме, тем сильнее их прохватывала эта холодная сырость.

У тюрьмы возле окошечка, где принимали передачи, уже стояли несколько женщин. Юля и Зина тоже стали в очередь. Все молчали. О чем говорить этим женщинам? Все

у них одинаковое — горе и надежды. Даже их серые, тревожные лица были похожи друг на друга...

Ровно в восемь открылось окошечко, и дежурный комендант тюрьмы начал принимать передачи. Молча, почти без слов, он брал узелочки и, услышав фамилию заключенного, сверялся по списку. Женщины тоже молча отходили в сторонку дожидаться — может, будет ответ. Вот отошла от окошечка Зина. Теперь очередь Юли.

— Шрагин? — Комендант уставился на нее. — Вы родственница?

— Знакомая, — ответила Юля.

— Значит, Шрагину.

— А что, нельзя?

— Почему нельзя? Можно... — комендант отложил в сторону узелок и тихо сказал: — Вы его можете даже повидать... вот там, на берегу, работает...

— Спасибо...

«Значит, им зачем-то нужно, чтобы со Шрагиным кто-то встретился», — подумала Юля, отходя от окошка. Ничего хорошего за этим быть не могло, но Юля не считала себя вправе отказаться от возможности повидать Шрагина. Она подошла к Зине:

— Жди меня здесь и посмотри, не пойдет ли за мной какая-нибудь сволочь.

Подойдя к береговому склону, Юля сразу увидела небольшую группу заключенных, засыпавших землей промоину. Единственный конвоир сидел в стороне. Когда Юля стала спускаться по береговому склону, она увидела и второго конвоира, он стоял у самой воды и смотрел на качавшееся на волнах белое стадо чаек. Оба конвоира вроде бы не обращали на Юлю никакого внимания, хотя видели ее. Она прошла совсем близко от заключенных, и сердце ее сильно забилось — она увидела Шрагина. Он стоял, облокотившись на лопату, среди других заключенных, которые тоже прекратили работу и с любопытством смотрели на приближающуюся к ним девушку. В этот момент Шрагин узнал ее, улыбнулся и чуть приподнял руку. Еще не зная, как она поступит дальше, Юля подошла к конвойному, который стоял у воды.

— Что скажешь, красотка? — спросил он у нее по-немецки и вполне миролюбиво.

— Можно мне поговорить с одним заключенным? — улыбаясь, спросила Юля.

— С каким же? — подмигнул ей солдат.

— Вон с тем, в кожаном пальто...

— О! Ты, я вижу, знаешь толк в мужчинах, — засмеялся солдат. — Муж?

— Знакомый...

Солдат, в упор разглядывая Юлю, сказал:

— Ну иди поговори, только без глупостей...

Юля подошла к заключенным и позвала Шрагина. Он вопросительно посмотрел на конвойного, но тот демонстративно отвернулся.

— Здравствуйте, — почти весело сказал Шрагин, быстро подходя к Юле.

— Боже ты мой, что они с вами сделали! — прошептала Юля жалостливо, чисто по-женски, всматриваясь в желтое опухшее лицо Шрагина. — Здравствуйте, Игорь Николаевич.

— Ничего особенного, — сухо отозвался Шрагин и спросил: — Сами придумали навестить?

— Сама. С Зиной мы тут.

— Больше никто не знает?

— Никто.

— Очень хорошо. Но учтите: теперь они будут за вами следить.

Юля кивнула:

— Я сама так подумала.

— И все же постарайтесь как-нибудь передать нам сюда оружие. Попытаемся бежать, все равно нас отсюда живыми не выпустят...

— Попробуем, Игорь Николаевич. Оружие будет, а вот доставить как?

— Пока мы здесь, это еще можно. А теперь идите и помните: за вами обязательно будут следить...

Юля поднялась на береговой склон и пошла к Зине, стоявшей возле забора против тюремных ворот. Очень долго они шли молча.

— Видела что-нибудь? — спросила Юля, когда тюрьма была далеко позади.

— Как только ты на склон спустилась, один побежал за тобой, только правей, где дрова сложены.

— Гады... Наверно, и сейчас за нами идут. Урони-ка платок.

Зина, обернувшись назад, подняла платочек и сказала, догнав Юлю:

— Идет. По той стороне улицы. .

— Пусть идет, гад! Но все время помни об этом.

— Не маленькая.

На перекрестке они расстались. Шпик пошел за Юлей. «Иди, гад, иди, — думала Юля. — Ничего нового своим хозяевам не принесешь, я у них уже известная».

Глава 57

В середине мая весна вместе с теплым морским ветром ворвалась в город, мгновенно распушила молодую зелень деревьев, затопила улицы густым ароматом цветущих акаций. Впервые за войну город ощущал весну не только как приход долгожданного тепла. На Кавказе гитлеровцы откатывались под ударами Красной Армии. Достаточно было взглянуть хотя бы на школьную карту, чтобы понять, что, теряя Кавказ, немцам нужно спешно уходить и отсюда, иначе они могли оказаться в гигантском мешке и без дороги для отступления.

Еще в конце апреля все подразделения СД группы войск «Юг» получили из Берлина секретный приказ под номером двенадцать-двенадцать, в котором было прямо сказано: «Мы не должны допустить даже тени возможности повторения зимней трагедии».

Далее в приказе говорилось, что война — это прежде всего движение, а всякая стабильность опасна, ибо она выгодна противнику. Затем следовало малопонятное утверждение, что сражение на Кавказе «исчерпало себя» и в связи в этим весь юг стал бассейном бесполезной консервации немецких сил.

Но нас сейчас особо интересует вторая часть приказа, так как она имеет прямое отношение к судьбам наших героев. Этот раздел приказа озаглавлен «Завершение оперативной деятельности» и начинается словами: «Мы уходим последними...» Тут главное командование СД уже не плавает в мутных рассуждениях стратегического свойства, тут все профессионально точно, ясно и деловито. Консервация и частичный вывоз агентуры. Упрощение (понимай — уничтожение) архивов, не имеющих перспективной ценности. Эффективное завершение оперативной работы, демонстрирующее уверенность и решительность сил СД. Перехват агентуры, оставляемой в городе абвером. Создание из своих агентов террористических групп, которые будут действовать в тылу противника. Максимальный угон населения на запад, даже при отсутствии транспортных средств. Уничтожение промышленного и жилищного потенциала. Вывоз всех объективных

ценностей. Минирование зданий СД, тюрьмы и криминальной полиции. И хотя на выполнение приказа давался довольно большой ориентировочный срок — пять месяцев, — все эти мероприятия начинают осуществляться немедленно.

Релинк теперь в форме, он энергичен, решителен, хитер, беспощаден, неутомим. Вот запись в его дневнике, сделанная 14 мая 1943 года:

«Да, да, да, настоящая война — это движение! В неподвижности болота раскисает мозг. Подумать только: мы в СД дожили до болтовни об юриспруденции! Как нужен всегда ясный и четкий приказ! Исполнять его — наслаждение, потому что в твой мозг, в твою душу, черт возьми, переходит ясность приказа и ты весь устремлен к ясной цели».

Можно было подумать, что в эти дни Релинк, занятый более важными делами, забыл о Шрагине. Но это было не так. Он все время помнил о нем. Последние данные наблюдения говорили, что Шрагин и его сообщники явно к чему-то готовятся, скорей всего к побегу. Но с воли никто, кроме тех двух девок, с ними не был связан, а в серьезность помощи с их стороны Релинк не верил. А главное, он знал, что люди Бульдога не дремали. На всякий случай в очередном телефонном разговоре с Берлином Релинк напомнил Олендорфу о непомерно затянувшемся деле Шрагина и спросил, как рассматривать это дело теперь, в свете приказа двенадцать-двенадцать. В ответ он услышал телеграфную фразу: «Решайте на месте». С этой минуты Релинк уже точно знал, как он завершит это дело...

Сначала побег был назначен на субботу. Все было подготовлено и тщательно продумано, распределены обязанности между Шрагиным, Дымко, Назаровым и Григоренко, но вдруг заболел Дымко. Бежать без него Шрагин не считал возможным, и он решил подождать, надеясь, что Дымко скоро поправится. Похоже было, что он просто чем-то отравился. Кроме всего прочего, нельзя было очень надеяться на боеспособность Григоренко. Прошло два дня, и стало известно, что у Дымко брюшной тиф, его увезли в тюремную больницу.

Можно только предполагать, каких мук стоило Шрагину принять решение о побеге без Дымко. Он нашел нужным предварительно поговорить об этом с Зиной. В этот день

она принесла в лагерь второй наган. Шрагин отошел с ней в уголок за бараком.

— Мы бежим без Сергея, — глухо сказал он.

— Я понимаю... — тихо отозвалась Зина. — Вчера в тюремной больнице мне сказали... Сергей без сознания... вряд ли вытянет... — по ее лицу потекли слезы.

Шрагин обнял ее за плечи.

— Поверьте мне, Зина, если бы заболел я, а не Сергей, я, не задумываясь, приказал бы остальным бежать.

— Я понимаю, Игорь Николаевич... Я все понимаю.., — Она посмотрела на Шрагина глазами, полными слез. — Желаю вам счастья, Игорь Николаевич. Как будет рад Сережа, если у вас все выйдет хорошо!..

Шрагин пожал маленькую руку Зины и быстро пошел прочь...

Вечером, передавая наган Григоренко, он сказал:

— Каждый патрон — смерть врага. Только так. Ясно?

— Будьте уверены, — произнес Григоренко, пряча наган под рубаху...

Шрагин смотрел на него и в эту минуту от всего сердца желал ему боевой удачи в побеге. Сколько сил уже здесь, в лагере, положил Шрагин на то, чтобы помочь парню разобраться во всем, что с ним произошло, и воскресить в нем желание продолжать борьбу! Понял ли он, что ему предоставляется единственная возможность в бою получить право снова считать себя солдатом Родины?

Итак, побег в ночь на пятницу...

В среду на склоне дня к Шрагину подошел Дока — вор, с которым он сидел недавно в одной тюремной камере. Шрагин и раньше видел его в лагере и удивлялся, что тот не возобновляет тюремного знакомства. И вот он, наконец, подошел.

— Что, дядек, считаешь дни по кукушке? — спросил он весело и, не дождавшись ответа, сказал: — Так знай, дядек: кукушка трепло, а бога нет.

Шрагин молчал, ожидая, что последует дальше, и услышал то, что ждал.

— Сегодня ночью даю деру. Хочешь со мной? Все подготовлено на ять. Одному тикать, конечно, сподручнее, но я, дядек, имею к тебе сердечное расположение. Иду за это на риск.

— Спасибо, — ответил Шрагин. — Но я не хочу, чтобы ты рисковал.

Дока говорил что-то еще, но, обнаружив, что Шрагин

его не слушает, замолчал, покачал укоризненно головой и пошел в свой барак.

А утром на поверке выяснилось, что Дока действительно бежал. Охранники взбесились: три раза пересчитали заключенных, потом разбили их на несколько групп и пересчитали еще раз. Главный охранник побежал в комендатуру, наверно, докладывать о ЧП. Шрагин, стоя в строю, думал: действительно ли Дока бежал или все это зачем-то организованный спектакль?

Вернувшийся из комендатуры главный охранник скомандовал:

— Все уголовные — налево, политические — направо!

В небольшой группе политических оказались Шрагин, Григоренко и Назаров. Конвойные окружили политических со всех сторон и повели из лагеря. Скоро стало ясно, что их возвращают в тюрьму. А там непременно обыск. У Григоренко и Назарова найдут наганы, и это конец. Шрагин коротко и выразительно взглянул на товарищей, и они поняли его без слов. Когда колонна шла по мосту, они, точно по команде, швырнули оружие в реку. Охрана даже не успела понять, что произошло...

Первым о побеге Доки узнал Бульдог, и это он приказал немедленно вернуть в тюрьму всех политических и, только когда ему доложили, что Шрагин и его сообщники водворены в одиночные камеры, пошел докладывать о происшедшем Релинку.

Релинк выслушал его и небрежно сказал:

— Ну что ж, все упростилось само собой. Больше этим не занимайся...

Бульдог удивленно смотрел на Релинка.

— Что тебе непонятно? Сейчас твое дело главное — пункт четыре приказа двенадцать-двенадцать. Начиная с завтрашнего дня каждое утро будешь докладывать мне только об этом.

Шли дни за днями, весь аппарат СД был занят выполнением приказа, и снова можно было подумать, что Релинк забыл о Шрагине.

Как-то утром Бульдог докладывал ему о том, как выполняется четвертый пункт приказа — «уничтожение промышленного и жилищного потенциала».

— И только по одному объекту дело обстоит безобразно, — сообщил Бульдог. — Это судостроительный завод. Вчера у меня произошла очередная схватка с адмиралом. Я ему прямо сказал, что ведет он себя подозрительно.

— Ну-ну, а как он на это реагировал? — оживился Релинк.

— В самом деле! Помните историю с недостроенным русским военным кораблем? Достроить его он не смог, хотя громогласно обещал. А когда было решено срезать с корабля стальную броню для установки ее на танках, кто задержал это дело на несколько месяцев? Адмирал Бодеккер. Специалисты, которые работают теперь со мной, должны осмотреть стапеля и цехи завода, чтобы рассчитать минирование, а он запретил это делать. Говорит: «Вы своими руками сеете панику». Он меня почти выгнал из кабинета... — слово «почти» Бульдог употребил зря, Бодеккер предложил ему покинуть кабинет прямо и недвусмысленно.

— Сейчас же едем к нему, — весело сказал Релинк.

Мстительность была в его злобной натуре. Недаром среди друзей у него было прозвище «Унауслешлих» — незабывающий. Адмиралу Бодеккеру он собирался припомнить все: и его надменное обращение и вмешательство в дело Шрагина, из-за чего он вынужден возиться с ним до сих пор.

По дороге на завод Релинк спросил у Бульдога:

— Вы ему сказали, что на приказе двенадцать-двенадцать стоит гриф рейхсминистра Гиммлера?

— Как-то не пришлось...

— Ну и прекрасно! — воскликнул Релинк с непонятной Бульдогу веселостью.

Когда их машина уперлась в заводские ворота, Релинк приказал шоферу включить сирену. Охранники заметались и в панике не могли сразу открыть ворота. А сирена все гудела. Так, не выключая сирены, машина подкатила к корпусу заводоуправления и здесь еще повыла с минуту. Из окон начали высовываться люди...

— Я иду прямо к адмиралу, а ты найди этого осла, Каппа, и веди его туда же, — приказал Релинк.

Не глядя на вскочившего за своим столом адъютанта адмирала, Релинк стремительно вошел в кабинет.

— Хайль Гитлер! — крикнул он, резко выбросив вперед руку.

Адмирал чуть приподнялся в кресле, но на приветствие не ответил.

— Чем обязан? — сухо спросил он, не предлагая Релинку сесть.

— Разговор обещает быть длинным, — сказал Релинк. — Я сяду...

— Да, да, садитесь... — Адмирал смотрел на Релинка настороженно, но в то же время презрительно.

— Вежливость, я слышал, привилегия королей, — с наглой улыбкой начал Релинк, но в следующее мгновение улыбка слетела с его лица, и он отчеканил: — Но ответить на приветствие, в котором звучит имя вождя, вам все же следовало... даже не считаясь с тем, довольны вы лично вождем или нет.

— Я попросил бы вас не заниматься здесь ни провокациями, ни моим воспитанием, — серое лицо адмирала стало розоветь.

— А теперь перейдем к делу, — официально и сухо продолжал Релинк. — Почему вы мешаете моим людям выполнять приказ рейхсминистра Гиммлера?

Адмирал ответил не сразу, а когда он заговорил, Релинк увидел, что он уже смят.

— Поймите простую вещь, — сказал адмирал, устало согнувшись в кресле. — На заводе идет ремонт наших военных судов. Немедленно среди рабочих возникнет паническое настроение, опасная болтовня...

— Вы не лишены права, — прервал его Релинк, — написать Гиммлеру, что считаете его сеятелем паники. Но я и мои люди обязаны выполнять его приказ, мы — на войне.

— Но все это можно сделать немного позже, мы же не завтра уходим отсюда, — сказал Бодеккер.

— Мне не известно, когда мы уходим, — холодно заметил Релинк. — Мне известен приказ, который я выполню любой ценой.

Адмирал молчал, лежащая на столе его худая рука подрагивала.

— Раз уж нам довелось поговорить, мне бы хотелось чисто по-человечески понять вас... — заговорил Релинк. — К примеру: вы в свое время обещали спустить на воду недостроенный русскими военный корабль. И не спустили. Было принято умное решение — разрезать сталь корабля на бронеплиты для танков. Вы были против этого и, насколько мне известно, полностью эту работу выполнить так и не дали. Плавучий док под вашим неусыпным руководством... затонул. Теперь вы не даете моим людям выполнить приказ рейхсминистра. Вы что, решили не сердить русских и, скажем, вернуть им завод на ходу?

Под щеками адмирала заходили желваки, и он спросил негромко:

— Это допрос?

— Это еще не допрос, — ответил Релинк, недвусмысленно подчеркнув «еще».

— Тогда продолжать этот разговор я буду только после того, как вы получите право меня допрашивать. — Адмирал сделал движение, будто он собирается встать, но не встал.

В это время в кабинет вошли Бульдог и майор Капп.

Релинк упивался местью, у него уже был подготовлен последний удар адмиралу, но предварительно он решил совместить все же приятное с полезным.

— Я хочу вернуться к делу, ради которого приехал, — сказал он. — Скажите, господин адмирал, в присутствии представителя партии: вы дадите нам возможность выполнять свои обязанности?

— Делайте что хотите, — устало промолвил Бодеккер. — Только оставьте меня в покое.

— Боже мой! — воскликнул Релинк с улыбкой. — Мы могли совершенно не беспокоить вас. Согласитесь, адмирал, что весь этот неприятный разговор возник из-за вашей... непонятной позиции в совершенно ясном деле. Но теперь все позади... — Релинк встал и обратился к Бульдогу: — Идите, действуйте...

Бульдог и майор Капп вышли. Релинк поклонился адмиралу и тоже направился к двери, но посередине кабинета остановился.

— Да, чуть не забыл, — Релинк с улыбкой смотрел на адмирала. — Вы помните еще вашего инженера-инспектора Шрагина? Ну, того самого, в адвокаты которому вы пытались привлечь гросс-адмирала Деница? Сегодня я его расстреляю. Если вы действительно уважаете гросс-адмирала Деница, пошлите ему свое извинение. До свидания, адмирал. Хайль Гитлер! — На этот раз, не дожидаясь, ответит адмирал на приветствие или нет, Релинк круто повернулся и быстро вышел из кабинета.

Глава 58

Обдумав все, что произошло, Шрагин больше не тешил себя никакими надеждами...

Молчали мертвые стены одиночки. Мертвую тишину время от времени нарушало металлическое щелканье заслонки на глазке двери. И тогда в круглой дырке появлялся живой глаз тюремщика. Несколько секунд его глаз, не моргая, смотрел на Шрагина. Потом снова щелкала заслонка и железный глаз закрывался. Два раза в день тюремщик приносил железную миску похлебки

и кусок хлеба. Стоял, ждал, пока Шрагин съест, и уходил с миской. По этим приходам тюремщика Шрагин вел счет дням и ночам.

На третьи сутки Шрагин спросил тюремщика, какая там, на «воле», погода.

— А тебе-то что? — оскалился тот.

— Да вот не знаю, в чем пойти погулять...

— На том свете гулять будешь, — по-своему ответил шуткой тюремщик и вырвал миску из рук Шрагина.

Грохнула металлическая дверь, лязгнули запоры, и снова сдвинулись молчаливые стены. Да, надежд никаких! Как заставить себя не думать об этом? Лучше вспоминать. Еще раз пройти весь путь, начиная с того дня, когда он узнал, что поедет в этот город. И Шрагин заставил себя снова переживать торопливую дорогу сюда и потом — каждый день жизни и борьбы. Он снова жил и боролся вместе со своими товарищами...

На пятые сутки утром в камеру вместе с тюремщиком вошел Бульдог.

— Ничего сказать не хотите? — спросил он.

Шрагин не ответил. На лице Бульдога мелькнуло подобие улыбки, и он быстро вышел.

Видя, как тюремщик нетерпеливо переступает с ноги на ногу, Шрагин ел похлебку нарочно медленно, обстоятельно закусывал хлебом.

— Кончай хлебать! — не выдержал тюремщик. — Тебе наедаться не к чему... — Он вырвал из рук Шрагина миску и ушел, по пути выплеснув в парашу остатки.

В этот день второй раз похлебки не дали. А вечером снова явился Бульдог. Он был заметно пьян и, войдя в камеру, долго молча смотрел на Шрагина.

— Ну, красный господин, будешь говорить? — спросил он глухим голосом, каким он всегда говорил во время пыток. — Не будешь? Ну и не надо. Мы тебе сами поможем молчать. Твой трамвай пришел на конечную станцию. Понимаешь? Там поворота назад нет... — Он покрутил пальцем перед лицом Шрагина. — Там тупик... конец... Понимаешь? — Было видно, что ему этот разговор доставляет наслаждение, весь его облик, глаза, интонация выражали его торжество над умом, волей и даже над строгой мужской красотой Шрагина. Расширенное и утяжеленное книзу лицо палача покрылось розовыми пятнами.

Шрагин молчал и с ненавистью смотрел ему прямо в лицо. Бульдог спросил, подождав:

— Значит, молчишь, как покойник? Считай, что так это и есть... — Он помахал рукой, пробурчал пьяно: «Я еще не прощаюсь», — и ушел...

В первое мгновение эта мысль привела Шрагина в растерянность, верней, она просто заняла все его сознание, не вызвав, однако, ни страха, ни даже огорченья, — ведь он и раньше был готов к этому. Но одно — думать про это вообще, не зная, когда это произойдет, и, естественно, еще надеясь в глубине души... Третьего дня, например, когда ночью на город был налет советской авиации и бомбы вдруг стали ложиться так близко, что с потолка его камеры посыпались куски кирпича, надежда вдруг стала очень реальной. Но теперь Шрагин знал: это произойдет сегодня, сейчас...

Срок жизни определялся часами, а может быть, даже минутами. К этому привыкнуть, наверно, нельзя. Усилием всей своей воли Шрагин пытался заставить себя спокойно и логично думать об этом и обо всем, что с этим связано, но не успевал он сосредоточиться на одной какой-нибудь мысли, как какая-то уже неподвластная ему сила толкала его сознание к чему-то другому.

«...Ольга с Мишкой не пропадут, о них позаботятся. Сколько же это Мишке сейчас? Я уезжал — ему было ровно месяц, а сейчас... Погоди, сколько же?..»

«...Я могу винить себя в одном — что сделал меньше, чем мог... Были ошибки... Например... А, что теперь думать — их уже не исправишь...»

«...Все-таки Демьянов и Величко действуют, борется подполье, и то, что я выбываю из строя, просто еще одна потеря...»

«...Сейчас на войне... и вот сейчас и сейчас погибают солдаты, идущие вперед, на врага... Я тоже шел вперед... Я — с теми солдатами, которые сейчас гибнут, и не следует преувеличивать значение моей смерти... Она, кстати, могла прийти гораздо раньше... когда сделано было меньше... А бывает и так: солдат только сегодня попал на фронт, и сегодня же товарищи его хоронят...»

«...Ольге будет трудно... А потом вырастет Мишка...»

«...Меня одного или всех? Если Григоренко — тоже, как бы он не сорвался?..»

«...Найдут ли когда-нибудь наши могилы? Найдут, найдут... Наверняка попадется в руки наших товарищей какая-нибудь сволочь, которая будет знать, как с нами все тут... Они должны заплатить...»

«Как это говорил тогда учитель на кладбище?.. Хоро-

шие такие и очень точные слова... Покалечили, сволочи, память...»

«...Главное, что мы выстояли, когда было самое тяжелое... и для нас и для всего народа... Тогда было важно, чтобы выстоял хотя бы еще один человек... И мы выстояли... И действовали, как могли. Весь город свидетель этому... Приедет ли когда-нибудь в этот город Ольга с Мишкой?..»

«...Если и Григоренко — тоже, как он будет держаться — боюсь... Умереть надо, как в бою, как в атаке — грудью вперед, не закрывая глаз... И наша смерть должна быть страшной врагу, а не нам... Так... Именно так...»

«Если бы казнили публично, перед народом, я бы им устроил шум... Но уже ночь... Они сделают в темноте, без лишних глаз и ушей...»

Так отрывисто и беспорядочно думал Шрагин, а в это время его предельно напряженный слух ловил каждый звук там, за железной дверью. Но ни звука не было слышно — мертвая тишина.

К казни давно все было готово. Опаздывал Релинк, пожелавший лично присутствовать при расстреле. Бульдог, днем зарядившийся водкой, к вечеру уже протрезвел, и у него дико болела голова. Вытянув ноги, он сидел на диване в кабинете начальника тюрьмы Гроссвальда...

Бульдог вошел в камеру Шрагина вскоре после полуночи с двумя солдатами. Он сделал знак — солдаты набросились на Шрагина и связали ему руки за спиной.

— Выходи, красный господин!

В коридоре Шрагин увидел стоявших возле своих камер Назарова и Григоренко. Проходя мимо, он внимательно глянул в их лица: Назаров был возбужден, он, кажется, даже не узнал Шрагина, а у Григоренко лицо было абсолютно равнодушное, он мельком взглянул на Шрагина и стал смотреть вверх.

Двенадцать ступенек вниз, и Шрагина ввели в подвал с низким сводчатым потолком, который весь блестел от сырости. Подвал был узким и длинным, он как бы повторял тюремный коридор там, наверху. Делать подвал и под камерами — опасно. Зрение и сознание Шрагина-разведчика в первую минуту зафиксировало это чисто автоматически, но затем он начал осматривать все уже сознательно — это

помогало отвлечься от того, ради чего его привели в этот подвал...

Его поставили спиной к боковой стене. В противоположной стене, чуть наискосок, была неглубокая ниша, и там на каменном карнизе сидели пятеро солдат и фельдфебель. У солдат на коленях лежали автоматы, а у фельдфебеля спереди, на ремне, висела расстегнутая кобура с пистолетом. Солдаты посматривали на Шрагина с испуганным любопытством, но, когда он стал смотреть на них, они заговорили между собой.

Привели Григоренко и Назарова. Их поставили рядом со Шрагиным. Григоренко оказался в середине.

— Все... — еле слышно произнес Григоренко.

— Вот как они боятся нас... — тихо отозвался ему Шрагин.

Назаров чуть наклонился вперед, чтобы увидеть Шрагина, и громко сказал:

— Это не страшно, главную муку мы выдержали...

— Умрем, товарищи, без страха, как подобает чекистам, — уже громче сказал Шрагин и посмотрел на Григоренко. Сейчас глаза у Григоренко не были равнодушными, но в них было какое-то больное сочетание решимости и тоски. И Шрагин сказал ему: — Родина узнает, как мы погибали, помните об этом...

— Родина все узнает! — почти радостно воскликнул Назаров.

Послышался топот ног по каменным ступеням — в подвал спустились Бульдог, начальник тюрьмы Гроссвальд и Релинк.

Они остановились перед обреченными. Релинк в упор насмешливо смотрел в глаза Шрагину.

— Ну, господин Шрагин, что вы от меня ждете? — спросил он.

— Приговор, — громко сказал Шрагин.

— Приговор себе вы вынесли сами. Нам остается только привести его в исполнение. Я — враг всяческих формальностей.

— Я тоже, — сказал Шрагин. — Но все же, когда мы будем вешать вас, мы эту формальность соблюдем, хотя вам от этого легче не будет...

Григоренко нервно рассмеялся. Назаров ожесточенно крикнул:

— Всех вас до одного повесим! Всех!

— Кончайте! — крикнул Релинк.

Начальник тюрьмы повернул выключатель, и в глубине подвала вспыхнула яркая лампочка, осветившая щербатую стену.

Солдаты тюремной охраны отвели Шрагина, Григоренко и Назарова к освещенной стене и быстро вернулись назад. Пятеро солдат и фельдфебель стали в ряд поперек подвала. Фельдфебель вынул из кобуры пистолет и близоруко его осматривал, будто обнюхивал.

Они стояли так же, как раньше: в середине — Григоренко, справа от него — Шрагин, слева — Назаров. Их поставили лицом к стене, но они вместе, как по команде, повернулись лицом к палачам.

— Товарищи, мы выполнили свой долг до конца. Умираем за нашу Родину, за ее победу! Родина нас не забудет! — негромко сказал Шрагин.

Назаров, выдвинув вперед правое плечо, закричал:

— Смерть гитлеровским бандитам! Чекисты не сдаются! Стреляйте, гады! Всех не перестреляете!

Что-то крикнул Релинк, за ним — Бульдог, и все покрыл глухой грохот автоматов...

ЭПИЛОГ

Дорогой читатель! Поверь, мне было бы гораздо легче и приятнее придумать и написать, как подпольщики сделали подкоп под тюремную стену, взорвали корпус одиночек и спасли моих героев. И мне тяжко было писать только что прочитанную тобой последнюю главу.

Несколько раз я начинал писать и откладывал, и у меня было ощущение, будто я продлеваю жизнь Шрагину и его товарищам. Две недели вовсе не подходил к письменному столу — взял и уехал в город, где все это происходило. И там сразу же пошел в тюрьму, в корпус одиночек, где сидели перед казнью Шрагин, Назаров и Григоренко. Сознаюсь, меня вела туда мысль: «Я ведь пишу все-таки не отчет, а повесть. Посмотрю тюрьму, и, если увижу, что возможность побега была хоть малость реальна, попробую спасти своих героев...»

Я обошел корпус одиночек со всех сторон — увы, он так расположен в тюремном дворе, что подобраться к нему подземным ходом снаружи невозможно.

Сопровождающий меня представитель администрации тюрьмы уже знает, что меня интересует, он тоже хочет, чтобы мои герои спаслись, но настроен пессимистически. Показывая на корпус одиночек, говорит:

— Строили еще при царе, положили метровые стены, и они уходят в глубь земли на несколько метров. Между прочим, первыми узниками этого корпуса были восставшие в 1905 году матросы крейсера «Очаков»... — Он с трогательной злостью смотрит на глухую стену корпуса, вздыхает и говорит: — Вашим героям бежать отсюда немыслимо. Рыть к ним туннель можно только со стороны берега, а там во все стороны голое место, и оно хорошо просматривается со сторожевых вышек.

Мы заходим в корпус и смотрим камеры-одиночки. Между ними тоже метровые стены. Каждая камера — это каменный ящик за кованой дверью.

— Понимаете, в чем горе, — говорит мой спутник. — Даже если допустить, что вашим героям удалось вырваться из корпуса, — что потом? Они оказываются на пустом тюремном дворе, который тоже идеально просматривается с вы-

шек. А им же еще нужно преодолеть почти пятиметровый тюремный забор. Немыслимо, немыслимо...

Да, я понимаю, побег отсюда походил бы на чудо из очень доброй сказки.

Но не только в этом была бы сладкая неправда. Я встречался в городе со многими людьми, которые так или иначе в одном строю со шрагинцами боролись с врагом. И они лишь маленькая горстка уцелевших. Я им говорил о своем желании спасти моих героев и просил их рассказать, как спаслись они сами.

— Это было самое тяжелое время, — рассказал мне один из них. — Город буквально захлебывался кровью. Я должен был погибнуть, понимаете — должен был. Подо мной уже горела земля. И тут руководство подпольем приказало мне покинуть город и идти навстречу фронту. Мне удалось уйти, и вскоре я стал солдатом Красной Армии. Потом я дошел с войсками до Вены и тоже вот царапины не получил, а мои боевые ордена говорят, что я и на войне не прятался за спины товарищей... Теперь вот сын у меня. Школу кончает. В прошлом году приходит домой весь в синяках, говорит, ребята в классе сказали ему, будто его отец, то есть я, никакой не герой, раз словчил выжить. Он, конечно, за меня в драку... Выслушал я его, ушел в сад и, поверите, плакал там. Честное слово. Понимаете, я же действительно по всем статьям должен был погибнуть...

Мы разговаривали, стоя на улице, где номерной знак на каждом доме повторял имя моего главного героя. Это теперь улица его имени. По ней он каждый день ходил на завод... К нам подошел седой человек, опиравшийся на тяжелую самодельную палку. Он поздоровался с моим собеседником по-приятельски на «ты». Я познакомился с ним и узнал, что он бывший командир полка, с которым мой собеседник дошел до Вены. Узнав, о чем мы говорили, он сказал:

— Я принял полк в середине войны. Стало быть, в середине. Из того состава, который я принял, до Вены дошло... примерно... нет, лучше не высчитывать. Такая уж это была война, и иначе победить в ней было нельзя. Такая, стало быть, война. Старались, конечно, побеждать малой кровью, но ведь малая кровь — тоже кровь. А в такой войне малая кровь — это, брат, все равно могил не счесть. А то читаешь другую книгу о войне — оторопь берет: все же как лихо надо было воевать, а я-то, дурак, не умел. Оскорбляют такие книжки нас, выживших, а главное, тех, погибших. А вы, как я понял, пишете о чекистах. Эти ж люди все время на острие

ножа грудью шли. Что ж вы им подушечки на грудь будете подкладывать? Оживлять мертвых? На радость, стало быть, любителям сладенького чтения? Я бы не стал...

На другой день я поехал на кладбище, к могиле Федорчука.

Мы ехали вчетвером: Юля, я и двое сыновей Федорчука: один из них — курсант военного училища, другой — студент художественного института, оба поразительно похожи на отца — плечистые, светловолосые, голубоглазые. Они звали Юлю мамой, хотя родила их совсем другая женщина. Оба они родились еще до войны, в маленьком городке на севере Украины. Там и теперь живет их родная мать. У них две матери. Обе эти женщины дружат и вместе хранят память о Федорчуке. Надо было видеть, с какой печальной нежностью относится Юля к этим парням... Она сказала мне накануне: «Я же знала, что у Саши есть двое сынишек, и, когда я добивалась в гестапо, чтобы мне дали захоронить Федорчука по-человечески, я же еще тогда думала — вот приедут на его могилу сыновья, и я скажу им, какой у них был отец настоящий человек, чтоб строго сами жили, чтоб людьми стали...»

Когда мы сидели у могилы, к нам присоединился Сергей Дымко. Он живет и работает в этом городе, сегодня у него первый день отпуска. Сергей зашел к Юле, узнал, что она поехала на кладбище, и поспешил сюда. Он сидел сейчас возле могилы, опустив голову, и за все время не проронил ни слова и, казалось, не слышал, как Юля рассказывала сыновьям Федорчука об их отце... О чем он думал в это время, что вспоминал? Может, вспоминал, как валил черный дым из печей Бухенвальда и Дахау, где он провел последний год войны? Или как он вернулся в этот обожженный город к своей Зине и они вместе, словно заново, начинали жизнь?.. «Другой раз сердце как защемит, как защемит — зачем, думаю, я жив остался? Мне ж на парней Федорчука глаза трудно поднять...» — сказал он мне, когда мы в местном краеведческом музее стояли перед стендом, посвященным памяти Шрагина и его боевых товарищей. Там была и его фотография. Возле нас остановилась группа школьников. Они рассматривали экспонаты, документы, фотографии и шепотом переговаривались. Паренек, показывая на фотографии, сказал: «Все погибли... все до одного...» Ребятишки пошли дальше. И вот после этого Дымко сказал, как у него сердце щемит. И потом добавил: «Из нас, выживших, только Харченко повезло, он из боя не вышел ни на минуту...»

По дороге сюда я заезжал в Киев и побывал у Харченко. О том, что он пережил, можно написать отдельную книгу. Трижды обойдя смерть, теряя последние силы, он пробился, наконец, через фронт к своим. Но дивизия, в которой он оказался, находилась в глухом окружении. Харченко там даже поесть не успел — вместе с дивизией пошел в бой, который окончился трагически — дивизия была разгромлена.

Харченко попал в плен. Судьба мотала его по лагерям смерти. Трижды он бежал, но его ловили. Дважды он умирал от голода, но его спасли добрые люди. И все-таки однажды он прорвался в Киев. Там он у надежных людей отдохнул и ушел к партизанам. Оттуда снова отправил в Москву свое донесение. Обещали прислать за ним самолет, да так и не прислали. И он воевал вместе с партизанами до самого освобождения Киева.

— С нашими войсками пришел в Киев и сразу явился в госбезопасность, — рассказывал он мне. — Доложил все как положено, а в ответ услышал, что Шрагина и других моих товарищей уже нет в живых... — Тут он надолго прервал рассказ. Сколько времени прошло с тех пор, а вот как вспомнит про эти минуты, теряет власть над собой этот сильный, плечистый, седой человек...

Вскоре после освобождения Киева Харченко был сброшен с самолета на словацкую землю, и там он, превратившись в майора Черных, возглавил партизанский отряд и воевал до победы. Теперь он почетный гражданин одного из городов Словакии.

— Я и там чувствовал себя бойцом группы Шрагина и во всем стремился быть похожим на него, — рассказывал он. — Вроде как я попал туда по его командировке и должен буду перед ним отчитаться. Не вроде, а так и есть. Я и сейчас перед ним отчитываюсь. Недавно ездил в наш город и словно повидался там с Игорем Николаевичем...

Где-то с геологическими экспедициями бродит по стране еще один уцелевший шрагинец — Ковалев. Он стал разведчиком земных недр. Его разыскивали товарищи из города, где он воевал в группе Шрагина. Его разыскивал и я. Мы нашли его адрес, писали ему, он не ответил. А однажды мне позвонили по телефону.

— Звоню вам по поручению Ковалева, — услышал я незнакомый голос. — Он просил передать вам, чтобы вы писали о Шрагине, о Федорчуке, еще о ком-то, кто достоин, а он в герои не вышел... — и человек положил трубку. Наверное, так его научил сделать Ковалев. Я знаю о нем только то,

что он, как и Дымко, попал в Бухенвальд. И я хочу его понять. Как понимаю я Демьянова, который в первый же день освобождения города, и уже зная о гибели товарищей, надел шинель, взял винтовку, рядовым солдатом пошел с армией на запад и погиб в бою где-то на берегу Тисы. Он иначе поступить не мог.

Агент СД Любченко повешена по приговору военного трибунала.

По-своему закономерна судьба Лили и ее матери Эммы Густавовны. Лиля уехала в Германию. Но затем Лангман то ли вернулся к своей прежней семье, то ли его настигла где-нибудь смерть — от нее на войне никто не застрахован. Так или иначе, Лиля его больше не видела. Конец войны застал ее в санатории на юге Германии, куда ее устроил Лангман. Она оказалась одна, абсолютно одна среди чужих людей, а где-то была торжествующая победу ее настоящая Родина. И тогда, подождав сколько смогла Лангмана, поехала в Берлин и явилась там в советскую комендатуру. Она заявила, что является женой советского разведчика, который был арестован гестапо, а она была угнана в Германию. Ей поверили и спросили, куда она хочет ехать. Почему-то она захотела ехать в Омск. И там, в Омске, Лиля оказалась не менее одинокой, чем в Германии. Она пыталась работать, но долго на одном месте не удерживалась. Один из ее сослуживцев писал мне, что она «почему-то избегала дружбы и даже хорошего знакомства». Мы знаем, почему она боялась дружбы. Она боялась вопросов, на которые нельзя не ответить. Первое время она вообще избегала говорить о том, что делала в военные годы. Позже она стала намекать, что вела тайную работу в тылу у немцев, что ее муж был разведчиком, а она его помощницей. Но так как она ровно ничего о работе Шрагина не знала, она придумывала неуклюжие героические истории, в которых неизменно себе отводила довольно значительные роли. Дальше — больше, и вот она уже рассказывает, как убила немецкого генерала и еще начальника гестапо. Или как она пробралась в тюрьму к мужу и уже почти спасла его, но их настигла погоня и в перестрелке муж был убит, а ее схватили и после пыток отправили в Дахау... Вскоре работавшие с ней люди стали замечать, что она ведет себя все более странно. Однажды она заявила, что за ней следят два гестаповца, которые специально прибыли в Омск, чтобы ее выкрасть или убить. В доме для душевнобольных она пробыла несколько лет и там умерла. Врач, лечивший ее, написал мне, что ее

помешательство было необратимым, так как оно было вызвано длительным и глубоким потрясением. Я с жалостью думаю о Лиле, но никто, кроме нее самой, в ее трагической судьбе не виноват. Ее мать не дожила и до конца войны. Когда немцы начали покидать город, старуха несколько дней обивала пороги штабов и учреждений, требуя, чтобы ее увезли в Германию. Она ссылалась при этом и на своего родственника фон Аммельштейна, и на генерала Штромма, и на других своих высокопоставленных знакомых, но над ней только смеялись. Старуха слегла и больше уже не встала.

Да, жизнь прожить — не поле перейти. А когда на жизнь обрушивается война, в которой решается судьба твоей Отчизны, в действие вступают беспощадные законы борьбы не на жизнь, а на смерть. Нет, я не мог написать неправду и с ее тщедушной и неверной помощью спасти моих любимых героев от гибели. Все как было, так и было, иначе писать нельзя.

...Я захожу в подъезд давно обжитого московского дома. У этого подъезда ждала Шрагина автомашина, на которой он умчался на юг, навстречу своему подвигу. По этой лестнице он в то утро спускался. Впрочем, было еще не утро — был второй час ночи. А вот и дверь, которую он тогда запер, веря, конечно, что он сюда вернется. На двери табличка с его именем. Табличка из меди. Он сам привинтил ее еще до войны, когда получил эту квартиру. Это его дом, и здесь он собирался жить долго. Хотя он знал, что разведчики подолгу дома не живут. Он просто хотел всегда и везде знать, что в Москве есть дом вот с этой ЕГО дверью...

Нажимаю кнопку звонка. Дверь открывается, и передо мной стоит... он! Рослый, плечистый, с красивым и строгим лицом.

— Вам кого? — спрашивает он, немного удивленный и смущенный тем, что я его так жадно рассматриваю.

— Ольга Николаевна дома?

— Заходите.

И вот мы с Ольгой Николаевной Шрагиной сидим за столом и рассматриваем семейный фотоальбом. На каждой странице — он. И я слышу тихий голос сидящей рядом со мной беловолосой женщины.

— Это мы с ним на лыжной вылазке...

Молодые, красивые, стоят они в веселой толпе лыжников.

— А это мы с ним в день свадьбы, еще в Ленинграде...

Так снимают молодоженов все фотоумельцы — плотно, рядышком, и головы чуть наклонены друг к другу. Оба еле сдерживают смех.

— А это мы с ним уже здесь, в Москве... Мы и наши друзья в день его рождения. Видите, он изображает пьяного. Все смеются, потому что знают — он больше рюмки никогда не пил... А это мы, когда я привезла Мишку из родильного дома. Видите, какой он счастливый...

В комнату, где мы сидим, заходит Миша Шрагин, и я снова жадно смотрю на него и волнуюсь все больше.

— Мама, я в институт, — говорит он баском и, поцеловав мать в лоб, быстро уходит. И уже от дверей обернулся и, блеснув такой знакомой мне, белозубой, шрагинской улыбкой, сказал: — Не забудь, что и тебе надо на завод...

Хлопнула дверь.

Вот так же уходил в институт и его отец. Только целовал он не мать — ее он лишился еще в детстве, — а старшую сестру, которая была ему вместо матери.

А Миша Шрагин в это время выходит из того подъезда, в который не вернулся его отец, и торопится навстречу жизни, которую ему дал, которую защитил от врагов его отец — Игорь Николаевич Шрагин. Чекист. Разведчик. Герой Советского Союза.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Ардаматский Василий Иванович

«ГРАНТ» ВЫЗЫВАЕТ МОСКВУ. Повесть. М., «Молодая гвардия», 1965.
368 с.

Р2

Редактор *А. Строев*

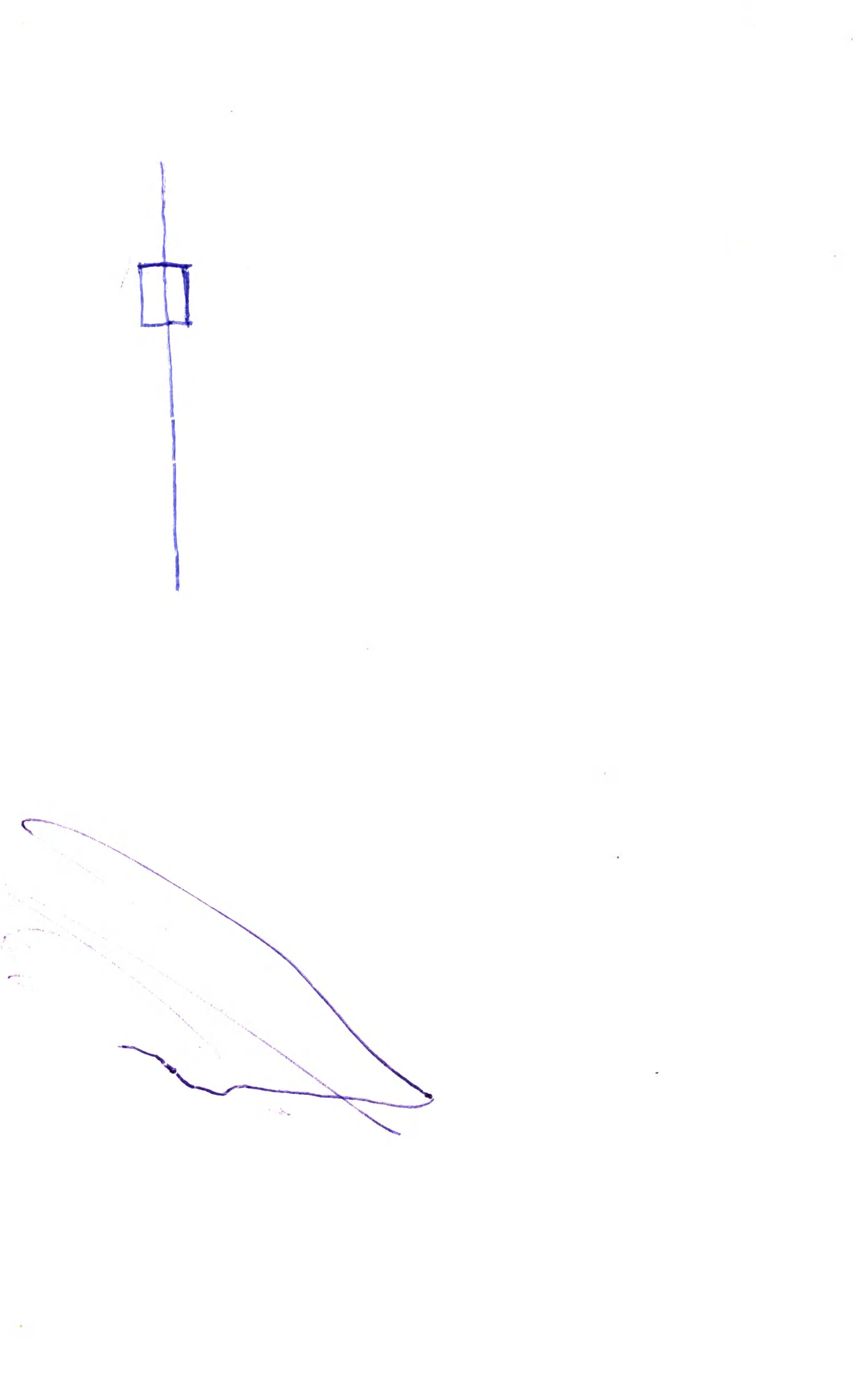
Художники *Е. Галинский* и *Н. Лобанев*

Художественный редактор *Г. Позин*

Технический редактор *И. Соленов*

А10760. Подп. к печ. 19/XI 1965 г. Бум. $60 \times 90^1/_{16}$. Печ. л. 23(23). Уч.-изд. л. 21,2. Тираж 215 000. экз. Заказ 644. Цена 79 коп. СПХЛ, 1965 г., № 60.

Отпечатано с матриц типографии «Красное знамя» издательства «Молодая гвардия» на Киевской книжной фабрике Государственного комитета Совета Министров УССР по печати. Киев, Воровского, 24.

22.02.66 г.

I программа

17.15 „Неизвестная планета" мультф.

18.05. Парень из нашего города

Концерт

79 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Василий
Ардаматский
«Грант» вызывает
Москву